D02
10703.

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

Императ. С.-Петерб. Универ. Каб. Угол. Прав.
11829
1528

54988

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1891

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

Проверено 1948 г.

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Томъ VIII

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

(Май—Іюнь)

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер. № 5.

1891

С.-Петербургский государственный университет * БИБЛИОТЕКА * Юридический факультет

Просмотрено 1946 г.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ОТЪ КОНСТИТУЦІИ 1815 ГОДА ДО РЕФОРМЫ 1864 ГОДА *).

IV.

Пока правительство довольствовалось частными мѣропріятіями, не предпринимая никакихъ серьезныхъ реформъ, пока земледѣльческое общество обсуждало аграрный вопросъ, революціонное движеніе росло. 27 февраля 1861 г. случилось то, что обыкновенно вводитъ въ острый фазисъ скопившіяся въ обществѣ революціонныя движенія—пролита была кровь: въ случайной стычкѣ войска съ уличнымъ населеніемъ пало 5 жертвъ. Непосредственно за этимъ событіемъ наступили «мартовскіе дни свободы»: страна была охвачена вся и находилась въ состояніи полнаго возбужденія. Страна была вдругъ охвачена взрывомъ единодушнаго патріотизма: дворяне и простые граждане, богатые банкиры и простые ремесленники, ксензы и евреи братались между собою, молодежь, студенты академіи, гимназисты и воспитанники школъ на улицахъ Варшавы представляли постоянную демонстрацію; весь народъ, за исключеніемъ крестьянъ, облекся въ трауръ, появились національные костюмы съ поясами, украшенными металлическими бляхами, съ приличными изображеніями, дамы повѣсили на грудь большіе черные кресты на цѣпяхъ, напоминающихъ цѣпи отчизны, пѣніе въ костелахъ и панихиды по убитымъ 27 февраля раздавались вездѣ въ Варшавѣ и провинціи, кошачьи концерты наказывали всѣхъ преданныхъ правительству людей; въ провинціи исчезла всякая тѣнь власти; составились наемные оркестры, которые ходили отъ дома къ

*) См. «Юрид. Вѣстн.» 1890 г., №№ 10 и 11.

дому и тревожили чиновниковъ, не угодныхъ населенію, которые тотчасъ же сходили со сцены, боясь бо̀льшихъ непріятностей.

«Настроеніе общественное за это время, говоритъ Спасовичъ, не исправлялось, не улучшалось; то было въ полномъ значеніи *смутное время*—тяжелое, тоскливое, безъ крупныхъ эпизодовъ, но со множествомъ мелкихъ вспышекъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности подземной лабораторіи. Подавленное уличное движеніе воскресло, какъ только войска сошли съ площадей; тотчасъ же послѣ того начались манифестаціи пѣніемъ церковныхъ пѣсней, костюмомъ, передразниваніемъ полиціи и военныхъ. Были въ ходу кошачьи музыки, были еще и иные забавы съ примѣсью крови—травля и избіеніе предполагаемыхъ доносчиковъ и шпіоновъ. Рѣдкій праздничный день обходился безъ такихъ жертвъ, въ которыхъ предвкушались уже всѣ ужасы 1863 г.» (232 и 233). Въ провинціи, гдѣ власти бездѣйствовали, положеніе было еще хуже, и кошачьи концерты предъ домами чиновниковъ сдѣлались сигналомъ, по которому они немедленно оставляли службу.

Намѣстникъ растерялся: онъ призналъ оффиціальное значеніе за делегаціей, явившейся къ нему по собственной иниціативѣ изъ купеческаго клуба, гдѣ собирались обыкновенно варшавскіе нотабли; пожертвовалъ всѣми своими подчиненными, на которыхъ указывала делегація, смѣнилъ варшавскаго оберъ - полицеймейстера Трепова, уволилъ Муханова; то выставлялъ войска, безъ всякихъ опредѣленныхъ приказаній, подвергая ихъ оскорбленіямъ со стороны толпы, то отзывалъ ихъ назадъ и предоставлялъ городъ самому себѣ; онъ разрѣшилъ и отослалъ адресъ, составленный въ земледѣльческомъ обществѣ, въ Петербургъ, куда отъ его имени поѣхалъ ночью съ 2 на 3 марта хлопотать статсъ - секретарь Карпицкій, не получившій никакихъ опредѣленныхъ инструкцій и уполномоченный дѣйствовать на собственный страхъ.

Въ это именно время на аренѣ дѣйствія появился маркизъ Велепольскій, подавшій чрезъ генералъ-прокурора общаго собранія намѣстнику записку о положеніи Польши 2 марта 1861 года, въ самый день отправленія Карпицкаго, т. е. прибывши изъ своего имѣнія въ Варшаву 6 марта по вызову намѣстника. Велепольскій съ нимъ окончательно соглашается относительно своей программы около 27 марта; затѣмъ 27 марта Велепольскій вступилъ въ должность главнаго директора коммиссіи народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался фактически главою управленія въ краѣ и иниціаторомъ реформъ, вслѣдъ за тѣмъ дарованныхъ Царству Поль-

скому. О Велепольскомъ въ русской литературѣ существуетъ капитальное сочиненіе В. Д. Спасовича (Жизнь и политика маркиза Велепольскаго, Спб. 1882 г.). Г. Спасовичъ весьма удачно рисуетъ предъ своими читателями «коренастое, мощное, крупное лицо, которое въ теченіе небольшаго, правда, времени держало въ своихъ рукахъ судьбы польскаго народа, явилось виднымъ дѣятелемъ въ государственной жизни Россіи и пріобрѣло на одну минуту громкую европейскую извѣстность». Дѣйствительно, по цѣльности и оконченности программы, по широтѣ и опредѣленности поставленныхъ задачъ, по энергіи и твердости воли въ выполненіи, Велепольскій—личность безспорно выдающаяся. Маркизъ принадлежалъ къ той партіи, которая задачею современной польской политики ставитъ болѣе или менѣе тѣсное соединеніе съ Россіею, но съ сохраненіемъ полной автономіи. Мотивы этой политики самъ Велепольскій такъ излагаетъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ кн. Меттерниху, по поводу галиційскихъ убійствъ (Lettre d'un gentilhomme polonais, Paris, 1846): «исповѣдую безсмертную ненависть славянскаго племени къ нѣмцу». Здѣсь Велепольскій говоритъ между прочимъ: «далеко ли отъ насъ тотъ, кому дано будетъ слить во едино разсѣянные члены славянскихъ народовъ, къ которымъ *теперь* пристанутъ польскія народности, какъ громадные матеріалы новыхъ сооруженій» (37). «Готовится новая будущность, надо на что нибудь рѣшиться. Вмѣсто безпорядочнаго похода на удачу, надо избрать здравый и указываемый событіями образъ дѣйствія посредствомъ смѣлой рѣшимости, которая не обойдется, конечно, безъ боли сердечной. Вмѣсто того, чтобы истощаться вымаливаніемъ себѣ положенія на западѣ, надо создать будущность въ противоположномъ концѣ и проложить себѣ дорогу сквозь нѣдра колоссальной державы. Становясь болѣе и болѣе неспособными совладать съ своею судьбою, какъ политическое цѣлое, какъ государство, мы можемъ обрѣсти новую, какъ люди того же племени... Въ сознаніи славянскаго единства должны погаснуть ненависти наши... Польскому дворянству выгоднѣе стать вмѣстѣ съ русскими во главѣ новой, сильной и имѣющей великую будущность славянской цивилизаціи, нежели быть гонимымъ, презираемымъ, ненавидимымъ, и тащиться позади за вашею (западно-европейскою) цивилизаціею, которая дряхла, придирчива и самоувѣренна» (lett., 40, 41, 42, 43; Спасовичъ, 43—44). Слова эти сближаютъ совершенно Велепольскаго съ нашими славянофилами, и дѣйствительно, между ними много общаго. Велепольскій былъ человѣкъ глубоко религіозный; отчужденіе религіи отъ общества, по его понятіямъ, одинаково вредно, проявляется ли оно въ

видѣ теоріи, требующей религіи даже безъ людей, т. е. истребляющей для нея племя человѣческое (инквизиція), или въ видѣ теоріи, отрѣшающей общество отъ религіи. Поэтому Велепольскій озабоченъ сохраненіемъ религіозной подкладки въ учрежденіяхъ и нравахъ. Точно также Велепольскій, докончившій свое образованіе въ Геттингенѣ, воспитался преимущественно на господствовавшей тогда нѣмецкой литературѣ: онъ зналъ наизустъ Шиллера и Гёте, изучалъ философію и былъ гегельянецъ,—въ смыслѣ правой стороны. У Велепольскаго, также какъ у славянофиловъ, проглядывало стремленіе содѣйствовать возрожденію религіи посредствомъ философіи. По понятіямъ Велепольскаго, христіанство, лежащее въ основѣ современнаго общества, въ своемъ постепенномъ органическомъ развитіи выводитъ наружу все новыя созданія умозрительныя и общежительныя; къ числу такихъ нарожденій христіанства отнесена и настоящая (трансцендентальная) философія (Спас. 32). Вмѣстѣ съ славянофилами признавая преемственное значеніе западной науки о знаніи, какъ необходимаго основанія для всякой цивилизаціи, и слѣд., и для славянской, Велепольскій вооружался противъ поклоненія западной цивилизаціи въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, считая существующія формы и построенія лишь преходящимъ историческимъ продуктомъ, не имѣющимъ за собою обязательной силы. Но народность и условія жизни развели совершенно въ стороны поляка славянофила съ москвичами. Послѣдніе никогда не обнаруживали никакого аристократическаго оттѣнка, они стремились къ объединенію съ народною массою на равныхъ правахъ, признавая за ней историческую заслугу сохраненія бытовой народности и, какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и въ дѣятельности, всегда стояли за освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею. Велепольскій, аристократъ и представитель шляхетской Польши, тоже идеализировалъ прежнія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, но по своему. Отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ въ древнемъ польскомъ строѣ, говоритъ Велепольскій, имѣли характеръ патріархальный: то была общность существованія интересовъ, трудовъ и занятій, во многомъ напоминавшая жизнь семейную. Не было законовъ, кодекса для установленія этихъ отношеній на столько же, на сколько не существуетъ постановленій для опредѣленія внутреннихъ отношеній между родителями и дѣтьми. Исходя изъ этой точки зрѣнія соціальнаго неравенства между сословіями, Велепольскій никогда не могъ отказаться отъ дворянской опеки надъ крестьянствомъ, приводившей, какъ мы видѣли, къ самымъ печальнымъ для послѣднихъ результатамъ, и не хотѣлъ допустить надѣла крестьянъ землею на

счетъ помѣщиковъ, какъ кореннаго нарушенія священнаго права частной собственности. Для Велепольскаго, по замѣчанію Спасовича, римскія понятія о собственности, перешедшія въ кодексъ Наполеона, были священны, какъ Евангеліе. «Искалеченіе права собственности, писалъ онъ, въ одной какой нибудь жилкѣ общественнаго организма, уязвляетъ эту собственность и раздражаетъ ее во всѣхъ топахъ, такъ что, будучи болѣзненно задѣта, она судорожно сжимается и обволакивается въ предосторожности, тяжелыя и для ней самой неудобныя (Спас. 174). Понятно, что отъ такого понятія о неприкосновенности собственности никакой логикой нельзя дойти до соціальнаго принципа о надѣлѣ крестьянъ землею. Въ политическомъ смыслѣ Велепольскій былъ полный патріотъ, искренній и страстный, но трезвый и стоявшій на практической почвѣ. Велепольскій, вопреки убѣжденію большинства своихъ соотечественниковъ, убѣдился, что прежняя Польша исчезла до тла, новую надо исподоволь и по кусочкамъ строить, а всего легче это сдѣлать подъ сѣнью русскаго орла и на почвѣ общеславянскаго единенія (Спас. 43), и за это ржондъ (въ прокламаціи отъ 5 марта 1863 г.) называлъ его выродкомъ, вознамѣрившимся подъ ноги тирана бросить униженную и угнетенную Польшу. Между тѣмъ Велепольскій, какъ полякъ патріотъ, желалъ соединенія съ сохраненіемъ для Польши возможно широкой автономіи и не скрывалъ этого. При первомъ своемъ свиданіи съ Горчаковымъ онъ потребовалъ возстановленія конституціи 1815 года и, только получивши полный и рѣшительный отказъ, согласился на возстановленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ мѣстной автономіи Царства Польскаго, что и составляло сущность его программы. Надобно сказать, что по отношенію къ Россіи время выбрано было самое удобное и подходящее.

Въ Россіи тогда все ликовало! Когда сойдутъ въ могилу послѣдніе дѣятели той эпохи и не останется живаго свидѣтеля, съ трудомъ поймутъ люди другаго поколѣнія, что еще такъ недавно было время, когда дышалось свободно и полною грудью, когда вездѣ въ обществѣ царствовалъ необычайный подъемъ общественнаго духа, когда всякій захватывался волной движенія, работалъ и надѣялся! В. Д. Спасовичъ говоритъ объ этомъ времени такъ: «либерализмъ достигъ наивысшаго діапазона. Царила безграничная увѣренность во всемогуществѣ и плодотворности свободы. При такихъ условіяхъ уступка дѣлалась легко и безъ всякихъ колебаній (140). Русское общество не относилось къ польскому движенію враждебно, но скорѣе сочувственно, не находя пока ничего оскорбительнаго для русскаго патріотизма въ

простыхъ, хотя и нелегальныхъ демонстраціяхъ противъ системы управленія. Безъ этого доброжелательства въ русскомъ обществѣ, въ теченіе всего времени, пока польскій вопросъ не обострился и не перешелъ въ конфликтъ между двумя національностями съ роковымъ быть или не быть, нельзя и объяснить ни русской политики вплоть до начала 1863 г., ни той поддержки, которую нашли въ Петербургѣ планы Велепольскаго (101)». Уступки со стороны правительства начались непосредственно послѣ пріѣзда Карпицкаго.

Въ Петербургъ Карпицкій прибылъ 7 марта 1861 г. и на другой же день сдѣлалъ докладъ государю, предсѣдательствовавшему въ особомъ совѣщаніи, гдѣ приняли участіе министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ, военный министръ Сухозанетъ и шефъ жандармовъ кн. Долгорукій. Карпицкій легально могъ остановиться только на органическомъ статутѣ 1832 г., который никогда и приводимъ не былъ въ исполненіе, но за то никогда и не былъ объявленъ отмѣненнымъ, присоединивши къ нему заявленіе объ образованіи, преимущественно высшемъ, потребность котораго въ особенности сознавалась польскимъ обществомъ. Въ этомъ совѣщаніи вопросъ уже рѣшенъ былъ въ пользу учрежденія органовъ мѣстнаго самоуправленія въ видѣ совѣтовъ изъ выборныхъ безъ различія сословій, а также возстановленіе прежняго государственнаго совѣта въ Польшѣ. Начальнику кодефикаціонной коммиссіи Ром. Губе поручено было составить особую записку о народномъ образованіи. 23 марта отправленный изъ Варшавы Горчаковымъ чиновникъ Кретковскій привезъ программу Велепольскаго, а 13 (25) марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ государя, засѣданіе въ совѣтѣ изъ всѣхъ министровъ, гдѣ проекты Карпицкаго и Велепольскаго слиты были въ одно, и программа послѣдняго о преобразованіи управленія въ царствѣ довольно значительно урѣзана. На этомъ совѣщаніи рѣшены и оглашены въ Варшавѣ по телеграфу пять пунктовъ, установленныхъ Высочайшимъ указомъ 14 (26) марта (не вошедшимъ въ дневн. зак.), а именно:

1) Учрежденіе государственнаго совѣта.

2) Учрежденіе коммиссіи народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, гдѣ мѣсто главнаго директора занялъ Велепольскій.

3) Общее преобразованіе училищъ, разрѣшенное въ принципѣ.

4) Учрежденіе высшихъ училищъ, въ томъ числѣ училища правовѣдѣнія.

5) Учрежденіе губернскихъ и окружныхъ совѣтовъ [1]).

[1]) Въ Днев. Закон. напечатаны: т. 57, 332 указъ 14 (26) марта объ учрежденіи государственнаго совѣта, прав. коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго

Государственный совѣтъ устроенъ былъ по образцу предположеннаго въ 1832 г. и состоялъ изъ членовъ совѣта управленія, 12 государственныхъ совѣтниковъ, постоянно засѣдавшихъ по назначенію, и изъ лицъ, призываемыхъ къ постоянному или временному засѣданію изъ среды высшаго духовенства, предсѣдателей и членовъ губернскихъ совѣтъ и управленій земскаго кредитнаго общества и изъ другихъ членовъ, по Высочайшему усмотрѣнію. Канцеляріей управлялъ статсъ-секретарь и при каждомъ отдѣленіи полагались референдарій и вицереферендарій. Отдѣленій въ государственномъ совѣтѣ полагалось 4: 1) законовъ, 2) спорныхъ дѣлъ, 3) финансово-административное и 4) прошеній и жалобъ. Государственный совѣтъ ежегодно въ общемъ собраніи разсматривалъ проекты законовъ, учрежденій и уставовъ, законы о совершеніи новыхъ займовъ и объ измѣненіи и установленіи новыхъ податей, объ устройствѣ народнаго просвѣщенія; точно также въ кругъ его вѣдомства входили: разсмотрѣніе годовой росписи доходовъ и расходовъ, отчеты главно-начальствующихъ лицъ по всѣмъ отраслямъ управленія и высшей счетной палаты, представленія губернскихъ совѣтовъ и варшавскаго городскаго совѣта о нуждахъ и пользахъ края;, приносимыя государственному совѣту просьбы и жалобы на злоупотребленія служащихъ лицъ и на нарушенія ими законовъ; въ случаѣ уваженія таковыхъ жалобъ, государственный совѣтъ отсылалъ ихъ съ своимъ заключеніемъ въ совѣтъ управленія. Такое обжалованіе дѣйствій чиновниковъ предъ государственнымъ совѣтомъ добавлено было по программѣ Велепольскаго. Кромѣ того судное отдѣленіе государственнаго совѣта, составленное изъ соединенныхъ отдѣленій законовъ, спорныхъ дѣлъ и финансово-административнаго, усиленное еще тремя государственными совѣтниками, изъ числа неприсутствующихъ въ отдѣленіяхъ, постановляло заключеніе объ отдачѣ подъ судъ за преступленія по должности всѣхъ высшихъ чиновъ управленія и вообще лицъ, Высочайше назначаемыхъ. Государственный совѣтъ вообще имѣлъ во всѣхъ случаяхъ значеніе учрежденія только совѣщательнаго.

просвѣщенія, губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ; т. 58, 234, указъ 24 мая (5 іюня) учрежденіе государственнаго совѣта, 276, учрежденіе губернскихъ совѣтовъ; 294, учрежденіе уѣздныхъ совѣтовъ; 328, учрежденіе городскихъ совѣтовъ; 364, о выборахъ въ городскіе и уѣздные совѣты; 392, о закрытіи варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената; 398, уничтоженіе герольдіи и губернскихъ предводителей дворянства и дворянскихъ депутацій; 206, постановленіе совѣта управленія съ росписью городовъ, гдѣ открываются городскіе совѣты.

Губернскіе и уѣздные совѣты соотвѣтствуютъ нашимъ земскимъ учрежденіямъ: подобныя учрежденія не были извѣстны статуту 1832 г. Такъ какъ польскія учрежденія явились ранѣе русскихъ, то интересно прослѣдить ихъ взаимныя соотношенія. Отличіе польскихъ учрежденій заключалось въ слѣдующемъ:

1) Польскія учрежденія были чисто совѣщательныя и не имѣли исполнительнаго значенія, а потому при нихъ не было и исполнительныхъ органовъ, въ смыслѣ земскихъ управъ. Постановленія уѣздныхъ совѣтовъ приводятся въ исполненіе уѣзднымъ начальникомъ по его усмотрѣнію или представляются, въ случаѣ несогласія или необходимости въ разрѣшеніи,—дальнѣйшимъ правительственнымъ инстанціямъ. Постановленія, отвергнутыя губернскимъ правленіемъ, передаются губернскому совѣту. Постановленія губернскаго совѣта исполняются правительственными коммиссіями, по принадлежности, а въ случаѣ несогласія ихъ на эти постановленія, они переходятъ въ государственный совѣтъ Царства Польскаго.

2) При губернскомъ совѣтѣ состоялъ, въ качествѣ правительственнаго коммиссара, губернаторъ, а при уѣздномъ—уѣздный начальникъ; коммиссаръ давалъ объясненія по вопросамъ, обсуждаемымъ совѣтами и могъ закрыть засѣданія совѣтовъ, если они выходятъ изъ круга предоставленной имъ власти. Окончательное рѣшеніе о незаконности дѣйствій губернскаго и уѣзднаго совѣтовъ предоставлено было совѣту управленія, который могъ совершенно распустить совѣты и назначить новые выборы въ теченіе года.

3) Губернскіе совѣты собирались разъ въ годъ, по постановленію совѣта управленія, а уѣздный—четыре раза въ годъ, по созыву правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ; предсѣдателями совѣтовъ назначался—одинъ изъ членовъ—намѣстникомъ.

4) Губернскіе и уѣздные совѣты не имѣли права вступать между собою въ какія либо сношенія непосредственно; вопросы, касающіеся нѣсколькихъ уѣздовъ одной губерніи, разсматривались губернскимъ совѣтомъ.

5) Члены совѣтовъ избирались на шесть лѣтъ; половина ихъ мѣнялась каждые три года.

6) Члены губернскаго совѣта, не явившіеся въ засѣданіе безъ законной причины, считаются выбывшими и мѣсто ихъ заступаютъ кандидаты.

7) Засѣданія совѣтовъ происходили при закрытыхъ дверяхъ.

Избирателями въ члены уѣздныхъ совѣтовъ признавались: всѣ грамотные, достигшіе 25 лѣтняго возраста: 1) Владѣльцы недвижимою собственностью въ уѣздѣ, — какъ личные, такъ и юридическія

лица, на основаніи права собственности и всякаго рода владѣнія, если съ имущества уплачивалось въ годъ не менѣе шести рублей постоянной подати. Арендаторы участвовали, если съ арендуемаго имѣнія платилась подать въ тройномъ размѣрѣ. 2) По доходу участвовали лица, записанныя въ книги постояннаго населенія не менѣе какъ за годъ до составленія списковъ, имѣющія годоваго дохода не менѣе 180 р. или получающіе за квартиру не менѣе 60 руб. Для выбора въ уѣздные совѣты, судебные округа подраздѣлялись на округа выборные, по назначенію правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, при чемъ проектъ этого раздѣленія представлялся самими уѣздными совѣтами, тотчасъ послѣ ихъ образованія. Въ уѣздѣ выборные округи раздѣлялись на двѣ смѣны и выборы производились по очередно чрезъ три года въ каждой смѣнѣ. Выборныя собранія, имѣющія въ составѣ своемъ болѣе 600 членовъ, раздѣляются на особыя отдѣленія, такъ чтобы каждое изъ нихъ состояло, по крайней мѣрѣ, изъ 200 избирателей. Списокъ избирателей составлялся уѣзднымъ начальникомъ, а предсѣдательствовалъ въ избирательномъ собраніи мировой судья. Собраніе выборныхъ избираетъ установленное число членовъ въ уѣздные совѣты и кандидатовъ къ нимъ; избраніе происходитъ по запискамъ. Въ члены уѣздныхъ совѣтовъ могутъ быть избраны: 1) владѣльцы недвижимою собственностью, уплачивающіе не менѣе 15 руб. постоянныхъ податей, или арендаторы, уплачивающіе втрое болѣе; 2) начальники и профессора высшихъ учебныхъ заведеній; 3) лица, сдѣлавшіяся извѣстными своими дарованіями и свѣдѣніями, или же принесенной ими народной промышленности и торговлѣ или художествамъ пользою, 4) купцы записанные въ гильдіи; 5) фабриканты и ремесленники, имѣвшіе у себя въ теченіе послѣдняго передъ выборомъ года, по крайней мѣрѣ, 10 подмастерьевъ; избираемые должны быть не моложе 30 лѣтъ. Уѣздные совѣты изъ числа своихъ членовъ и кандидатовъ избираютъ членовъ и кандидатовъ въ губернскіе совѣты.

Уѣздные совѣты въ уѣздахъ, имѣющихъ до 120,000 жителей, состоятъ изъ 15, а въ уѣздахъ болѣе многочисленныхъ—изъ 18 членовъ. Губернскіе совѣты, въ губерніяхъ Варшавской, Люблинской и Радомской имѣютъ столько членовъ, сколько уѣздовъ въ этихъ губерніяхъ; а въ губерніяхъ Плоцкой и Августовской—число членовъ соотвѣтствуетъ числу судебныхъ округовъ. Городскіе совѣты могутъ на отмѣну ихъ постановленій приносить жалобы высшимъ правительственнымъ инстанціямъ. Совѣтъ управленія можетъ распустить городской совѣтъ и назначить новые выборы

Уѣздные совѣты имѣли слѣдующій кругъ дѣйствія:

1) Они завѣдывали имуществомъ уѣзда и гминъ, въ немъ состоящихъ, до ихъ окончательнаго утвержденія, во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ судебномъ.

2) Они завѣдывали устройствомъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего къ нимъ переходили отъ уѣзднаго управленія дорожная повинность въ натурѣ и наличныя деньги на содержаніе дорогъ; равнымъ образомъ давали мнѣнія объ установленіи или измѣненіи тарифовъ на взиманіе мостоваго, перевознаго и мостильнаго сборовъ.

3) Они наблюдали надъ заведеніями, предназначенными для пользы уѣзда или части его, при чемъ дѣлали представленія объ ихъ учрежденіи или поддержаніи ихъ пособіемъ; они руководили всѣми работами, производимыми на собственныя средства уѣзда, гминъ, общественныхъ учрежденій или сословій.

4) Предлагая какіе нибудь расходы по порученнымъ завѣдыванію ихъ предметамъ, они составляли предположеніе о покрытіи изъ установленнаго сбора въ видѣ добавочныхъ копѣекъ, займомъ или другими источниками; контролировали приходъ и расходъ уѣздныхъ суммъ; они составляли раскладки ставкамъ и чрезвычайнымъ повинностямъ и раскладки государственнымъ податямъ, подлежащимъ распредѣленію между жителями уѣзда; съ согласія самихъ совѣтовъ, они могли получать въ своевременное или постоянное завѣдываніе уѣздные расходы, бывшіе до того времени въ распоряженіи правительства.

5) Они представляли замѣчанія и предположенія: a) относительно нуждъ и улучшенія городовъ, гдѣ не были открыты городскіе совѣты, и составляли городскую смѣту доходовъ и расходовъ;
b) относительно мѣръ охраненія общественнаго здравія; c) о благосостояніи и расширеніи первоначальныхъ училищъ; d) относительно искорененія праздношатательства и нищенства; e) относительно содержанія въ хорошемъ видѣ церквей, кладбищъ и тюремъ; f) относительно средствъ поданія помощи потерпѣвшимъ отъ бѣдствія, и въ этомъ случаѣ сами обязаны были принимать дѣятельное участіе; g) относительно отмѣны, перемѣны или учрежденія ярмарокъ и торговъ по городамъ и посадамъ уѣзда; h) даютъ мнѣнія и представляютъ проекты относительно предупрежденія наводненія, осушенія болотъ и укрѣпленія сыпучихъ песковъ; относительно обращенія городовъ въ селенія и перечисленія деревень и селеній изъ одного судебнаго округа въ другой, имѣній изъ одного уѣзда въ другой, а также о перемѣнахъ въ поземельномъ образованіи гминъ.

6) Совѣтъ избиралъ изъ своей среды, кромѣ членовъ губернскихъ

совѣтовъ, членовъ делегацій для очиншеванія крестьянъ и изъ среды выборщиковъ вообще—членовъ комитетовъ, для предотвращенія чумы рогатаго скота; членовъ въ комитеты по устройству проселочныхъ дорогъ, и по три кандидата въ должность мировыхъ судей, предсѣдательствующихъ и членовъ попечительныхъ совѣтовъ благотворительныхъ заведеній и членовъ делегацій для военной переписи.

Предметомъ совѣщаній губернскихъ совѣтовъ указаны нужды и пользы губерніи, какъ-то: развитіе земледѣлія, народной промышленности и торговли, пути сообщенія, призрѣніе бѣдныхъ, больницы, благотворительныя и тюремныя заведенія, работы, имѣющія цѣлью общественную пользу губерніи. Кромѣ того, совѣты вели дворянскія и родословныя книги.

Такимъ образомъ Царство Польское получило земскія учрежденія прежде Россіи, но въ несравненно большей зависимости отъ правительства, хотя избирательный цензъ въ Польшѣ былъ значительно ниже и безсословный кругъ избирателей и избираемыхъ—шире.

Городское управленіе вообще было поставлено нѣсколько самостоятельнѣе; оно вводилось въ Царствѣ, во всѣхъ городахъ 2 разряда (Лодзь, Калишъ, Згержъ, Петроковъ, Радомъ, Люблинъ, Плоцкъ и Сувалки) и въ городахъ 3 разряда, въ порядкѣ постепеннаго ихъ назначенія совѣтами управленія, сообразно съ населеніемъ послѣднихъ и доходами.

Городское управленіе состояло изъ городскаго совѣта и магистрата и пользовалось до нѣкоторой степени большею автономіею.

Городъ Варшава дѣлился на 12 избирательныхъ округовъ и не посылалъ своихъ представителей въ избирательный уѣздный съѣздъ; затѣмъ, каждый городъ составлялъ самъ по себѣ выборное собраніе. Предсѣдательство въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ возложено было на президента магистрата, но при собраніи находился также назначенный отъ правительства коммиссаръ. Избиратели и избираемые установлены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ уѣздныхъ избирательныхъ съѣздахъ, съ тѣмъ различіемъ, что размѣръ податей, дающихъ право быть избирателемъ, пониженъ до 4 рублей, а для избранія въ члены городскихъ совѣтовъ, за исключеніемъ Варшавы, до 10 рублей и допущены въ члены городскихъ совѣтовъ фабриканты и ремесленники, имѣющіе у себя не менѣе 3 подмастерьевъ.

Городской совѣтъ составлялся въ Варшавѣ изъ 24 выборныхъ, по 2 отъ каждаго округа, въ городахъ 2 разряда—изъ 12, въ городахъ 3 разряда—изъ 8 членовъ, избираемыхъ на 6 лѣтъ; въ Варшавѣ каждый годъ смѣняется $^1/_6$ часть, а въ прочихъ городахъ каждые 3 года—

половина. Дни засѣданія совѣта опредѣляются по соглашенію президента съ членами; экстренныя собранія созываются предсѣдателемъ или по требованію $^1/_3$ членовъ. Президентъ устраняетъ вопросы и и подлежащіе обсужденію и можетъ въ такихъ случаяхъ остановить исполненіе постановленій совѣта, вотированныхъ большинствомъ членовъ, донося о томъ въ Варшавѣ прав. коммиссій внутреннихъ дѣлъ, а въ прочихъ городахъ—губернскому правленію.

Городской совѣтъ завѣдывалъ:

1) Хозяйствомъ города, городской собственностью, извлеченіемъ изъ нея доходовъ, судебною охраною и опредѣленіемъ лицъ городскаго управленія и городскихъ учрежденій, производствомъ займовъ и подаренными или завѣщанными городу имуществами. Во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ постановленія городскаго совѣта подлежали утвержденію высшаго начальства.

2) Разсматривалъ составленный магистратомъ и представлялъ на утвержденіе высшаго начальства проектъ годовой росписи городскихъ доходовъ и расходовъ. Расходы раздѣлялись на обязательные и предложенные городскимъ совѣтомъ. Въ первую же сессію составлялась и представлялась на утвержденіе совѣта управленія смѣта обязательныхъ повинностей, какъ то: всѣ расходы, необходимые на содержаніе городской собственности, порядка и чистоты въ городѣ, общественныхъ городскихъ заведеній, администраціи, службы и городской полиціи, а равно на уплату городскихъ долговъ и повинностей. Измѣненія въ этой смѣтѣ допускались только на основаніи заключенія городскаго совѣта и утвержденія совѣта управленія.

3) Городской совѣтъ принимаетъ мѣры для внѣшняго устройства города: предлагаетъ измѣненія въ регуляціонномъ планѣ города и даетъ по этому предмету свои мнѣнія, наблюдаетъ за работами и утверждаетъ договоры съ подрядчиками. На постановленія совѣта на сумму свыше 3,000 р. въ Варшавѣ, 450 р. въ городахъ 2 разряда, 150 р. въ городахъ 3 разряда испрашивается разрѣшеніе правительства.

4) Завѣдуетъ городскими общественными заведеніями, водопроводами и освѣщеніемъ города.

5) Въ единственномъ публичномъ засѣданіи выслушиваетъ годичный отчетъ магистрата по управленію городомъ.

Магистратъ состоитъ въ Варшавѣ и городахъ 2 разряда изъ президента и 3 ратмановъ, а въ городахъ 3 разряда, изъ президента и 2 ратмановъ. Президентъ назначался правительствомъ и оно же утверждало ратмановъ изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ городскими совѣтами. Магистратъ есть исполнительная инстанція, соотвѣтствующая

нашей городской управѣ. Городская полиція въ Варшавѣ состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи оберъ-полиціймейстера, а въ другихъ городахъ подчинена непосредственно президенту магистрата.

Постановленіемъ совѣта управленія 30 іюня 1861 г. и 23 февраля (7 марта) 1862 года учреждены городскіе совѣты въ городахъ: Ченстоховѣ, Влоцлавскѣ, Ловичѣ и Велюнѣ (Варшав. губ.); Грубешовѣ, Седлецѣ и Красноставѣ (Люблинской губ.), Кальваріи и Ломжѣ (Августов. губ); Кельцахъ и Сандомірѣ (Радомской г.) и въ Пултускѣ (Плоцкой губ.).

Реформа административнаго управленія Царства Польскаго исполнена была при участіи Велепольскаго, но она, какъ мы видѣли, принадлежала не исключительно ему и главныя ея основанія порѣшены были еще до заявленія его программы по докладѣ высшему правительству уполномоченнаго отъ намѣстника — Карпицкаго. Теперь мы изложимъ, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ обнародованія, реформы, введенныя по почину самого Велепольскаго.

Велепольскій вступилъ въ должность главнаго директора правит. коммиссіи народнаго просвѣщенія и исповѣданій 27 марта 1861 года, а 8 апрѣля онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ должность главнаго директора прав. коммиссіи юстиціи.

Организація прав. коммиссіи народнаго просвѣщенія и исповѣданій, введенная указомъ 27 декабря 1861 г. (8 января 1862 г.) (Днев. Зак., т. 59, 410 и слѣд.) представляетъ основныя черты реформъ Велепольскаго по этимъ двумъ отраслямъ управленія.

Велепольскій не былъ фанатикомъ. Въ своей рѣчи, къ представителямъ духовенства, при ихъ представленіи къ нему, Велепольскій между прочимъ выразилъ: «я начальникъ установленія, завѣдующаго всѣми исповѣданіями, совокупно съ просвѣщеніемъ. Я не сойду съ пути истинной вѣротерпимости, одной изъ великихъ пріобрѣтеній нашего вѣка. Я—членъ правительства нашего всемилостивѣйшаго монарха. Никогда, насколько силъ моихъ хватитъ, а тѣмъ болѣе въ моемъ вѣдомствѣ, не допущу я *правительство въ правительствѣ*» (см. 149). Эти слова вызвали противъ маркиза цѣлую бурю въ духовенствѣ и сдѣлались одною изъ ближайшихъ причинъ его непопулярности. Протестъ по этому поводу, представленный духовенствомъ архіепископу Фіалковскому обвинялъ Велепольскаго въ стремленіи обратить церковь въ учрежденіе религіозно - полицейское; а самъ архіепископъ, препровождая этотъ протестъ, заявилъ, что «только монархъ въ правѣ говорить про вѣротерпимость, а не подданный, въ особенности если при томъ сей послѣдній—римскій католикъ». Тѣмъ не менѣе Велепольскій,

какъ истый полякъ, католикъ, организаціею духовнаго управленія желалъ придать католической религіи и духовенству независимое и первенствующее положеніе, какъ господствующей въ царствѣ религіи. Въ этомъ смыслѣ Велепольскій нашелъ почву подготовленною. Организаціей правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ по закону 21 октября 1821 года, проведенному такъ называемой республиканскою партіей въ сеймѣ, подъ руководствомъ Мостовскаго и Потоцкаго,—въ составъ коммиссіи призваны были варшавскій архіепископъ и два епархіальныхъ архіерея, вмѣстѣ съ двумя членами отъ всѣхъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Кромѣ того, при коммиссіи существовало отдѣленіе церковныхъ дѣлъ, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ варшавскаго архіепископа изъ двухъ епархіальныхъ архіереевъ и четырехъ лицъ духовнаго сана, назначенныхъ намѣстникомъ, по представленію епископовъ. Это отдѣленіе вмѣшивалось во всѣ дѣла церковнаго управленія, не исключая и дисциплинарныхъ и въ значительной степени ограничивало власть мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ; но духовенство съ этимъ мирилось, ибо ограниченіе исходило отъ самой высшей духовной іерархіи. Въ 1832 г. такой порядокъ завѣдыванія церковными дѣлами удержался; но вслѣдствіе отдѣленія греко-уніатскаго исповѣданія въ отдѣленіе церковныхъ дѣлъ вступилъ управляющій греко-уніатскими дѣлами, а вслѣдствіе учрежденія варшавской православной архіепископіи — представитель отъ православнаго духовенства.

Велепольскій также сохранилъ эту форму церковнаго управленія. Въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ увидимъ ниже, онъ выработалъ проектъ болѣе самостоятельный.

Коммиссія устроена была, сообразно общему плану, въ смыслѣ бюрократическаго учрежденія, съ широкимъ допущеніемъ совѣщательнаго принципа, какъ въ лицѣ подчиненныхъ чиновниковъ, такъ и посторонніхъ общественныхъ элементовъ.

Коммиссію составляли: 1) отдѣленіе духовныхъ дѣлъ, отдѣленіе народнаго просвѣщенія и отдѣленіе управленія дѣлами греко-уніатскаго исповѣданія. Сама коммиссія представляла двѣ инстанціи: административныя засѣданія и общій совѣтъ. Кромѣ того, при коммиссіи состоялъ римско-католическій духовный совѣтъ и совѣтъ народнаго просвѣщенія.

Въ административныхъ засѣданіяхъ присутствуютъ главный директоръ въ качествѣ предсѣдательствующаго, съ рѣшающимъ голосомъ, оба директора отдѣленій и съ совѣщательнымъ управляющій греко-уніатскими дѣлами (имѣющій голосъ лишь въ дѣлахъ, касающихся

этого исповѣданія), два вицедиректора и одинъ изъ штатныхъ членовъ совѣта народнаго просвѣщенія, по назначенію директора. Кругъ дѣятельности административныхъ коммиссій таковъ:

I. По дѣламъ духовнымъ: 1) представленіе кандидатовъ на высшія духовныя должности и опредѣленіе или утвержденіе относительно низшихъ должностей.

2) Изложеніе мнѣній о духовныхъ лицахъ, предназначенныхъ на должности профессоровъ богословія и законоучителей въ казенныхъ училищахъ, кандидатовъ изъ духовныхъ лицъ въ мировые суды и попечители начальныхъ училищъ, а также членовъ больничныхъ заведеній.

3) Изложеніе мнѣній объ учебныхъ программахъ преподаванія закона Божія и наукъ богословскихъ.

4) Назначеніе пожизненныхъ пенсій или пособій духовнымъ лицамъ.

5) Изслѣдованіе и разрѣшеніе всякаго рода жалобъ, приносимыхъ на духовенство.

6) Переписка и посредничество въ сношеніяхъ римско-католическаго духовенства съ римскимъ дворомъ и съ генералами монашествующихъ орденовъ.

7) Духовная цензура.

8) Наблюденіе за свободою вѣроисповѣданій.

9) Споры о десятинѣ и другихъ даняхъ, принадлежащихъ духовенству, а также наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ извѣстныхъ сборовъ въ пользу духовенства; уплата суммъ, слѣдующихъ духовенству по общему бюджету.

10) Распоряженіе относительно пожертвованій въ пользу духовенства по духовнымъ завѣщаніямъ и дарственнымъ записямъ.

11) Обмѣнъ церковныхъ земель и отдача ихъ въ арендное содержаніе.

12) Устройство и починка церквей, монастырей, кладбищъ и всѣхъ вообще строеній, принадлежащихъ духовенству.

13) Вообще наблюденіе за цѣлостью духовнаго имущества всѣхъ исповѣданій и помѣщеніе духовныхъ капиталовъ.

14) Исполненіе всѣхъ правительственныхъ постановленій относительно церквей и духовенства.

15) Составленіе ежегоднаго проекта штата духовенства, для включенія въ общій бюджетъ.

II. *По народному просвѣщенію:* 1) Управленіе всѣми казенными учебными заведеніями и надзоръ надъ частными.

2) Образованіе учителей, назначеніе и производство стипендій.

Юрьевский государственный университет * Юридический факультет * Библиотека

3) Повѣрка правъ на званіе и должности учителей и начальниковъ разныхъ учебныхъ заведеній; представленіе къ опредѣленію и наградамъ и увольненію лицъ въ должностяхъ административныхъ и ученыхъ, состоящихъ въ завѣдываніи отдѣленія народнаго просвѣщенія.

4) Распоряженіе относительно конкурсовъ, экзаменовъ и ученыхъ степеней.

5) Попеченіе о библіотекахъ, кабинетахъ и вообще собраніяхъ учебныхъ предметовъ.

6) Завѣдываніе строеніями и капиталами, принадлежащими учебному вѣдомству, принятіе пожертвованій и своевременное взысканіе принадлежности эдукаціоннаго фундуса.

7) Распоряженія о производствѣ денежныхъ выдачъ и контроль надъ упомянутыми суммами.

8) Составленіе годовой смѣты доходовъ и расходовъ на учебныя заведенія.

9) Надзоръ за цензурою.

10) Исполненіе всѣхъ правительственныхъ постановленій по дѣлу народнаго образованія.

Въ общемъ совѣтѣ коммиссіи къ членамъ административныхъ засѣданій (кромѣ члена совѣта народнаго просвѣщенія) присоединяются предсѣдательствующіе въ духовномъ совѣтѣ, шесть почетныхъ членовъ коммиссій, назначаемыхъ государемъ и два визитатора училищъ. Кромѣ того, въ числѣ непостоянныхъ членовъ коммиссіи исповѣданій состояли: три члена римско-католическаго духовнаго совѣта, православное духовное лицо, по избранію варшавскаго архіепископа, духовный ассессоръ греко-уніатскаго исповѣданія (онъ же дѣлопроизводитель отдѣленія по сему исповѣданію, назначаемый греко-уніатскимъ епископомъ, президенты консисторій аугсбургской и реформатской; предполагалось ввести впослѣдствіи и лицо еврейскаго исповѣданія. Но ближайшая роль этихъ духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій въ указѣ не опредѣлена.

Вѣдомству общаго совѣта подлежали:

I. *По духовнымъ дѣламъ:*

1) Проекты относительно обезпеченія содержанія духовенства.

2) Учрежденіе новыхъ приходовъ, гминъ и округовъ духовныхъ раздѣленій или соединеніе прежнихъ.

3) Споры между властями административными или судебными и духовенствомъ и разрѣшеніе пререканій между различными исповѣданіями.

II. *По народному образованію:*

1) Открытіе новыхъ, преобразованіе, перемѣщеніе и закрытіе существующихъ казенныхъ учебныхъ заведеній.

2) Проекты новыхъ училищныхъ инструкцій и разсмотрѣніе училищныхъ программъ, а также рекомендація учебныхъ руководствъ.

3) Назначеніе и увольненіе начальниковъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, равно профессоровъ высшихъ училищъ.

III. *Вообще:*

1) Разсмотрѣніе упущеній, влекущихъ за собою удаленіе отъ должности или преданіе суду.

2) Рѣшеніе споровъ между учрежденіями, находящимися въ завѣдываніи правит. коммиссій.

3) Проектъ новыхъ постановленій или измѣненіе существующихъ.

4) Дѣла, вносимыя въ совѣтъ или главнымъ директоромъ или комплектомъ членовъ административнаго засѣданія.

Главный директоръ имѣлъ право пріостановить исполненіе рѣшенія какъ административнаго засѣданія, такъ и общаго собранія и представить дѣло намѣстнику.

Римско-католическій духовный совѣтъ состоялъ изъ предсѣдательствующаго архіепископа или епархіальнаго епископа, по вызову правительства на 4 года и двухъ членовъ высшаго духовенства, избираемыхъ также на 4 года изъ 8 епархій римско-католическихъ. Кромѣ того въ совѣтѣ засѣдали два духовные ассессора-дѣлопроизводителя, съ совѣщательнымъ голосомъ, избираемые на 4 года архіепископами и епархіальными епископами съ своими капитулами. Совѣтъ излагалъ свои мнѣнія: a) по представленію кандидатовъ на высшія духовныя должности, по назначенію на всѣ остальныя должности собственно духовныя, ктиторовъ, законоучителей, мировыхъ судей, попечителей училищъ и членовъ благотворительныхъ учрежденій; b) по назначенію пенсій и пособій; c) изслѣдованію и рѣшенію жалобъ на духовныхъ лицъ; d) сношенію съ римскимъ дворомъ и генералами монашествующихъ орденовъ; e) духовной цензурѣ и программѣ учебниковъ по закону Божіему; f) учрежденію и обезпеченію содержанія новыхъ приходскихъ церквей; g) раздѣленію или соединенію приходовъ; h) новымъ распоряженіямъ, относящимся къ фундушамъ и средствамъ содержанія духовенства; i) всѣмъ вообще вопросамъ, вносимымъ главнымъ директоромъ или правительственною коммиссіею. Кромѣ того, совѣтъ входитъ въ правительственную коммиссію съ представленіями о всѣхъ нуждахъ и жалобахъ духовенства, и составляетъ проекты для сохраненія порядка и дисциплины въ средѣ духовенства и обсуживаетъ законодательные проекты и распоряженія мѣстныхъ учреж-

деній, гдѣ требуется совокупное участіе властей духовной и свѣтской.

Совѣтъ народнаго просвѣщенія составляли, главный директоръ, предсѣдательствующій въ правительственной коммиссіи, директоръ отдѣленія народнаго просвѣщенія, два визитатора училищъ, ректоръ главнаго училища, инспекторъ начальныхъ училищъ, директоръ библіотекъ, почетный директоръ музеевъ, сверхштатные члены, назначаемые совѣтомъ управленія, по представленію главнаго директора. Въ сверхштатные члены могли приглашаться лица духовныя, начальники высшихъ учебныхъ заведеній, профессора и вообще люди съ спеціальными свѣдѣніями въ наукахъ и педагогикѣ. Разсмотрѣнію совѣта подлежали:

1) Предположенія относительно открытія новыхъ учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, а также устройства, перемѣщенія, упраздненія или временнаго закрытія существующихъ.

2) Общія распоряженія касательно конкурсовъ, экзаменовъ и ученыхъ степеней; обсужденіе темъ для конкурсовъ на ученыя должности.

3) Правила и инструкціи относительно стипендіатовъ.

4) Программы для преподаванія наукъ и инструкціи, имѣющія цѣлью порядокъ и дисциплину въ заведеніяхъ.

5) Оцѣнка учебныхъ руководствъ и выборъ сочиненій, раздаваемыхъ въ награду ученикамъ.

6) Учрежденіе библіотекъ и всякихъ собраній при учебныхъ заведеніяхъ.

7) Признаніе квалификаціи, т. е. права на званіе начальниковъ и учителей учебныхъ заведеній.

8) Вопросы, вносимые главнымъ директоромъ и въ томъ числѣ опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе начальниковъ, профессоровъ и учителей учебныхъ заведеній.

Для производства экзаменовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствія совѣта, совѣтъ назначаетъ комитетъ изъ учителей, помѣщенныхъ въ утвержденномъ главнымъ директоромъ спискѣ, и командируетъ одного изъ своихъ членовъ, въ качествѣ предсѣдателя.

Визитаторы, какъ постоянные члены совѣта, занимаются обработкою дѣлъ по части воспитанія вступающихъ въ совѣтъ; ежегодно посѣщаютъ казенныя и частныя учебныя заведенія и представляютъ о нихъ отчетъ совѣту; и командируются, по порученію главнаго директора или коммиссіи въ училища, для разрѣшенія на мѣстѣ возникающихъ тамъ дѣлъ.

Инспекторъ начальныхъ училищъ обязанъ посѣщать всѣ начальныя

училища въ Варшавѣ и тѣ въ губерніяхъ, которыя ежегодно ему указываются для обозрѣнія, согласно утвержденному правительствующею коммиссіею распредѣленію. По другимъ училищамъ инспекторъ собираетъ свѣдѣнія отъ начальствъ и лицъ, которымъ порученъ надзоръ за этими училищами и ихъ осмотръ.

Организація народнаго просвѣщенія выработана была Велепольскимъ въ проектѣ, который былъ проведенъ имъ во время пребыванія въ Петербургѣ и обнародованъ уже въ 1862 году, когда Велепольскій сдѣланъ былъ начальникомъ гражданскаго управленія въ царствѣ (указъ 8 (20) мая 1862 г. Днев. Зак. Т. 60, 232 и слѣд.).

Организація народнаго просвѣщенія выработана была Велепольскимъ въ слѣдующемъ видѣ.

I. *Начальныя народныя училища.* Они раздѣлялись на частныя и казенныя училища, что у насъ теперь называются министерскими.

Открывать на свои средства начальныя училища дозволялось духовнымъ начальникамъ въ приходахъ, помѣщикамъ въ своихъ имѣніяхъ и управленіямъ малыхъ городовъ, для дѣтей обоего пола. Объ открытіи такихъ училищъ немедленныя донесенія поступали въ губернское правленіе. Программа этихъ училищъ ограничивалась катихизисомъ, чтеніемъ и письмомъ по польски и ариѳметикою, въ особенности умственными исчисленіями; въ женскихъ училищахъ присоединялись рукодѣлія. Учителей, имѣющихъ надлежащія свидѣтельства, дозволялось назначать приходскимъ священникамъ вмѣстѣ съ гминными войтами, землевладѣльцамъ и правленіямъ городовъ, обоимъ вмѣстѣ съ приходскими священниками. Содержаніе такихъ училищъ предоставлялось ихъ учредителямъ, при чемъ установлена была низшая норма денежнаго жалованья учителю въ 50 руб. сер. Начальныя училища Грекоуніатскія и Нѣмецкія, открываемыя на тѣхъ же основаніяхъ, пополнялись обученіемъ церковнославянскому чтенію въ первыхъ, и чтенію и письму по нѣмецки—въ послѣднихъ. Надзоръ за этими училищами, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи возложенъ былъ на уѣздные совѣты.

Казенныя или гминныя элементарныя училища раздѣлялись на одноклассныя по деревнямъ и мѣстечкамъ и двуклассныя—по меньшимъ и большимъ городамъ. Содержаніе этихъ училищъ упадало отчасти на казну, отчасти на сборъ съ жителей, но предположены были новые штаты, съ увеличеніемъ жалованья учителю до 60 р. сер.

Число одноклассныхъ элементарныхъ училищъ предполагалось увеличить, такъ чтобы на каждую гмину приходилось одно училище, а въ большихъ гминахъ—два и болѣе. На бюджетъ начальныхъ школъ,

превышающій 370,000 руб., предполагалось увеличить число ихъ съ 1,114 до 3,000. На содержаніе казенныхъ начальныхъ училищъ установлено было увеличеніе на 18% подати подымной въ соединеніи съ шарварковымъ платежемъ, кошенсы съ питейныхъ домовъ и канонъ съ промысловъ въ городахъ, подать, вносимая оффиціалистами и дворовыми служителями. Сверхъ того, изъ бюджета отпускалась на содержаніе училищъ сумма, назначенная совѣтомъ управленія, по представленію правительственной коммиссіи народнаго образованія. На постройку училищныхъ зданій въ городахъ могла быть употреблена, съ разрѣшенія совѣта управленія, часть остаточныхъ городскихъ суммъ. Сельскимъ владѣльцамъ и городскимъ гминамъ предоставлено было ходатайствовать объ открытіи у нихъ двуклассnаго училища, если они предлагали помѣщеніе и жалованье для втораго учителя.

Курсъ одноклассныхъ училищъ продолжается 4—5 лѣтъ и соотвѣтствуетъ программѣ нашихъ начальныхъ училищъ, съ обязательнымъ обученіемъ церковному пѣнію. Окончаніе курса въ такихъ училищахъ обязательно при поступленіи ученика къ мастеру и при полученіи званія подмастерья. Двуклассныя училища раздѣляются на земледѣльческія и техническія. Въ первыхъ, кромѣ расширенія учебной программы, вводятся свѣдѣнія о хозяйствѣ и садоводствѣ, рисованіе простыхъ фигуръ и хозяйственныхъ машинъ, самые простые и употребительные способы хозяйственной регистратуры, первоначальныя свѣдѣнія изъ географіи царства, съ означеніемъ почвы и степени развитія хозяйства въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ послѣднихъ—первоначальныя основанія геометріи и механики, съ черченіемъ фигуръ самыхъ простыхъ машинъ и ознакомленіемъ съ машинами болѣе сложными, самые простые технические пріемы и свѣдѣнія въ разнаго рода промыслахъ, сообразно мѣстности, гдѣ училище будетъ находиться, основанія бухгалтеріи и ознакомленіе со счетными книгами, какія ведутся на фабрикахъ; свѣдѣнія изъ географіи царства, съ исчисленіемъ мѣстъ, гдѣ какой промыселъ процвѣтаетъ и гдѣ имѣютъ наилучшій сбытъ фабричныя произведенія. Одноклассныя женскія училища соотвѣтствуютъ мужскимъ, съ прибавленіемъ только рукодѣлій.

Въ двухклассныхъ женскихъ училищахъ, кромѣ соотвѣтствующаго учебнаго курса, преподается: объ обработываніи огородовъ, объ обработываніи и приготовленіи льна, конопли и бѣленіи нитей и полотна, объ обращеніи съ молокомъ, приготовленіи съѣстныхъ припасовъ, соленіи огурцовъ, мяса и т. д., о способѣ приготовленія самыхъ здоровыхъ и укрѣпляющихъ кушаній, а вслѣдствіе сего ознакомленіе съ растеніями, для здоровья вредными и ядовитыми, самые простые и

практическіе способы веденія счетовъ домашнимъ издержкамъ, продолженіе рукодѣлій разнаго рода и упражненіе въ кройкѣ бѣлья, кофточекъ и т. п.

Кромѣ того, существовали элементарныя училища съ приготовительнымъ классомъ. Училища эти соотвѣтствовали одноклассным; а въ приготовительномъ классѣ преподавался Законъ Божій, чтеніе по польски съ основаніями грамматики и диктантъ, чтеніе и письмо русское и нѣмецкое, латинское чтеніе, склоненіе и спряженіе глагола sum, начальныя понятія изъ географіи, четыре ариѳметическія дѣйствія надъ числами простыми и именованными, черченіе геометрическихъ фигуръ безъ циркуля. Въ этихъ училищахъ взималась плата на жалованье учителю по 1 р. въ мѣсяцъ и на квартиру. Училища эти разрѣшалось открывать и частнымъ лицамъ, но съ тѣмъ, чтобы плата за ученика не превышала 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Ближайшій надзоръ за начальными училищами, согласно постановленію едукаціонной палаты 1808 года ввѣрено было мѣстному училищному дозору, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ римскокатолическаго или греко-уніатскаго приходскаго священника присутствовали гминный войтъ и два члена, избираемые владѣльцами недвижимыхъ имуществъ (помѣщиками). Въ мѣстечкахъ и большихъ городахъ членами дозора состояли бургомистръ или президентъ города, членъ магистрата или городскаго совѣта и два члена гмины. Предсѣдатель дозора утверждается правительствомъ, которое можетъ назначить и не духовное лицо. Для надзора со стороны коммиссіи народнаго просвѣщенія учрежденъ былъ одинъ инспекторъ начальныхъ училищъ на все царство. Высшую инстанцію для училищъ составляло губернское правленіе, которое имѣло право командировать чиновниковъ, для ревизіи училищъ. Надзоръ за хозяйственною и педагогическою частью порученъ былъ также уѣзднымъ совѣтамъ, которые, съ своими замѣчаніями и представленіями, могли входить или въ губернскія правленія или въ коммиссію народнаго образованія. Духовныя училища евангелическаго и реформатскаго исповѣданій остаются, на прежнемъ основаніи, исключительно въ вѣдѣніи ихъ консисторій.

II. *Среднія учебныя заведенія*. Уѣздныя училища состояли изъ 5 классовъ. Четыре первыхъ класса вполнѣ соотвѣтствовали первымъ классамъ гимназическимъ, наравнѣ съ нашими прогимназіями; а пятый спеціальный классъ опредѣлялъ характеръ уѣзднаго училища, получавшаго названіе общаго, педагогическаго или спеціальнаго. Въ общемъ уѣздномъ училищѣ продолжался курсъ общаго образованія и, кромѣ того, сообщались необходимыя свѣдѣнія изъ физики, химіи, *гигіены* и естественной исторіи. Въ

педагогическихъ училищахъ продолжались предметы общаго образованія, кромѣ языковъ, но съ цѣлью ознакомить учащихся съ способомъ и размѣромъ ихъ преподаваній въ начальныхъ народныхъ училищахъ и, кромѣ того, преподавались: физика съ механикою, *гигіена*, естественная исторія, технологія, сельское хозяйство и садоводство и педагогика. Въ спеціальныхъ училищахъ усилено было преподаваніе математики и, кромѣ того, преподавались тѣ же предметы, что и въ педагогическихъ училищахъ, за исключеніемъ педагогики и съ дополненіемъ химіи, въ примѣненіи къ земледѣлію и технологіи, коммерческихъ наукъ и черченія, линейнаго, техническаго и топографическаго.

Уѣздныя училища были подчинены непосредственно правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а въ хозяйственномъ отношеніи губернскимъ правленіямъ. Во главѣ каждаго училища стоялъ ректоръ, назначаемый правительственной коммиссіей изъ числа учителей, съ сохраненіемъ обязанностей преподавателя. При этомъ положено было открыть 10 общихъ уѣздныхъ училищъ (3 въ Варшавѣ), 5 педагогическихъ и 8 спеціальныхъ (изъ нихъ 2 въ Варшавѣ).

Программа гимназій, состоящихъ изъ 7 классовъ, была очень обширна. Кромѣ обыкновенныхъ предметовъ гимназическаго курса, въ нихъ преподавались, съ одной стороны, латинскій языкъ (съ I клас.) и греческій—(съ IV клас.), и съ другой стороны—логика съ краткою психологіею (VII клас.), межеваніе и нивеллированіе (IV и V клас.), начертательная геометрія (VI и VII), общая механика (VII), химія (VI и VII), естественная исторія (V—VII). Кромѣ того, гдѣ возможно, вводились гимнастическія упражненія.

Русскій языкъ (съ I класса), кромѣ грамматики, преподавался съ изученіемъ исторіи литературы, заучиваніемъ отрывковъ изъ образцовыхъ произведеній и упражненіями письменными и изустными; отдѣльно преподавалась также русская исторія (VI и VII кл.).

Гимназіи также подчинены были непосредственно правительственной коммиссіи; во главѣ ихъ стоялъ ректоръ-преподаватель, а за порядкомъ въ гимназіи и училищною дисциплиною наблюдалъ законоучитель, называвшійся префектомъ. Какъ исключеніе, допускался въ это званіе, вмѣсто законоучителя, одинъ изъ старшихъ учителей.

Годичная плата взималась съ учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ 8, а въ гимназіяхъ и люблинскомъ лицеѣ 15 руб. сер.

Экзамены были годичные, но, кромѣ того, особые средніе и особые вступительные, а именно: вступительный въ I классъ гимназіи, средній для поступленія въ V классъ гимназіи, соотвѣтствую-

щій курсу уѣздныхъ училищъ и обязательно требуемый отъ всѣхъ лицъ, желающихъ поступить въ гимназію, начиная съ V класса или окончившихъ курсъ ученія въ гимназіяхъ или дома и желающихъ допущенія къ полученію аттестата зрѣлости; и, наконецъ, экзаменъ зрѣлости, дающій право поступить въ главную школу.

Гимназіи предположено увеличить съ 7 существовавшихъ до 13; вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнія реальныя гимназіи были закрыты.

Въ Варшавѣ существовало, подъ именемъ благороднаго института, закрытое заведеніе, по словамъ г. Спасовича, для такъ называемыхъ маменькиныхъ сынковъ, изъ знатнаго и богатаго дворянства, воспитываемыхъ на особыхъ, болѣе льготныхъ, относительно экзаменовъ, условіяхъ. Не желая ломать это непопулярное и неудачное учрежденіе, Велепольскій удалилъ его изъ Варшавы въ Люблинъ, подъ именемъ лицея, открылъ въ немъ доступъ не дворянамъ и сдѣлалъ заведеніе полузакрытымъ чрезъ допущеніе и приходящихъ учениковъ, такъ что со временемъ лицей уравнялся бы во всемъ съ гимназіями (Мар. Велепольскій, 194).

III. *Высшія учебныя заведенія.* Еще до вступленія Велепольскаго рѣшено было открыть въ Варшавѣ университетъ, подъ названіемъ главной школы и постановленіемъ совѣта управленія 8 (20) сентября 1861 года открыты были на годъ приготовительные курсы для желающихъ поступить въ главную школу.

Главная школа или Варшавскій университетъ состоялъ изъ обыкновенныхъ четырехъ факультетовъ: медицинскаго, физико-математическаго, юридическаго и историко-филологическаго.

При факультетахъ историко-филологическомъ и физико-математическомъ учреждены были семинаріи для образованія учителей уѣздныхъ училищъ и гимназій. Съ этою цѣлью учреждено было 12 стипендій и стипендіаты жили въ зданіяхъ медико-хирургической академіи, подъ надзоромъ жившаго съ ними одного изъ профессоровъ подлежащаго отдѣленія. Воспитанники семинаріи обучались различнымъ методамъ преподаванія, занимались педагогическими упражненіями и давали пробные уроки.

Власти главной школы суть ректоръ, деканы, совѣты факультетовъ, общій совѣтъ и правленіе главной школы.

Ректоръ на первые три года назначается совѣтомъ управленія по представленію правит. коммиссіи, а за тѣмъ избирается на три года общимъ совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и получаетъ Высочайшее утвержденіе. Ректоръ, какъ начальникъ главной школы, имѣетъ наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ постановленій правительства,

ведетъ сношенія, представляетъ отчеты о состояніи школы, имѣетъ надъ студентами власть дисциплинарную, предсѣдательствуетъ въ общемъ совѣтѣ и правленіи и есть непремѣнный членъ совѣта народнаго просвѣщенія. Деканы избираются на 2 года всѣми профессорами и адъюнктами подлежащихъ факультетовъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ. Деканы наблюдаютъ за преподаваніемъ наукъ въ своихъ факультетахъ, приводятъ въ исполненіе постановленія общаго совѣта, вносятъ въ этотъ совѣтъ предложенія свои или совѣтовъ своихъ факультетовъ; предсѣдательствуютъ въ совѣтахъ своихъ факультетовъ и экзаменаціонныхъ комитетахъ; выдаютъ свидѣтельства о выдержаніи экзаменовъ; присутствуютъ на профессорскихъ экзаменахъ и свидѣтельствуютъ выдаваемые студентамъ матрикулы; принимаютъ студентовъ при поступленіи и ведутъ имъ списки. Совѣтъ факультетовъ состоитъ изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ: доценты допускаются въ случаѣ надобности съ совѣщательнымъ голосомъ. Совѣтъ факультета занимается: составленіемъ годоваго росписанія наукъ и назначеніемъ числа чтеній; представленіемъ общему совѣту кандидатовъ для занятія вакантныхъ должностей или предложеніемъ конкурсовъ; переводомъ студентовъ съ одного курса на другой, производствомъ экзаменовъ среднихъ и выпускныхъ и признаніемъ за студентами степеней лѣкарей и магистровъ; производствомъ экзаменовъ на степень доктора, оцѣнкою и защитою диссертацій и присужденіемъ этой степени; представляетъ общему совѣту доцентовъ, желающихъ быть допущенными къ чтеніямъ, и мнѣнія о дозволеніи публичныхъ чтеній лицамъ, не принадлежащимъ къ университету; назначаетъ студентамъ темы для диссертацій и занимается ихъ оцѣнкою, приготовленіемъ представляемыхъ въ общій совѣтъ предположеній касательно потребности факультета и усовершенствованій какъ въ распредѣленіи наукъ, такъ и въ самомъ ихъ изложеніи. Общій совѣтъ состоитъ изъ ректора, 4 декановъ и 8 ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ ежегодно по 2 отъ каждаго факультета. Другіе профессора могутъ быть приглашаемы ректоромъ, когда сужденія касаются предмета ими преподаваемаго. Общій совѣтъ представляетъ на утвержденіе прав. коммиссіи избранныя имъ, по представленію факультетовъ, лица для замѣщенія вакантныхъ кафедръ: рѣшаетъ окончательно относящіеся къ ученымъ предметамъ вопросы, разсматриваетъ и утверждаетъ росписаніе наукъ, составленное факультетами, входитъ съ представленіями, имѣющими въ виду пользу и усовершенствованіе главной школы, разбираетъ представленія правленія и ревизуетъ въ концѣ года его счета; рѣшаетъ спорные и

сомнительные вопросы относительно экзаменовъ, пріема студентовъ и ихъ перевода съ курса на курсъ, обсуждаетъ поступки студентовъ, при чемъ въ засѣданіяхъ общаго совѣта участвуетъ судья главной школы, представляетъ къ увольненію отъ должности за упущенія по службѣ лицъ, состоящихъ въ завѣдываніи главной школы; разсматриваетъ и утверждаетъ составленный ректоромъ отчетъ о дѣйствіяхъ главной школы. Дѣйствія студентовъ подлежащія обсужденію со стороны главной школы суть: проступки собственно академическіе, относящіеся къ званію студентовъ и ихъ отношеніямъ къ властямъ и профессорамъ главной школы; менѣе значительные споры между самими студентами и менѣе спорныя гражданскія дѣла между студентами и лицами, къ учебному начальству принадлежащими; оскорбленія начальства, профессоровъ и чиновниковъ, а равно подстрекательство къ неповиновенію начальству школы. Всѣ не подходящія подъ эти разряды проступки студентовъ вѣдаются обыкновенными судами. Наказанія, опредѣляемыя за проступки студентовъ—приказаніе оставить аудиторію, замѣчаніе частнымъ образомъ или публичное, постепенный арестъ отъ одного дня до четырехъ недѣль, подписаніе торжественнаго обѣщанія исправиться, подъ страхомъ исключенія, исключеніе съ возможностью быть опять принятымъ, полная релегація или исключеніе безъ возможности вновь поступить въ школу. Всѣ жалобы и обвиненія на студентовъ принимаютъ судьи главной школы; жалобы, принимаемыя ректорами и деканами, предварительно отсылаются къ нему. Въ кругъ дѣйствій судьи главной школы входитъ разсмотрѣніе, подлежатъ ли предметы жалобы суду главной школы; обнаруженіе всѣхъ студенческихъ проступковъ и производство по нимъ слѣдствій; сужденіе менѣе значительныхъ гражданскихъ дѣлъ студентовъ и опредѣленіе наказанія за менѣе важныя дисциплинарныя нарушенія; представленіе ректору своихъ заключеній относительно наказанія и подсудности всѣхъ прочихъ проступковъ студентовъ; наблюденіе за исполненіемъ и самое исполненіе наказаній, налагаемыхъ на студентовъ всѣми инстанціями; наблюденіе за порядками и спокойствіемъ во время лекцій. Такимъ образомъ, должность главнаго судьи до нѣкоторой степени соотвѣтствовала должности инспектора студентовъ въ русскихъ университетахъ. Менѣе важные проступки студентовъ, за которые виновные подвергались замѣчанію, выговорамъ, угрозамъ болѣе тяжкими наказаніями, или обязаны были дать торжественное обѣщаніе исправиться,—обсуживались единолично ректоромъ а проступки болѣе тяжкіе, влекущіе за собою болѣе строгія наказанія, подвергали виновныхъ суду общаго совѣта или правленія,

смотря по тому, куда направлялъ дѣло ректоръ на основаніи мнѣнія судьи главной школы. Деканы имѣли также надзоръ за нравственностью и прилежаніемъ студентовъ, они имѣли право дѣлать замѣчанія и выговоры, но если они не видятъ исправленія или не могутъ сами уладить дѣло домашнихъ порядковъ, то передавали ректору.

Правленіе главной школы состояло изъ ректора и четырехъ декановъ. Къ вѣдомству правленія относились: общая администрація главной школы, хозяйственная часть, надзоръ за зданіями и кабинетами, веденіе переписки и судъ по проступкамъ студентовъ.

Кромѣ профессоровъ и адъюнктовъ медицинскаго факультета, остальныхъ такихъ лицъ назначала прав. коммиссія; а по истеченіи четырехъ лѣтъ экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ избиралъ общій совѣтъ школы и представлялъ на утвержденіе коммиссіи. Число доцентовъ не было опредѣлено; разрѣшеніе на чтеніе дается на одинъ годъ, по прошествіи котораго общій совѣтъ можетъ возобновить разрѣшеніе или прекратить чтеніе.

Степень кандидата не существовала въ варшавской главной школѣ: учеными степенями признавались магистръ и докторъ.

Профессорскіе экзамены производились по истеченіи каждаго полугодія.. Но кромѣ того, полагаются экзамены въ экзаменаціонныхъ комитетахъ: 1) пріемный, при поступленіи въ студенты; 1) средній, по окончаніи втораго курса, и 3) окончательный полукурсовый (за 3 и 4 курсы) изустный и письменный. Не выдержавшіе средняго экзамена не переходятъ на третій курсъ и не допускаются къ окончательному экзамену.

Плата за слушаніе лекцій назначена по 10 р. за полугодіе и кромѣ того по 6 р. за экзамены, пріемный и средній.

Вольнымъ слушателямъ могъ быть всякій, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безплатно, а затѣмъ съ платою 10 р. сер. за полугодіе. Вольные слушатели допускались къ магистерскому экзамену.

IV. Техническія училища. Воскресно-ремесленныя училища въ городахъ и мѣстечкахъ, состоящія при элементарныхъ училищахъ, остались на прежнемъ основаніи подъ попеченіемъ мѣстнаго училищнаго дозора и управленіемъ городскихъ магистратовъ.

Варшавскія воскресныя ремесленныя училища съ несравненно болѣе широкою программою остались въ томъ же видѣ подъ попеченіемъ магистрата и городскаго совѣта и въ непосредственномъ вѣдѣніи инспектора начальныхъ училищъ.

Коммерческія училища—варшавское, люблинское и плоцкое, остались въ прежнемъ видѣ. Варшавское коммерческое училище возникло

подъ попеченіемъ магистрата и городскаго совѣта и подъ непосредственнымъ управленіемъ комитета, составленнаго изъ инспектора начальныхъ народныхъ училищъ и двухъ купцовъ города Варшавы, избираемыхъ городскимъ совѣтомъ. Прочія коммерческія училища, а равно имѣющія впредь открыться подчинялись такому же управленію, но въ комитетѣ мѣсто инспектора народныхъ училищъ занималъ президентъ магистрата.

Техническое училище каменьщичьихъ и плотничныхъ мастеровъ, въ Варшавѣ вмѣсто упраздненной реальной гимназіи, съ зимнимъ только курсомъ, состояло въ завѣдываніи инспектора народныхъ училищъ, подъ надзоромъ одного изъ профессоровъ архитектуры, преподающихъ въ архитектурномъ отдѣленіи и подъ попеченіемъ старшихъ каменьщичьихъ и плотничныхъ мастеровъ, по избранію магистрата города Варшавы.

Земледѣльческія училища въ Неглосахъ, подъ Плоцкомъ, въ Радомѣ и сельское училище въ Бураковѣ переименовываются въ училища низшихъ сельскихъ служителей для пансіонеровъ и приходящихъ и назначаются на исключительное образованіе молодыхъ людей, для низшихъ хозяйственныхъ занятій. Два остальныя земледѣльческія училища подъ Люблиномъ и Радомомъ и казенныя стипендіи въ оставшихся училищахъ уничтожаются. Училища подчиняются директору института политехническаго и земледѣльческо-лѣснаго, ближайшій же надзоръ ввѣренъ двумъ помѣщикамъ, изъ которыхъ одинъ называется опекуномъ, а другой заступающимъ мѣсто, по выбору уѣзднаго совѣта. Губернскіе совѣты могутъ ходатайствовать объ открытіи новыхъ училищъ для низшихъ сельскихъ оффиціалистовъ, при чемъ помѣщикъ, имѣющій образцовое хозяйство, при которомъ открывается училище, обязанъ уступить 4 морга земли и устроить обширное помѣщеніе, а прочіе расходы будутъ покрываемы изъ эдукаціонныхъ суммъ.

Институтъ политехническій и земледѣльческо-лѣсной, — высшее техническое училище, замѣнившій варшавскую реальную гимназію и и Маримонтскій сельско-хозяйственный институтъ, съ подраздѣленіемъ на 5 отдѣленій: механиковъ, гражданскихъ инженеровъ, горныхъ инженеровъ, агрономовъ и лѣсоводовъ; при немъ предположено открыть училище садоводства. Во главѣ института стояли директоръ и два инспектора, которые, вмѣстѣ съ 8 профессорами, избираемыми всѣми преподавателями института и утверждаемыми прав. коммиссіею дух. д. и нар. просв., составляли совѣтъ института.

Расширеніе художественной школы въ Варшавѣ, съ раздѣлені-

емъ ея на 3 отдѣленія: архитектуры, живописи и ваянія. Художественная школа состоитъ подъ управленіемъ директора, назначаемаго прав. коммиссіею и при немъ совѣтъ изъ 6 профессоровъ—по два изъ каждаго отдѣленія,—избираемыхъ всѣми лицами, въ школѣ преподающими съ утвержденія прав. коммиссіи. Послѣдняя можетъ принимать въ совѣтъ школы лицъ, не принадлежащихъ къ заведенію, но извѣстныхъ въ краѣ артистическими произведеніями или любовью къ изящнымъ искусствамъ.

V. *Женскія учебныя заведенія.* Александринскій институтъ воспитанія дѣвицъ переведенъ былъ изъ новой Александріи въ просторныя помѣщенія закрытаго благороднаго института въ Варшавѣ и, въ соединеніи съ Маріинскимъ институтомъ, составилъ одно высшее женское закрытое учебное заведеніе, подъ именемъ Александринско-Маріинскаго института, подъ покровительствомъ Императрицы, состоящее изъ 6 классовъ съ дополнительнымъ педагогическимъ классомъ. Начальница назначается прав. коммиссіею и утверждается Императрицею. Для надзора въ педагогическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, назначается одинъ изъ членовъ совѣта народнаго просвѣщенія, подъ именемъ постояннаго визитатора; а для наблюденія за преподаваніемъ отдѣльныхъ женскихъ классовъ, назначаемый прав. коммиссіею педагогическій совѣтъ института состоитъ изъ визитатора, начальницы, инспектора классовъ, одной старшей гувернантки, двухъ учителей и двухъ учительницъ. Хозяйственный комитетъ состоитъ изъ начальницы, инспектора классовъ и одной старшей гувернантки. Въ институтѣ преподаются русскій языкъ и отдѣльно русская исторія, въ педагогическихъ классахъ—русская литература.

Высшее казенное женское училище въ Варшавѣ для приходящихъ съ 6 классами и съ такою же программою, какъ и для института. Въ обѣ программы введены были естественныя науки и *гигіена*. Училище состояло въ завѣдываніи директора, въ помощь которому придана была надзирательница, наблюдавшая за порядкомъ въ классахъ и нравственностью дѣвицъ. Русскій языкъ введенъ былъ и въ эту школу. Женскія училища въ Плоцкѣ, Калишѣ, Радомѣ, Люблинѣ, Сувалкахъ и 4-классное отдѣленіе въ Варшавѣ, содержавшіяся на счетъ казны, предполагалось закрыть.

Главная библіотека и всѣ прочія библіотеки при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Царствѣ разсматривались какъ одно цѣлое и поручались главному завѣдыванію почетнаго директора библіотекъ въ Царствѣ, котораго главный директоръ прав. комм. д. д. и нар. просв. представляется на утвержденіе намѣстника, изъ извѣстныхъ уче-

ностью библіофиловъ. Точно также завѣдываніе музеемъ изящныхъ искусствъ поручалось почетному директору музея, назначаемому тѣмъ же порядкомъ, изъ знатоковъ и любителей искусства.

Законъ объ устройствѣ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ безспорно есть лучшая изъ законодательныхъ работъ Велепольскаго; въ немъ заключается много такого, что можетъ служить образцомъ и по всей вѣроятности засѣданія государственнаго совѣта, въ которыхъ участвовалъ Велепольскій, не прошли безслѣдно и имѣли нѣкоторое вліяніе на наше положеніе о народныхъ училищахъ. По крайней мѣрѣ, я лично слышалъ отъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Головнина, что онъ во многомъ расходился съ Велепольскимъ, но вообще о проектѣ его отзывался сочувственно. Образованіе было въ широкой степени поставлено подъ контроль самого общества и не только въ хозяйственномъ, но до извѣстной степени и въ педагогическомъ отношеніи. Правда,—начальное образованіе получило клерикальный характеръ порученіемъ духовенству главенства въ мѣстномъ дозорѣ или наблюденіи; но этотъ клерикальный характеръ польская школа усвоила себѣ съ самаго начала. Въ 1833 г. для начальныхъ школъ учрежденъ былъ опекунъ, главное лицо, отъ котораго зависѣлъ сельскій учитель: такими опекунами указаны были и поступали на самомъ дѣлѣ сельскіе священники или викаріи. Измѣнить этотъ характеръ начальной школы Велепольскій, съ своей точки зрѣнія и не желалъ, да и едва ли былъ въ состояніи, такъ какъ замѣнить надзоръ духовенства въ Польшѣ, при существовавшихъ традиціяхъ, — было дѣло очень трудное. Русскій языкъ въ польской школѣ былъ поставленъ Велепольскимъ на надлежащее мѣсто.

26 октября (7 ноября) 1861 г. Велепольскій прибылъ въ Петербургъ и тамъ провелъ остальныя двѣ реформы, Высочайше утвержденныя 24 мая (5 іюня) 1862 г., относительно евреевъ и поселянъ.

Мы уже видѣли важность еврейскаго вопроса въ Польшѣ. Польское интеллигентное общество всегда относилось къ евреямъ сочувственнѣе, нежели гдѣ либо, видя въ еврейскомъ населеніи возможность создать путемъ равноправности если не ополяченное, то, по крайней мѣрѣ, утратившее свою вынужденную національную исключительность населеніе, замѣняющую недостающее въ Польшѣ туземное среднее сословіе. Если въ Россіи города отличаются въ большинствѣ случаевъ ничтожнымъ по численности составомъ собственно того, что называется среднимъ сословіемъ, то въ Польшѣ элементы этого сословія въ городахъ относятся преимущественно къ евреямъ. Оттого польское законодательство изстари имъ благопріятствовало; во время

послѣднихъ реформъ предъ паденіемъ Польши стремленіе къ возвышенію средняго сословія распространилось отчасти и на евреевъ; въ эпоху, предшествовавшую возстанію 1863 г., какъ мы видѣли, вопросъ о сліяніи съ евреями поставленъ былъ на очередь со стороны партіи дѣйствія. Велепольскій и въ этомъ случаѣ былъ вѣренъ національнымъ традиціямъ: обнародованный по его иниціативѣ законъ, Высочайше утвержденный 24 мая (5 іюня) 1862 г., былъ самый льготный для еврейскаго населенія. Въ уставѣ этомъ указывалось: 1) что по указу 24 мая 1861 г. о выборахъ въ уѣздные, городскіе и губернскіе совѣты евреи допущены на равнѣ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій въ качествѣ избирателей и избранныхъ лицъ; 2) что прежнія законодательныя мѣры, ограничивавшія права евреевъ (декреты короля саксонскаго, герцога варшавскаго отъ 17 октября и 19 ноября 1808 г., 16 ст. 1 книги гражд. улож. Ц. Пол. и др.) не соотвѣтствуютъ общимъ основаніямъ дѣйствующаго въ царствѣ законодательства; 3) что вслѣдствіе прекращенія издѣльной повинности, устраняется одна изъ причинъ воспрещенія евреямъ пріобрѣтать населенныя имѣнія,—именно возможность съ ихъ стороны полученія помѣщичьей власти надъ христіанами; 4) что всѣ вообще ограниченія евреевъ относительно права жительства, занятія ремеслами и торговлею, — равно какъ взиманіе съ нихъ отдѣльныхъ податей,—требуютъ пересмотра, при чемъ законъ предполагалъ, что евреи,—по распространенію на нихъ благодѣяній общихъ законовъ края,—покинутъ употребленіе особаго языка и письма. На основаніи изложенныхъ соображеній законъ установлялъ слѣдующія мѣры:

1) Воспрещеніе евреямъ пріобрѣтать населенныя имѣнія было отмѣнено декретомъ короля саксонскаго 19 ноября 1808 г., съ слѣдующими ограниченіями: а) еврей въ теченіе 10 лѣтъ не могутъ исполнять обязанности гминнаго войта или заступающаго его мѣсто, и войтъ назначается въ этихъ имѣніяхъ отъ правительства; b) поземельные издѣльные участки, подходящіе подъ дѣйствіе указа 1846 г., т. е. не менѣе 3 морговъ земли, не могутъ быть пріобрѣтаемы евреями до тѣхъ поръ, пока обязательная издѣльная повинность съ этихъ участковъ не будетъ замѣнена безсрочнымъ чиншемъ; с) право кториства и представленія кандидатовъ на духовныя мѣста переходитъ на правительство.

2) Всякія ограниченія въ правѣ евреевъ на жительство въ городахъ, деревняхъ и въ 21 верстной пограничной полосѣ были отмѣнены.

3) Ограниченія, установленныя Высочайшимъ указомъ 19 (31) іюля

1821 г. и др. относительно пріобрѣтенія евреями домовъ и всякаго недвижимаго имущества въ городахъ,—отмѣняются.

4) Права евреевъ свидѣтелей уравниваются съ правами свидѣтелей христіанъ, какъ при совершеніи всякаго рода гражданскихъ и нотаріальныхъ актовъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ.

5) Совѣту управленія предложенъ былъ пересмотръ ограниченій, дѣйствующихъ относительно занятія евреевъ ремеслами, торговлею и промышленностью, а равно системы особыхъ, уплачиваемыхъ ими податей. Само собою разумѣется, что въ случаѣ дальнѣйшей дѣятельности Велепольскаго и въ этихъ случаяхъ послѣдовало бы совершенное уравненіе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ царства.

При этомъ, для евреевъ установлена была особая присяга и запрещено было употребленіе еврейскаго или жидовскаго нѣмецкаго языка не только при заключеніи всякихъ вообще гражданскихъ и торговыхъ актовъ и договоровъ, но и вообще во всей торговой перепискѣ и при веденіи книгъ.

Велепольскій вообще стоялъ за равноправность евреевъ съ поляками; при первоначальномъ вступленіи въ должность онъ принялъ представителей варшавскаго еврейскаго общества гораздо благосклоннѣе, нежели представителей римско-католическаго духовенства: я искренно желаю, говорилъ онъ, устраненія всѣхъ тяготѣющихъ стѣсненій, и какъ завѣдующій вѣроисповѣданіями, и какъ юристъ. Духу гражданскаго кодекса, составляющаго звено, которое связуетъ насъ съ Европою, противны всякія изъятія отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ. Еврейскіе дѣти были свободно допущены во всѣ учебныя заведенія, устройство собственно еврейскихъ училищъ обѣщано было впослѣдствіи; еврей Матіасъ Розенъ вступилъ въ число членовъ государственнаго совѣта.

Положеніе 24 мая (5 іюня) объ обязательномъ очиншеваніи составлено было по проекту, не принадлежащему лично Велепольскому. Г. Спасовичъ указываетъ, что вопросъ этотъ Велепольскій выдѣлилъ изъ вѣдѣнія коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и онъ былъ разработанъ соединенными силами коммиссіи юстиціи и такъ называемыхъ мужей довѣрія, т. е. экспертовъ изъ совѣщательнаго земледѣльческаго отдѣла. Затѣмъ, эта работа прошла чрезъ совѣтъ управленія, подверглась сильной критикѣ со стороны коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и разсмотрѣна государственнымъ совѣтомъ царства польскаго во второй половинѣ 1861 года. Въ сущности всѣ основанія новаго законоположенія уже содержались въ первоначальномъ проектѣ, начертанномъ «мужами довѣрія», экспертами изъ помѣщиковъ, а всѣ послѣдующіе разборы и пренія добавили

къ первоначальному проекту очень мало новаго (стр. 179). Съ этой точки зрѣнія г. Спасовичъ совершенно правильно смотритъ на настоящій законъ, какъ на голосъ въ данномъ вопросѣ общества польскаго и его интеллигенціи, хотя нельзя съ нимъ совершенно согласиться относительно оцѣнки подобнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Припомнимъ, при какихъ условіяхъ вышелъ этотъ законъ. Положеніе 19 февраля 1861 года въ Россіи уже было объявлено и принципъ надѣла крестьянъ землею былъ установленъ безповоротно. Въ Польшѣ крестьяне волновались; земледѣльческое общество, т. е. та же интеллигенція, высказалось въ пользу добровольнаго очиншеванія, демократическая партія указывала на необходимость пожертвованія со стороны дворянства и съ своей стороны признавала необходимость передачи земли въ собственность крестьянъ.

Законъ 1862 г. явился какъ дальнѣйшее послѣдствіе закона объ окупѣ 1861 года, гдѣ,—при отсутствіи добровольнаго соглашенія,—по требованію владѣльца или поселянъ обѣщано было обязательное очиншеваніе, распоряженіемъ правительства. Законъ 1862 г. распространялся только на крестьянъ, захваченныхъ первоначальнымъ указомъ 1846 г., т. е. владѣющихъ не менѣе 3 морговъ земли, и распространялъ гораздо шире изъятія изъ этого указа, разъясненныя постановленіемъ совѣта отъ 18 (30) ноября 1850 года, а именно: a) на участки, вновь составленные изъ дворовыхъ земель, послѣ указа 26 мая (7 іюня) 1846 года; b) на участки, бывшіе пустопорожними при обнародованіи указа 1846 г., хотя бы таковы и были помѣщены въ престаціонныхъ табеляхъ; c) на участки, находящіеся во временномъ пользованіи, на основаніи договоровъ, заключенныхъ письменно или словесно, до изданія закона 1846 г., если договорамъ срокъ еще не истекъ; d) на участки въ имѣніяхъ, пожалованныхъ на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 4 (16) октября 1835 г.

Законъ обнималъ собою: a) безсрочное очиншеваніе поземельныхъ участковъ; b) отмежеваніе дворовыхъ земель отъ надѣла поселянъ; c) раздѣленіе этого надѣла на отдѣльные участки между самими крестьянами; d) приращеніе общаго владѣнія и правъ пользованія усадьбами,—сервитуты (ст. 1).

Право собственности на землю въ безсрочно чиншевыхъ участкахъ раздѣляется между владѣльцемъ имѣнія, которому принадлежитъ право собственности (dominium directum) и поселянами, которымъ предоставляется право пользованія (dominium utile (ст. 46). Отсюда цѣлый рядъ ограниченій въ способѣ пользованія участкомъ и передачи его другимъ лицамъ по наслѣдству или въ аренду.

Впереди всего поставлены добровольныя соглашенія.

Добровольные договоры могутъ быть впредь заключаемы или безсрочно или на извѣстные сроки, но не менѣе 20 лѣтъ съ тѣмъ, что еслибы по добровольному соглашенію договоры не были продолжены на такое же время или замѣнены безсрочными, участки эти будутъ подлежать обязательному устройству, съ соблюденіемъ правилъ настоящаго положенія (ст. 2).

Никакому разсмотрѣнію и утвержденію добровольные договоры не подлежатъ; запрещается только заключать договоры объ уменьшеніи пространства земель, подходящихъ подъ дѣйствіе указа 1846 г., не замѣняя оныхъ другими, равной стоимости (ст. 4).

Обязательнаго устройства можетъ требовать каждая сторона, во всякое время (ст. 8).

По очиншеванію бо́льшей части пространства, бывшей въ пользованіи поселянъ, обязательное размежеваніе можетъ быть произведено не иначе, какъ по требованію или съ согласія большинства тѣхъ поселянъ (ст. 11).

Мѣры къ обязательному устройству предпринимаются только въ случаѣ поступившаго о томъ отъ одной изъ сторонъ требованія и могутъ касаться лишь тѣхъ отношеній, по коимъ не послѣдовало еще добровольнаго между ними соглашенія (ст. 12).

Чинши установляются обязательнымъ порядкомъ, на основаніи классификаціи пахотныхъ земель, луговъ, пастбищъ и огородовъ по правиламъ, изложеннымъ въ самомъ положеніи и въ приложенной вѣдомости (ст. 16 и 17).

Къ каждому роду земли, указанному классификаціею и составляющему отдѣльный участокъ, примѣнено будетъ нормальное количество дохода, опредѣленное на рожь, согласно приложенной оцѣночной вѣдомости. Доходъ этотъ изображаетъ количество поземельнаго дохода, за вычетомъ $^1/_3$ части въ пользу поселянъ, на содержаніе строеній, на непредвидимые случаи, равно на гминныя повинности, лежащія на поселянахъ (ст. 18).

Исчисленный такимъ образомъ доходъ опредѣленъ будетъ на деньги, соразмѣрно средней цѣнѣ ржи, бывшей въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, на рынкѣ ближайшаго торговаго города, за исключеніемъ изъ нихъ 2 самыхъ дорогихъ и 2 самыхъ дешевыхъ годовъ, на основаніи оффиціальныхъ вѣдомостей, ежегодно сообщаемыхъ чиншевымъ делегаціямъ (ст. 19).

Мѣстныя обстоятельства, имѣющія вліяніе на количество дохода, перечисленные въ статьѣ указа, могутъ имѣть вліяніе на

возвышеніе или пониженіе исчисленнаго дохода отъ 1 до 25% (ст. 20).

Изъ дохода, такимъ образомъ, исчисленнаго исключаются всѣ грунтовыя подати, падающія на крестьянскія земли, срочныя и безсрочныя повинности и платежи въ пользу третьихъ лицъ. Установленный такимъ образомъ доходъ въ наличныхъ деньгахъ составляетъ количество годоваго чинша съ земель (ст. 21). При установленіи чинша дозволяется каждой сторонѣ условиться, чтобы опредѣленный обязательнымъ порядкомъ чиншъ измѣняемъ былъ чрезъ каждые 20 лѣтъ, соразмѣрно средней цѣнѣ ржи за тѣ годы (ст. 2).

Если строенія, занимаемыя поселянами, составляютъ собственность владѣльца имѣнія, или если онъ даетъ лѣсной матеріалъ на перестройку оныхъ, равнымъ образомъ, если ему принадлежатъ посѣвы или рабочій скотъ, и добровольно о томъ не состоится никакого договора, то власти, производящія обязательное очиншеваніе, опредѣлятъ стоимость строеній, строевыхъ матеріаловъ, рабочаго скота и посѣвовъ, и къ установленному чиншу съ земли прибавятъ 5% отъ таковой стоимости (ст. 22).

Тамъ, гдѣ поступило бы (отъ помѣщика) требованіе о прекращеніи права крестьянъ на сервитуты, и стороны не условятся о вознагражденіи, производящія обязательное очиншеваніе коммиссіи опредѣлятъ приблизительно годовую стоимость этихъ угодій и вычтутъ таковую изъ исчисленнаго поземельнаго чинша. Пользованіе сервитутами, основанное на одномъ лишь обычаѣ, съ очиншеваніемъ поселянъ, если о томъ по договору не будетъ опредѣлено иначе, прекращается (ст. 23).

При разверстаніи, общее пространство земли, составляющее надѣлъ поселянъ, не можетъ быть уменьшаемо въ своей цѣнности (ст. 30).

Установленіе цѣнности пахотной земли, луговъ и пастбищъ, обмѣниваемыхъ на другія производимо будетъ на основаніи плана классификаціи, которая установлена для опредѣленія чинша и соотвѣтственно доходу на рожь, съ тѣмъ однакожь, что безъ согласія крестьянъ нельзя имъ отводить въ обмѣнъ:

а) худшихъ земель за лучшія въ такомъ количествѣ, чтобы имъ пришлось получить вообще въ $^1/_2$ болѣе противъ количества, которымъ они владѣли.

б) лучшихъ земель за худшія столько, чтобы вновь отведенныя составляли менѣе, чѣмъ $^2/_3$ части прежнихъ земель.

в) зарослей за чистыя земли, болѣе $^1/_3$ части всего участка (ст. 31).

Гдѣ бы мѣстность не дозволила надѣлить поселянъ послѣ развер-

станія такимъ пространствомъ, какимъ они прежде пользовались, тамъ можно ихъ вознаградить соотвѣтственнымъ по оцѣнкѣ количествомъ пахотной земли; но безъ добровольнаго согласія поселянъ нельзя уменьшать луговъ болѣе, чѣмъ на $^1/_3$ пространства (ст. 33).

Владѣлецъ имѣнія долженъ уплатить крестьянамъ единовременное вознагражденіе или же они будутъ на нѣкоторое время освобождены отъ платежа чинша, вполнѣ или отчасти въ слѣдующихъ случаяхъ:

a) если отойдутъ отъ поселянъ сады съ фруктовыми или другими полезными деревьями, дикими деревцами или привитыми, и проч., по скольку таковыя не могли бы быть пересажены.

b) если въ обмѣнъ за отходящія въ пользу владѣльца земли, отведены будутъ поселянамъ хуже обработанныя, чѣмъ отошедшія отъ нихъ.

c) если вмѣсто чистыхъ полей и луговъ достанутся поселянамъ заросли каменистыя или холмистыя поверхности, трудныя для обработки (ст. 34).

При разверстаніи всѣ участки, принадлежащіе къ одной деревнѣ, должны быть отводимы въ одномъ нечерезполосномъ пространствѣ; въ видѣ изъятія, въ крайнемъ случаѣ, допускается отводъ въ двухъ или болѣе отдѣльныхъ мѣстахъ (ст. 35).

Въ случаѣ просьбы одной изъ сторонъ о раздѣлѣ общаго пастбища, гдѣ пасется фольварочный скотъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ, пастбище это должно быть раздѣлено соразмѣрно пространству полей и луговъ, принадлежащихъ каждой изъ сторонъ (ст. 37). Если никакая часть пастбища не могла бы быть отведена для поселянъ, то или должно отвести соотвѣтственной цѣнности пастбище въ другомъ мѣстѣ, а если бы и это по мѣстности оказалось невозможнымъ, то слѣдуетъ вознаградить ихъ пахотною землею или лугами, по оцѣнкѣ (ст. 38).

Если, при обязательномъ размежеваніи земель, окажется необходимымъ перенести строенія поселянъ, то владѣлецъ обязанъ принять на себя издержки по найму мастеровыхъ, равно обязанъ доставить потребные матеріалы, если бы таковые отъ прежнихъ строеній оказались недостаточными. Количество и качество этихъ матеріаловъ, равно время, въ продолженіе котораго перенесеніе строеній должно послѣдовать, будетъ опредѣлено обязательнымъ порядкомъ. Отъ усмотрѣнія чиншевой коммиссіи будетъ зависѣть, должны ли поселяне оказывать помощь въ свозкѣ матеріаловъ и ручной работѣ, и въ какой соразмѣрности. Вознагражденіе за строенія или за доставленные владѣльцемъ матеріалы и за понесенныя имъ, по перенесенію строеній, издержки, установлено будетъ въ случаяхъ принадлежности строеній са-

мому владѣльцу или отпуска матеріала на крестьянскую постройку особымъ порядкомъ (ст. 44).

Для производства обязательнаго очиншеванія установляется въ уѣздахъ чиншевая делегація (ст. 60).

Уѣздный совѣтъ ежегодно избираетъ изъ своихъ членовъ и кандидатовъ къ нимъ 6 членовъ въ чиншевую делегацію, которые выбираютъ такое же число членовъ изъ лицъ, подлежащихъ выбору въ уѣздный совѣтъ по избирательному списку. Означенные 12 членовъ, вмѣстѣ съ экономическимъ засѣдателемъ составляютъ уѣздную чиншевую коммиссію. Правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ, по мѣрѣ надобности, назначаетъ въ уѣзды, для производства очиншеванія въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи, особыхъ чиновниковъ, съ экономическою техникою ознакомленныхъ и даетъ нѣкоторымъ изъ нихъ въ помощь одного или болѣе адъюнктовъ. По дѣламъ, ими произведеннымъ, такіе чиновники присутствуютъ въ чиншевой делегаціи. Совѣтъ управленія назначаетъ изъ среды членовъ предсѣдательствующаго (ст. 61, 68 и 63).

Для производства очиншеванія на мѣстахъ образуются чиншевыя коммиссіи, состоящія: 1) изъ члена, назначеннаго чиншевою коммиссіею изъ ея состава, какъ первоприсутствующаго въ коммиссіи; 2) члена, приглашеннаго чиншевою делегаціею изъ списка избирателей въ уѣздный совѣтъ; 3) экономическо-административнаго чиновника. Обѣ стороны имѣютъ право присутствовать при занятіяхъ чиншевой коммиссіи, представлять объясненія, дѣлать замѣчанія и требовать внесенія въ журналъ. Въ нужныхъ случаяхъ коммиссія обязана приглашать экспертовъ, повторяя этотъ пріемъ приглашеніемъ новыхъ, въ случаѣ возраженія сторонъ (стт. 67, 92 и 93). На рѣшенія коммиссій о принадлежности строеній и объ условіяхъ пріобрѣтенія отъ помѣщика скота и лѣса, стороны могутъ приносить жалобы въ надлежащія судебныя мѣста (ст. 95).

Чиншевая делегація разсматриваетъ производство чиншевой коммиссіи, имѣетъ право его провѣрить назначеніемъ вторичной коммиссіи и окончательно утверждаетъ проектъ обязательнаго устройства отношеній владѣльцевъ имѣній къ безсрочнымъ чиншевикамъ въ формѣ опредѣленія, которое имѣетъ силу рѣшенія, состоявшагося въ послѣдней инстанціи. Если въ теченіе 30 дней по объявленіи рѣшенія, стороны не войдутъ въ добровольное соглашеніе и не заключатъ законнаго договора, то чиншевая делегація представляетъ рѣшеніе свое предсѣдателю надлежащаго трибунала, который, не вызывая сторонъ и не входя въ разсмотрѣніе дѣла по существу, опредѣляетъ привести оное

въ исполненіе. Но предоставляется каждой изъ сторонъ право приносить на такое рѣшеніе или опредѣленіе делегацій жалобу въ государственный совѣтъ царства, по мотивамъ, указаннымъ въ статьѣ, какъ формально кассаціоннымъ, такъ и по относящимся къ существу дѣла (ст. 75, 77, 78 и 79). Жалоба въ государственный совѣтъ допускалась, если делегація допустила уменьшеніе пространства крестьянскихъ земель или присоединеніе ихъ къ фольворачнымъ безъ равноцѣнной замѣны или опредѣлила переселеніе крестьянъ, несогласно съ положеніемъ, или увеличила чиншъ безъ законнаго основанія, и проч.

Надъ этимъ указомъ Н. А. Милютинъ произнесъ очень строгій судъ. По его мнѣнію, изъ всѣхъ существующихъ памятниковъ законодательства по крестьянскому вопросу въ царствѣ положеніе объ обязательномъ очиншеваніи есть безспорно то, въ которомъ самымъ наглядным образомъ выразилась ничѣмъ не сдержанная забота объ исключительномъ соблюденіи выгодъ одной стороны къ явному ущербу другаго сословія. Положеніе ищетъ не только удовлетворить, но даже какъ бы предупредить всѣ стремленія и желанія помѣстнаго сословія. Изъ вышеизложеннаго ясно, что этотъ приговоръ не совсѣмъ справедливъ и что съ своей точки зрѣнія законъ, по крайней мѣрѣ, формальнымъ образомъ старался оградить крестьянъ отъ произвольныхъ требованій со стороны владѣльца. За неимѣніемъ данныхъ, я не могу судить, на сколько опредѣленный настоящимъ положеніемъ чиншъ въ дѣйствительности соотвѣтствовалъ доходу, получаемому крестьяниномъ съ земли; но на это нѣтъ никакихъ указаній и въ запискѣ Н. А. Милютина.

Справедливо только замѣчаніе, что допущено уменьшеніе крестьянской земли, вопреки указу 1846 г., дозволеніемъ помѣщику присоединять къ своей фольварочной землѣ навсегда тѣ участки, которые самовольно оставятъ пользовавшіеся ими поселяне и на которые, въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, не явится охотниковъ (ст. 53, 121 и 128). Но при одиночномъ подворномъ владѣніи это не имѣетъ вовсе такого смысла, который оно получило бы при нашемъ общинномъ пользованіи, такъ какъ пустая земля не переходитъ къ остальнымъ крестьянамъ той же деревни. Впрочемъ, самъ Милютинъ въ концѣ концовъ, хотя это и не вяжется съ приведеннымъ отзывомъ, признаетъ что добровольное приведеніе въ исполненіе, при помощи мѣстныхъ землевладѣльцевъ, указа 24 мая 1862 г. объ очиншеваніи, могло бы устранить часть присущихъ ему недостатковъ и содѣйствовать водворенію въ краѣ тишины и правильныхъ сословныхъ отношеній.

Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что законъ о безсрочномъ очиншеваніи есть именно та мѣра, которая соотвѣтствовала потребностямъ данной минуты и представляла правильное и безобидное рѣшеніе аграрнаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ. Но въ отношеніи къ прежнимъ законамъ,—это былъ шагъ впередъ и притомъ болѣе рѣшительный, нежели до сихъ поръ.

Проектъ Велепольскаго объ очиншеваніи потерпѣлъ фіаско вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя ниспровергли всю систему автономно-административной реформы, имъ задуманной. Нѣкоторые уѣздные совѣты вовсе не выбирали членовъ делегаціи, другіе произвели выборы противозаконные, наконецъ, тамъ, гдѣ уѣздныя чиншевыя делегаціи и коммиссіи успѣли окончательно составиться, тамъ онѣ закрылись сами собою, не приступая даже въ большей части случаевъ къ началу предназначенныхъ имъ закономъ дѣйствій, такъ какъ и предсѣдатели и члены поспѣшили, въ началѣ 1863 г., подать въ отставку и окончательно присоединились къ революціонному движенію. Велепольскій попробовалъ замѣнить упразднившіяся чиншевыя делегаціи новыми временными делегаціями, составленными изъ чиновниковъ; и этотъ послѣдній элементъ столь же быстро ускользнулъ изъ рукъ правительства. По имѣющимся въ правительственной коммисіи свѣдѣніямъ, устроено и очиншено отъ правительства въ Радомской губерніи 213 усадебъ, въ Люблинской—16, итого 229 усадебъ, или крестьянскихъ дворовъ.

Указомъ отъ 27 мая (8 іюня) намѣстникомъ Царства Польскаго назначенъ былъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ, а начальникомъ гражданскаго управленія назначенъ былъ Велепольскій; 2 (14) іюня Велепольскій вернулся въ Варшаву, а 25 іюня (7 іюля) 1863 года онъ получилъ отпускъ за-границу, и 31 августа (12 сентября) полную отставку. Такимъ образомъ Велепольскій состоялъ на службѣ всего два года и три мѣсяца (съ 27 марта 1861 по 25 іюня 1863 г.). Въ это время Велепольскій успѣлъ провести окончательно автономію въ административномъ управленіи Царства Польскаго; но, по свидѣтельству Спасовича, его программа не довольствовалась достигнутыми результатами. Въ сферѣ управленія Велепольскій предполагалъ оставшіеся въ Варшавѣ IX и X департаменты сената переименовать въ одинъ судъ наивысшей инстанціи, подраздѣляющійся на двѣ палаты, уголовную и гражданскую; преобразовать гражданское судопроизводство по примѣру французскаго судопроизводства, откинувъ все пристроенное послѣ 1830 года; кромѣ того предполагалось раздѣлить край на 250 мировыхъ округовъ съ мировыми судьями отъ правительства для менѣе цѣнныхъ дѣлъ гражданскихъ и менѣе

важныхъ проступковъ; упразднить апелляціонный судъ и ввести вмѣсто 3 уголовныхъ инстанцій только двѣ; допустить пренія на судѣ между обвинителемъ прокуроромъ и защитникомъ изъ установленныхъ при судахъ адвокатовъ; отмѣнить уголовный кодексъ 1847 года и возстановить сеймовое уголовное уложеніе 1818 года, о чемъ законодательное отдѣленіе государственнаго совѣта Царства Польскаго внесло предложеніе въ общее собраніе еще 25 ноября 1861 г. Въ отношеніи къ церкви Велепольскій заявилъ въ оффиціальной газетѣ предстоящій пересмотръ закона 1836 г. о смѣшанныхъ бракахъ, въ интересахъ другихъ исповѣданій; возстановленіе существовавшаго до 1845 года прежняго порядка прямыхъ сношеній правительства Царства Польскаго съ Римомъ, минуя Петербургъ; пересмотръ постановленій закона уголовнаго, касающихся отступленій отъ вѣры и совращенія, а также уголовной отвѣтственности духовныхъ лицъ. По вопросу о народномъ образованіи Велепольскій еще въ 1862 г. предлагалъ прусскую систему обязательнаго обученія дѣтей съ шестилѣтняго возраста, съ уплатою штрафа родителями или опекунами за неисполненіе; но статья эта, пропущенная государственнымъ совѣтомъ, отвергнута была въ Петербургѣ, гдѣ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ стоялъ за свободу образованія, которая, впрочемъ, и въ Польшѣ и въ Россіи невольно обусловливалась недостаткомъ начальныхъ народныхъ училищъ и средствъ, ассигнуемыхъ на ихъ учрежденіе. Относительно евреевъ мы уже видѣли, что Велепольскій хлопоталъ о совершенномъ уравненіи ихъ правъ. Законъ 1862 г. объ обязательномъ очиншеваніи допускалъ въ принципѣ выкупъ крестьянскихъ земель, съ цѣлью сдѣлать крестьянъ собственниками. Велепольскій составилъ проектъ чиншеваго банка, учреждаемаго съ этою цѣлью, съ чиншевыми листами приносящими по 4%, такъ что по истеченіи 29 лѣтъ крестьянинъ получалъ свой участокъ въ собственность. Кромѣ того, Велепольскій составилъ проектъ новаго гминнаго устройства, подробно изложенный въ книгѣ г. Спасовича. По идеѣ Велепольскаго, гмина соотвѣтствовала приходу римско-католическому или уніатскому и число ихъ сокращалось, такимъ образомъ, до 1761, вмѣсто 3069 существовавшихъ въ то время. Гмина была всесословная, обнимала собою всѣхъ осѣдлыхъ жителей. Самоуправленіе гмины выражалось въ выборномъ войтѣ и совѣтѣ. Участію въ самоуправленіи придано было самое широкое основаніе. Избирателями состояли всѣ совершеннолѣтніе мужчины, безъ различія состоянія или вѣроисповѣданія, при чемъ цензъ опредѣлялся *землевладѣніемъ* (помѣщики, арендаторы, закладодержатели или главные управляющіе,

собственники и управляющіе заводами и промышленными заведеніями, крестьяне, имѣющіе не менѣе 3 морговъ земли, собственники или обязанные окупами вмѣсто барщины или чиншемъ, приходскіе священники или владѣльцы церковной земли), или *доходомъ* (платящіе за наемъ квартиры не менѣе 15 р. въ годъ, или пользующіеся постояннымъ жалованьемъ или рентою не менѣе 90 р.), или, наконецъ, *родомъ занятій* (купцы, фабриканты, мастера, учители, артисты, получающіе эмеритальные пенсіоны, настоятели монашескихъ мужскихъ орденовъ). Всѣ избиратели могутъ быть избираемы въ гминный совѣтъ, если они грамотны. Отъ избираемыхъ въ совѣтъ требуется два условія: христіанское исповѣданіе и свидѣтельство объ окончаніи 4-хъ класснаго (уѣзднаго) училища; войтъ, изъ числа трехъ кандидатовъ, избранныхъ гминою, утверждается губернаторомъ или совѣтомъ управленія. По деревнямъ войту подчинены, въ смыслѣ исполнительныхъ служителей, выборные солтысы, отъ которыхъ не требуется даже грамотности. Къ составу гминнаго совѣта принадлежатъ по закону—предсѣдательствующій въ немъ войтъ, ректоръ уѣзднаго училища, а гдѣ его нѣтъ, школьный учитель гмины и приходскій священникъ, а по выбору 6—15 членовъ, утверждаемыхъ начальникомъ уѣзда. Войтъ есть начальствующее въ гминѣ лицо, по типу французскаго мера, представитель гмины и вмѣстѣ низшій органъ государственной,—полицейской и административной власти. Изъ судебныхъ функцій на его долю приходилось только судопроизводство охранительное, попеченіе объ открывающихся наслѣдствахъ, предсѣдательство въ семейныхъ совѣтахъ и веденіе метрическихъ книгъ для лицъ нехристіанскихъ исповѣданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ право штрафовать до 75 к. или арестовать на время до 24 часовъ сопротивляющихся ему или неисполняющихъ его законныхъ распоряженій, съ правомъ апелляціи недовольнаго на приговоръ войта уѣздному начальнику. Гминный совѣтъ: a) составлялъ бюджетъ расхода по гминѣ, раскладку податей и другихъ источниковъ на покрытіе этихъ расходовъ, завѣдывалъ гминною собственностью и повѣрялъ денежную кассу, заботился о содержаніи церквей, училищъ, больницъ и доставленіи врачебной помощи жителямъ; b) давалъ заключенія по всѣмъ вопросамъ о нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ гминѣ, о ея нуждахъ и потребностяхъ. Бюджетъ гмины утверждало губернское правленіе, а постановленія совѣта представлялись на утвержденіе уѣзднаго начальника, и—въ случаѣ неопротестованія ихъ въ 8 дневный срокъ,—вступали въ законную силу. Уставъ о сельской гминѣ распространялся и на малые города и мѣстечки, не имѣющіе особаго городскаго самоупра-

вленія, съ тѣмъ, что мѣсто войта заступалъ бурмистръ, а выборныя гмины городскаго совѣта назывались лавниками. Такимъ образомъ гминное устройство, по идеѣ Велепольскаго, совершенно утрачивало патримоніальный характеръ.

Реформа Велепольскаго явилась на свѣтъ не во время; польское общество, въ разгаръ повстанія, отъ нея отвернулось. Какъ будутъ приняты въ Польшѣ льготы, дарованныя имп. Александромъ II, видно было по самому началу. Когда былъ объявленъ въ Варшавѣ первоначальный манифестъ 13 (26) марта 1861 г., обнародовавшій главныя основанія предстоящихъ реформъ, экземпляры газетъ, гдѣ напечатанъ былъ манифестъ, бросали, изорванные и запачканные чернилами,—въ грязь. На слѣдующее воскресенье, когда ксензы читали его въ костелахъ, народъ вышелъ вонъ, въ смыслѣ протеста. Обнародованіе законовъ объ учрежденіи мѣстныхъ совѣтовъ, встрѣчено было съ презрѣніемъ; тайная революціонная организація и печать старались всѣми мѣрами ихъ дискредитировать и унизить въ глазахъ Европы, заявляя, что страна вскорѣ выскажетъ свое неодобреніе непринятіемъ участія въ новыхъ учрежденіяхъ. Всѣ усилія направлены были на то, чтобы заставить дворянство не вступать въ государственный совѣтъ и не являться по выбору. Между тѣмъ Велепольскій разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на значеніе въ государственномъ совѣтѣ временныхъ членовъ изъ епископовъ, предсѣдателей и членовъ губернскихъ совѣтовъ и земскаго кредитнаго общества, однимъ словомъ, изъ именитѣйшихъ обывателей и свѣтилъ мѣстнаго общества. Собираясь ежегодно 19 сентября (6 октября) въ засѣданіе общаго собранія,—при разнообразіи и важности порученныхъ ему дѣлъ,—эти представители мѣстнаго общества,—за отсутствіемъ представительства юридическаго, могли бы получить значеніе моральнаго представительства края. На первыхъ порахъ въ государственный совѣтъ дѣйствительно поступило нѣсколько уважаемыхъ лицъ старшаго возраста, болѣе спокойныхъ и умѣренныхъ; но на каждаго вступившаго сейчасъ же ложилась тѣнь подозрѣнія и онъ терялъ сейчасъ же популярность свою въ обществѣ. Но еще до отставки Велепольскаго, въ концѣ 1862 г.,—самые интеллигентные люди, введенные имъ въ совѣтъ — ген. Левинскій, Вэншенскій, Курцъ, Ставаскій, архіеп. Фелинскій и еврей Матіасъ Розенъ,—вышли вонъ. Это былъ не простой выходъ, а демонстративный, совершившійся подъ давленіемъ партій дѣйствія и закрѣплявшій союзъ съ нею если не въ активномъ, то въ пассивномъ смыслѣ. Въ отчетѣ по управленію царствомъ прямо указано, что дѣла, внесенныя въ государственный совѣтъ, остановились, за выходомъ въ

отставку большинства его членовъ. Губернскіе совѣты не собирались вовсе. Выборы въ уѣздные совѣты во всѣхъ губерніяхъ начались съ 11 (23) сентября 1861 года: въ 89 избирательныхъ округахъ оказалось 25,284 избирателя и 7,299 избираемыхъ; изъ числа которыхъ вообще принимало участіе $^4/_5$ общаго числа избирателей. Лица, избранныя въ члены уѣздныхъ совѣтовъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Помѣщиковъ	459	83,7%
Срочныхъ арендаторовъ	56	
Духовенствъ	81	13,2
Безсрочныхъ арендаторовъ	4	1,7
Чиншевиковъ	7	
Купцовъ	6	1,1
Фабрикантовъ и ремесленниковъ	2	
Итого	615	100%

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ духовенство составляло 20,26%, въ Бѣльскомъ уѣздномъ совѣтѣ изъ 15 членовъ было 5 духовныхъ; въ одномъ только Влоцлавскомъ совѣтѣ не было представителей духовнаго сословія. Въ числѣ избирателей 26 человѣкъ (около 4—) было евреевъ. Въ Калишскомъ уѣздѣ въ числѣ 18 членовъ было 3 еврея. Въ 51 округѣ евреевъ вовсе не избирали въ члены совѣтовъ. Уѣздные совѣты созваны были въ первый разъ въ теченіе августа и сентября 1862 г.

Уѣздные совѣты, всѣ безъ исключенія, обратили главное вниманіе на народное образованіе и на изысканіе къ тому средствъ. Опатовскій уѣздъ Радомской губ. предположилъ устроить элементарныя училища въ каждой деревнѣ, съ платежемъ учителю отъ 60 до 120 р., съ отводомъ земли и квартиры; Мѣховскій въ каждомъ приходѣ, по крайней мѣрѣ состоящихъ не менѣе, чѣмъ изъ 200 дворовъ. Опочинскій и Радомскій уѣзды возбудили вопросъ объ обязательномъ обученіи грамотности. Липновскій совѣтъ Плоцкой губерніи настаивалъ на введеніи польскаго языка въ нѣмецкихъ школахъ, чтобы *ополячить* нѣмцевъ. Нѣкоторыя собранія постановили лежащую на крестьянахъ натуральную шарварковую повинность (по устройству проселочныхъ дорогъ) переложить на деньги, но съ тѣхъ же крестьянъ, частью сполна (Опатовскій и Олькушскій), частью въ извѣстныхъ случаяхъ (Радомскій). Затѣмъ совѣты обратили вниманіе на обезпеченіе народнаго здравія, на устройство путей сообщенія, правильность расходованія шарварковаго сбора, излишнее число ярмарокъ, способствующее пьянству, улучшеніе состоянія городовъ, благотворительныхъ заведеній,

госпиталей; открытіе новыхъ рынковъ; собраніе статистическихъ свѣдѣній; на уменьшеніе бродяжничества и нищенства; ходатайствовали о пересмотрѣ устава о квартирной повинности. Были подняты на уѣздныхъ совѣтахъ и вопросы, обсужденіе которыхъ имъ не предоставлено. Въ особенности выдѣлились два вопроса: о конскрипціи и о чиншевыхъ делегаціяхъ. Почти всѣ уѣздные совѣты, за исключеніемъ совѣтовъ Радомской губерніи, уклонялись отъ выбора членовъ въ конскрипціонныя коммиссіи, а многіе и въ чиншевыя делегаціи. Было высказано ходатайство о пріостановленіи на нѣкоторое время конскрипціи, о сокращеніи срока службы или, по крайней мѣрѣ, объ оставленіи поступавшихъ въ предѣлахъ царства. Заявляя о невозможности соглашеній при современномъ настроеніи крестьянъ, многіе совѣты ходатайствовали о скорѣйшемъ введеніи обязательнаго очиншеванія съ полнымъ разверстаніемъ угодій и выкупѣ сервитутовъ, и въ этомъ смыслѣ заявляли объ увеличеніи числа землемѣровъ и помощниковъ экономическихъ чиновниковъ. Очень многіе совѣты возставали противъ выраженія, употребленнаго въ объявленной 10 (22) іюля 1862 г. инструкціи гминнымъ войтамъ, составленной совѣтомъ управленія и излагавшей способъ объявленія указа 24 мая (6 іюля) 1862 г. о безсрочномъ очиншеваніи, что на назначеннаго въ чиншевую делегацію правительствомъ чиновника возлагается *въ особенности* обязанность охранять права и имущества крестьянъ. Члены совѣта признавали такую обязанность общею для всѣхъ членовъ делегаціи и такое исключительное положеніе чиновника, по мнѣнію членовъ, подрывало довѣріе крестьянъ къ выборнымъ членамъ делегаціи. Многіе совѣты самое объявленіе вышеуказанной инструкціи считали источникомъ смуты и возбужденіемъ преувеличенныхъ надеждъ со стороны крестьянъ. Вообще въ постановленіяхъ совѣта довольно рельефно образовывалось недружелюбное отношеніе къ крестьянамъ и желаніе совершенно отстранить правительственное вмѣшательство въ сдѣлки между крестьянами и помѣщиками. Сейненскій уѣздный совѣтъ жаловался на принятіе отъ крестьянъ неосновательныхъ жалобъ и пристрастное ихъ удовлетвореніе; мшавскій совѣтъ обращалъ вниманіе на какое-то исключительное настроеніе умовъ крестьянъ, основанное на ложномъ пониманіи дѣла и угрожающее гибельными послѣдствіями краю. При этомъ совѣтъ замѣтилъ, что только съ 1846 года начались неслыханные до того времени жалобы и обвиненія, къ чему подстрекали тайные совѣтчики, а административные власти поощряли своимъ бездѣйствіемъ. Почти всѣ совѣты ходатайствовали о скорѣйшемъ открытіи гминныхъ судовъ; многіе объ устройствѣ земледѣль-

ческихъ товариществъ, обѣщанныхъ послѣ закрытія земледѣльческаго общества. Затѣмъ совѣты по одиночкѣ или небольшими группами заявляли о возобновленіи прежней системы мѣръ и вѣсовъ; о сложеніи подати, установленной въ 1848 году на военныя надобности, по случаю венгерской войны; о принудительномъ размежеваніи земель, принадлежащихъ мелкой шляхтѣ и проч. и проч.

Въ царствѣ оказалось всего 17 городовъ всѣхъ трехъ разрядовъ, въ которыхъ допускались городскіе совѣты. Въ городскомъ управленіи, результатъ выборовъ былъ слѣдующій:

Въ Варшавѣ оказалось	6,909	избирателей и	719 избираем.
„ остальныхъ 16 городахъ	4,152	„ „	868 „
Всего	11,061	избирателей и	1,587 избираем.

Явилось къ баллотировкѣ въ Варшавѣ почти $^5/_7$ общаго числа избирателей, а въ 16 провинціальныхъ городахъ слишкомъ $^3/_4$. Въ концѣ февраля 1862 года прав. коммиссія открыла избирательные съѣзды еще въ 4 городахъ, гдѣ избирателей оказалось 744, а избираемыхъ 117. Избранные въ числѣ городскихъ совѣтовъ распредѣляются:

Владѣльцевъ недвижимой собственности	123	$59_{1/4}$%
„ на основаніи безсрочнаго права	5	
Духовенства	14	$6_{1/4}$
Купцовъ гильдейскихъ	29	$13_{1/4}$
Фабрикантовъ и ремесленниковъ	29	$13_{1/4}$
Уполномоченные отъ ученыхъ, художниковъ и пр. (почти исключительно въ Варшавѣ)	9	$4_{1/4}$
Временныхъ арендаторовъ	7	$3_{1/2}$
Итого	216	100%

Въ Калишѣ и Сѣдлецахъ избраны только представители недвижимой собственности, которыхъ процентъ меньше всего въ Варшавѣ (41%); въ Лодзи купцы, фабриканты и ремесленники составляли слишкомъ 83%, а въ Згержѣ слишкомъ 91%. Въ семи городскихъ совѣтахъ не было ни одного члена изъ духовнаго сословія. За исключеніемъ Радомской губерніи, евреевъ избрано было въ члены городскихъ совѣтовъ 28, или 15% изъ общаго числа избранныхъ по первой городской очереди. Кандидатовъ въ члены городскихъ совѣтовъ избраны было 40 чел.; три городскіе совѣта не избрали ни однаго кандидата въ члены городскаго сословія изъ евреевъ. Городскіе совѣты открывались съ октября 1861 г. по май 1862 года. Въ одномъ только Красноставскомъ совѣтѣ, члены, еще до открытія его, подали прошеніе объ ихъ увольненіи. То же самое сдѣлала и вторая смѣна чле-

новъ, избранныхъ на новыхъ выборахъ, вслѣдствіе чего совѣтъ управленія закрылъ Красноставскій городской совѣтъ 16 (28) ноября 1862 года. Изъ уѣздныхъ совѣтовъ только Праснышскій совѣтъ Плоцкой губерніи позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ закона и начался съ рѣчи предсѣдателя, указавшаго, что главною цѣлью совѣщанія есть «вопросъ нашихъ крестьянъ: намъ нужно заплатить долгъ, отягощающій насъ, оставленный отцами нашими», на что собраніе отвѣтило шумными одобреніями. Праснышскій совѣтъ закрытъ былъ правительственнымъ коммиссаромъ.

Такимъ образомъ Польскія земскія учрежденія доказали, что они даже въ такую смутную эпоху могутъ служить къ умиротворенію взволнованнаго общества и въ состояніи направить его къ дѣятельности трезвой и серьезной. Но вспыхнувшее въ 1863 г. открытое возстаніе, направило задуманныя правительствомъ реформы въ Польшѣ на новый путь.

Злѣйшій врагъ поляковъ, говоритъ В. Д. Спасовичъ, не могъ бы изобрѣсть болѣе жестокаго удара, какъ тотъ, который былъ имъ нанесенъ доброжелательнымъ будто бы вмѣшательствомъ двухъ западно-европейскихъ государствъ, изъ которыхъ Франція стояла въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ, а Англія слѣдовала за нею немного позади. Дѣйствіемъ дипломатическихъ нотъ, хотя посредственнымъ, но послѣдовавшимъ съ неимовѣрною быстротою, было то, что русско-польскій конфликтъ въ самой Россіи изъ внутренняго вопроса превратился вдругъ во внѣшній,—въ вопросъ о томъ быть или не быть Россіи (Марк. Велеп. 314—311). Велепольскій въ своей политической игрѣ ставитъ послѣднюю и самую большую ставку, отъ выигрыша которой зависѣло безусловно существованіе автономнаго царства Польскаго съ передѣланными остатками пожалованій 1815 г., содержавшихся въ конституціонной хартіи Императора Александръ I. Когда эта ставка была проиграна, то въ упоеніи побѣды, возбужденное русское національное чувство толковало этотъ вопросъ такимъ образомъ, что проигрышемъ была обусловлена не только потеря автономіи царства Польскаго, но и самое прекращеніе существованія польской національности въ предѣлахъ Имперіи по самый прусско-австрійскій рубежъ (273).

Н. Колюпановъ.

РОЗГА, КАКЪ КАРАТЕЛЬНАЯ МѢРА.

I.

Реставрація розги — тема, влекущая къ себѣ невольное вниманіе криминалиста. Симпатіи, внушенныя ею извѣстной части общества и печати, соперничаютъ съ энергіею ея распространенія въ практикѣ. Ея возрожденію радуются, ея примѣненіе поощряютъ. Явленіе получаетъ особое значеніе въ виду того, что законъ даетъ волостнымъ судамъ безусловную свободу выбора между розгой и иными наказаніями, а земскимъ начальникамъ и съѣздамъ предоставляетъ безусловное же право замѣны ея. Законъ въ этомъ отношеніи «умываетъ руки»: находите необходимымъ — примѣняйте, но я васъ къ этому не неволю. При такомъ положеніи дѣла, если бы, вообразимъ себѣ, его исполнители сговорились не примѣнять розги, то она окончательно исчезла бы съ лица земли русской и законъ остался бы отъ этого не нарушеннымъ. Причины наблюдаемой широкой эксплоатаціи этого отживающаго типа уголовнаго возмездія коренятся, слѣдовательно, отнюдь не въ юридическихъ, а въ бытовыхъ и культурныхъ условіяхъ вопроса. А такъ какъ эксплоататорами оказываются въ данномъ случаѣ молодые дѣятели, обладающіе высшимъ юридическимъ или среднимъ общеобразовательнымъ цензомъ, то традиціонная розга является на этотъ разъ обставленною «взглядами», «мотивами», «теоріями» и «аргументами».

А потому и небезъинтересно посмотрѣть поближе, что́ это за обстановка.

Поклонники розги въ настоящее время дѣлятся на двѣ выяснившіяся пока фракціи. Одни изъ нихъ, такъ сказать, «поклонники искусства» ради искусства; за соболѣзнованіемъ о ней у нихъ

физіономія получаетъ то блаженное выраженіе, какое подмѣтилъ нѣкогда И. С. Тургеневъ у сосѣда—помѣщика, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, распивая съ нимъ чай на балконѣ въ то время, когда на конюшнѣ драли провинившагося крѣпостнаго. Это—или фанатики идеи, или любители—спортсмены; они бесѣдуютъ о розгѣ, смакуя каждое слово, сопровождая его выразительною мимикою и аргументируя тему съ чувствомъ. Спорить съ ними и невозможно и безполезно. Вторая фракція, гораздо болѣе обширная, не дерзая возводить служеніе розгѣ на степень культа или догмата, видитъ въ ней зло, но зло или неизбѣжное, или наименьшее изъ двухъ. Здѣсь, всетаки, имѣется хотя кое-какое подобіе мысли, анализа; идея пріемлется условно, временно; а поэтому здѣсь возможенъ и споръ, возможна и надежда дѣйствовать на убѣжденіе.

На доводахъ этой группы мы и остановимся.

Въ толкованіи умѣренной партіи сторонниковъ тѣлеснаго наказанія точкою отправленія выставляется «общее *благо*», а средствомъ его достиженія указывается *зло*, хотя и «неизбѣжное», хотя и «наименьшее изъ двухъ», но всетаки зло. Слѣдовательно, наши благожелатели надѣятся злыми средствами идти къ благой цѣли и прежде всего такимъ внутреннимъ противорѣчіемъ отнимаютъ всякое основаніе у своей собственной доктрины. Независимо отъ этого капитальнаго ея порока, они жестоко заблуждаются какъ въ неизбѣжности зла, такъ и въ невозможности выхода изъ кажущейся имъ роковою альтернативы.

Обращаясь къ первому аргументу, мы видимъ его мотивированнымъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ «неизъятой отъ тѣлеснаго наказанія» крестьянской среды, бороться съ которымъ возможно лишь примитивными мѣрами уголовной репрессіи. Но если человѣкъ упалъ, его *поднимаютъ*, *а не бьютъ*, потому что «бить лежачаго» считается дѣломъ позорнымъ даже съ точки зрѣнія самой примитивной этики. Этой простой истины благожелатели не хотятъ или не могутъ понять. Тѣлесному наказанію въ сферѣ всѣхъ прочихъ принадлежитъ лишь устрашающее значеніе; лишь очень наивный умъ можетъ усматривать въ немъ исправительное начало: страхомъ нельзя морализировать человѣка, потому что трусость неразлучна съ подлостью. Страхъ передъ розгой проявляется затѣмъ у него двояко: человѣкъ можетъ бояться физической боли или нравственнаго стыда; при частомъ ея примѣненіи ощущеніе боли притупляется, а чувство стыда живетъ лишь до тѣхъ поръ, пока человѣка не тронули, и пропадаетъ на всегда съ первымъ же ударомъ розги. Теряя, такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ болевыя впечатлѣнія, а во второмъ—стыдъ, высѣченный те-

ряетъ вмѣстѣ съ ними и устрашающее значеніе наказанія—результатъ, казалось бы, достаточно убѣдительный даже для старовѣровъ, до сихъ поръ признающихъ въ уголовной карательной системѣ не цѣли исправленія, а только страхъ, угрозу. Уповать затѣмъ на то, что не сѣченнаго еще ни разу человѣка будетъ сдерживать отъ проступковъ эта угроза, можетъ только самая простодушная иллюзія: уголовная хроника знаетъ массу примѣровъ, когда совершались убійства вслѣдъ за развращающимъ зрѣлищемъ публичной казни, кражи—тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы и т. д. Существуютъ, положимъ, слабыя, захудалыя нравственныя организаціи, поддающіяся застращиванію; но подобное воздѣйствіе до того условно, до того непрочно, до того антигуманно, что полагаться на него съ сколько нибудь серьознымъ основаніемъ невозможно: подобный субъектъ можетъ, пожалуй, сдерживаться до перваго удобнаго случая; онъ будетъ лишь поступать «смотря по обстоятельствамъ»: есть шансъ благополучно стащить чужое—онъ его стащитъ, можно побить человѣка безъ свидѣтелей—онъ побьетъ его, можно изнасиловать на единѣ—онъ изнасилуетъ. Воздержаться же отъ того, другаго или третьяго онъ получитъ возможность тогда только, когда сознаетъ безнравственность подобныхъ дѣяній и освободится отъ животнаго страха.

Не устрашая, не исправляя человѣка, розга способна лишь развращать его, на какомъ бы уровнѣ ни находилась его нравственность, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ и въ какомъ бы возрастѣ ни подвергался ей. «Лучшею изъ воспитательныхъ мѣръ и почти единственною считались розги, пишетъ генералъ Щербачевъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Русск. Арх. 1891 г., №№ 1 и 2), но мѣра эта не только не могла улучшить нравственность воспитанниковъ, но, убивая въ нихъ самолюбіе и очерствляя ихъ сердца, не возбуждала даже особеннаго страха, такъ какъ самые отчаянные кадеты скоро съ нею свыкались. Кромѣ того, эта мѣра на столько озлобляла кадетъ противъ начальства, что нѣтъ такой непріятности, которую они не желали бы сдѣлать своему начальнику, не заслужившему ихъ любви и сторонникъ этой мѣры». Г. Щербачевъ служилъ директоромъ въ нѣсколькихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ 30—40 годахъ. То же самое приходилось наблюдать и намъ въ гимназіи 50-хъ годовъ, когда розга столь же широко практиковалась въ цѣляхъ исправительнаго возмездія; сѣкли нашихъ сверстниковъ по субботамъ еженедѣльно, сѣкли цѣлыми партіями, и съ каждымъ разомъ наказуемые падали ниже и ниже; образовывалось своего рода ухорство, хвастовство, доходившее до цинизма; все это весьма наглядно разрушало въ глазахъ даже неиспытавшихъ этого

наказанія всякое и устрашающее, и исправляющее его значеніе. Современная намъ уголовная статистика указываетъ опять таки совершенно тожественное явленіе: большинство несовершеннолѣтнихъ преступниковъ выходитъ изъ мастерскихъ и т. п. ремесленныхъ заведеній, а ужъ тамъ ли не бьютъ! Въ нихъ плетка, вѣшаемая всегда на видномъ мѣстѣ, составляетъ единственный стимулъ обученія и назиданія, а въ случаяхъ особой важности пускаются въ ходъ и болѣе тяжеловѣсныя орудія «домашняго исправленія».

Такимъ образомъ, кого ни сѣките—барчука ли, или холопа — результатъ получится одинъ и тотъ же: отъ розги пострадаетъ не только воспріявшій ее, но и общество, среди котораго онъ будетъ жить, озлобленный и обезчещенный. Наши благожелательные сѣкуторы до сихъ еще поръ видятъ въ крестьянинѣ не человѣка, «равнаго всѣмъ передъ закономъ», а какое-то существо съ особенной злокачественной нравственной организаціей, повинующейся лишь насилію. Этотъ взглядъ, къ удивленію, раздѣляется даже *цивилизованными юристами*. Но неужели же *и они* не въ состояніи понять истину, возвѣщенную еще въ нагорной проповѣди и положенную въ основу новѣйшихъ научныхъ изысканій въ области уголовнаго права,—истину яснѣе Божьяго дня говорящую и вѣрующимъ и невѣрующимъ, что нельзя противиться злу *насиліемъ*, что для борьбы съ нимъ въ человѣкѣ существуютъ *иныя*, болѣе человѣческія, болѣе коренныя средства; что наказаніе преступника внѣ цѣли его нравственнаго исправленія низводится на степень безсмысленно-жестокаго акта, гибельнаго и для наказаннаго и для среды его; что неисправимые преступники, если даже считать существованіе ихъ доказаннымъ, могутъ подлежать лишь удаленію изъ общества или иному лишенію ихъ возможности вредить ему. Неужели и они, *цивилизованные юристы*, не въ состояніи понять и того, что, если въ крестьянской средѣ и преобладаютъ грубость, неразвитость и порочность, то эти свойства даны ей не природою, а соціальными условіями, съ которыми возможна и обязательна разумная борьба, и неблагопріятное вліяніе которыхъ будетъ лишь возрастать, если вмѣсто такой борьбы завяжется безобразная драка и если вмѣсто исправленія порочныхъ членовъ общества ихъ станутъ добивать розгой, постепенно уничтожая въ нихъ послѣдніе задатки добра, вырывая у общества послѣднюю надежду защититься отъ наносимаго ими вреда?

Да! Къ удивленію *и они* не въ состояніи понять этихъ простыхъ и великихъ истинъ! Для нихъ онѣ — лишь «сантименты», «плоды» западной науки, съ которою давно пора порѣшить. О широкомъ распространеніи тѣлеснаго наказанія мы то и дѣло слышимъ, то и дѣло

читаемъ. Ради его примѣненія нарушается законъ, превышается власть, противъ него подымаются протесты, и единичные—въ сопротивленіи приговоренныхъ къ нему, и коллективные—въ ходатайствахъ земства объ его отмѣнѣ, какъ мѣры безцѣльной и развращающей. Одичалая практика идетъ въ своемъ стремленіи наперекоръ закону, наперекоръ наукѣ, наперекоръ здравому смыслу, наперекоръ достоинству человѣческому и потребностямъ общества, успѣвшаго освободиться отъ крѣпостнаго права, отъ закрытыхъ судовъ, отъ фабричнаго произвола,—общества, строющаго школы и больницы, учреждающаго исправительныя колоніи, начинающаго борьбу съ пьянствомъ и народнымъ невѣжествомъ. Среди этой свободы, при гласномъ правѣ и милостивомъ судѣ, при охранѣ рабочихъ интересовъ, при общественныхъ читальняхъ и обществахъ трезвости розга является дикимъ, вопіющимъ диссонансомъ.

Въ »Юридическомъ Вѣстникѣ» (1890 г., № 3) мы сообщили читателямъ печальный разказъ о томъ, какъ въ московскихъ тюрьмахъ провалилась иниціатива общества распространенія полезныхъ книгъ, устроившаго чтенія и библіотеки для арестантовъ. Нашлось множество добровольныхъ и безвозмездныхъ чтецовъ изъ среды мѣстнаго духовенства, цѣлыя груды книгъ душеполезнаго и поучительнаго чтенія, даже волшебный фонарь для иллюстраціи ихъ; отъ тюремной администраціи требовалось только позволеніе, но при всевозможныхъ стараніяхъ добиться его общество не могло. Такимъ образомъ, гонятъ книгу, предлагаемую въ цѣляхъ нравственнаго возрожденія заключенныхъ, въ цѣляхъ, указанныхъ стало быть и закономъ (XIV т. св. зак. ст. 82 и 56), и практикуютъ розгу, цѣлямъ этимъ діаметрально противуположную,—практикуютъ какъ яко бы неизбѣжное зло и въ то время, когда высшимъ судебно-административнымъ инстанціямъ даровано закономъ право дискреціонной замѣны ея. Наконецъ, если бы законъ признавалъ эту «неизбѣжность», онъ не отдалъ бы ее, какъ это мы указали выше, на произволъ исполнителей.

Полагаемъ, что изложеннаго достаточно, чтобы отнять у теоріи *неизбѣжности* розги всякое разумное основаніе. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію доводовъ, рекомендующихъ ее, какъ *выборъ наименьшаго изъ двухъ золъ*.

Наша тюрьма, говорятъ сторонники этого мнѣнія, только портитъ человѣка, отнимаетъ у него рабочіе дни и въ его собственныхъ интересахъ должна быть замѣняема, гдѣ только это возможно, розгою. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія приводятся и факты: однажды крестьянинъ, приговоренный къ тюрьмѣ, самъ просилъ судью выпороть

его—«хоть и больно, да отдѣлаешься сразу, а въ острогѣ одни вши заѣдятъ»; другой мужичекъ ходатайствовалъ въ томъ же родѣ, указывая на страдную пору, когда всякій часъ дорогъ; третій, получивъ узаконенное количество, всталъ и поклонился—«благодарствуйте судьи праведные, что уму-разуму научили» и т. д.

Тюрьма, какъ она устроена въ данное время, дѣйствительно, портитъ и развращаетъ заключенныхъ. Это совершенно вѣрно. Но что же слѣдуетъ изъ этого?—одно, очевидно, что тюрьму надо устроить иначе, такъ чтобы она не портила, а исправляла людей; отсутствіе же этихъ условій не можетъ, очевидно, служить поводомъ, оправдывающимъ выборъ «наименьшаго изъ золъ». Да правда ли, что оно и «наименьшее?» Не таится ли подъ этимъ аргументомъ грубый самообманъ, или лукавая защита излюбленнаго принципа? Можетъ ли, наконецъ, покоиться на подобномъ утвержденіи судейская совѣсть?...

Если бы благожелательные апологеты повдумчивѣе задались бы этими вопросами, они увидѣли бы, что отстаиваемая ими розга неизмѣримо глубже и безповоротнѣе портитъ человѣка, нежели любая тюрьма. Развращающимъ разсказамъ, преступнымъ внушеніямъ желающій можетъ и не внимать, а физическія лишенія тюремнаго обихода удручаютъ лишь тѣло, не убивая позоромъ души. Все это, затѣмъ,—случаи, которые могутъ и быть и не быть, которыхъ можно такъ или иначе избѣжать. Розга же дѣлаетъ роковое, подневольное и непоправимое дѣло свое. Это наказаніе, хотя и не сопряженное съ «потерею или ограниченіемъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ», въ сущности лишаетъ наказаннаго драгоцѣннѣйшаго изъ этихъ правъ—права на самоуваженіе, безъ котораго не мыслимо исправленіе, права на тѣлесную неприкосновенность «образа и подобія Божія»!... Заживутъ, разумѣется, рубцы на исполосованной спинѣ, исчезнетъ физическая боль, но не закроется язва позора, не прекратится, а уйдетъ внутрь эта боль и всякое воспоминаніе, всякая аналогія будутъ вѣчно бередить эту язву и вызывать эту боль. Стремясь естественно заглушить эту боль, прикрыть эту язву, человѣкъ будетъ искать самозабвенія въ винѣ, или, сообразивъ, что ему терять больше нечего, что «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ», опустится въ омутъ преступленій и, въ обоихъ случаяхъ, затаитъ въ себѣ месть и то «озлобленіе къ начальству», которое такъ вѣрно подмѣчено цитированнымъ нами почтеннымъ педагогомъ. Благожелатели говорятъ, что сѣкутъ только людей, иначе неисправимыхъ, отпѣтыхъ; но вѣдь они знаютъ, что сѣкутъ, и, къ сожалѣнію, всего чаще, людей, *уго-*

ловно-непорочныхъ, — *недоимщиковъ* [1]), а типъ неисправимаго преступника, какъ полагаютъ опытнѣйшіе криминалисты, не существуетъ; такимъ преступникомъ можетъ оказаться лишь психически больной человѣкъ, котораго нужно лѣчить и котораго бить—безбожно. Но всего замѣчательнѣе при этомъ то обстоятельство, что эти благожелатели, утверждая, что сѣкутъ *только уже испорченныхъ*, предпочитаютъ розгу тюрьмѣ именно потому, что послѣдняя *портитъ* человѣка!

Обратимся теперь къ слѣдующему и столько же своеобразному аргументу апологетовъ розги—*собственному желанію подсудимаго подвергнуться тѣлесному наказанію*.

Этотъ доводъ чрезвычайно напоминаетъ намъ полицейскія дознанія объ изувѣченныхъ при эксплоатаціи промышленнаго труда. Каковы бы ни были причины, «несчастнаго случая», въ протоколѣ вѣчно регулируетъ одна—«собственная неосторожность» пострадавшаго. Зачастую эта «собственная неосторожность» является вызванною совершенно мимовольными условіями: приставятъ деревенскаго парня къ опасной машинѣ, механизмъ которой ему совершенно неизвѣстенъ, или вынудятъ его обиліемъ рабочихъ часовъ на рискъ прочистить машину на ходу, чтобы урвать тѣмъ нѣсколько лишнихъ минутъ отдыха, и т. п. Точно такія же мимовольныя условія вынуждаютъ иногда подсудимаго предпочесть тѣлесное наказаніе, когда ему нечѣмъ заплатить штрафъ, или когда ему особенно дорого рабочее время. Но добросовѣстный судья не только откажетъ въ такой просьбѣ, но и постарается внушить добровольцу всю гнусность ея; онъ можетъ, затѣмъ, разсрочить штрафъ, или отложить арестъ, чему бывали примѣры. Точно такъ же, какъ пострадавшій въ первомъ случаѣ готовъ признать «собственную неосторожность» и даже вѣрить въ нее, такъ и желающій отбыть наказаніе «натурой»—во-второмъ—*самъ не знаетъ, чего проситъ и съ своей точки зрѣнія*, пожалуй, и предпочитаетъ эту натуру инымъ видамъ возмездія, но это отнюдь не даетъ права судьѣ, человѣку не темному, а просвѣщенному хотя кое какимъ «образовательнымъ цензомъ» становиться на ту же точку зрѣнія и исполнять «собственныя желанія» подсудимаго.

Мало ли какія бываютъ «собственныя желанія», но это еще не резонъ, чтобы безупречно исполнять ихъ. Существуетъ, напр., извѣстный классъ предпринимателей, которые ходятъ по трактирамъ и ка-

[1]) Объ этомъ—см. статью того же автора въ „Юрид. Вѣст.“ 1890 г., № 11 и корреспонденціи „Русск. Вѣд.“ изъ Вятской губерніи, гдѣ волостные судьи приговариваютъ по предложенію станового пристава къ розгамъ *голодающихъ* недоимщиковъ *цѣлыми обществами*, огуломъ. (№ 84 отъ 27 марта, 91 г.).

бакамъ и предлагаютъ господамъ посѣтителямъ заушить себя, или проглотить какую нибудь гадость за опредѣленное по таксѣ вознагражденіе. Въ мою бытность въ университетѣ служилъ при анатомическомъ театрѣ сторожъ, который вылавливалъ изъ распластанныхъ внутренностей трупа бросаемые туда гривенники. Но развѣ за этими заушителями и жертвователями мыслимо признать какое бы то ни было право на исполненіе подобныхъ «добровольныхъ договоровъ?» Развѣ тѣ, кто принимаетъ подобныя предложенія, не эксплоатируютъ своимъ исполненіемъ чужихъ желаній нужду и горе человѣческое, и развѣ не то же ли самое дѣлаютъ и господа судьи, назначая вмѣсто тюрьмы розгу по желанію подсудимаго?

Что бы сказали нянькѣ родители ошпарившагося изъ самовара ребенка, если бы она оправдывалась тѣмъ, что ребенокъ самъ подставилъ ручку подъ кранъ? А между тѣмъ «желающій», тѣлеснаго наказанія равно столько же понимаетъ въ нравственномъ вліяніи той или иной уголовной кары, сколько и этотъ ребенокъ въ дѣйствіи кипятка на тѣло.

Относительно послѣдняго аргумента «благожелательной» теоріи, основаннаго на выражаемой иными субъектами розги благодарности за ея воспріятіе по приговору суда можно замѣтить лишь слѣдующее: надо быть уже черезчуръ наивнымъ наблюдателемъ, чтобы не догадаться, что подъ этой благодарностью таится рѣшеніе, отъ котораго не поздоровится судьѣ, если онъ когда нибудь встрѣтится съ своимъ кліентомъ съ глазу на глазъ въ уединенномъ мѣстѣ.

Не предписывая розгу, а лишь допуская ее въ исключительныхъ случаяхъ, какъ уступку нѣкоторымъ бытовымъ и прискорбнымъ особенностямъ (шагъ къ ея полной отмѣнѣ), новый законъ отнялъ у волостныхъ судовъ дотолѣ безконтрольное право ея примѣненія и не только установилъ за нимъ контроль высшей инстанціи, но и даровалъ ей власть замѣнять тѣлесное наказаніе инымъ, не столь позорящимъ и не столь развращающимъ. О томъ, какъ этимъ драгоцѣннымъ полномочіемъ пользуется эта инстанція, говорится и пишется очень много; говорили объ этомъ и мы въ упомянутой книжкѣ «Юридическаго Вѣстника», сообщая объ утвержденіи уѣзднымъ съѣздомъ неправосуднаго рѣшенія волостнаго суда, присудившаго высѣчь недоимщика, но ни мы, ни прочіе не знали тогда и не гадали, что розга можетъ быть прописана *инициативой самого съѣзда*, и огуломъ, не одному, а девяти подсудимымъ, приговореннымъ волостнымъ судомъ къ болѣе легкому наказанію,—фактъ, до того невѣроятный, что не будь въ сообщившихъ о немъ газетахъ поименованъ и съѣздъ

и весь личный составъ присутствія, сообщеніе можно было бы принять за вымыселъ, за что хотите, только уже никакъ не за дѣйствительно совершившееся событіе. Въ первомъ случаѣ уѣздный съѣздъ утвердилъ явно «неправосудное» рѣшеніе волостнаго суда, во второмъ—нарушая 20 ст. врем. прав. о вол. суд. 12 іюля 1889 г., онъ отмѣнилъ безукоризненно—правосудный, въ предѣлахъ закона постановленный приговоръ и *proprio motu* присудилъ девять человѣкъ къ тѣлесному наказанію. Подробности дѣла и весьма основательную юридическую оцѣнку его читатели найдутъ во внутреннемъ обозрѣніи январской книги «Вѣстникъ Европы». Замѣтимъ къ этому отъ себя, что рѣшеніе съѣзда чревато столь очевидными юридическими погрѣшностями, что ихъ какъ то даже неловко опровергать—имъ можно лишь изумляться. Это, быть можетъ, и оттого, что въ эпоху, которую зовутъ теперь «героическою», намъ пришлось принимать послѣдовательное участіе въ такихъ же съѣздахъ—сначала мировыхъ посредниковъ перваго призыва, потомъ—мировыхъ судей перваго выбора. Торжество идей свободы, законности, человѣчности и правосудія неразлучны съ воспоминаніемъ объ этихъ учрежденіяхъ—прототипахъ, въ которыхъ каждый изъ членовъ былъ глубоко и искренно проникнуть упомянутыми руководящими началами; тогда, какъ и теперь, начала эти не пользовались симпатіями окружающей среды, боровшейся за другіе идеалы—за идеалы только что отмѣненнаго крѣпостнаго права, но это не увлекало тогдашніе съѣзды съ указаннаго законодателемъ пути. Съ той поры прошло 30 лѣтъ «прогресса», и вотъ теперь пришлось узнать о приговорѣ подобнаго же, но лишь по виду, учрежденія и, «вспоминая минувшіе дни», еще разъ извѣдать всю глубину контраста между стойкими «отцами» и ихъ капитулирующими «дѣтьми»!

Но этого мало: въ эпохѣ, еще болѣе отдаленной,—въ эпохѣ не «героической», а «дореформенной», мы находимъ столь же внушительную параллель. Былъ во времена оны губернаторомъ въ Калугѣ гр. Толстой, николаевскій генералъ, безукоризненно честный, очень богомольный, добрый и прекрасный старикъ; но за нимъ водились кое какія странности и въ мѣстномъ обществѣ онъ слылъ по этому за чудака. Просматривая на ревизіи дѣлопроизводство разныхъ судебныхъ мѣстъ, онъ былъ пораженъ количествомъ приговоровъ, присуждавшихъ къ розгѣ, и чрезвычайною щедростью въ назначеніи ея ударовъ. «Можетъ ли человѣкъ столько вынести»?—спросилъ онъ своего правителя дѣлъ и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, задумался надъ вопросомъ; думалъ день, думалъ два, и на третій отпра-

вился въ баню. Тамъ онъ велѣлъ баньщику принести розогъ, раздѣлся, легъ и приказалъ себя высѣчь. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ онъ закричалъ «довольно, будетъ»! всталъ, одѣлся, далъ баньщику на чай и, очень довольный, вернулся домой. «Теперь—знаю»! объявилъ онъ своему правителю, и съ тѣхъ поръ не пропускалъ ни одного приговора, прописывающаго розгу свыше предѣловъ своего собственнаго опыта. Это, если хотите,—очень простодушное чудачество, но въ его основѣ столько гуманнаго чувства, столько равноправнаго и самоотверженнаго сострадания къ безправному еще тогда «существу съ особенной нравственной организаціей», что передъ нимъ нельзя не преклониться. Какъ бы то ни было, но этотъ дореформенный губернаторъ—«чудакъ» неизмѣримо нормальнѣе и выше нашихъ современныхъ благожелательныхъ апологетовъ.

II.

Ободряющею исторической справкой можетъ служить отчетъ о засѣданіи стокгольмскаго международнаго конгресса 23 августа 1878 г. Предсѣдательствовалъ въ немъ делегатъ отъ Россіи т. с. Гротъ; дебатировался вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ тюрьмахъ, какъ карательно-дисциплинарной мѣрѣ. Наказанія этого рода существовали въ инструкціяхъ, но очень рѣдко примѣнялись тогда на практикѣ въ мѣстахъ заключенія лишь трехъ государствъ западной Европы—Англіи, Пруссіи и Даніи. Единогласно высказавшись противъ такъ называемыхъ «chambre lattée»; «chaise de force» и«bonnet phrygien», секція конгресса перешла къ розгамъ, при чемъ одинъ изъ делегатовъ г. Мазанти (директоръ тюрьмы) заявилъ, что, если имъ подвергаютъ нерѣдко людей свободныхъ въ арміи и флотѣ, то какже обойтись безъ нихъ съ острожниками, ослушниками всякой дисциплины? Едва кончилъ говорить г. Мазанти, какъ зала огласилась почти единодушнымъ взрывомъ протеста, и слово было предоставлено главному начальнику бельгійскихъ тюремъ г. Бердену. «Мы только что выслушали, воскликнулъ онъ, печальный отчетъ о практикуемыхъ еще кое гдѣ возмутительныхъ репрессіяхъ, которымъ подвергаютъ несчастныхъ арестантовъ! Трудно выразить весь ужасъ, внушаемый подобными порядками и всю настоятельность желанія, чтобы всѣ цивилизованныя націи отказались бы, къ чести человѣчества, отъ этого наказанія, столько же варварскаго, сколько противнаго достоинству человѣка!» По свидѣтельству всѣхъ дальнѣйшихъ ораторовъ, спеціалистовъ въ вопросѣ, тѣлесныя наказанія унижаютъ и развращаютъ

заключенныхъ и еще болѣе чиновниковъ, которые примѣняютъ ихъ. Путемъ опыта въ австрійскихъ тюрьмахъ установлено, что онѣ и не нужны и безполезны; уже 11 лѣтъ, какъ онѣ отмѣнены въ нихъ, а дисциплина стала лучшею, нежели была когда либо, и заключенные, хотя бы лишенные всякой культуры, ощутили бы свое униженіе, испытавъ ихъ теперь. Въ Швейцаріи, гдѣ федеральное правительство отмѣнило тѣлесныя наказанія, въ тюрьмахъ еще остаются арестанты, подвергнутые ему въ прежнее время; съ ними, по отзыву тюремной администраціи, гораздо труднѣе управляться, нежели съ остальными заключенными, и въ ихъ поведеніи то и дѣло проявляется чувство ненависти и озлобленія. Въ Англіи, въ бирмингамской тюрьмѣ, несмотря на инструкціи, еще ни разу не примѣнялось тѣлесное наказаніе, а въ дисциплинарномъ отношеніи тюрьма эта является образцовою. Равнымъ образомъ, въ Пруссіи большинство директоровъ никогда не пользуются регламентомъ, допускающимъ тѣлесное наказаніе. Такой же порядокъ существуетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ тюремное начальство пришло къ убѣжденію, что нельзя подобною мѣрою унижать человѣка, уже униженнаго своимъ преступленіемъ. «Бить человѣка, сказалъ французскій делегатъ Мишонъ, значитъ развращать его, не исправляя. Физическая боль, причиняемая однимъ человѣкомъ другому, заключаетъ въ себѣ нѣчто отвратительное для чувства француза; гнусность подобнаго насилія отнимаетъ въ глазахъ наказываемаго и наказывающаго то уваженіе и достоинство, которыми необходимо долженъ отличаться актъ правосудія, каковъ бы онъ ни былъ. Авторитетъ надзирателя, прибѣгающаго къ этой дисциплинарной мѣрѣ, падаетъ во мнѣніи заключенныхъ; она вредитъ его нравственному вліянію и поселяетъ въ душѣ бичуемаго озлобленіе, которое въ свою очередь вредитъ его возрожденію. Я даже сомнѣваюсь, могли бы мы найти въ рядахъ нашей доблестной арміи, проникнутой чувствомъ чести и сильной имъ, достаточное количество людей, готовыхъ хладнокровно бить человѣка, лишеннаго возможности защищаться». Докладчикъ, г. Тауфферъ, резюмируя пренія, заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Трудно вообразить себѣ наказаніе унизительнѣе и развратнѣе розги; она должна быть вычеркнута изъ всякой тюремной инструкціи. Могу по собственному опыту удостовѣрить, что отмѣна этого наказанія въ Венгріи съ 1866 г. значительно сократила количество случаевъ нарушенія дисциплины; ихъ средняя цифра съ 1865 г. 65% пала въ 1866 до 30%, а въ 1876—до 18%. Я прибавлю къ этому, и опять по собственному опыту, что примѣненіе тѣлесныхъ наказаній ослабляетъ власть надъ самимъ

собою даже и у лицъ, его назначающихъ; мы, директоры тюремъ, склонны къ тѣмъ же слабостямъ, какъ и всѣ люди, и податливы къ увлекающимъ впечатлѣніямъ». Секція, выслушавъ цитированныхъ докладчиковъ, высказалась за безусловную отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Когда доложена была конгрессу эта резолюція, радостное и симпатичное движеніе охватило всѣхъ присутствующихъ. Исполняя желаніе нѣкоторыхъ членовъ поставить вопросъ на баллотировку безъ обычныхъ формальностей и рѣшить его непосредственнымъ и торжественнымъ голосованіемъ, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, т. с. Гротъ, тотчасъ же обратился къ конгрессу съ этимъ предложеніемъ, и вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія былъ единодушно рѣшенъ собраніемъ въ положительномъ смыслѣ. «Мы не знаемъ, замѣчаетъ отчетъ, каковы будутъ практическія послѣдствія этого рѣшенія, но мы знаемъ то, что въ лѣтописяхъ уголовнаго права, въ лѣтописяхъ человѣчности его одного будетъ довольно, чтобы почтить память стокгольмскаго собранія». («La science pénitentiaire au Congrès de Stockholm» par F. Desportes et L. Lefèbure, pp. 140—149).

Такое же рѣшеніе по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ принялъ и лондонскій международный тюремный конгрессъ 1872 года, вотировавъ вмѣстѣ съ американскою делегаціею положеніе, что въ надзорѣ за заключенными надо разсчитывать на силу нравственную и какъ можно рѣже пользоваться силою физическою. Путь систематическаго убѣжденія долженъ вытѣснить собою коэрентивное сопротивленіе, такъ какъ исправительная задача тюрьмы состоитъ не въ томъ, чтобы дрессировать послушныхъ арестантовъ, а въ томъ, чтобы создать людей, свободныхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ («Congrès pénitentiaires internationaux», Index des questions discutées et des résolutions prises, p. 23).

До какихъ предѣловъ можетъ простираться эта «нравственная сила», на которую такъ справедливо разсчитываетъ лондонскій конгрессъ, какъ дѣйствуетъ она даже въ средѣ наиболѣе испорченной, способной, по ученію нашихъ апологетовъ, управляться лишь при помощи розги, въ средѣ закоснѣлыхъ каторжниковъ, — все это доказываетъ намъ фактъ, сообщенный г. Максимовымъ въ одномъ изъ его бытовыхъ очерковъ дальняго сѣвера «попъ Симеонъ».

На островѣ Сахалинѣ въ послѣднюю турецкую войну оказался совершенно разобщеннымъ и отрѣзаннымъ отъ міра одинъ батальонъ; ему угрожала голодная смерть. Начальнику сахалинской каторжной тюрьмы были доставлены 40,000 р. для передачи погибающему батальону. Батальонъ былъ расположенъ на противоположной окраинѣ

громаднаго острова; стояла глухая, бурная осень. Доставить деньги можно было только моремъ, обогнувъ берегъ, съ обычными въ эту пору бурунами котораго трудно было бороться любому броненосцу, а на островѣ не было и порядочной лодки. Предстоялъ подвигъ, и рискнуть на помощь погибающимъ никто не рѣшался. Мѣстный священникъ о. Симеонъ отправился тогда въ тюрьму и объяснилъ каторжникамъ какъ цѣль, такъ и опасность предпріятія. Всѣ наперерывъ заявили желаніе сопровождать священника; пришлось выбрать 8 человѣкъ; была наскоро сколочена лодка и, получивъ разрѣшеніе начальника тюрьмы и деньги, о. Симеонъ съ 8-ю арестантами отплылъ спасать голодающихъ. Преодолѣвъ тысячи препятствій, потерявъ одного товарища во время бури, храбрецы достигли цѣли, деньги въ цѣлости были вручены командиру и батальонъ былъ спасенъ... Каторжники совершили этотъ богатырскій подвигъ, имѣя полную возможность ограбить священника, спихнуть его въ море, подѣлить деньги по 5 тысячъ на брата и бѣжать, а въ случаѣ поимки совершенно правдоподобно свалить всю вину на бурю. Но они не сдѣлали этого. Отчего? — *только оттого*, что обратились къ ихъ человѣческому достоинству, дѣйствовали на нихъ не страхомъ, не насиліемъ, а нравственнымъ вліяніемъ, геройскимъ примѣромъ и беззавѣтнымъ довѣріемъ.

Вышеприведенныхъ фактическихъ доказательствъ всемірнаго торжества нравственной дисциплины надъ палочною, полагаемъ, достаточно, чтобы найти въ нихъ руководящій свѣточъ въ той темнотѣ, которая окружаетъ вопросъ о розгѣ для ея поклонниковъ. Въ этихъ доказательствахъ наука и жизнь, теорія и практика въ мышленіи и наблюденіи своихъ достойнѣйшихъ и компетентнѣйшихъ представителей въ одинъ голосъ говорятъ намъ, съ одной стороны, о томъ, что тѣлесное наказаніе еще глубже портитъ и нравственно принижаетъ даже *испорченную и порочную натуру*, а, съ другой, — что даже и она способна не только возрождаться, но и являть подвиги трогательнѣйшаго самоотверженія, когда вмѣсто традиціонныхъ репрессалій стимуломъ ея возрожденія дѣйствуетъ иная, высшая сила — «сила нравственная». А потому, въ этихъ доказательствахъ еще рѣзче, еще наглядніе выдѣляется вся глубина заблужденія, видящаго въ розгѣ дисциплинарное средство, полезное и необходимое *свободному и полноправному* человѣку, и не вѣрующаго въ возможность нравственнаго вліянія на его неиспорченную, хотя бы и грубую натуру.

Мы видимъ, однако, мы слышимъ, мы даже читаемъ, что благожелательная апологетика опираетъ свою аргументацію, между про-

чимъ, именно этою грубою натурою нашего крестьянина, усматривая въ ней «народное воззрѣніе» на предметъ!

Правда, крестьянинъ нашъ привыкъ «учить» свою жену, «учить» своего сына, считаетъ эту «науку» не только позволительною, но и необходимою въ домашнемъ обиходѣ. Упраздненные мировые судьи боролись съ этою традиціонною системою домашняго обученія, а смѣнившіе ихъ земскіе начальники ее санкціонируютъ собственною практикою, становящейся такимъ образомъ примѣромъ, достойнымъ подражанія. Между крестьянами много, конечно, вѣрующихъ въ тѣлесное возмездіе, ему сочувствующихъ и въ той или иной формѣ его примѣняющихъ. Но позволительно ли, подчиняясь «власти тьмы», руководствоваться такимъ «народнымъ воззрѣніемъ» представителю власти правительственной, представителю въ темной средѣ своего участка образовательнаго и, во всякомъ случаѣ, сравнительно высшаго ценза. представителю, обязанному законодателемъ «имѣть попеченіе о нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ» (ст. 39 пол. о зем. нач.), и, несмотря на все это, печатно констатирующему свою солидарность съ «народнымъ воззрѣніемъ» и оправдывающему имъ свою судебную практику?

Интеллигентъ можетъ поучиться у нашего крестьянина весьма многому, но уже никакъ не его юридическимъ взглядамъ на цѣлесообразность и правомѣрность того или инаго наказанія. Стремленіе «опроститься» должно имѣть свои разумные предѣлы; оно не можетъ изъ личной, индивидуальной среды вторгаться въ сферу общественную и и навязывать ей свою «опрощенную» юриспруденцію.

Къ подобнымъ опростителямъ примыкаютъ и иныя тенденціи—переживанія. «Въ подобную эпоху, писали мы однажды, жестокосердіе человѣческое, умѣренное цивилизаціей настолько, чтобы не давать непосредственной воли собственнымъ рукамъ, вспыхиваетъ своими животными инстинктами и даетъ имъ выходъ въ фанатической пропагандѣ всеисцѣляющей розги, необходимой, чтобы «подтянуть» сельскаго обывателя не только въ криминальныхъ случаяхъ, но и тогда, когда онъ является простымъ должникомъ фиска! И вотъ, для того только, чтобы лишній разъ исполосовать спину этого обывателя, чтобы щегольнуть своимъ ультраконсерватизмомъ, чтобы поддѣлаться къ господствующему въ своей мѣстности настроенію, чтобы заявить свое презрѣніе къ идеаламъ и «сантиментамъ», къ авторитетамъ и наукѣ—беззастѣнчиво искажается законъ, позабываются университетскія преданія, и съ высоты судейской трибуны во всеуслышаніе провозглашается жестокосердая, унижающая человѣка доктрина... Совре-

менные «завершители крестьянскаго дѣла» должны бы, казалось, помнить, что прототипъ ихъ—мировой посредникъ оттого только и снискалъ себѣ благодарную, живую до сихъ поръ память, что, не взирая ни на какія, «вѣянія» и «тенденціи» всегда оставался вѣренъ духу исполняемаго закона, радѣлъ объ охраняемыхъ имъ правахъ сельскаго обывателя и видѣлъ въ немъ человѣческую и полноправную личность, а не вчерашняго раба, послушнаго лишь палкѣ» (Юридич. Вѣстн. 1890 г., № 10, стр. 375 и 380).

III.

Съ трехъ сторонъ, какъ мы сказали, направляются сторонники розги: одни исходятъ отъ неизбѣжности розги, какъ единственнаго исправительнаго фактора въ крестьянской средѣ; другіе видятъ въ ней наименьшее изъ двухъ золъ, и третьи оправдываютъ свои воззрѣнія и свою практику воззрѣніями и практикою самого народа. Въ общемъ итогѣ этой тройственной аргументаціи получается картина, отъ которой глазъ наблюдателя невольно отворачивается и, обращаясь назадъ, въ далекое и болѣе свѣтлое прошлое, въ немъ только находитъ и отраду и задатки такого же свѣтлаго, но, быть можетъ, и такого же далекаго будущаго! Изобразить эту картину и по возможности приблизить это будущее и составляло задачу той работы, которую мы продолжаемъ теперь.

«На русскій народъ или, точнѣе говоря, на взаимоотношеніе въ немъ высшаго и низшаго классовъ, говоритъ г. Соловьевъ (Вѣстникъ Европы, 1890, мартъ), существуютъ у насъ два крайніе взгляда, противуположные другъ другу и, однако же, во многомъ существенномъ сходящіеся между собою; первый изъ нихъ я назову *крѣпостническимъ*, а второй—*народопоклонническимъ*.

«Согласно первому взгляду, русскій народъ (въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. простонародье) обреченъ на вѣчное или, по крайней мѣрѣ, неопредѣленно продолжительное гражданское, экономическое и культурное несовершеннолѣтіе; оставленный безъ властнаго и строгаго присмотра, онъ можетъ только спиться и извороваться, какъ это показываетъ будто бы недавній опытъ; высшее же сословіе, напротивъ, имѣетъ въ себѣ нѣкую vertu occulte, вслѣдствіе которой оно спиться и извороваться не можетъ, но всегда остается на высотѣ своего призванія. А отсюда прямой выводъ: «худыхъ людишекъ», «мужиковъ» отдать на щитъ,—я хочу сказать на попеченіе «лучшимъ людямъ», «добліимъ мужамъ». Заключеніе совершенно правильно, но

основныя положенія, изъ которыхъ оно выводится, содержатъ въ себѣ нѣсколько довольно незамысловатыхъ неправдъ. Во-первыхъ предполагается какой-то рокъ, судьба или предопредѣленіе, по которымъ простой народъ долженъ всегда производить худыхъ людишекъ, а высшее сословіе—доблестныхъ мужей. Такого рока, какъ извѣстно, вовсе не существуетъ, и всякое сословіе въ массѣ своей состоитъ изъ болѣе или менѣе плохихъ людишекъ. Нашимъ крѣпостникамъ приходится поневолѣ для поддержанія своего взгляда представлять и народъ, и дворянство въ крайне ложномъ свѣтѣ: съ одной стороны, все воры да пропойцы, а съ другой — все Пожарскіе, спасающіе Россію (а кстати и свои заложенныя имѣнія). Конечно, нашъ простой народъ, какъ и всякій другой, весьма далекъ отъ идеальнаго совершенства; но вѣдь этимъ господамъ нужно, чтобы онъ былъ, *какъ можно хуже*,—на его недостаткахъ и порокахъ зиждутся ихъ собственныя притязанія; поэтому, малюя фальшивыми красками свою мрачную картину, они навѣрно не станутъ заботиться объ исправленіи дѣйствительныхъ золъ и бѣдствій народной жизни. Попеченіе о народѣ они разумѣютъ исключительно въ смыслѣ его муштрованія и подтягиванія, а никакъ не въ смыслѣ его внутренняго духовнаго развитія. Обвиняютъ народъ въ томъ, что онъ спился, но ратуютъ не противъ кабака, а противъ школы. Оно и понятно: отъ кабака народъ дѣлается такимъ, какимъ онъ имъ нуженъ, тогда какъ черезъ школу онъ можетъ сдѣлаться просвѣщеннѣе самихъ опекуновъ, получившихъ иногда высшее образованіе въ конюшнѣ или въ опереткѣ... Кто болѣе способенъ обучать и воспитывать, нежели подтягивать, тотъ очевидно не годится въ ряды передовой дружины, устремившейся къ великому земскому строенію...

«Въ противуположность крѣпостникамъ народопоклонники утверждаютъ... что нашъ образованный классъ при всѣхъ своихъ видимыхъ внѣшнихъ преимуществахъ утратилъ внутреннюю правду жизни и потому не только не можетъ вести за собою простой народъ, но для собственнаго своего исцѣленія долженъ смириться предъ народомъ, принять безусловно сущность народнаго міросозерцанія, научиться у народа истиннымъ началамъ жизни. Такой взглядъ г. Соловьевъ признаетъ «ложнымъ въ своихъ теоретическихъ основахъ и далеко не безвреднымъ въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ»: «простота народнаго быта, такъ же какъ и простота народной вѣры, не представляетъ *сама по себѣ* никакого внутренняго духовнаго совершенства; самыя простыя формы жизни и самыя глубокія непосредственныя вѣрованія могутъ совмѣщаться и дѣйствительно совмѣщаются не только съ

умственною, но и съ нравственною дикостью... И если существуетъ и въ Россіи классъ сравнительно образованный, то его патріотическая задача и нравственная обязанность заключаются не въ томъ, чтобы искусственно усвоить себѣ первобытное состояніе народной массы, состояніе столь несовершенное и столь непрочное, а въ томъ, чтобы помочь этой массѣ освободить скрытый въ ней образъ Божій отъ того «звѣринаго образа», котораго не отрицаютъ и народопоклонники. Стыдно и горько настаивать на такой азбучной истинѣ; но что же дѣлать, когда ее нынѣ не только оспариваютъ, но и прямо объявляютъ отжившимъ заблужденіемъ?

«Противъ нашихъ крѣпостниковъ съ одной стороны, противъ народопоклонниковъ и опростителей съ другой, заключаетъ г. Соловьевъ, мы осмѣливаемся утверждать, что задача образованнаго класса относительно народа состоитъ не въ томъ, чтобы его подтягивать и эксплоатировать, а также и не въ томъ, чтобы ему поклоняться и уподобляться, а въ томъ, чтобы приносить ему дѣйствительную и положительную пользу, заботясь не о его безгласности, а также и не о сохраненіи его первобытной простоты, а единственно только о томъ, чтобы онъ былъ лучше, просвѣщеннѣе и счастливѣе».

Эти заключительныя слова почтеннаго философа должны бы сдѣлаться девизомъ нашихъ новыхъ «земскихъ строителей»; между тѣмъ мы видимъ, какъ они, поклоняясь «идолу» — розгѣ, забываютъ не только «идеальное» призваніе свое, но и положительный законъ, возлагающій на нихъ *«попеченіе о нравственномъ преуспѣяніи»* народа. Несмотря на обиліе появляющихся въ печати извѣстій о дѣятельности земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ, несмотря на сторонніе заявленія сочувствующихъ «любителей», несмотря и на самовосхваленія нѣкоторыхъ изъ дѣятелей въ «Гражданинѣ», весь этотъ ворохъ вѣстей и рекламъ сводится къ одному и тому же впечатлѣнію: мы видимъ «передовую дружину», ратующую оружіемъ стариннаго образца — «муштрованіемъ и подтягиваніемъ», о коихъ умалчиваетъ законъ, и тщетно ищемъ «попеченія о нравственномъ преуспѣяніи», которое онъ рекомендуетъ. Вѣрные бытовымъ традиціямъ, они не хотятъ знать традиціи юридической, а она въ данномъ случаѣ очень поучительна. Слѣдя за исторіею отношенія нашего законодательства къ розгѣ, мы видимъ послѣдовательное его стремленіе къ ограниченію ея воздѣйствія количественно и качественно. Если это стремленіе идетъ не быстрыми и частыми шагами, за то рѣшительными и безповоротными, идетъ впередъ, не останавливаясь и не оглядываясь назадъ. Поворотная эпоха въ историческомъ нашемъ

развитіи, эпоха крушенія крѣпостнаго права застаетъ дѣйствующими и широко эксплоатируемыми всѣ виды и особи тѣлеснаго наказанія отъ жесточайшихъ истязаній до «пожалованья изъ барскихъ рукъ» включительно. Весь этотъ адъ сразу и въ дребезги разбивается положеніемъ 19 февраля, которое замѣняетъ его maximum'омъ 20-ти ударовъ розги по приговору избранниковъ народа, волостныхъ судей. Затѣмъ слѣдуетъ безусловная отмѣна тѣлеснаго наказанія для женщинъ. Волостной судъ продолжаетъ, однако, пользоваться барскимъ наслѣдіемъ дискреціонно, но и этому наступаетъ предѣлъ: является законъ, ставящій это право подъ контроль высшей власти, лишающій розгу прежней обязательности и дарующій этой власти право замѣны ея. Юридическое значеніе розги въ наши дни находится, такимъ образомъ, при своемъ послѣднемъ издыханіи, и, если законодатель, равнодушно созерцая ея старческую агонію, предпочитаетъ насильственной смерти смерть естественную, то дѣлаетъ это, какъ уже мы видѣли, въ уступку бытовымъ условіямъ темной среды, но отнюдь не въ примѣръ и поощреніе просвѣщеннымъ ревнителямъ системы «муштрованія и подтягиванія».

Какъ мы сказали, примѣненіе розги поставлено теперь на полное усмотрѣніе исполнителей закона; но ожидать, что вождѣленная эра полной отмѣны тѣлеснаго наказанія настанетъ сама собою, что исполнители, проникнувшись духомъ закона, воспользуются его полномочіемъ и возьмутъ розгу, какъ говорится, изморомъ—было бы дѣломъ очень суетнаго мечтанія. Тѣ общественныя наслоенія, которыя г. Соловьевъ подѣлилъ на двѣ группы, назвавъ одну «крѣпостничествомъ», а другую—«народопоклонничествомъ», очень еще густы и *непроницаемы*. Обѣ группы одинаково неспособны нормировать свою дѣятельность принципіальнымъ указаніемъ цѣли закона, возлагающаго на исполнителей «заботы по завершенію крестьянскаго дѣла, по правильному развитію благосостоянія, хозяйственному благоустройству и нравственному преуспѣянію крестьянъ» (указъ прав. сенату о введ. въ дѣйствіе пол. и 31 ст. его), такъ какъ первая подобныя заботы считаетъ «сантиментами», а вторая — воспрещеннымъ «противленіемъ злу»; все же остальное, что стоитъ между этими двумя крайними группами, привыкло заботиться только о самомъ себѣ и видѣть въ своемъ общественномъ призваніи лишь выпавшій на свою личную долю болѣе или менѣе сладкій «кусокъ». Очевидно, что и первые, и вторые, и третьи,—кто эксплоатируя народную темноту въ своихъ интересахъ, кто преклоняясь предъ нею, кто подлаживаясь къ окружающей средѣ,—должны были всѣ эти намѣченныя въ законѣ заботы

свести къ одному знаменателю и «опроститься» въ своей юрисдикціи до «лапотнаго суда», примѣняя розгу тамъ, гдѣ даже и онъ не находитъ это возможнымъ и правомѣрнымъ.

Кромѣ всего этого, и нравственная атмосфера, въ которой пришлось этому закону сдѣлать свой первый починъ, крайне неблагопріятствуетъ его основнымъ цѣлямъ. Уваженіе къ закону, четверть вѣка тому назадъ провозглашенное одною изъ главнѣйшихъ задачъ вводимыхъ тогда судебныхъ уставовъ, теперь оказывается лишь «стѣснительнымъ» обстоятельствомъ для «властной руки»; забота о меньшемъ братѣ, культурное на него воздѣйствіе старшаго брата—вызываютъ лишь снисходительную улыбку на солидныхъ устахъ; «борьба за существованіе», во что бы то ни стало, возводится въ принципъ личной и общественной дѣятельности, и гдѣ нѣкогда высились «идеалы», тамъ торчатъ теперь «идолы», а среди нихъ,—для нашего вопроса,—тотъ, что держитъ въ рукахъ краснорѣчивую эмблему «подтягиванія и муштрованія».

Еще задолго до обнародованія новаго закона уже сложились прецеденты исполненія его въ эту одну, такъ мало имъ ожиданную сторону. Первоначальный проектъ, раззадорившій аппетиты сословнаго антагонизма, обѣщавшій возстановленіе вотчинной полиціи, а за нею открывавшій еще болѣе нескромныя перспективы, былъ, какъ извѣстно, отвергнутъ и «вотчинники» замѣнены чиновниками. Это вызвало между «чающими движенія воды», глухое недовольство, отразившееся на затрудненіяхъ въ пріисканіи кандидатовъ и обусловившее извѣстныя пониженія требовавшагося сначала образовательнаго ценза. Темные общественные элементы, провалившіе злоупотребленіемъ выборнаго начала достоинство судебно-мироваго института, начинаютъ ту же разрушительную работу и въ комплектованіи смѣнившихъ его новыхъ учрежденій, устраняя тѣми или иными путями лучшихъ дѣятелей, готовыхъ искренно посвятить свои силы, познанія и опытъ на служеніе въ нихъ народу, но не «сотворившихъ себѣ кумира», которому поклоняется вся мѣстная округа, и замѣняя ихъ другими *болѣе подходящими* и болѣе покладистыми лицами. Трудно, конечно, прослѣдить, какая комбинація является рѣшающею въ тѣхъ назначеніяхъ, которыя опредѣляются «соглашеніемъ», а не властью министра; но, насколько это доходило до нашего свѣдѣнія, голосъ сословнаго представителя въ этомъ соглашеніи оказывался преобладающимъ. По этому поводу нельзя не вспомнить статьи г. Тютрюмова въ № 6 и 7 «Юрид. Вѣсти.» за 1889 г. «Земскіе начальники и нужды русской деревни», въ которой онъ говоритъ между прочимъ

слѣдующее: «Зная составъ дворянъ, пребывающихъ въ уѣздѣ и могущихъ выступить въ новой должности, мы не можемъ поручиться, что въ роли новыхъ дѣятелей не будетъ доброй половины не только посредственныхъ, но и просто дурныхъ людей, а такіе люди, причиняя напрасныя обиды населенію, могутъ лишь принести вредъ мѣстному управленію... Подобные дворянскіе начальники, по недоразумѣнію лишь называемые земскими, будутъ волей неволей вѣстью о порядкахъ тяжелаго и ненавистнаго для населенія времени, которое предшествовало 19 февраля 1861 года».

Если мы сопоставимъ вышеприведенные отзывы г. Соловьева о «передовой дружинѣ земскихъ строителей» съ этими строками и съ тѣмъ, что пишется и говорится о розгѣ, то неминуемо придемъ къ тому же выводу — что ожидать при такихъ наличныхъ условіяхъ ея естественной смерти, или хотя бы ограниченія ея практики—дѣло немыслимое: слишкомъ еще много у нея поклонниковъ и внизу и вверху, въ народѣ и въ интеллигенціи, а между послѣдними имѣются, напр., и такіе: въ недавно изданной книжкѣ г. Дашкевича «О волостномъ судѣ и его реформѣ (изъ наблюденій надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ)» между прочимъ мы читаемъ слѣдующее: «Необходимо дать большее право гражданства тѣлесному наказанію съ расширеніемъ его объема *по крайней мѣрѣ до 100 ударовъ*, такъ какъ это наказаніе не лишено своего универсальнаго значенія, какъ педагогическая и дисциплинарная мѣра, на которой во всѣ вѣка, въ извѣстномъ возрастѣ воспитывалось человѣчество. Переставъ быть помѣщичьимъ наказаніемъ, оно не перестало быть *народнымъ*. Простой народъ видитъ въ этомъ наказаніи единственное палліативное средство, которымъ онъ въ состояніи врачевать свои домашнія язвы, и потому, съ существомъ его быта *на народническихъ началахъ*, не слѣдовало бы отнимать у него этого средства и взамѣнъ того вооружать его самоуправленіе картоннымъ мечомъ» (стр. 45 и 58). Г. Дашкевичъ олицетворяетъ въ этомъ совѣтѣ своемъ *оба* воззрѣнія на «педагогическую мѣру» —крѣпостническое и народопоклонническое. *Такъ* думаютъ люди, печатающіе книги; что же слѣдуетъ сказать о тѣхъ, которые не только книгъ не печатаютъ, но никогда и не читаютъ ихъ, которые получили «высшее образованіе въ конюшнѣ и въ опереткѣ», которымъ «нужно, чтобы простой народъ былъ какъ можно хуже», которые поклоняются въ немъ «звѣриному образу», которые могутъ лишь «причинять напрасныя обиды населенію» и напоминать ему «о порядкахъ, предшествовавшихъ 19 февраля 1861 года»?...

Тѣ изъ нихъ, «которымъ нужно, чтобы простой народъ былъ какъ

можно хуже», осуществляя свое «попеченіе» о немъ только розгой, поступаютъ совершенно цѣлесообразно; получившіе «высшее образованіе въ конюшнѣ и въ опереткѣ» примѣняютъ ее по весьма понятнымъ причинамъ; но мы рѣшительно отказываемся понять тѣхъ, которые вмѣстѣ съ г. Дашкевичемъ видятъ въ розгѣ «педагогическую мѣру», «народное средство универсальнаго значенія», передъ которымъ всѣ иные факторы самоуправленія оказываются «картоннымъ мечомъ», и bona fide орудуютъ ею во имя прекращенія нашихъ деревенскихъ непорядковъ. Прежде такого простодушнаго усердія слѣдовало бы задаться вопросомъ: что это за непорядки, и какую въ нихъ роль можетъ сыграть «универсально-врачующая домашнія язвы народа» и «расширенная въ своемъ объемѣ» розга»?

Г. А. Евреиновъ, повидимому, очень близко съ этими непорядками знакомый, такъ резюмируетъ ихъ въ своей книгѣ «Замѣтки о мѣстной реформѣ»: необезпеченность населенія въ хозяйственномъ благоустройствѣ, въ общественной и личной безопасности; недостаточность организаціи земскихъ и полицейскихъ учрежденій, а именно—неправильная система выборовъ, отсутствіе у исполнительнаго земскаго органа власти, необходимой для проведенія въ жизнь общественныхъ мѣропріятій и разъединенность дѣятельности земства и полиціи. П. А. Корфъ въ брошюрѣ своей «Ближайшія нужды мѣстнаго управленія» главнѣйшія бѣдствія деревни опредѣляетъ пьянствомъ, безчинствомъ и то же недостаткомъ безопасности. «Русскій Вѣстникъ» (мартъ, 1888 г.) въ статьѣ А. М—аго зло деревни видитъ въ растратѣ крестьянскими властями общественныхъ суммъ, въ кулачествѣ и міроѣдствѣ, въ удаленіи лучшихъ элементовъ съ крестьянскихъ сходовъ, въ спаиваніи крестьянъ водкою и въ нарушеніи правъ бѣдныхъ и слабыхъ членовъ общества въ пользу сильныхъ. Г. Тютрюмовъ въ цитированной уже нами статьѣ своей указываетъ въ этомъ отношеніи на страшную грубость нравовъ, порою доходящую до звѣрства и обусловленную минувшею эпохою вѣковаго рабства и повальнымъ невѣжествомъ, на отсутствіе близкой къ деревенскому обывателю, разумной и внимательной къ его потребностямъ власти, которая могла бы прекратить беззаконія и защитить потерпѣвшаго и, наконецъ, на разобщенность сословій, доходящую иногда до антагонизма, вслѣдствіе еще упорно держащагося ложнаго мнѣнія о взаимной противоположности интересовъ землевладѣльческихъ и крестьянскихъ.

Посмотримъ теперь, насколько «универсально-врачующею» и «народо-воспитательную» можетъ оказаться розга во всѣхъ этихъ деревенскихъ «домашнихъ язвахъ», бѣдствіяхъ и непорядкахъ, очень вѣрно,

обстоятельно и притомъ *съ различныхъ* точекъ зрѣнія указанныхъ вышеприведенными авторами.

Въ «хозяйственной и личной необезпеченности» виноваты неблагопріятныя общія и соціальныя условія деревенскаго быта, а сѣчь *условія* нельзя, очевидно. «Неправильную систему выборовъ» розга также поправить не можетъ, потому что система, какъ и условія, не обладаетъ необходимымъ для ея воспріятія тѣлеснымъ объектомъ. Не «объединитъ она, равнымъ образомъ, и земство съ полиціей» и не только не поможетъ «проведенію въ жизнь общественныхъ мѣропріятій», но и отниметъ у нихъ не мало органовъ этого проведенія, такъ какъ законъ воспрещаетъ избирать въ общественныя должности лицъ, съ нею пластически ознакомленныхъ. «Пьянство» наказуемо 38 ст. прав. о вол. суд. *лишь въ соединеніи* съ мотовствомъ и съ разстройствомъ хозяйства, и, если, какъ это мы видѣли, усердіе практики обходитъ это непремѣнное условіе, то въ результатѣ ея окажется сугубое пьянство, пьянство «съ горя», какъ сподручное средство реабилитаціи и забвенія. За «растраты» уложеніе назначаетъ не розгу, опять таки, а иныя наказанія. «Кулаки и міроѣды», большею частью, народъ въ этомъ отношеніи «изъятый», и по закону и по почету, оказываемому имъ лапотниками-судьями. По той же причинѣ безсильною окажется розга и въ возстановленіи «правъ бѣдныхъ членовъ общины, нарушенныхъ сильнѣйшими», ибо въ лицѣ недоимщиковъ она полосуетъ именно этихъ «бѣдныхъ членовъ», «сильнѣйшіе» же всегда дружатъ съ предержащими властями, водятъ съ ними хлѣбъ-соль и кумовство и оказываются «изъятыми», если не de jure, то de facto. «Грубость нравовъ, доходящая до звѣрства» будетъ лишь крѣпнуть и развиваться эксплоатаціею столь же грубаго и звѣрскаго средства: какъ бы низко ни палъ человѣкъ, въ немъ всетаки тлѣетъ искра Божія, всетаки живетъ надежда на исправленіе—розга убиваетъ и эту надежду. Какъ исчадіе «невѣжества», она не можетъ, разумѣется, просвѣщать его. Что же касается, наконецъ, до «разобщенности и антагонизма сословій», то эти явленія станутъ лишь возрастать и обостряться, когда культурная миссія «образованнаго сословія» сведется къ тому, чтобы «муштрованіемъ и подтягиваніемъ» напоминать населенію ненавистные ему порядки, предшествовавшіе 19 февраля 1861 года».

П. Н. Обнинскій.

ХАРАКТЕРЪ ОПЕРАЦІЙ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

Въ нашей періодической печати вовсе не обращается вниманія на операціи государственнаго банка; по крайнѣй мѣрѣ, мнѣ не удавалось встрѣтить никогда сколько нибудь серьезнаго разбора этихъ операцій, между тѣмъ, какъ балансы его коммерческихъ операцій, достигая внушительной цифры отъ 500—600 милліоновъ рублей, имѣютъ огромное значеніе для всего народнаго хозяйства и потому заслуживаютъ полнаго вниманія печати. Думаю, что ни государственный банкъ, ни министерство финансовъ не могли бы найти ничего страннаго въ обсужденіи этихъ операцій, такъ какъ публикація въ общее свѣдѣніе балансовъ государственнаго банка дѣлается именно съ этой цѣлію; тѣмъ не менѣе наша печать продолжаетъ хранить глубокое молчаніе по этому вопросу. Такое индеферентное отношеніе нашей прессы къ оборотамъ важнѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ кредитныхъ учрежденій, по меньшей мѣрѣ, кажется мнѣ страннымъ и вовсе не указываетъ на правильное пониманіе интересовъ русскаго народнаго хозяйства, такъ какъ то или другое направленіе капиталовъ, сосредоточивающихся въ государственномъ банкѣ, далеко не безразлично не только для крупныхъ промышленниковъ, имѣющихъ дѣло непосредственно съ банкомъ, но и для всей экономической жизни русскаго народа.

Желая пополнить этотъ пробѣлъ и имѣя въ виду главную цѣль учрежденія государственнаго банка, я позволю себѣ поставить вопросъ, на сколько его операціи соотвѣтствуютъ этой цѣли, т. е. доставленію нашей торговлѣ и промышленности по возможности широкаго и дешеваго кредита. Само собою разумѣется, что въ настоящей замѣткѣ я не могу вдаваться въ подробности и ограничусь лишь бѣглымъ взглядомъ на эти операціи.

I.

Беру балансъ государственнаго банка къ 10 декабря истекшаго года. Коммерческія операціи по этому балансу превышаютъ 553 милліона руб.

Какая же часть изъ этой громадной суммы пошла на содѣйствіе промышленности и торговлѣ? вотъ первый вопросъ, который представляется человѣку, знакомому съ главной задачей государственнаго банка. Оказывается, что всѣ ссуды банка ограничиваются слѣдующими цифрами:

1)	Учетъ векселей и другихъ срочныхъ бумагъ	18.246,317 руб.
2)	Протестованные векселя	22,692 „
3)	Выдачи по спеціальнымъ текущимъ счетамъ подъ обезпеченіе векселей	12.122,531 „
	Выдачи по спеціальнымъ текущимъ счетамъ подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ	7.485,689 „
	Выдачи по спеціальнымъ текущимъ счетамъ подъ обезпеченіе товаровъ	1.904,225 „
4)	Ссуды подъ залогъ государственныхъ бумагъ	8.203,769 „
5)	„ „ „ акцій и облигацій частныхъ общ.	11.488.785 „
6)	„ „ „ товаровъ „ „ „	15,300 „
7)	„ „ „ соло-векселей землевладѣльцевъ	44,800 „
8)	Просроченныя обязательства по ссудамъ	13,373 „
9)	Ссуды подъ ручные залоги чрезъ Петербургскую и Московскую ссудныя кассы	7.087,380 „
	Итого	66.631,861 руб.

Впрочемъ, вся указанная сумма ссудъ не можетъ быть отнесена къ содѣйствію промышленности и торговлѣ. Я нарочно выписалъ отдѣльныя рубрики этихъ ссудъ, и изъ нихъ читатель видитъ, что ссуды подъ процентныя бумаги, акціи и облигаціи есть скорѣе содѣйствіе биржевой игрѣ и не можетъ считаться воспособленіемъ промышленности и торговлѣ. Тоже нельзя отнести и ссуды подъ ручные залоги къ содѣйствію промышленности, а потому, вычитая эти четыре цифры изъ общей суммы ссудъ, оказывается, что на содѣйствіе промышленности банкъ употребилъ лишь нѣсколько болѣе 32 милліоновъ рублей, или одну семнадцатую долю всѣхъ своихъ, такъ называемыхъ, коммерческихъ операцій.

Означенный выводъ конечно удивитъ читателя, не привыкшаго просматривать балансы государственнаго банка, и у него непремѣнно явится вопросъ; въ чемъ же состояли остальныя коммерческія операціи банка, достигающія 487 мил. рублей? Оказывается прежде всего, что банкъ имѣетъ въ своемъ портфелѣ процентныхъ бумагъ на сумму $206^1/_2$ милліоновъ, что уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо содѣйствіемъ промышленности и едва ли соотвѣтствуетъ уставу банка. Если мнѣ возразятъ, что въ числѣ этихъ бумагъ есть такія, которыя банкъ получилъ въ уплату за временно выпущенные кредитные билеты по случаю послѣдней войны и которые до сихъ поръ не реализированы, то я долженъ на это замѣтить, что подобная цифра принадлежащихъ государственному банку бумагъ встрѣчается въ балансахъ его уже давно и въ виду благопріятныхъ условій денежнаго рынка могла бы давно быть реализирована, а цифра кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска, постоянно

вызывающая колебаніе курса нашей валюты, могла бы значительно сократиться и вызвать дѣйствительное и прочное повышеніе ихъ курса.— Еслибъ такія мѣры были приняты, то, по всей вѣроятности, государственный банкъ въ настоящее время могъ бы открыть правильный размѣнъ кредитныхъ билетовъ безъ опасенія уменьшить суммы размѣннаго фонда и освободилъ бы Россію отъ многихъ случайностей въ ея международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Но видно тѣ теченія, которыя во время управленія министерствомъ Н. Х. Бунге направлялись противъ уменьшенія кредитныхъ билетовъ, остаются до сихъ поръ въ силѣ, и курсъ нашей валюты отличается тою же неустойчивостію. Правда, курсъ съ той поры значительно повысился, но я отношу это повышеніе къ случайному, колосальному заграничному спросу на нашъ хлѣбъ въ 1888 и 1889 году, а отнюдь не къ прочному улучшенію нашего денежнаго рынка. Самая быстрота его подъема уже прямо указываетъ на случайныя и временныя причины, по минованіи которыхъ курсъ очень легко можетъ значительно понизиться, хотя конечно не можетъ дойти до той цифры пониженія, до которой доходилъ въ прежнее время. Нѣкотораго улучшенія съ тѣхъ поръ на нашемъ денежномъ рынкѣ нельзя отрицать, въ виду сооруженія средиеазіятской желѣзной дороги и возникновенія новыхъ торговыхъ сношеній съ Туркестаномъ, Бухарой и Авганистаномъ, — сношеній, потребовавшихъ значительнаго количества денежныхъ знаковъ. Это послѣднее обстоятельство, конечно, было одною изъ причинъ возвышенія курса нашей валюты, но далеко не такою важной, какъ указанный выше чрезвычайный отпускъ нашего хлѣба. Само собою разумѣется, что такого спроса въ будущемъ ожидать нельзя; онъ былъ вызванъ неурожаемъ въ западной Европѣ и Америкѣ; при благопріятномъ неурожаѣ въ этихъ странахъ, спросъ на нашъ хлѣбъ сократится значительно, а съ тѣмъ вмѣстѣ и курсъ нашей валюты упадетъ. Прочное его повышеніе зависитъ только отъ двухъ причинъ: или отъ сокращенія суммы кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска, или отъ развитія торговыхъ оборотовъ, т. е. отъ развитія потребительной способности въ массѣ населенія. Къ сожалѣнію какъ на ту, такъ и на другую причину въ настоящее время разсчитывать трудно. На первую потому, что она вовсе не стоитъ на очереди, такъ какъ средства для подобнаго мѣропріятія имѣются давно на лицо и тѣмъ не менѣе она не приводилась въ исполненіе; на вторую потому, что покупательная способность массы населенія не только не увеличивается, но постоянно падаетъ, о чемъ прямо свидѣтельствуетъ застой во всѣхъ видахъ промышленнаго производства. Все это весьма естественно и не можетъ быть иначе, въ чемъ читатель конечно убѣдится изъ послѣдующаго изложенія.

Другая громадная цифра актива государственнаго банка, достигающая 135 мил. рублей, представляетъ суммы, ему принадлежащія въ заграничныхъ банкахъ [1]). Съ такими затратами и притомъ въ такомъ громад-

[1]) По балансамъ истекшаго года цифра эта превысила уже 150 мил. рублей.

номъ размѣрѣ мы встрѣчаемся впервые. Дѣйствительно, въ прежнее время этого никогда не было, и непонятно, для чего государственному банку, основанному для удовлетворенія внутренней потребности въ кредитѣ, держать такія значительныя суммы за границей и тѣмъ стѣснять кредитъ внутренняго рынка. Неужели, при нашей бѣдности въ капиталахъ и при положительномъ отсутствіи средствъ для развитія производительныхъ силъ Россіи, банкъ не находитъ помѣщенія ввѣренныхъ ему капиталовъ. Подобное предположеніе представляется совершенно невѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что банкъ до сихъ поръ не приступаетъ къ исполненію прямой своей обязанности передъ русскимъ обществомъ, возложеннымъ на него закономъ 1881 года, т. е. къ сокращенію количества кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ въ обращеніе, хотя государственное казначейство уплатило ему весь свой долгъ. Если реализація бумагъ, находящихся въ портфелѣ банка, представляла быть можетъ какія либо затрудненія, то этого нельзя сказать по отношенію къ суммамъ, находящимся въ заграничныхъ банкахъ,—это таже наличность. Законъ 1881 г. обязываетъ банкъ по мѣрѣ уплаты долга государственнаго казначейства за эти билеты, предавать ихъ сожженію по мѣрѣ возможности. Но когда банкъ имѣетъ такія громадныя суммы за границей, то нельзя сказать, что для погашенія безпроцентнаго долга нѣтъ возможности. За золото всегда есть возможность пріобрѣсти кредитные билеты и предать ихъ сожженію. Для какой цѣли государственному банку можетъ быть нужна подобная сумма за границей — это трудно понять, если только не допустить здѣсь такой цѣли, которая не имѣетъ ничего общаго съ его задачей и совершенно противорѣчитъ его уставу. Я говорю объ операціяхъ министерства финансовъ на заграничныхъ биржахъ. Дѣйствительно, судя по отзывамъ заграничныхъ газетъ, наше министерство финансовъ имѣетъ значительныя суммы въ заграничныхъ банкахъ и, какъ говорятъ, ссудило англійскому банку въ видахъ ликвидаціи дѣлъ для дома братьевъ Берингъ и и комп. до 40 милл. фунт. стерлинговъ. На заграничныхъ биржахъ существуетъ мнѣніе, что ключъ по отношенію ко многимъ явленіямъ на этихъ биржахъ, находится въ русскомъ министерствѣ финансовъ. На сколько эти слухи заслуживаютъ довѣрія, я не знаю; но, если въ нихъ есть доля справедливости, то только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить, почему государственному банку встрѣтилась необходимость имѣть такія суммы за границей, истощать нашъ внутренній рынокъ и вызывать застой во всѣхъ промышленныхъ оборотахъ. Я не вижу ничего блестящаго даже въ операціяхъ по конверсіямъ государственнаго долга; тѣмъ болѣе не могу допустить, чтобы для Россіи было полезно держать громадные капиталы за границей и такимъ образомъ имѣть вліяніе на ходъ биржевыхъ оборотовъ обще-европейскаго рынка. Конечно, это можетъ быть выгодно для извѣстныхъ сферъ, но для народнаго хозяйства вообще было бы гораздо выгоднѣе, еслибъ эти капиталы обращались на внутреннемъ рынкѣ; теперь же ихъ можно уподобить *тучѣ*

изъ крыловской басни, которая *дождемъ обильнымъ надъ моремъ пролилась*.

Точно также непонятенъ размѣръ наличной кассы центральнаго банка, достигающій 117 слишкомъ милліоновъ рублей. Ничего подобнаго въ прежнее время также не замѣчалось. Въ семидесятыхъ годахъ касса не превышала 20 милліоновъ рублей, а въ началѣ восьмидесятыхъ она доходила до 40 милліоновъ и превышала эту сумму только въ тѣхъ случаяхъ, когда банкъ предполагалъ предать сожженію нѣкоторую часть кредитныхъ билетовъ. Но до такой колоссальной цифры наличность банка никогда не доходила. Мнѣ могутъ возразить, что въ этой цифрѣ заключаются 72 милл. суммъ министерства финансовъ, которыя могутъ быть вытребованы во всякое время. Но вѣдь суммы министерства всегда были въ банкѣ и по мѣрѣ ихъ выдачи поступаютъ вновь, а затѣмъ онѣ обезпечиваются болѣе, чѣмъ двойнымъ количествомъ суммъ, находящихся въ заграничныхъ банкахъ. Внутренніе же обороты русскаго рынка за послѣдніе годы не могли развиться на столько, чтобы предстояла необходимость увеличивать наличность болѣе, чѣмъ вдвое. Другое дѣло, если банкъ производитъ операціи на международномъ рынкѣ (что едва ли соотвѣтствуетъ его задачѣ и уставу), тогда конечно ему необходима подобная кассовая наличность. Но мнѣ кажется, что подобныя операціи вовсе не въ интересахъ русской производительности и должны считаться одной изъ причинъ того застоя въ промышленныхъ оборотахъ, жалобы на который раздаются отовсюду. Можно также предположить, что банкъ намѣренъ приступить къ сокращенію количества временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и въ этихъ видахъ увеличиваетъ временно свою наличность. Но такое предположеніе едва ли вѣроятно, во первыхъ потому, что для этого банкъ имѣлъ полную возможность и въ прежнее время, но не приступалъ къ этому, а во вторыхъ потому, что въ кассѣ банка сосредоточено 47 мил. рублей звонкой монетой, которая на нашемъ рынкѣ вовсе не обращается; остальная же затѣмъ сумма въ 70 милл. рублей не можетъ считаться достаточной, чтобъ предпринять сколько нибудь значительное сокращеніе бумажно - денежнаго обращенія. Наконецъ, можно сдѣлать и третье предположеніе, что банкъ имѣетъ въ виду повторить операцію увеличенія размѣннаго фонда на счетъ звонкой монеты находящейся въ его кассѣ съ тѣмъ, чтобы соотвѣтствующая часть кредитныхъ билетовъ была перечислена изъ временнаго выпуска въ постоянный. Но такая мѣра есть только измѣненіе бухгалтерскихъ счетовъ банка и не можетъ имѣть никакого дѣйствительнаго значенія по отношенію къ прочности курса нашей валюты, что положительно доказано предыдущимъ опытомъ, а потому едва ли можно ожидать, чтобъ банкъ рѣшился вновь на подобное безполезное мѣропріятіе. Извлеченіе изъ оборотовъ банка значительной суммы для пріобщенія къ неприкосновенному фонду, безъ всякой пользы лежащему въ кладовыхъ банка, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть для него выгодно, тѣмъ болѣе, что обезпеченіемъ кредит-

ныхъ билетовъ служитъ не золото, лежащее въ кладовыхъ банка, а пріемъ ихъ въ уплату податей и налоговъ или же свободный размѣнъ. Если послѣдній признается невозможнымъ, то стало быть кредитныхъ билетовъ въ обращеніи находится слишкомъ много и устранить ихъ обезцѣненіе можно только уменьшеніемъ ихъ количества. Такимъ образомъ, два послѣднія предположенія мнѣ кажутся очень мало вѣроятными, и потому можно думать, что размѣръ наличной кассы банка обусловливается операціями банка на международномъ рынкѣ.

Такое предположеніе подтверждается до извѣстной степени и послѣднимъ отчетомъ государственнаго контроля за 1889 годъ. Въ теченіе этого года оказалось значительное сосредоточеніе суммъ государственнаго казначейства у заграничныхъ банкировъ. Такъ по кассовому своду на 1-е января 1889 года у банкировъ заграницею находилось золотомъ 22.434.998 р., а на 1 января 1890 года оказалось уже 76.618.741 рубль, т. е. въ теченіи 1889 года прибыло 54.183.743 руб. золотомъ. Фактъ этотъ прямо указываетъ, что министерство финансовъ уже давно подготовляло значительныя суммы за границей, которыя могли еще болѣе возрасти въ теченіи 1890 года. Если при этомъ принять въ соображеніе, что нашъ экспортъ за 1887, 1888, 1889 годы превысилъ ввозъ заграничныхъ товаровъ на громадную цифру 1.454 милліона рублей [1]), то достигнуть значительнаго сосредоточенія суммъ въ заграничныхъ банкахъ было не трудно въ особенности при значительныхъ остаткахъ по платежу процентовъ въ металлической валютѣ, вслѣдствіе возвышенія курса кредитнаго рубля и постепеннаго возрастанія государственныхъ доходовъ. Но за то становится понятнымъ и оскудѣніе внутренняго рынка. Мы отпускали дѣйствительныя реальныя цѣнности, на которыя употреблены капиталы и получали въ замѣнъ векселя банковъ или процентныя бумаги.

Отклоненіе суммъ государственнаго банка отъ прямаго ихъ назначенія отклонило и меня нѣсколько въ сторону отъ предмета настоящей замѣтки, но возвращаюсь къ операціямъ банка. И такъ мы видѣли, что три главные счета въ активѣ банка поглощаютъ 459 мил. руб. или 83% всѣхъ комерческихъ его операцій и не имѣютъ и тѣни комерческаго характера, а потому я считаю себя вправѣ сказать, что банкъ въ своихъ операціяхъ далеко не отвѣчаетъ цѣли его учрежденія. Изъ остальныхъ счетовъ обращаетъ на себя вниманіе только счетъ разныхъ выдачъ показанный въ суммѣ 12.696.138 руб. Такая цифра заслуживала бы болѣе яснаго указанія на то назначеніе, которое получили эти милліоны: вѣдь это не сотни или тысячи рублей; но въ виду такой номенклатуры приходится ограничиться только этимъ замѣчаніемъ.

---

1) Объяснительная записка къ отчету госуд. конт. стр. 22 и 23.

II.

Таковъ активъ государственнаго банка, но для того, чтобъ вполнѣ уяснить себѣ значеніе его операцій, необходимо разсмотрѣть и пассивъ его баланса, иначе мы не будемъ знать откуда взяты суммы, указанныя выше. Не говоря объ основномъ и резервномъ капиталѣ банка составляющемъ сумму въ 28 милл. рублей, здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе счетъ кредитныхъ билетовъ временно выпущенныхъ въ обращеніе въ суммѣ превышающей 266 милл. рублей. Прежде эта сумма числилась долгомъ за государственнымъ казначействомъ, но въ силу указа 1 января 1881 года она постепенно уплачена государственному банку съ обязательствомъ извлечь эту сумму изъ обращенія. Между тѣмъ банкъ до сихъ поръ, какъ и было указано мною выше, такого обязательства не выполнилъ и продолжаетъ оперировать этимъ капиталомъ не смотря на то, что эти кредитные билеты вызываютъ постоянное колебаніе стоимости нашей валюты, вслѣдствіе чего вся наша промышленность находится въ неустойчивомъ положеніи и несетъ значительные убытки. При такихъ условіяхъ цѣны на всѣ предметы колеблются въ значительной степени, а при отсутствіи постоянства въ цѣнахъ парализуется всякая предпріимчивость. Всѣ наши сбереженія ищутъ помѣщенія въ процентныхъ бумагахъ или въ такихъ предпріятіяхъ, цѣны на продукты которыхъ зависятъ не отъ естественныхъ условій, а поддерживаются искусственно таможеннымъ тарифомъ, чѣмъ еще болѣе увеличиваютъ шаткость положенія нашей промышленности. Русское общество, повидимому, достаточно потеряло вслѣдствіе паденія кредитнаго рубля и вознаградить эти потери конечно нѣтъ никакой возможности, но въ видахъ предупрежденія дальнѣйшихъ убытковъ казалось бы, что чѣмъ скорѣе покончить съ неустойчивостью нашей монетной единицы, тѣмъ было бы лучше. Тогда бы, по крайней мѣрѣ, прекратились постоянныя колебанія, при которыхъ всегда кто нибудь безвинно теряетъ и кто нибудь неправильно выигрываетъ, всѣ прибыли и убытки являются чистой случайностію и не поддаются ни какому правильному разсчету. Тѣмъ не менѣе банкъ мало обращаетъ вниманія на такое положеніе нашихъ промышленныхъ оборотовъ и предпочитаетъ держать сосредоточенные у него капиталы или въ процентныхъ бумагахъ или въ заграничныхъ операціяхъ. Между тѣмъ установить прочный курсъ нашей валюты, который не могъ бы подвергаться пониженію было очень возможно даже и въ прежніе годы, въ настоящее же время для этого не представляется ни какихъ затрудненій. Стоитъ лишь заявить, что банкъ производитъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ по существующему курсу обращая послѣдніе къ уничтоженію. Имѣя въ своей кассѣ 47 милл. золота и 135 мил. у заграничныхъ банкировъ, нашъ государственный банкъ можетъ смѣло приступить къ этой операціи, такъ какъ такой суммы кредитныхъ билетовъ къ об-

мѣну на золото не можетъ быть предъявлено. Но даже и въ такомъ случаѣ банкъ не можетъ быть поставленъ въ затрудненіе: онъ имѣетъ въ своемъ портфелѣ болѣе чѣмъ на 200 мил. руб. процентныхъ бумагъ, часть которыхъ онъ могъ бы постепенно реализировать. Само собою разумѣется, что сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія должно поднять курсъ кредитныхъ билетовъ и создать такимъ образомъ источникъ несправедливаго обогащенія. Поэтому во избѣжаніе подобныхъ послѣдствій необходимо предварительно произвести конверсію восточныхъ займовъ посредствомъ новаго займа въ металлической валютѣ, предоставивъ кредиторамъ правительства нѣкоторую выгоду на курсѣ при обращеніи кредитныхъ рублей въ металлическія. Послѣдняя операція не можетъ представить также никакихъ затрудненій. Конверсія даже металлическихъ облигацій съ пониженіемъ процента была произведена съ успѣхомъ, тѣмъ болѣе она возможна при обращеніи кредитныхъ цѣнностей въ металлическія при той же высотѣ процента. Я говорю при той же высотѣ процента на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ идетъ дѣло не объ экономіи въ расходахъ по платежу процентовъ, а объ устраненіи ненормальнаго положенія и источника къ несправедливому обогащенію. Если же курсъ кредитныхъ билетовъ вслѣдствіе такихъ мѣропріятій поднимется и предъявленіе ихъ къ обмѣну прекратится, то конечно и государственный банкъ долженъ будетъ поднимать размѣнный курсъ, пока онъ не дойдетъ до полнаго возстановленія. Очень можетъ быть, что стоимость нашей валюты возстановится, прежде чѣмъ будетъ извлечена вся сумма кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска, тогда представится полная возможность причислить этотъ остатокъ къ постоянному выпуску и открыть размѣнъ по номинальной стоимости рубля.

Второе мѣсто по величинѣ цифры въ пассивѣ банка представляетъ счетъ суммъ министерства финансовъ, превышающій 72 мил. руб. Затѣмъ идетъ счетъ долга конторамъ и отдѣленіямъ болѣе $43^1/_2$ мил. р.; но эта цифра не вполнѣ вѣрная, такъ какъ по принятому въ банкѣ порядку въ этотъ счетъ заносятся только суммы, полученныя отъ конторы и отдѣленій банка, а также суммы уплатъ, сдѣланныхъ послѣдними за счетъ банка по полученіи о томъ увѣдомленія; всѣ же суммы, полученныя банкомъ для оплаты въ конторахъ и отдѣленіяхъ до полученія увѣдомленія объ уплатѣ, заносятся въ счетъ переводныхъ билетовъ и телеграммъ. Поэтому, почти весь этотъ счетъ, доходящій до 30 милл. р., можетъ быть, безъ большой ошибки, причисленъ къ долгу банка конторамъ и отдѣленіямъ, такъ, что въ общей сложности этотъ долгъ простирается до 70 милл. рублей. Подобная задолженность центральнаго учрежденія встрѣчается постоянно во всѣхъ балансахъ банка, и обратнаго явленія, т. е. чтобъ конторы и отдѣленія должали центральному учрежденію, мнѣ никогда не случалось встрѣтить ни въ одномъ балансѣ государственнаго банка. То же самое явленіе замѣчается и въ балансахъ частныхъ банковъ, имѣющихъ филіальныя отдѣленія въ провинціяхъ. Въ виду такого

порядка вещей позволительно поставить вопросъ—соотвѣтствуетъ ли интересамъ общаго государственнаго и народнаго хозяйства такая политика, при которой филіальныя отдѣленія государственнаго банка служатъ, такъ сказать, насосами для выкачиванія мѣстныхъ капиталовъ изъ провинціи и перехода ихъ въ Петербургъ? Мнѣ кажется, что достаточно поставить подобный вопросъ, чтобъ отвѣчать на него отрицательно. Петербургъ, и какъ столица, сосредоточивающая всю центральную администрацію и значительную часть военныхъ силъ, и какъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ, имѣетъ громадную притягательную силу для централизаціи капиталовъ, и мнѣ кажется, что задачей государственнаго банка, въ видахъ воспособленія промышленности и торговлѣ цѣлой Россіи, слѣдовало бы умѣрять эту притягательную силу административнаго и торговаго центра и не только не пользоваться для своихъ операцій провинціальными капиталами, но, по возможности, снабжать подвѣдомственныя ему учрежденія средствами, состоящими въ его распоряженіи, а всего менѣе держать эти средства на счету за-граничныхъ банкировъ. Недостатокъ капиталовъ въ нашей провинціальной жизни чувствуется повсемѣстно и, повидимому, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, а между тѣмъ обстоятельство это къ сожалѣнію мало обращаетъ на себя вниманія и мѣстныя конторы и отдѣленія банка продолжаютъ служить орудіями еще большаго оскуденія. Но мало этого, въ послѣдніе годы открылись сберегательныя кассы при уѣздныхъ казначействахъ и нѣкоторыхъ почтовыхъ конторахъ, принимающія мелкіе вклады на книжки, что отвлекаетъ даже мелкія сбереженія отъ затраты ихъ на развитіе мѣстной торговли. Мудрено ли послѣ этого, что мѣстные кулаки, не встрѣчая никакой конкурренціи эксплоатируютъ населеніе, наживая громадные барыши, какъ при снабженіи мѣстныхъ жителей необходимыми предметами потребленія такъ и при сбытѣ ими продуктовъ своего производства. Я не буду возражать противъ учрежденія мѣстныхъ филіальныхъ учрежденій банка или противъ мѣстныхъ сберегательныхъ кассъ, если только эти учрежденія собираемыя ими суммы будутъ обращать на удовлетвореніе мѣстной потребности въ кредитѣ. Но если это невозможно для государственнаго банка, то, конечно, лучше вовсе предоставить провинцію собственнымъ силамъ. При такомъ условіи, быть можетъ, взялись бы за это дѣло земскія учрежденія, въ особенности, если бъ государственный банкъ оказалъ имъ свое содѣйствіе, снабдивъ ихъ матеріальными средствами и отчасти опытнымъ персоналомъ. Во всякомъ случаѣ мѣстныя средства остались бы для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей и не привлекались бы въ Петербургъ для содѣйствія биржевому ажіотажу.

Дальнѣйшіе счета пассива состоятъ изъ безпроцентныхъ текущихъ счетовъ, въ суммѣ 39 милл. рублей, и вкладовъ банка, въ суммѣ 26 милл. рублей. По этимъ двумъ счетамъ не можетъ быть, конечно, никакихъ замѣчаній. Но этого нельзя сказать о слѣдующемъ счетѣ переходныхъ

суммъ. Цифра 30 милл. рублей, составляющая этотъ счетъ, слишкомъ громадна, чтобъ не удовлетвориться такой неопредѣленной номенклатурой. Если банкъ публикуетъ свои балансы, то, конечно, для того, чтобъ публика имѣла понятіе объ его оборотахъ, но если публика будетъ имѣть въ виду такія громадныя цифры съ такими неопредѣленными названіями, то она не будетъ имѣть объ этихъ операціяхъ никакого понятія.

Обращаетъ на себя вниманіе своей незначительностію также цифра чистой прибыли за 1889 годъ. Она составляетъ 4.937,595 рублей Между тѣмъ банкъ имѣетъ въ оборотѣ 553 милл. руб., изъ которыхъ только милліоновъ за 70 платитъ проценты и то отъ 2 до $4^1/_2$, за остальныя же суммы банкъ никакихъ процентовъ не платитъ. Между тѣмъ самъ онъ взимаетъ отъ $5^1/_2$ до $6^1/_2\%$, и кромѣ того, имѣетъ на 200 милл. процентныхъ бумагъ, которыя должны приносить ему до 10 милл. руб. Расходы же банка, его конторъ и отдѣленій даже въ концѣ года поглотили, какъ оказывается изъ разбираемаго нами баланса, съ небольшимъ 1,218 тысячъ рублей. Кромѣ того, есть еще прибыль по операціямъ конторъ и отдѣленій, которой я не имѣю въ виду. Какимъ же образомъ можетъ вся прибыль сократиться до 5 милліоновъ рублей? Конечно, трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, не имѣя въ виду счета прибылей и убытковъ. Быть можетъ, банкъ по своимъ операціямъ потерпѣлъ въ прошломъ году значительныя потери, которыя списаны въ расходъ. Все это конечно, можетъ быть; но при этомъ нельзя не замѣтить, что операціи государственнаго банка не особенно выгодны не только для народнаго хозяйства, но и просто съ коммерческой точки зрѣнія.

А. Головачовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ.

(По поводу двухъ книжекъ *Павла Вейзенгрюна:* 1) Die Entwickelungsgesetze der Menschheit. Leipzig. 1888.—2) Verschiedene Geschichtsauffassungen. Leipzig. 1890).

Работая въ настоящее время надъ IV томомъ своихъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи», въ коемъ будутъ разсматриваться причины историческихъ перемѣнъ, отвлеченно взятыя, я въ числѣ другихъ теорій, высказывавшихся на этотъ счетъ, долженъ былъ заняться однимъ воззрѣніемъ, съ коимъ до сихъ поръ мнѣ не приходилось считаться вслѣдствіе крайней его невыработанности въ теоретическомъ отношеніи, но которое можетъ играть важную роль въ теоріи историческихъ перемѣнъ: я разумѣю здѣсь объясненіе историческихъ перемѣнъ, главнымъ образомъ, посредствомъ экономическаго фактора. Недавно по случаю смерти извѣстнаго англійскаго экономиста Роджерса сущность этого воззрѣнія была формулирована проф. П. В. Лучицкимъ въ некрологѣ, помѣщенномъ въ февральской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника». По его словамъ, экономическое направленіе «обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ радикально измѣнить то, что называютъ научной исторіей». Оно, продолжаетъ онъ, «впервые придало бо́льшую осмысленность спутаннымъ фразамъ: изученіе народа, народной жизни. Благодаря ему, на первый планъ выдвинуто изученіе важнѣйшаго изъ факторовъ жизни—экономическаго фактора, и вполнѣ ясно поставлено, какъ главная задача изученія, выясненіе во всѣхъ деталяхъ процесса экономическихъ измѣненій, происходившихъ въ жизни какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всей Европы, но процесса не самого лишь въ себѣ (какъ то было раньше), а въ связи съ остальными явленіями и факторами жизни. Какое вліяніе оказывали экономическія явленія на ходъ событій, какое взаимодѣйствіе существовало между экономическими факторами и тѣмъ калейдоскопомъ событій и фактовъ, который составляетъ содержаніе того, что называютъ обыкновенно исторіей,—вотъ въ чемъ дѣятели этого новаго движенія въ историко-эконо-

мической наукѣ видятъ главное условіе для созданія научной исторіи». Вотъ этому-то направленію и посвящаю я настоящую замѣтку, вызванную двумя книжками, заглавіе коихъ выписано выше, позволяя себѣ въ то же время сослаться на недавно читанный мною въ историческомъ обществѣ при петербургскомъ университетѣ рефератъ «Политическая экономія и теорія историческаго процесса», какъ на статью, заключающую въ себѣ общую постановку вопроса (Рефератъ этотъ напечатанъ во II томѣ «Историческаго Обозрѣнія»). Въ ней между прочимъ указывается на то, что «если въ экономической литературѣ было много теоретическихъ споровъ, вызванныхъ примѣненіемъ къ политической экономіи историческаго метода, то, наоборотъ, въ исторической литературѣ возникновеніе и развитіе экономическаго направленія не отразилось замѣтнымъ образомъ въ области теоріи исторической науки. Напр., въ новѣйшемъ (1889 г.) и весьма обширномъ (530 стр.) «Руководствѣ историческаго метода», Бернгейма, говорится по старой памяти объ отношеніи исторіи къ такимъ наукамъ, какъ палеографія, дипломатика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и т. п., но не нашлось мѣста для разбора взаимныхъ отношеній между исторіей и политической экономіей. Историки экономическаго направленія, въ свою очередь, не даютъ себѣ труда обосновывать теоретически свое направленіе, и даже тогда, когда ихъ теорія слишкомъ ясно сводится къ положенію, по которому историческій процессъ по существу и въ основѣ своей есть процессъ экономическій, теорія эта только высказывается но не доказывается». Предполагая посвятить этому предмету болѣе обстоятельную статью, которая будетъ служить подготовительной работой къ IV тому «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи», и собирая для нея матеріалъ, я недавно прочиталъ двѣ небольшія книжки, изданныя въ 1888 и 1890 гг. въ Лейпцигѣ П. Вейзенгрюномъ и представляющія изъ себя защиту такъ называемаго «экономическаго матеріализма въ исторіи». Одна изъ нихъ называется «Законы развитія человѣчества», другая—«Различные способы понимать исторію». Имъ-то и посвящаю я настоящую замѣтку.

Прежде всего о самихъ книжкахъ. Тому, кто пожелалъ бы познакомиться съ идеями Вейзенгрюна въ собственномъ его изложеніи, я посовѣтовалъ бы взять для этого вторую книжку. Не говоря уже о томъ, что мысль автора зрѣлѣе въ болѣе позднемъ трудѣ, и что онъ много короче, онъ имѣетъ и другія преимущества: «Законы развитія» написаны крайне несистематично и спутано; въ нихъ много лишняго, почти совсѣмъ не идущаго къ дѣлу; нѣкоторые высказанные тамъ взгляды подверглись во второй книжкѣ существеннымъ поправкамъ. Затѣмъ объ обѣихъ книжкахъ можно сказать, что собственно теоретическаго обоснованія экономической концепціи читатель въ нихъ не найдетъ: это—сопоставленіе «экономическаго матеріализма» съ другими концепціями, очеркъ его генезиса, изложеніе его теоремъ, еще ждущихъ своего доказательства, и наконецъ, примѣненіе основной точки зрѣнія къ всемірной исто-

ріи, ходъ которой столь же хорошо (или столь же дурно вслѣдствіе явной односторонности) объяснялся и съ другихъ точекъ зрѣнія. Притомъ Вейзенгрюнъ уже слишкомъ сузилъ все направленіе, сведши его къ небольшой (сравнительно со всѣми историками, которые могли бы быть привлечены къ разсмотрѣнію) группѣ писателей одного опредѣленнаго направленія. Во второмъ своемъ сочиненіи Вейзенгрюнъ на одной страницѣ называетъ всѣ главнѣйшія сочиненія въ духѣ «экономическаго матеріализма». Кромѣ «Капитала» Маркса, это—его же «Elend der Philosophie» (1847 и 2 изд. 1885 съ предисловіемъ и примѣчаніями Энгельса) и «Коммунистическій манифестъ» (1848); далѣе труды Энгельса: «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft», «Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates» (по Моргану) и «Ludwig Feuerbach, ueber den Ausgang der Klassischen deutschen Philosophie; наконецъ «Le matérialisme économique de Charles Marx», Поля Лафарга [1]). Въ историческомъ очеркѣ, въ коемъ изслѣдуется генезисъ всей экономической концепціи, не дано, наприм., надлежащаго мѣста Лоренцу фонъ-Штейну, а изъ современныхъ историковъ не отмѣченъ недавно умершій Роджерсъ, авторъ «Экономическаго истолкованія исторіи» [2]).

Перейдемъ, однако, къ изложенію взглядовъ Вейзенгрюна, сопоставляя по возможности отдѣльныя мѣста объ однихъ и тѣхъ же предметахъ изъ обѣихъ книжекъ.

Разсматривая въ первомъ своемъ сочиненіи разныя исторіологическія воззрѣнія нашего времени, Вейзенгрюнъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что у многихъ историковъ, представляющихъ собою интеллектуальное направленіе, на экономическія отношенія обращается слишкомъ незначительное вниманіе [3]). И во второмъ сочиненіи, обозрѣвъ нѣсколько исторіологическихъ воззрѣній, онъ ставитъ имъ въ вину то, что въ нихъ вообще «принципъ поддержки жизни не играетъ самостоятельной роли», что ими экономическія (и половыя въ семейномъ устройствѣ) отношенія «или оставляются въ пренебреженіи, или объясняются изъ какихъ либо другихъ факторовъ» [4]). Этимъ теоріямъ онъ и противополагаетъ ту, которая прежде всего обращается къ анализу экономическихъ отношеній, всегда выдвигаетъ ихъ на первый планъ и объясняетъ изъ нихъ умственное движеніе, измѣненія въ нравахъ, фазисы религіи. Въ такомъ именно смыслѣ онъ весьма рѣзко ставитъ вопросъ: «происходитъ ли развитіе человѣчества болѣе на чисто интеллектуальной или же, наоборотъ, на эконо-

---

[1]) Verschiedene Geschichtsauffassungen, 27. Въ другомъ сочиненіи Маркса, Энгельса и американскаго соціолога Моргана онъ называетъ „единственными представителями этой теоріи въ тѣсномъ смыслѣ слова“. Entwickelungsgesetze, 47.

[2]) The economic interpretation of history.

[3]) *Ibid.*, 43.

[4]) Verschied. Gesch., 20.

мической основѣ, т. е. было ли у революцій, реформъ, реакцій, соціальныхъ движеній всякаго рода, происходившихъ въ теченіе вѣковъ, словомъ у всякаго движенія, какое только было до сего дня, было ли у нихъ преимущественно интеллектуальное или преимущественно экономическое происхожденіе?» [5]). Нашъ авторъ рѣшительно становится на сторону экономическаго происхожденія культурныхъ и соціальныхъ перемѣнъ, заявляя себя приверженцемъ «экономическаго матеріализма», т. е. такой исторической теоріи, которая кладетъ въ основу исторіи народное хозяйство и сводитъ къ нему все содержаніе общественной жизни, какъ совокупность разныхъ сосуществующихъ элементовъ [6]). Поэтому Вейзенгрюнъ вполнѣ присоединяется къ воззрѣнію Карла Маркса, по которому «экономическое строеніе общества есть реальное основаніе, на которомъ находятся юридическія и политическія надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія».—«Наше направленіе, говоритъ еще Энгельсъ въ «утопическомъ и научномъ соціализмѣ», разсматриваетъ политическія и юридическія движенія, литературныя и философскія условія какъ своего рода надстройку (Ueberbau). Фундаментъ составляютъ экономическія условія. Исторія каждой эпохи заключается не въ ея философіи, а въ ея экономіи». И Вейзенгрюнъ вполнѣ раздѣляетъ этотъ основный принципъ. Онъ сознается, однако, что этотъ тезисъ не былъ развитъ въ одномъ какомъ либо сочиненіи, хотя и проводится послѣдовательно во всѣхъ значительныхъ работахъ Маркса и отражается на всей литературѣ, созданной его учениками. Оставляя въ сторонѣ Маркса и Энгельса съ ихъ послѣдователями, мы отмѣтимъ еще одно мнѣніе Вейзенгрюна: ученіе объ экономической основѣ культурно-соціальныхъ явленій тѣсно связано у названныхъ писателей съ теоріей классовой борьбы, какъ существеннаго содержанія исторіи, но ученіе это онъ считаетъ возможнымъ обосновывать и внѣ связи съ указанной теоріей [7]). Съ этой точки зрѣнія подтвержденіе «экономическому матеріализму» Маркса онъ видитъ въ «Древнемъ обществѣ» Моргана [8]). Это сочиненіе привѣтствовалъ, какъ извѣстно, и Энгельсъ въ сочиненіи о происхожденіи семьи, частной собственности и государства [9]). Суть

---

5) *Ibid.*, 23.

6) Der „Oekonomische Materialismus“ kann definirt werden als die Geschichtstheorie, welche, als Basis der Entfaltung in der Geschichte die oekonomische Productionsweise annimmt und alle anderen Umstände darauf zurückführen will, ohne die reelle Bedeutung dieser Umstände zu läugnen; dieselben haben mit einen Einfluss in der menschlichen Entfaltung, wirken auf einander ein, treten als coexistirende Elemente auf. Entwickelungsgesetze, 96—97.

7) *Ibid.*, 107 sq.

8) *Lewis H. Morgan.* Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilisation. London. 1877.

9) *Fr. Engels.* Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates im Anschluss an H. Lewis Morgan's Anschauungen.

дѣла въ томъ, что основную идею «экономическаго матеріализма» Морганъ перенесъ на доисторическій бытъ, и, какъ думаетъ Вейзенгрюнъ, отъ первыхъ шаговъ человѣка на землѣ до современности нѣтъ поэтому уже ни одного перехода, который не былъ бы теперь объясненъ. «Это—экономическій основной процессъ. Юридическіе, политическіе, религіозные, философскіе, литературные моменты развиваются рядомъ съ нимъ и по отношенію къ главному экономическому движенію образуютъ движенія побочныя» [10]). Въ первомъ своемъ сочиненіи Вейзенгрюнъ излагаетъ идеи Моргана по Энгельсу, но во второмъ онъ уже говоритъ, что Энгельсъ, пользуясь замѣтками Маркса, сумѣлъ «интерпретировать соціологію Моргана въ своемъ смыслѣ» [11]). Въ другомъ мѣстѣ втораго своего труда онъ также замѣчаетъ, что связь между теоріей Моргана и «экономическимъ матеріализмомъ» была установлена главнымъ образомъ Энгельсомъ, прибавляя при этомъ, что тутъ не все шло вполнѣ гладко [12]). Быть можетъ, въ силу того, что «экономическій матеріализмъ» подтверждается не столько самимъ Морганомъ, сколько интерпретаціей Энгельса, американскій писатель, такъ рѣшительно записанный Вейзенгрюномъ въ число представителей экономическаго направленія въ первомъ сочиненіи, во второмъ уже не играетъ такой роли.

Вейзенгрюнъ не столько доказываетъ правильность такого пониманія сущности историческаго процесса, сколько разыскиваетъ, какъ оно сложилось. Между обоими сочиненіями по этому вопросу есть разница. По рѣшительному заявленію въ первой книжкѣ, косвенное вліяніе на зарожденіе экономическаго направленія оказала нѣмецкая философія и въ частности гегельянство, конечно, въ извѣстномъ пониманіи [13]). Вейзенгрюнъ даже думаетъ, что безъ діалектическаго метода едва ли можно представить себѣ «экономическій матеріализмъ» [14]). Въ этомъ отношеніи особенно важно, по его словамъ, прямое свидѣтельство Энгельса въ «Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft». Опять, не касаясь Энгельса, который въ данномъ случаѣ могъ ошибаться, я долженъ отмѣтить, что Вейзенгрюнъ не доказалъ своего тезиса, да, кажется, мнѣ и доказать это было бы невозможно: дѣло въ томъ, что діалектическій методъ относится къ *формѣ* историческаго процесса, а «экономическій матеріализмъ»—къ его содержанію. Во второмъ своемъ сочиненіи Вейзенгрюнъ задаетъ вопросъ, насколько вѣрно воззрѣніе, ставящее въ связь экономическое направленіе и гегельянство. Изъ того, говоритъ онъ, что манера писать Маркса и Энгельса напоминаетъ Гегелеву, изъ того, что

---

[10]) *Weisengrün,* Entwickelungsgesetze 154. О книгѣ Моргана вообще см. стр. 127.

[11]) Verschied Gesch., 29.

[12]) *Ibid.,* 45, 46.

[13]) Entwickelungsgesetze, 48 sq.

[14]) *Ibid.*, 158.

Родбертусъ съ такимъ же одушевленіемъ, какъ и Гегель, говоритъ о государствѣ, еще ничего не слѣдуетъ [15]), и онъ думаетъ поэтому, что вліяніе гегельянства въ данномъ случаѣ было болѣе формальнаго свойства [16]); настоящій же зародышъ новаго направленія онъ указываетъ въ сочиненіяхъ французскихъ утопическихъ соціалистовъ и у Родбертуса [17]). Это будетъ гораздо вѣрнѣе [18]), при чемъ, конечно, и вообще экономисты сильно могли содѣйствовать выработкѣ взгляда на исторію, какъ на экономическій процессъ [19]). Не забудемъ, что и идея классовой борьбы явилась, какъ на то указываетъ и самъ Вейзенгрюнъ, впервые въ «Исторіи десяти лѣтъ», Луи Блана. Въ первомъ своемъ сочиненіи нашъ авторъ очень ужъ заботится о томъ, чтобы представить «экономическій матеріализмъ», какъ синтезъ разныхъ научныхъ и философскихъ направленій.

Если стать на точку зрѣнія втораго труда Вейзенгрюна, потеряетъ силу одно соображеніе, высказанное въ первомъ въ защиту всего направленія. Онъ предупреждаетъ, что «экономическій матеріализмъ» не слѣдуетъ смѣшивать съ утилитаристическимъ сведеніемъ нравственныхъ понятій къ идеѣ пользы. Видя основу исторіи въ матеріальныхъ отношеніяхъ, а въ духовныхъ движеніяхъ какъ бы настройку, это направленіе вовсе не отрицаетъ ихъ реальнаго значенія, тѣмъ болѣе что косвенно оно развилось само изъ нѣмецкой идеалистической философіи [20]). Вотъ это-то послѣднее соображеніе и теряетъ силу, если принять, что нѣмецкая идеалистическая философія повліяла на «экономическій матеріализмъ» только своею формальною стороною, каково и наше мнѣніе.

Есть еще одно ученіе, съ коимъ Вейзенгрюнъ пытается связать «экономическій матеріализмъ». Именно онъ постоянно указываетъ на марксово пониманіе среды, какъ на базисъ всего «экономическаго матеріализма» [21]), но при всемъ желаніи понять логическую связь между тѣмъ и другимъ мы не могли этого сдѣлать. Мало того: я самъ и въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи», и въ «Сущности историческаго процесса» разрабатывалъ идею среды въ смыслѣ, очень близкомъ къ марксову, но мнѣ и въ голову не приходило дѣлать отсюда выводъ въ смыслѣ односторонняго экономизма. Не болѣе понятною дѣлается эта связь между «теоріей среды» и «экономическимъ матеріализмомъ», и въ болѣе ясномъ изложеніи другой книжки Вейзенгрюна. Разсужденіе идетъ здѣсь такимъ

---

15) Versch. Gesch., 21.

16) Кромѣ того, онъ говоритъ: Nur als Vorbereitung, als unklaren, unvollkommenen Ausdruck der oekonomischen Geschichtsbetrachtung kann ich die Hegel'sche Anschauung betrachten, 22.

17) *Ibid.*, 22 sq.

18) Entwickelungsgesetze, 57 sq.

19) *Ibid.*, 54 sq., 82 sq.

20) *Ibid.*, 158.

21) *Ibid.*, 11, 89, 127, 154, 158 и др.

образомъ: по Марксу, человѣкъ окруженъ средою двоякаго рода, естественной и искусственной, при чемъ вторая для исторіи важнѣе первой. Дарвинисты, дѣлавшіе попытку объясненія исторіи, весьма часто это упускали изъ виду. «Искусственная среда выступаетъ главнымъ образомъ въ своемъ матеріальномъ дѣйствіи. Исторія не должна особенно заниматься психическими дѣйствіями въ ея соціальной формѣ, она должна заниматься объясненіемъ политическихъ и юридическихъ движеній, равно какъ движеній философскихъ и религіозныхъ, и объяснять ихъ изъ экономической, матеріальной основы. Поэтому «экономическій матеріализмъ» можетъ быть опредѣленъ, какъ [22]) и т. д. Между тѣмъ Вейзенгрюнъ настаиваетъ на особой важности, какую «теорія среды» имѣетъ для «экономическаго матеріализма», ограничиваясь, однако, соображеніями, въ силу коихъ выходитъ, что Марксъ лучше понималъ сущность среды, чѣмъ Тэнъ [23]), съ чѣмъ, пожалуй, нельзя не согласиться.

Тѣснѣе, конечно, связанъ «экономическій матеріализмъ» съ идеей классовой борьбы, сущность коей заключается въ томъ, что съ извѣстнаго момента человѣчество дѣлится на двѣ большія группы: одна экономически господствуетъ, другая матеріально подчинена первой, какими бы правами ни обладала. Каждая эпоха, далѣе, развиваетъ новыя матеріальныя силы, и всегда возникаетъ борьба между ними и болѣе ранними формами производства. Все это совершается постепенно, возникаетъ органически изъ данныхъ отношеній» [24]). Духовная производительность идетъ за матеріальной, и господствующія идеи времени суть только идеи господствующаго класса, а новые способы производства создаютъ и новыя идеи [25]). Такое представленіе *всей* исторіи всегда и вездѣ было навѣяно соціальнымъ движеніемъ эпохи; но, даже снявъ съ «экономическаго матеріализма» Карла Маркса его соціалистическую оболочку, Вейзенгрюнъ высказываетъ ту мысль, что исторія подтверждаетъ основной его тезисъ (о главенствѣ экономическихъ условій) достаточными примѣрами, и съ этой стороны тезисъ кажется ему «почти непоколебимымъ» [26]). Все дѣло, однако, ограничивается у нашего автора исторической иллюстраціей, занимающей съ небольшимъ двѣ страницы, хотя онъ и считаетъ себя въ правѣ заявить, что приведенные имъ примѣры показываютъ, «какъ правильно и объясняя исчерпывающимъ образомъ проявляется экономическій матеріализмъ» въ исторіи взятыхъ имъ для примѣра эпохъ. Но онъ идетъ и далѣе, объявляя, что классовая борьба представляетъ изъ себя красную нить исторіи [27]).

---

22) Versch. Gesch., 28.
23) *Ibid.*, 46. V. 50—51.
24) *Ibid.*, 37.
25) *Ibid.*, 43.
26) Entwickelungsgesetze, 110.
27) *Ibid.*, 113. Cf. 173 sq.

Заявляя себя сторонникомъ «экономическаго матеріализма», Вейзенгрюнъ не скрываетъ, впрочемъ, отъ себя всей трудности опредѣлить «отношеніе различныхъ формъ соціальнаго движенія къ экономическому содержанію» [29]). Онъ не затрудняется, однако, на основаніи одного частнаго примѣра, именно исторіи идеи равенства, формулировать два «соціологическихъ закона». Во первыхъ, по Вейзенгрюну, «всѣ политическіе, религіозные, юридическіе, философскіе и литературные элементы относятся къ экономическимъ, какъ форма къ содержанію. Соціальная форма развивается за соціальнымъ содержаніемъ». Во вторыхъ, онъ думаетъ, что «соціальная форма переживаетъ соціальное содержаніе [30]). Въ другомъ мѣстѣ онъ формулируетъ такимъ образомъ кардинальные пункты своего общаго историческаго міросозерцанія. Среда, окружающая человѣка, бываетъ естественная и искусственная, при чемъ съ развитіемъ человѣчества дѣйствіе послѣдней дѣлается все значительнѣе и значительнѣе. Далѣе повторяется основной принципъ съ двумя упомянутыми законами.

Вейзенгрюнъ чувствовалъ, однако, недостаточность теоретической разработки того воззрѣнія на исторію, которое онъ защищаетъ. Уже въ первомъ сочиненіи онъ пополняетъ кое-какіе пробѣлы, но во второмъ онъ еще яснѣе видитъ недостатки теоріи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ. Трудности, указанныя выше, дѣйствительно представляются на каждомъ шагу, и чѣмъ одностороннѣе и исключительнѣе будетъ предъявляться доктрина, тѣмъ мудренѣе и мудренѣе будетъ понимать исторію религіи, философіи, морали, поэзіи, искусства, даже права и государства, болѣе тѣснымъ образомъ связанныхъ съ экономіей.

«Экономическій матеріализмъ», по словамъ Вейзенгрюна, не отрицаетъ вліянія другихъ элементовъ, придавая имъ, однако, значеніе элементовъ вторичныхъ и второстепенныхъ; но онъ упустилъ изъ виду, что эти элементы отдѣляясь отъ экономическаго основного движенія, соединяются между собою, расширяются и усиливаются, приходятъ въ болѣе быстрое движеніе, получаютъ при этомъ свои собственныя формы движенія и изъ элементовъ надстройки превращаются въ основы иныхъ стадій развитія. Вейзенгрюнъ въ этомъ отношеніи дополняетъ ученіе «экономическаго матеріализма» цѣлымъ рядомъ соображеній и историческихъ иллюстрацій, изложенныхъ, къ сожалѣнію, нѣсколько спутанно и не всегда

---

[28]) Seit Herodot bis auf Buckle sucht ja die Geschichte unablässig nach einer möglichst prägnanten Formel.... wir glauben nun, dass der Begriff des Klassenkampfes für die Geschichte zum ersten Mal in umfassendster Weise eine solche allgemeine Erklärungsweise giebt... Im Klassenkampf glauben wir diesen rothen Faden gefunden zu haben. *Ibid.*, 113. Эта идея, говоритъ Вейзенгрюнъ, вовсе не заимствована изъ естествознанія, стр. 120 и слѣд.

[29]) *Ibid.*, 115.

[30]) *Ibid.*, 120.

достаточно вразумительно [31]). Дѣло, однако, не въ нихъ, а въ томъ, что такой горячій послѣдователь доктрины выступаетъ здѣсь съ указаніемъ существеннаго пробѣла. «Экономическій матеріализмъ», говоритъ онъ, и не могъ придти къ сознанію необходимости развить далѣе эти основоположенія. Обративъ все свое вниманіе на экономическій фундаментъ, впервые имъ понятый, направленіе это не могло принять въ разсчетъ всѣхъ явленій. «Мы, продолжаетъ онъ, весьма естественно, какъ и представители этого направленія, приписываемъ самое важное значеніе экономическому фундаменту, но на этомъ не останавливаемся, а объясняемъ діалектическимъ способомъ процессъ развитія въ его совокупности и начертываемъ новый рядъ развитія» [32]). Пониманіе развитія, какое онъ находитъ, напр., у Энгельса, кажется ему просто-таки механическимъ [33]). Объявляя во второмъ своемъ сочиненіи, что «Экономическій матеріализмъ» есть наилучшая историческая теорія, Вейзенгрюнъ прямо указываетъ на необходимость «нѣкоторыхъ къ ней добавленій и измѣненій, которыя, впрочемъ, не должны противорѣчить принципу этого способа объясненія [34]); но эти дополненія и измѣненія касаются у него сначала не отвлеченной теоріи, а дѣйствительной исторіи, какъ она понималась Марксомъ [35]). Только по вопросу (для насъ особенно важному вопросу) о томъ, дѣйствительно ли такъ развиваются изъ матеріальныхъ основъ юридическіе, политическіе и другіе элементы, какъ объ этомъ учитъ «экономическій матеріализмъ», онъ высказываетъ нѣкоторое сомнѣніе. «Я того мнѣнія, говоритъ онъ, что Марксъ упустилъ изъ виду важный моментъ. Существуетъ нѣкоторый болѣе постоянный элементъ, нежели вѣчно измѣняющіяся матеріальныя условія. И общія психическія свойства человѣка измѣняются и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляются въ силу идущаго впередъ экономическаго движенія [36]). Иначе чувствуютъ грекъ и римлянинъ, иначе современный французъ и итальянецъ, но перемѣны въ области чувствованій, обусловленныя не только экономическими, но и психическими измѣненіями, въ свою очередь оказываютъ хотя и ограниченное дѣйствіе на матеріальное движеніе. Это маленькая реакція психическихъ факторовъ на соціальный элементъ въ исторіи, повидимому, не принимавшаяся Марксомъ въ разсчетъ. Въ свою очередь этотъ пробѣлъ можно не принимать въ разсчетъ при изслѣдованіи формъ проявленія, какія можетъ получать механизмъ производства. Но разъ я долженъ объяснить изъ матеріальныхъ элементовъ политическіе или эстетическіе, то, конечно, я долженъ обращать вниманіе на эти общечеловѣческіе, хоть и

---

[31]) *Ibid.*, 173—220.
[32]) *Ibid.*, 221.
[33]) *Ibid.*, 221.
[34]) Versch. Gesch., 45.
[35]) *Ibid.*, 47 sq.
[36]) *Ibid.*, 48.

«измѣняющіеся, но все-таки болѣе постоянные элементы» [37]). Кромѣ того, Вейзенгрюнъ подымаетъ вопросъ о политичности въ исторіи, но затрогиваетъ его болѣе, чѣмъ слегка [38]). Наконецъ, Вейзенгрюнъ соглашается и съ тѣмъ, что гдѣ у Маркса увлеченіе, тамъ у его послѣдователей является уже просто каррикатура, и если, напр., Марксъ (въ противность Тэну, отожествляющему культурную исторію съ исторіей вообще) не особенно внимателенъ къ первой, то его ученики готовы идти далѣе и совершенно устранить культурную исторію [39]).

Вопросъ, дѣйствительно, требуетъ пересмотра, и мы къ нему еще вернемся. А книжки Вейзенгрюна дали намъ все, что могли дать.

Н. Карѣевъ.

37) *Ibid.*, 49.
38) *Ibid.*, 49—50.
39) *Ibid.*, 50.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ КІЕВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

I.

Пять губерній, составляющихъ кіевскій учебный округъ, занимаютъ огромную площадь въ 234,622 кв. версты. На этой площади расположились 93 городскихъ и 38,968 сельскихъ поселеній съ населеніемъ въ 12,137,580 душъ обоего пола [1]). Этотъ незначительный, по сравненію съ необъятною Россіей, уголокъ земли русской представляетъ однако изъ себя весьма значительную величину по сравненію съ цѣлыми государствами западной Европы, а историческія судьбы этого края наложили на него своеобразный отпечатокъ: его нравы, обычаи, формы землевладѣнія и пр. отличаютъ его отъ другихъ мѣстностей Россіи и позволяютъ говорить о кіевскомъ учебномъ округѣ, какъ о чемъ-то цѣльномъ не только въ смыслѣ административномъ, но и этнографическомъ и историческомъ.

Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ даетъ намъ возможность изложить здѣсь, главнымъ образомъ, количественную сторону интересующаго насъ вопроса. Качественная его сторона можетъ быть выражена въ цифрахъ относительно въ болѣе слабой степени, хотя въ вопросахъ народнаго образованія изученіе количественное можетъ дать достаточный матеріалъ и для сужденія о качественной сторонѣ дѣла.

Источниками для составленія этого очерка послужатъ намъ оффиціальные отчеты г. попечителя кіевскаго учебнаго округа. Оффиціальность этихъ отчетовъ гарантируетъ до извѣстной степени ихъ безпристрастное отношеніе къ школамъ разнаго типа, а сопоставленіе этихъ отчетовъ съ нѣкоторыми, по преимуществу земскими свѣдѣніями, о положеніи школьнаго дѣла можетъ служить провѣркою свѣдѣній, приводимыхъ въ нихъ.

«Отчеты» г. попечителя представляютъ изъ себя рядъ таблицъ, въ которыхъ сгруппированы свѣдѣнія о всѣхъ главнѣйшихъ элементахъ, изъ

которыхъ складывается жизнь народной школы. Здѣсь собраны свѣдѣнія: 1) объ училищахъ, 2) о преподавателяхъ, 3) объ учащихся, 4) о состояніи библіотекъ и учебныхъ пособій, 5) объ источникахъ содержанія училищъ, и наконецъ 6) свѣдѣнія объ училищахъ частныхъ и еврейскихъ. «Вѣдомости» (таблицы) эти составляются какъ «общія» для всего округа, такъ и «частныя» по губерніямъ; кромѣ того, къ отчетамъ прилагаются болѣе или менѣе пространныя объяснительныя записки, въ которыхъ собраны свѣдѣнія, не укладывающіяся въ табличную форму и поясняющія данныя таблицъ.

При изученіи состоянія народнаго образованія въ кіевскомъ округѣ нельзя не отмѣтить еще одного обстоятельства. Этотъ округъ состоитъ изъ пяти губерній, изъ которыхъ двѣ — Черниговская и Полтавская — имѣютъ земскія учрежденія, а три остальныя (Кіевская, Волынская и Подольская) ихъ не имѣютъ.

Громадное большинство школъ въ первыхъ двухъ губерніяхъ содержится за счетъ земства, которое имѣетъ своихъ представителей въ училищныхъ совѣтахъ и принимаетъ активное участіе въ жизни народной школы; въ трехъ же остальныхъ губерніяхъ большая часть школъ содержится за счетъ государственнаго казначейства и сельскихъ обществъ, и всѣ онѣ находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Отсюда понятенъ особый интересъ изученія школьнаго дѣла въ кіевскомъ округѣ.

II.

Въ кіевскомъ учебномъ округѣ 1,883 народныхъ городскихъ и сельскихъ училища [2]). Въ группѣ городскихъ училищъ нѣсколько особое мѣсто занимаютъ училища уѣздныя и дву-и трехклассныя городскія, открытыя на основаніи положенія 26 мая 1869 года въ городахъ юго-западнаго края и общаго положенія объ училищахъ 31 мая 1872 года. Эти училища болѣе или менѣе привиллегированныя. Они удовлетворяютъ потребностямъ болѣе зажиточнаго и умственно-развитаго городскаго населенія; программа преподаванія въ нихъ шире, и учебныя средства больше, чѣмъ въ одноклассныхъ городскихъ училищахъ, мало чѣмъ отличающихся отъ одноклассныхъ сельскихъ школъ. Изъ 207 городскихъ училищъ округа дву-и трехклассныя училища составляютъ почти половину ($47,_8\%$). [3]). Въ группѣ сельскихъ школъ — одноклассныя составляютъ громадное большинство; двуклассныя училища устраиваются только, какъ образцовыя министерствомъ по преимуществу въ земскихъ губерніяхъ. Двуклассныхъ сельскихъ школъ въ округѣ только 59, и изъ нихъ 39 находятся въ Черниговской и Полтавской губ., въ которыхъ министерство содержитъ сверхъ того 18 одноклассныхъ сельскихъ школъ.

Народныя училища распредѣлены крайне неравномѣрно по губерніямъ

округа. Тогда какъ въ губерніяхъ земскихъ—Полтавской и Черниговской, число школъ превышаетъ 500 на губернію, въ не земскихъ губерніяхъ число ихъ не достигаетъ 300, падая до 183 въ Кіевской губерніи [4]). Если бы школы округа были распредѣлены со строгою правильностію, то путешественникъ долженъ былъ бы проѣхать $125_{,1}$ версты, чтобы встрѣтить одну школу, и $139_{,0}$ версты, чтобы встрѣтить одну сельскую школу. Въ каждомъ городскомъ поселеніи онъ встрѣтилъ бы $2_{,1}$ школы и проѣхалъ бы $20_{,7}$ сельскихъ поселеній, прежде чѣмъ встрѣтилъ бы одну сельскую школу.

Въ дѣйствительности отношеніе числа школъ къ пространству и къ числу поселеній колеблется въ весьма сильной степени. Наиболѣе неблагопріятно это отношеніе въ трехъ не земскихъ губерніяхъ и въ особенности въ Кіевской. Здѣсь одна сельская школа приходится среднимъ числомъ на 39 поселеній и на $238_{,7}$ квадратныхъ верстъ. Въ Уманьскомъ уѣздѣ этой губерніи одна сельская школа приходится на $123_{,8}$ поселенія (сельскихъ) и на $754_{,8}$ квадратныхъ верстъ. Наиболѣе благопріятны эти отношенія въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, гдѣ одна сельская школа приходится на $34_{,1}$ поселеній (сельскихъ) и на $150_{,6}$ кв. верстъ. Въ нѣсколько болѣе благопріятномъ положеніи находится Подольская губернія. Одна сельская школа приходится въ ней на $29_{,9}$ поселенія и на 134 кв. версты. Поуѣздныя колебанія этихъ отношеній въ этой губерніи не такъ рѣзки, какъ въ предыдущей и Волынской, занимающей среднее мѣсто по этимъ отношеніямъ между двумя предыдущими. Въ послѣдней одна сельская школа приходится на 36 поселеній и на $238_{,8}$ кв. верстъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ земскихъ губерніяхъ. Въ Полтавской губерніи одна сельская школа приходится на $14_{,4}$ поселенія и на $68_{,3}$ кв. версты, въ Черниговской только на $10_{,8}$ поселенія и $87_{,7}$ кв. верстъ, а въ отдѣльныхъ уѣздахъ отношенія эти суживаются еще болѣе. Такъ, въ пяти уѣздахъ Полтавской губерніи одна сельская школа приходится менѣе, чѣмъ на 10 поселеній, въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниговской губерніи) одна сельская школа приходится только на $5_{,8}$ поселенія, а въ Прилукскомъ (Полтавской губерніи) только на $4_{,8}$ поселенія. Такихъ отношеній нѣтъ ни въ одномъ уѣздѣ юго-западныхъ губерній, и, слѣдовательно, земскія губерніи поставлены въ несравненно болѣе благопріятное положеніе относительно доступности школы населенію. Еще болѣе подтверждается это явленіе при разсмотрѣніи отношенія числа школъ къ числу населенія.

Въ 1887 году одна сельская школа округа приходилась на 6,513 душъ обоего пола, а одна городская—на 6,328 душъ городскаго населенія. Какъ и слѣдовало ожидать отношеніе числа сельскихъ школъ къ числу сельскаго населенія наиболѣе удаляется отъ этой средней въ Кіевской губерніи, въ которой одна сельская школа приходится на 19,435 душъ сельскаго населенія.

При разсмотрѣніи таблицы отношеній числа школъ къ населенію нельзя не отмѣтить еще одного любопытнаго факта. Оказывается, что въ губерніяхъ Волынской, Полтавской и Черниговской это отношеніе благопріятнѣе въ селахъ, чѣмъ въ городахъ. Особенно рѣзка разница въ этихъ отношеніяхъ въ Черниговской губерніи, въ которой среднимъ числомъ на одну сельскую школу приходится почти въ два раза меньше населенія, чѣмъ на одну городскую. Городскія школы округа распредѣлены довольно равномѣрно по городамъ округа. Отступленіе отъ этой равномѣрности находимъ въ Кіевской губерніи: въ г. Кіевѣ имѣется 33 городскихъ училища, да въ Волынской губерніи нашлись еще два уѣзда (Заславскій и Острогскій), въ которыхъ до сихъ поръ нѣтъ городскихъ школъ.

III.

Мы не располагаемъ, къ сожалѣнію, достаточнымъ матеріаломъ, чтобы говорить о движеніи числа школъ въ округѣ. Только относительно Черниговской губерніи въ нашихъ рукахъ имѣется кое-какой матеріалъ, настолько интересный, однако, что мы вкратцѣ изложимъ его здѣсь.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія Малороссія была очень богата школами. Кромѣ Кіевской академіи и Черниговской семинаріи,—школъ высшихъ и, конечно, болѣе или менѣе привилегированныхъ,—школы и больницы существовали тамъ почти при всякой церкви. Такъ, въ Нѣжинскомъ и Черниговскомъ полкахъ Малороссійской губерніи, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ Черниговской губерніи, было 370 школъ [5]); на 247 поселеній Лубенскаго полка было 172 школы, на 172 Переяславскаго—119 [6]) Въ Гадичскомъ полку въ 1781 году изъ 91 души школьнаго возраста во второй сотнѣ учились грамотѣ 42 [7]). Школы эти имѣли настолько важное значеніе для края, что лучшіе люди его мечтали создать университетъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ нынѣшней Черниговской губерніи. Былъ составленъ даже проектъ университета и составитель его писалъ: «по состоянію эпархіальныхъ малороссійскихъ школъ батуринскій университетъ въ числѣ студентовъ никакого недостатка имѣть не можетъ и передъ с.-петербургскимъ и московскимъ университетами великій въ томъ авантажъ предвидится» [8]). Но батуринскій университетъ открытъ не былъ, и въ началѣ текущаго столѣтія число школъ въ Малороссіи стало быстро сокращаться. Крѣпостное право, введенное въ краѣ, остановило развитіе просвѣщенія, а особая, крайне тягостная для населенія опека надъ школами, устроенными по новымъ образцамъ взамѣнъ школы, вѣками выработанной самимъ народомъ, окончательно стерла съ лица земли дорогое народу учрежденіе.

Профессоръ Сухомлиновъ, въ прекрасной статьѣ своей о народномъ образованіи въ Черниговской губерніи, такими словами характеризуетъ новыя школы: «говорятъ, что, при жалобахъ о неприсылкѣ дѣтей въ

новыя школы, лица вліятельныя совѣтовали не слишкомъ горевать объ этомъ, ибо школы заводятся не для насъ, а для Европы, т. е. для поддержанія въ ней хорошаго о насъ мнѣнія» [9]).

Въ періодъ времени съ 1804 по 1820 годъ во всей Черниговской губерніи были открыты только 3 оффиціальныя сельскія школы, да и тѣ скоро закрылись и лишь съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ обращается нѣкоторое вниманіе на сельскія школы, при чемъ употребляются даже полицейскія мѣры для привлеченія населенія къ образованію [10]). По свѣдѣніямъ, собраннымъ офицерами генеральнаго штаба во время описанія Черниговской губерніи въ концѣ 50 годовъ, въ Черниговской губерніи считалось 64 школы въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ и 6 школъ—въ помѣщичьихъ имѣніяхъ [11]). Въ 1860 году, по свѣдѣніямъ проф. Сухомлинова, повидимому, почерпавшаго ихъ изъ оффиціальныхъ данныхъ, всѣхъ учебныхъ заведеній въ этой губерніи оказалось 131, а въ 1869 году, по свѣдѣніямъ черниговской земской управы, собраннымъ мировыми посредниками и уѣздными управами, въ этой губерніи числилось 329 церковно-приходскихъ школъ, 53 земскихъ и 7 министерскихъ. Говоримъ «числилось» потому, что церковно-приходскія школы существовали только на бумагѣ. Это видно, во первыхъ, изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ. Выше мы привели цифру школъ 1860 года; ихъ было тогда 131. Черезъ два года, т. е. въ 1862 году, оффиціальное число ихъ выражается цифрою 1,200 и затѣмъ снова падаетъ до 389 въ 1869 году [12]). Такія колебанія не могутъ имѣть инаго основанія, кромѣ того, что число школъ списывалось не съ дѣйствительности, а «съ потолка»—по выраженію нашихъ волостныхъ статистиковъ. Во вторыхъ мы имѣемъ и прямыя свидѣтельства, доказывающія вѣрность этого предположенія. Въ 1868 году одинъ изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ дѣятелей черниговскаго земства Н. Н. Карачевскій-Волкъ лично объѣхалъ съ директоромъ училищъ часть Черниговской губерніи: директоръ, по распоряженію министерства, долженъ былъ познакомиться съ церковно-приходскими школами, число которыхъ было по спискамъ весьма значительно. «Въ большинствѣ селъ, сообщаетъ названный авторъ, оказалось, что никто даже не могъ указать гдѣ собираются учащіеся [13]). Къ 1 января 1884 года всѣхъ народныхъ училищъ въ Черниговской губерніи было 458 въ томъ числѣ 49 городскихъ и земство содержало бо́льшую часть сельскихъ школъ (384). Въ 1887 г. всѣхъ школъ было уже 524, слѣдовательно число ихъ возросло за послѣдніе 3 года на 14%, а число земскихъ школъ съ 1868 по 1888-й г. возросло съ 53 до 479, т. е. въ девять разъ.

IV.

Въ 1883 школахъ кіевскаго округа къ 1 января 1888 года училось 130,548 дѣтей обоего пола, причемъ громадное большинство ихъ (86,2%) были воспитанниками сельскихъ школъ.

Погубернскія числа учащихся идутъ совершенно параллельно числу школъ не только абсолютно, но и относительно, т. е. отношеніе числа учащихся въ городскихъ и сельскихъ школахъ округа къ населенію находится въ полномъ соотвѣтствіи съ отношеніемъ числа школъ къ населенію. Губерніи округа не только слѣдуютъ другъ за другомъ въ томъ же порядкѣ, какъ въ первомъ случаѣ, но сохраняются и болѣе детальныя отношенія. Такъ, мы видимъ выше, что въ Волынской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ отношеніе числа школъ къ числу населенія болѣе благопріятно въ селахъ, чѣмъ въ городахъ. Тоже самое наблюдается и въ отношеніи числа учащихся къ населенію [14]).

Если число учащихся находится въ зависимости отъ числа школъ, то можно предположить, что отъ этой же причины, при другихъ равныхъ условіяхъ, зависитъ и многолюдность школъ, или точнѣе—каждаго класса школы. Полнаго подтвержденія этого предположенія мы не найдемъ при разсмотрѣніи среднихъ чиселъ учащихся въ одномъ городскомъ и сельскомъ классѣ каждой губерніи, хотя при разсмотрѣніи таблички среднихъ чиселъ учащихся значительная многолюдность классовъ земскихъ губерній бросается въ глаза. Подтвержденіе этому предположенію найдемъ мы также при разсмотрѣніи средняго числа учащихся въ школахъ разнаго типа. Такъ, въ министерскихъ одноклассныхъ школахъ учится по 75 человѣкъ среднимъ числомъ, тогда какъ въ одноклассныхъ земскихъ—по 88. Въ одноклассныхъ городскихъ училищахъ юго-западнаго края учится среднимъ числомъ по 96 дѣтей, тогда какъ въ городскихъ земскихъ—по 106. Бо̀льшая многолюдность школъ Черниговской губерніи, сравнительно съ школами Полтавской губерніи, можетъ быть объяснена болѣе благопріятнымъ отношеніемъ числа поселеній къ числу школъ въ Черниговской губерніи и не совсѣмъ понятнымъ оказывается только сравнительная многолюдность школъ Кіевской губерніи — самой бѣдной школами [15]). Нельзя не отмѣтить также сравнительно бо̀льшую многолюдность классовъ сельскихъ школъ сравнительно съ городскими. Только Кіевская губернія отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ: въ ней болѣе многолюдны городскіе классы. Но въ этой же губерніи находится относительно большее число городскихъ школъ.

Весьма интересно распредѣленіе учащихся по поламъ и сословіямъ въ школахъ округа. Дѣвочки образуютъ весьма небольшую группу учащихся, не превышающую $12,_1\%$ общаго числа учащихся. Но въ городскихъ школахъ группа эта гораздо значительнѣе, чѣмъ въ сельскихъ. Въ первыхъ она составляетъ болѣе четверти числа учащихся въ этихъ школахъ ($29,_2\%$), тогда какъ во вторыхъ не достигаетъ одной десятой ($9,_2$). Въ особенности велика разница въ числѣ учащихся дѣвочекъ въ городскихъ школахъ юго-западныхъ губерній сравнительно съ земскими. Это можетъ быть объяснено присутствіемъ въ юго-западныхъ губерніяхъ школъ, предназначенныхъ исключительно для дѣвочекъ. По словамъ попечителя округа, родители очень часто стѣсняются опредѣлять дѣвочекъ

въ школы, переполненныя мальчиками, изъ которыхъ иные достигли уже 15—16 лѣтъ; точно также замѣчено, что въ виду этого обстоятельства многія дѣвочки выбываютъ изъ училищъ до окончанія курса [16]). Кромѣ того, на число учащихся дѣвочекъ вліяетъ полъ руководителя школы. Замѣчено, что дѣвочекъ больше тамъ, гдѣ школами руководятъ учительницы [17]). Не безъ вліянія на половой составъ учащихся остается, повидимому, ихъ вѣроисповѣданіе. Въ Волынской губерніи, напримѣръ, число не православныхъ учащихся въ городскихъ школахъ достигаетъ 48,1 %— относительное число учащихся въ городскихъ школахъ дѣвочекъ въ этой губерніи—наибольшее. Въ нижеслѣдующей табличкѣ мы сгруппировали распредѣленіе учащихся по вѣроисповѣданію и полу.

	% учащихся дѣвочекъ въ городск. школахъ.	% учащихся дѣвочекъ въ сельск. школахъ.	% не православныхъ дѣтей въ городскихъ школ.	% не православныхъ дѣтей въ сельскихъ школ.
Кіевская	35,3	9,3	21,3	3,3
Подольская	34,7	11,5	37,8	6,4
Волынская	36,3	7,9	48,1	6,4
Полтавская	21,8	7,8	11,7	1,2
Черниговская	21,2	9,8	12,4	1,6

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской особенно незначительна примѣсь учащихся католическаго исповѣданія, и значительна примѣсь прочихъ христіанскихъ исповѣданій (особенно въ Черниговской губерніи) и евреевъ, такъ что изъ всего числа не православныхъ на Полтавскую и Черниговскую губерніи приходится только 1,8 % католиковъ, протестантовъ 35 %, евреевъ 43 % [18]). Въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ католики составляютъ весьма значительную примѣсь, за католиками слѣдуютъ протестанты, которыхъ особенно много въ Волынской губерніи, и наконецъ евреи.

Школы юго-западнаго края, особенно городскія, служатъ весьма существеннымъ пособіемъ для обученія и привилегированныхъ сословій—дѣтей дворянъ, чиновниковъ и духовенства. Въ Волынской губерніи болѣе четверти дѣтей (25,3 %) учащихся въ городскихъ школахъ принадлежитъ къ названнымъ сословіямъ, за этой губерніей слѣдуетъ Подольская (22,7 %), двѣ земскихъ (Полтавская 14,6 % и Черниговская 12,8 %) и наконецъ Кіевская 11,7 %. Что касается до сословнаго происхожденія дѣтей, учащихся въ сельскихъ школахъ, то сельскія сословія (т. е. крестьяне всякихъ наименованій) составляютъ всю основную массу учащихся. Только въ Кіевской губерніи дѣти дворянъ, чиновниковъ и духовенства образуютъ замѣтную группу учащихся въ сельскихъ школахъ (8,1 %); во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ эта группа не достигаетъ 3 % числа учащихся, падая до 1,9 % въ сельскихъ училищахъ Черниговской губерніи.

V.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію отношеній между числомъ учащихся и учащихъ въ школахъ Кіевскаго округа, скажемъ нѣсколько словъ о преподавательскомъ персоналѣ «округа», его образованіи и матеріальной обезпеченности. Насъ должны интересовать, главнымъ образомъ, учителя и учительницы предметовъ, такъ какъ на нихъ, собственно говоря, лежитъ вся тягость веденія школьнаго дѣла. Что касается до штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ и смотрителей двухклассныхъ городскихъ училищъ юго-западнаго края, то число ихъ настолько незначительно, что мы считаемъ возможнымъ обойти ихъ молчаніемъ въ нашемъ краткомъ обозрѣніи. Точно также мы не будемъ долго останавливаться на преподавателяхъ Закона Божія, священникахъ, для которыхъ преподаваніе въ школахъ составляетъ законную обязанность. Отмѣтимъ лишь, что число законоучителей округа (1,834) меньше числа школъ (1,883), а слѣдовательно нѣкоторымъ изъ нихъ приходится исполнять учительскія обязанности въ нѣсколькихъ школахъ. Число школъ растетъ, сравнительно, быстро, и, слѣдовательно, трудность добросовѣстнаго исполненія священниками ихъ учительскихъ функцій все болѣе увеличивается. Уже и въ настоящее время только немногіе законоучители посвящаютъ школѣ сколько нибудь значительное время. «Многочисленныя занятія ихъ по приходу и собственному хозяйству ведутъ за собою небрежное отношеніе къ преподаванію въ школѣ», и небрежность эта, по словамъ попечителя округа, «почти неисправима, потому что занятія священниковъ, особенно въ численныхъ приходахъ Кіевской губерніи бываютъ до того часты, что священникъ ежедневно долженъ совершать нѣсколько требъ, самыхъ неотложныхъ». «Если, говоритъ попечитель, въ училищахъ такихъ приходовъ законоучитель пропуститъ въ первую недѣлю два урока, во вторую и третью—4, то черезъ мѣсяцъ при такихъ занятіяхъ онъ не явится въ классъ ни разу, потому что пропуски уроковъ будутъ для него заурядным дѣломъ и войдутъ въ обычную колею жизни. Кромѣ того, не бывъ на урокахъ въ теченіе долгаго времени, законоучитель послѣ этого считаетъ неудобнымъ являться въ классъ передъ дѣтьми, не зная, что дѣлалъ безъ него на урокахъ учитель, а школа съ формальной стороны можетъ быть и безъ него представлена, если не въ блестящемъ состояніи, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе удовлетворительной» [19]). Учитель исполняетъ, такимъ образомъ, функціи законоучителя, а послѣдній получаетъ установленный за преподаваніе гонораръ совершенно незаслуженно. Отсюда антагонизмъ между учителями предметовъ и законоучителями, такъ вредно отзывающійся на ходѣ школьнаго дѣла [20]). Чтобы преподаваніе Закона Божія, говоритъ въ другомъ отчетѣ г. попечитель, соотвѣтствовало требованіямъ св. синода, необходимо, чтобы законоучитель каждый разъ внимательно приготовлялся къ уроку, пока не пріобрѣ-

тетъ навыка бесѣдовать съ дѣтьми, пока не научится связывать съ догматами вѣры и историческими событіями нравственнаго ученія; но надобно сознаться, продолжаетъ цитируемый авторъ, что законоучителей съ надлежащею педагогическою подготовкою меньшинство. Большею частью они сообщаютъ событія за событіями безъ умѣнія отмѣтить при этомъ одно или нѣсколько свойствъ Божіихъ, такъ ясно и опредѣленно всегда проявляющихся въ его промышленіи о мірѣ и человѣкѣ; не умѣютъ общедоступнымъ языкомъ представить образъ Бога-человѣка и привязать къ нему дѣтскія сердца; не мало между ними и такихъ, которые говорятъ языкомъ богословскимъ, и дѣти ничего не понимаютъ изъ ихъ рѣчей [21]). «Неудивительно поэтому, что, по отзыву полтавскаго директора народныхъ училищъ, преподаваніе Закона Божія, за нѣкоторыми исключеніями, идетъ слабѣе другихъ предметовъ [22]), и что связь священника съ школою оказывается только формальностью, ложащеюся тяжкимъ бременемъ какъ на самихъ священниковъ, такъ и на ходъ школьнаго дѣла.

Выше мы привели табличку средняго числа учащихся въ одномъ городскомъ и сельскомъ классахъ школъ округа. Если мы сопоставимъ свѣдѣнія названной таблички съ средними числами учащихъ въ каждомъ классѣ школъ округа, то мы будемъ имѣть возможность судить объ относительной трудности веденія школьнаго дѣла въ каждой губерніи округа. Въ наиболѣе выгодномъ положеніи въ отношеніи числа учащихъ къ учащимся находятся школы Волынской губерніи, въ которой на одного учителя приходится только 50 учениковъ, въ городскихъ же классахъ этой губерніи число учениковъ приходящихся на одного учителя падаетъ до $29,_9$. За Волынской слѣдуетъ Полтавская ($50,_7$ учащихся на одного учителя), Подольская ($52,_1$), Черниговская ($56,_1$) и наконецъ Кіевская ($57,_4$).

Городскія школы округа поставлены, говоря вообще, лучше въ интересующемъ насъ отношеніи, чѣмъ сельскія, въ особенности въ не земскихъ губерніяхъ [23]). За то сельскія школы поставлены въ этомъ отношеніи гораздо лучше въ земскихъ губерніяхъ, чѣмъ въ не земскихъ, что имѣетъ особое значеніе въ виду многолюдства школъ въ этихъ губерніяхъ. Изъ разсмотрѣнія среднихъ чиселъ учащихъ въ одномъ городскомъ и сельскомъ классѣ округа видно, что въ сельскихъ школахъ земскихъ губерній гораздо чаще встрѣчаются помощники учителей, чѣмъ въ не земскихъ, въ которыхъ за то помощники учителей встрѣчаются гораздо чаще въ городскихъ школахъ.

Учительницы занимаютъ весьма видное мѣсто въ преподавательскомъ персоналѣ школъ округа, составляя $32,_9\%$ общаго числа преподавателей, и число ихъ постоянно возрастаетъ. Такъ, въ 1886 году учительницы составляли $31,_3\%$ учащихъ, и слѣдовательно, число ихъ въ одинъ годъ возросло на $1,_6\%$. Возрастаніе числа учительницъ обратило на себя вниманіе г. попечителя округа и побудило его поближе познакомиться съ этимъ персоналомъ. Результаты изслѣдованія г. попечителя оказались самыми благопріятными для учительницъ. «Почти всѣ учительницы, пи-

шетъ въ своемъ отчетѣ попечитель, ведутъ свое дѣло съ надлежащимъ знаніемъ и усердіемъ, а у иныхъ дѣло доходитъ до самоотверженія, «вообще учительницы представляютъ полезныхъ труженицъ для дѣла народнаго образованія и по добросовѣстности отношенія къ своимъ обязанностямъ многимъ учительницамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ учителями» [24]). Если при поступленіи на мѣсто учительница и встрѣчаетъ обыкновенно нѣкоторое недовѣріе среди населенія, обусловленное взглядомъ народа, что учительство, какъ дѣло требующее извѣстной строгости, должно находиться въ рукахъ мужчинъ, то, по словамъ отчета, недовѣріе это быстро исчезаетъ и «у крестьянъ прежній взглядъ легко мѣняется, и на сторонѣ учительницы является общее расположеніе». «Есть даже такія школы, гдѣ желаютъ имѣть учительницу, а не учителя; кромѣ того, въ тѣхъ школахъ, гдѣ преподаютъ учительницы, обыкновенно больше бываетъ дѣвочекъ» [25]). Въ упрекѣ учительницамъ попечитель округа ставитъ, во первыхъ, то, что онѣ не могутъ подчинить школу въ дисциплинарномъ отношеніи, и потому нерѣдки случаи, что для одной и той же работы учительница употребитъ вдвое больше времени, чѣмъ учитель, а во вторыхъ, то, что учительница обыкновенно не можетъ руководить церковными хорами. Безъ всякаго сомнѣнія, оба упрека эти имѣютъ полное основаніе, но имъ могутъ быть противопоставлены такія достоинства учительницъ, которыя дѣлаютъ ихъ незамѣнимыми дѣятелями народной школы, что высказываетъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ и попечитель округа [26]).

Земскія губерніи округа повидимому гораздо болѣе убѣждены въ пригодности женщинъ въ качествѣ учительницъ чѣмъ не земскія. Въ Черниговской губерніи учительницы составляютъ $42._1\%$ учащихъ, въ Полтавской $39._8\%$, тогда какъ въ Волынской ихъ всего 16%, въ Подольской $20._8\%$ и Кіевской $23._4\%$. Учительницы занимаютъ по преимуществу мѣста въ городскихъ школахъ неземскихъ губерній и въ сельскихъ земскихъ губерній. Мы сказали уже, что учительницы даютъ большій $\%$ образованныхъ преподавателей, чѣмъ учителя. Для болѣе нагляднаго представленія объ образовательномъ цензѣ учительскаго персонала округа мы сгруппировали свѣдѣнія, имѣющіяся по этому вопросу въ отчетѣ попечителя слѣдующимъ образомъ. Къ первой группѣ мы отнесли учителей и учительницъ, получившихъ высшее образованіе или спеціальную подготовку въ учительскихъ семинаріяхъ, институтахъ и т. п. Ко второй категоріи мы отнесли учителей и учительницъ, получившихъ среднее образованіе и къ 3-й — лицъ, окончившихъ низшія учебныя заведенія, лицъ выдержавшихъ экзаменъ на званіе учителя и наконецъ лицъ не имѣющихъ права на преподаваніе.

Вотъ табличка, въ которой приведены эти свѣдѣнія.

	1-я группа.			2-я группа.			3-я группа.		
	Всѣ.	Учителя.	Учительн.	Всѣ.	Учителя.	Учительн.	Всѣ.	Учителя.	Учительн.
Округъ	23,3	33,1	4,3	28,2	9,4	86,7	48,5	48,7	9,0
Кіевская	40,9	53,2	1,5	27,6	9,8	88,3	31,5	37,0	10,2
Подольская	35,7	59,7	—	28,3	18,4	81,4	35,8	11,8	19,6
Волынская	28,5	33,9	—	17,8	8,2	68,6	53,7	57,9	31,4
Полтавская	12,5	16,4	7,1	33,8	10,1	73,7	53,9	73,5	19,2
Черниговская . .	22,1	37,2	1,0	25,6	6,3	52,5	52,3	56,5	46,3

Изъ этой таблички видно, что почти половина учительскаго персонала округа не получила сколько нибудь основательнаго образованія, хотя попечитель округа и указываетъ на то, что учителя получившіе образованіе въ городскихъ училищахъ, устроенныхъ по положенію 1869 года, вполнѣ удовлетворяютъ скромнымъ требованіямъ предъявляемымъ къ учителю народной школы. По словамъ попечителя округа учителя изъ названныхъ училищъ, равно какъ и учителя изъ окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ и получившихъ свидѣтельство на званіе учителя имѣютъ за собою то преимущество, что, довольствуясь малымъ жалованьемъ и примиряясь съ обстановкою сельскихъ училищъ, занимаютъ одни и тѣ же мѣста очень продолжительное время, лѣтъ 10 — 12 и даже до 20 [27]). Но за то учителя, окончившіе курсъ въ городскихъ училищахъ по положенію 1872 года и учительницы изъ трехклассныхъ духовныхъ училищъ оказываются наиболѣе не подготовленными къ своей дѣятельности. «Такіе учителя и учительницы, говоритъ попечитель, занимаютъ учительскія должности потому только, «что на скудный учительскій окладъ отъ 120—180 рублей въ годъ не поступитъ тотъ, который чувствуетъ за собою умственную силу и педагогическую подготовку». И въ самомъ дѣлѣ: въ не земскихъ губерніяхъ матеріальная обезпеченность учительскаго персонала гораздо выше чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ. Результатомъ этого является во первыхъ то, что женщины гораздо рѣже встрѣчаются тамъ, чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ, а во вторыхъ число преподавателей первой категоріи (со спеціальною подготовкою) относительно высоко въ этихъ губерніяхъ. Нахожденіе въ юго-западномъ краѣ двухъ учительскихъ семинарій (Коростышевской и Острожской) обезпечиваетъ болѣе или менѣе школы не земскихъ губерній округа губерній хорошо подготовленными учителями. Для обезпеченія школъ подходящими учителями въ земскихъ губерніяхъ, кромѣ Глуховскаго института, имѣются еще женскія гимназіи. Неудивительно поэтому, что въ этихъ губерніяхъ число учительницъ, какъ то мы видѣли выше, постоянно возрастаетъ. Большинство преподавателей округа получаетъ отъ 200 до 300 рублей жалованья въ годъ. Ни въ Подольской, ни въ Волынской губерніяхъ нѣтъ преподава-

телей обучающихъ безплатно. Одинъ процентъ учителей и $3{,}_2\%$ учительницъ Кіевской губерніи, $2{,}_8\%$ учителей и $0{,}_8\%$ учительницъ Полтавской, и $0{,}_7\%$ учителей и 1% учительницъ Черниговской обучаютъ безплатно. Приводимъ эти цифры потому, что онѣ могутъ до нѣкоторой степени характеризовать сочувствіе мѣстнаго образованнаго общества къ школѣ. Въ Полтавской и Волынской губерніяхъ попадаются учителя и учительницы, получающіе нищенское содержаніе до 50 рублей въ годъ. Группа учителей, получающихъ отъ 100 до 200 рублей, въ не земскихъ губерніяхъ значительно меньше чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ округа и во всѣхъ его губерніяхъ, за исключеніемъ Подольской, относительныя числа болѣе обезпеченныхъ учительницъ меньше чѣмъ соотвѣтственныя имъ группы учителей [28]).

Положеніе учителей и учительницъ юго-западнаго края, какое бы они жалованье ни получали, улучшается еще и тѣмъ, что почти при каждомъ училищѣ есть земля, которою пользуется учитель; въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ нѣтъ земли для школы, мѣстное крестьянское общество выдаетъ ежегодно учителю отъ 10 до 50 рублей. Количество земли, находящейся при школахъ, различно, но обыкновенно не менѣе десятины. Встрѣчаются же училища, гдѣ въ пользованіи учителя находится 10—20 и болѣе 39 десятинъ, а одно училище Волынской губерніи имѣетъ 60 десятинъ земли. Учителя обрабатываютъ эту землю обыкновенно сами, и только дальность земель отъ школы заставляетъ ихъ иногда отдавать землю въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ. Такимъ образомъ на пространствѣ трехъ губерній практически разрѣшенъ вопросъ о надѣленіи школъ землею.

Въ отчетѣ попечителя мы встрѣчаемъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ. Оказывается, что помимо матеріальнаго обезпеченія, которое даетъ земля учителю, она такъ сказать привязываетъ учителя къ мѣсту, сближаетъ его съ населеніемъ. Учителя занимаются садоводствомъ, полеводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ, входятъ въ кругъ интересовъ мѣстнаго населенія и содѣйствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ распространенію болѣе совершенныхъ пріемовъ сельско-хозяйственной культуры.

Попечитель приводитъ въ своемъ отчетѣ рядъ примѣровъ, изъ которыхъ можно видѣть, что занятіе учителями сельскимъ хозяйствомъ не только не вредитъ дѣлу преподаванія, но вызываетъ всюду сочувствіе къ нимъ крестьянскаго населенія.

Слабая матеріальная обезпеченность учительскаго персонала дѣлаетъ его очень неустойчивымъ [29]). Въ постепенной смѣнѣ учащихъ лицъ, по преимуществу въ сельскихъ земскихъ училищахъ заключается, по словамъ попечителя, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ этихъ училищъ [30]). Къ сожалѣнію въ отчетахъ мы не находимъ цифровыхъ свѣдѣній о продолжительности службы народныхъ учителей и учительницъ и, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о ней приходится прибѣгнуть къ ко-

свенному пути. Въ изданіи центральнаго стат. комитета министерства внутреннихъ дѣлъ [31]) приведены данныя относящіяся къ 1880 году, о возрастномъ составѣ и семейномъ положеніи преподавателей сельскихъ школъ. На основаніи названныхъ свѣдѣній видно, что холостые учителя, равно какъ и незамужнія учительницы въ возрастѣ до 25 лѣтъ (отъ 18) составляютъ громадное большинство учительскаго персонала. Женитьба—въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ заставляетъ часть учителей оставить эту дѣятельность и искать другихъ занятій. Другая часть учителей продолжаетъ свою дѣятельность до 35 лѣтъ, когда увеличившаяся семья заставляетъ ихъ, повидимому, оставить учительство. Остальная часть учителей (повидимому наиболѣе обезпеченныхъ) продолжаютъ свою службу до болѣе преклоннаго возраста.

Что касается учительницъ, то повидимому замужество (въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ) заставляетъ ихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оставить свою дѣятельность и число замужнихъ учительницъ постоянно убываетъ съ ихъ возрастомъ. Что касается до вдовыхъ учителей и учительницъ, то число ихъ вообще незначительно и мы не рѣшаемся говорить о нихъ что либо даже въ той предположительной формѣ, какъ мы то дѣлали относительно женатыхъ и не женатыхъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію стоимости содержанія школъ Кіевскаго учебнаго округа скажемъ два слова о состояніи библіотекъ и учебныхъ пособій въ этихъ школахъ.

Наиболѣе богаты книгами и учебными пособіями двухклассныя училища Полтавской и Черниговской губерній (3,037 и 2,300 томовъ на одну школу). За ними слѣдуютъ уѣздныя училища этихъ губерній (2,598 и 2,317 том.) и двухклассныя училища юго-западнаго края. Обиліе книгъ въ этихъ школахъ объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что онѣ открыты уже сравнительно давно и при нихъ имѣются такъ называемыя фундаментальныя библіотеки, служащія не столько учащимся, сколько учащимъ. Самыми бѣдными оказываются библіотеки одноклассныхъ городскихъ и земскихъ школъ (287); даже сельскія школы земскихъ губерній богаче книгами, чѣмъ городскія (322 и 401), но за то въ первыхъ крайне мало учебныхъ пособій. Министерскія школы какъ одноклассныя, такъ и двухклассныя во всѣхъ губерніяхъ округа являются сравнительно богатыми какъ книгами, такъ и учебными пособіями.

VI.

Народная школа кіевскаго учебнаго округа существуетъ главнымъ образомъ на счетъ земства и мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Правда, государственное казначейство отпускаетъ весьма значительную сумму денегъ (360,944 р., или $27_{,64}\%$ общей суммы, идущей на содержаніе школъ) [32]), но большая часть этихъ денегъ ($63_{,4}\%$) идетъ на содержаніе болѣе или менѣе привилегированныхъ городскихъ двухклассныхъ и трехклассныхъ

училищъ. Если мы замѣтимъ, что $8,_{6}\%$ суммы, отпускаемой государственнымъ казначействомъ, идетъ на содержаніе двухклассныхъ сельскихъ школъ, большая часть которыхъ находится въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, то остальныя $24,_{8}\%$ этой суммы, идущія на содержаніе одноклассныхъ сельскихъ училищъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, составятъ ту скромную цифру, которою государство помогаетъ мѣстной народной школѣ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова.

Сумма, отпускаемая на содержаніе школъ земствами двухъ земскихъ губерній, превышаетъ сумму, отпускаемую для этихъ цѣлей сельскими обществами всѣхъ пяти губерній. Земства даютъ $27,_{34}\%$, а сельскія общества $20,_{41}\%$ общей суммы. Города даютъ $8,_{61}\%$, а остальныя средства получаются изъ пожертвованій ($7,_{8}\%$), платы за право ученія ($5,04\%$) и другихъ источниковъ ($3,_{11}\%$). Было бы опасно приводить среднія цифры средствъ, имѣющихся въ распоряженіи школы того или другаго рода безъ предварительныхъ оговорокъ. Даже постоянные и опредѣленные источники содержанія училищъ, каковы, напримѣръ, суммы, отпускаемыя отъ государственнаго казначейства и отъ городскихъ обществъ, гдѣ по годовымъ росписямъ опредѣленная сумма на содержаніе училищъ распредѣлена по всѣмъ ихъ частямъ, еще не обезпечиваютъ положенія и состоянія училищъ, если эти суммы поступаютъ въ распоряженіе лицъ, которыя на каждый рубль, выдаваемый служащимъ въ училищѣ, смотрятъ какъ на личную милость для нихъ. По словамъ оффиціальнаго отчета, каждый годъ даже въ одномъ и томъ же училищѣ наблюдаются не одинаковыя явленія по сравненію съ предыдущимъ годомъ. Часто случается такъ, что училище, вполнѣ обезпеченное въ прошломъ году, въ настоящемъ испытываетъ нужду во всѣхъ отношеніяхъ, и учитель полгода не получаетъ содержанія изъ суммы, слѣдуемой ему изъ государственнаго казначейства, или учителю выдано содержаніе за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, и онъ, оставивъ почему либо службу, другаго учителя лишилъ жалованія на два, на три мѣсяца, или въ зимнюю пору училище недѣли двѣ остается безъ отопленія, или сельскія общества не выполняютъ своихъ обязательствъ по приговорамъ. Въ юго-западныхъ губерніяхъ положеніе и состояніе училищъ иногда вдругъ измѣняется отъ неожиданнаго вмѣшательства въ дѣло волостныхъ писарей или кого либо изъ вліятельныхъ крестьянъ и т. д. Такимъ образомъ, замѣчаетъ попечитель, содержаніе училищъ находится въ зависимости отъ личностей, случайно приставленныхъ вести ихъ хозяйственную часть [33]).

Мы говорили все время, почти буквально придерживаясь текста оффиціальнаго отчета, и приходимъ къ печальному заключенію. И тамъ, гдѣ школы находятся въ непосредственномъ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія необезпеченность школы является не меньшею, чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ. Въ послѣднихъ замѣтны, по крайней мѣрѣ, попытки упорядочить это важное дѣло. Въ нѣкоторыхъ земствахъ, напримѣръ, натуральная школьная повинность сельскихъ обществъ, выражаю-

щаяся въ наймѣ послѣдними помѣщенія для школы, ея отопленіи, наймѣ сторожа и пр., переводится на денежную, и такимъ образомъ обезпеченіе школы ставится въ гораздо болѣе прочное положеніе, подпадая подъ общія условія обезпеченія дѣятельности всѣхъ земскихъ учрежденій; въ не земскихъ же губерніяхъ учебная администрація не въ силахъ измѣнить существующія отношенія, и, по словамъ попечителя, ей только остается «списываться и переговариваться» съ другими вѣдомствами, повидимому, мало заинтересованными въ томъ или иномъ положеніи школы.

Взглянемъ однако на табличку средней стоимости содержанія школъ равнаго типа въ пяти губерніяхъ округа, при чемъ приведемъ также цифры стоимости содержанія одного учившагося и окончившаго эти школы въ 1887 году.

		Кіевская губернія.	Подольская губернія.	Волынская губернія.	Полтавская губернія	Черниговская губернія.
1) Городскія училища по положенію 1872 года и двухклассныя городскія училища Юго-Западнаго края.	Стоимость учившагося	20,7	21	21	30	23,7
	Стоимость окончившаго полный курсъ.	300	237	250,5	426	415
	Стоимость содержанія училища . . .	3,266	2,712	2,577	3,409	3,020
2) Уѣздныя трехклассныя училища .	Стоимость учившагося	—	—	—	38	23
	Стоимость окончившаго полный курсъ.	—	—	—	298	305
	Стоимость содержанія училища . . .	—	—	—	2,761	2,137
3) Сельскія двухклассныя министерскія училища.	Стоимость учившагося	10,8	10,5	6,8	8,3	8,0
	Стоимость окончившаго полный курсъ.	218	131	342	198	236
	Стоимость содержанія училища . . .	1,502	1,484	2,739	1,511	1,271
4) Городскія приходскія учил. Юго-Западнаго края и городскія одноклассныя земскія училища.	Стоимость учившагося	16,0	6,0	—	8,0	6,7
	Стоимость окончившаго полный курсъ.	152	68	—	100,9	67
	Стоимость содержанія училища . . .	1,570	533	—	860	746
5) Сельскія одноклассныя министерскія училища.	Стоимость учившагося	5,6	7	7,6	7,7	5
	Стоимость окончившаго полный курсъ.	85	91	90,4	83	81
	Стоимость содержанія училища . . .	487	524	536	815	474

6) Сельскія одноклассныя земскія училища.	Стоимость учившагося	—	—	—	4,,4	4,,7
	Стоимость окончившаго полный курсъ.	—	—	—	84	71
	Стоимость содержанія училища . .	—	—	—	403	409

Наиболѣе дорогими училищами оказываются училища, по положенію 1872 года, въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ какъ абсолютно, такъ и по стоимости каждаго окончившаго въ нихъ курсъ. Соотвѣтственныя этимъ училищамъ двухклассныя юго-западнаго края стоятъ хотя дешевле, но стоимость каждаго учащагося въ нихъ обходится дороже, чѣмъ въ первыхъ.

Городскія одноклассныя училища въ Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ стоятъ почти въ два раза больше чѣмъ одноклассныя сельскія школы и во всѣхъ губерніяхъ округа всѣ двухклассныя сельскія школы стоятъ почти въ два раза больше, чѣмъ одноклассныя земскія. Что касается до стоимости содержанія учащагося въ школахъ, то самыми дешевыми оказываются ученики земскихъ одноклассныхъ школъ: въ этихъ же школахъ содержаніе каждаго окончившаго въ нихъ курсъ обходилось дешевле, чѣмъ во всѣхъ другихъ училищахъ. Уже изъ сравненія стоимости содержанія каждаго учившагося и окончившаго курсъ въ школахъ округа можно заключить, что только небольшая часть учениковъ школы проходитъ весь ея курсъ. Весьма большой процентъ мальчиковъ (въ 1887 году 15%) и еще большій дѣвочекъ (19,,4%) выбываютъ изъ училищъ до окончанія курса. Маленькіе работникъ и работница оказываются нужными семьѣ.

Попечитель округа приводитъ, какъ причину неокончанія школы большаго числа дѣвочекъ сравнительно съ мальчиками, то мнѣніе крестьянъ, по которому дѣвочка, долго пробывшая въ школѣ, отвыкаетъ отъ чернаго труда, физически слабѣетъ и въ концѣ концовъ въ простомъ быту дѣлается бременемъ для семьи [34]).

Окончившіе курсъ въ школахъ составляютъ 6,,7% общаго числа учившихся въ школахъ, и изъ нихъ мальчики составляютъ 6,,9%, а дѣвочки 5,,8%. Процентъ оканчивающихъ въ школахъ разнаго типа колеблется между 5 и 8. Больше всего оканчивающихъ въ болѣе привилегированныхъ городскихъ школахъ; меньше всего число ихъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ.

VII.

Въ отчетахъ попечителя нѣтъ, къ сожалѣнію, табличныхъ свѣдѣній о помѣщеніи школъ округа. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ имъ въ объяснительныхъ запискахъ къ отчетамъ, можно заключить, что помѣщенія го-

родскихъ училищъ гораздо лучше сельскихъ, и что многія сельскія училища юго-западнаго края устроены гораздо лучше земскихъ.

Чтобы всетаки иллюстрировать состояніе школьныхъ помѣщеній, приводимъ слѣдующія свѣдѣнія изъ отчета земскаго врача Бажанова [35]), изслѣдовавшаго по порученію Городницкой (Черниговской губерніи) управы, школы находящіяся въ завѣдуемомъ имъ медицинскомъ участкѣ. «Всѣ почти школы, говоритъ названный изслѣдователь, тѣсны, не имѣютъ при себѣ дворовъ, холодныхъ построекъ, какъ сарая для дровъ, коморки, погреба и отхожихъ мѣстъ, такъ что учащимся, равно какъ и учителю, приходится отправлять свои естественныя потребности во всякую погоду на открытомъ воздухѣ, что, понятно, служитъ источникомъ разныхъ заболѣваній. Г. Бажановъ вслѣдъ за попечителемъ округа говоритъ о необыкновенной нечистотѣ, и нецѣлесообразномъ устройствѣ школъ, щеляхъ въ полахъ и стѣнахъ, и проч. Классныя комнаты низки, самая высшая изъ изслѣдованныхъ г. Бажановымъ имѣетъ $3,_3$ метра высоты, слѣдовательно, не достигаетъ даже минимальной высоты, принятой для классныхъ комнатъ ($3,_5$—$4,_5$ метра). Въ другихъ же школахъ высота ихъ колеблется между $2,_{33}$—$2,_{70}$ метра. На каждаго ученика въ изслѣдованныхъ г. Бажановымъ школахъ приходится отъ $1,_5$ до $3,_5$ куб. метра воздуха, тогда какъ 4 куб. метра воздуха на учащагося есть тотъ minimum, за которымъ гигіена признаетъ помѣщеніе не только тѣснымъ, но прямо вреднымъ для здоровья. Даже въ сравнительно болѣе благоустроенныхъ городскихъ училищахъ юго-западнаго края, помѣщенія ихъ оставляютъ желать многаго. Въ самомъ г. Кіевѣ [36]) ни одно помѣщеніе приходскихъ школъ не удовлетворяетъ такому minimum'у, какъ $0,_{46}$ куб. сажени воздуха на учащагося и 300 кв. дюймамъ свѣтовой поверхности (Бельгійскій законъ). Правда, въ округѣ встрѣчаются и вполнѣ хорошо устроенныя помѣщенія для училищъ, но число ихъ, по сравненію съ числомъ помѣщеній неудовлетворяющихъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены, очень не велико.

VIII.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о другихъ училищахъ округа—двухъ ремесленныхъ и еврейскихъ.

Оба ремесленныя училища обставлены, повидимому, прекрасно, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма солидныя средства, какъ денежныя, такъ и другія. Дехтяревское, напримѣръ, училище, находящееся въ имѣніи г. Галагана, имѣетъ бюджетъ отъ 28 до 30 тысячъ рублей въ годъ. Кіевское ремесленное училище получаетъ нѣсколько болѣе 14 тысячъ рублей въ годъ. Наплывъ учащихся въ эти училища настолько великъ, что многимъ приходится отказывать въ пріемѣ. Отмѣтимъ еще то явленіе въ этихъ училищахъ, что дворяне и дѣти духовнаго сословія составляютъ въ нихъ бо̀льшую часть учащихся.

Еврейскія начальныя училища оказываются наиболѣе хорошо устроенными школами округа. Въ настоящее время такихъ школъ въ округѣ 16 съ 1593 учащихся и 62 преподавателями. Всѣ преподаватели этихъ школъ окончили курсъ въ учительскихъ институтахъ и, по словамъ отчетовъ, относятся къ исполненію своихъ обязанностей съ особеннымъ усердіемъ и ведутъ преподаваніе строго систематически съ надлежащимъ пониманіемъ педагогическихъ пріемовъ. Эти талмудъ-торы пользуются особеннымъ сочувствіемъ бѣднѣйшаго еврейскаго населенія, посылающаго въ нихъ своихъ дѣтей на цѣлый день, и содержатся на счетъ особаго, такъ называемаго, свѣчнаго сбора съ евреевъ.

IX.

Закончимъ нашъ краткій обзоръ состоянія школъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ слѣдующими свѣдѣніями о состояніи грамотности въ пяти губерніяхъ его составляющихъ. Единственнымъ источникомъ, которымъ мы можемъ пользоваться для нашихъ цѣлей, можетъ служить намъ изданіе центр. стат. комитета: «Всеобщая воинская повинность за первое десятилѣтіе съ 1873 по 1883 годъ». Земскими свѣдѣніями имѣющимися по нѣсколькимъ уѣздамъ Черниговской и Полтавской губерніи, мы не воспользовались, такъ какъ они не даютъ погубернской картины состоянія грамотности.

Разсматривая процентныя отношенія грамотныхъ новобранцевъ, прежде всего бросается въ глаза громадное число неграмотныхъ во всѣхъ пяти губерніяхъ по сравненію съ общимъ числомъ неграмотныхъ новобранцевъ во всей Россіи. Неграмотные за 10 лѣтъ составляли болѣе 85%, принятыхъ на службу въ кіевскомъ округѣ, тогда какъ во всей Россіи они составляли только 78%. Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ неграмотныхъ было меньше чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ округа [37]). Если мы сравнимъ % числа неграмотныхъ новобранцевъ 1873 года съ такимъ же числомъ 1883 года, то увидимъ, что школа оказала еще очень слабое вліяніе на распространеніе грамотности въ Полтавской и Черниговской губерніи (число неграмотныхъ уменьшилось въ первой на $0{,}_{1}$%, а во второй на $0{,}_{74}$%), болѣе значительное въ Волынской (число неграмотныхъ уменьшилось на $4{,}_{37}$%) и не оказала никакого вліянія въ Кіевской и Подольской губерніяхъ. Въ первой въ призывѣ 1883 года неграмотныхъ новобранцевъ оказалось болѣе на $2{,}_{84}$%, а во второй на на $0{,}_{1}$%, чѣмъ то было въ 1873 году.

[1]) См. Сбор. Свѣд. о Россіи за 1885 г. Изд. Центр. Ст. Ком. 1887 г.

[2]) Всѣ данныя, приводимыя безъ оговорокъ, относятся къ 1 января 1888 г.

[3]) Къ этой же группѣ школъ мы относимъ также два ремесленныхъ училища округа.

[4]) Къ 1 января 1888 г. въ Полтавской губерніи была 641 школа, въ Черниговской 524, Волынской 265, Подольской 268 и Кіевской 183. Въ изданіи Центр. Стат. Комитета М. В. Д. Сер. III вып. I собраны свѣдѣнія о сельскихъ училищахъ Европейской Россіи и привислянскихъ губерній. Къ сожалѣнію, группировка школъ въ этомъ изданіи на столько отлична отъ группировки „отчетовъ“ г. попечителя, что не даетъ возможности сравнить между собою эти два источника. Абсолютныя цифры, число школъ, приводимыя въ изданіи Центр. Комитета, рѣзко отличаются отъ цифръ „отчетовъ“. Такъ, по Стат. Врем. въ Кіевской губерніи 1,064 школы, въ Подольской 875, Волынской 845. Большинство этихъ школъ, по словамъ Стат. врем., содержатся на счетъ сельскихъ обществъ. „Отчеты“ г. попечителя не упоминаютъ о нихъ ни единымъ словомъ.

[5]) См. статью проф. Сухомлинова въ Жур. М. Н. Пр. 1865 г., № 1.

[6]) См. Кіевская Старина 1889 г., апрѣль, стр. 211.

[7]) Эти полки вошли затѣмъ въ составъ Полтавской губ.

[8]) Записка Теплова объ учрежденіи Батуринскаго университета. Цитируемъ по статьѣ Сухомлинова.

[9]) Ibid.

[10]) Ibid.

[11]) См. Домонтовичъ, Мат. для Геогр. и Стат. Рос., соб. Оф. Ген. Штаба Черн. губ., стр. 454.

[12]) Сухомлиновъ, ibid., стр. 59 и далѣе.

[13]) См. Зем. Сбор. Черниговской губ. 1888 г., № 1—2.

[14]) Вотъ табличка, подтверждающая это:

	На 100 жителей—учащихся въ городахъ.	На 100 жителей—учащихся въ селахъ.
Округъ	1,4	1,03
Кіевская	1,4	0,3
Подольская	1,3	0,6
Волынская	0,0	0,7
Полтавская	1,1	1,7
Черниговская	1,4	1,9

[15]) Приводимъ табличку среднихъ чиселъ учащихся въ одномъ классѣ:

	На одинъ классъ учащихся.	На одинъ сельскій классъ учащихся.	На одинъ городской классъ учащихся.
Округъ	63,1	64,8	56,1
Кіевская	63,2	62,7	64,2
Подольская . . .	57,4	58,8	51,1
Волынская	55,1	56,8	44,9
Полтавская . . .	66,0	67,8	51,3
Черниговская . . .	67,7	68,5	62,2

16) См. Отчетъ 1887 г., стр. 61.

17) См. Отчетъ 1886 г., стр. 37.

18) См. Отчетъ 1887 г., стр. 62.

19) См. Отчетъ 1887 г., стр. 155.

20) См. «Отчетъ Городницкаго Члена Училищ. Совѣта Земскому Собранію» въ журналѣ Городницкаго очереднаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1887 года. Гомель 1888 г., стр. 59.

21) См. Отчетъ 1886 г., стр. 94.

22) Ibid.

23) На одного учителя приходится учащихся въ городахъ, въ округѣ $43_{,1}$: въ Кіевской губ. $45_{,4}$, Подольской $36_{,5}$, Волынской $29_{,9}$, Полтавской $46_{,6}$ и Черниговской $47_{,8}$. Въ селахъ: округъ $58_{,9}$, Кіевской губ. $62_{,7}$, Подольской $58_{,8}$, Волынской $56_{,8}$, Полтавской $52_{,1}$ и Черниговской $57_{,0}$.

24) См. Отчетъ 1886 г., стр. 37.

25) Ibid.

26) См. Отчетъ 1887 г., стр. 147—148.

27) См. Отчетъ 1887 г., стр. 46.

28) Мы сгруппировали свѣдѣнія о матеріальной обезпеченности учительскаго персонала округа въ слѣдующей табличкѣ.

Изъ числа получающихъ жалованье получаютъ (въ процентахъ):

	До 100 руб.			От 100—200 р.			От 200—300 и болѣе.		
	Всѣ.	Учителя.	Учительн.	Всѣ.	Учителя.	Учительн.	Всѣ.	Учителя.	Учительн.
Округъ	$0_{,6}$	$0_{,4}$	$0_{,7}$	$30_{,1}$	$17_{,2}$	$39_{,0}$	$69_{,4}$	$82_{,4}$	$60_{,3}$
Кіевская губ. . . .	—	—	—	$9_{,6}$	$9_{,0}$	$11_{,4}$	$90_{,4}$	$91_{,0}$	$88_{,6}$
Подольская губ. . .	—	—	—	$16_{,3}$	$16_{,5}$	$14_{,2}$	$83_{,7}$	$83_{,5}$	$85_{,8}$
Волынская „ . .	—	—	—	$31_{,6}$	$31_{,3}$	$33_{,3}$	$69_{,3}$	$69_{,6}$	$66_{,6}$
Полтавская „ . .	$1_{,2}$	$1_{,1}$	$1_{,4}$	$37_{,9}$	$33_{,7}$	$44_{,2}$	$60_{,9}$	$65_{,2}$	$54_{,4}$
Черниговская губ. .	—	—	—	$37_{,5}$	$26_{,4}$	$45_{,1}$	$64_{,6}$	$73_{,6}$	$54_{,9}$

29) Чтобы иллюстрировать матеріальное благосостояніе учителей Кіевскаго округа, приводимъ слѣдующую выдержку изъ отчета попечителя (См. Отчетъ 1887 г., стр. 50). Учителя предметовъ двухклассныхъ городскихъ училищъ юго-западнаго края получаютъ по 450 р. въ годъ. „Если мы возьмемъ самый бѣдный разсчетъ жизни, то придемъ къ слѣдующему печальному выводу: квартира изъ двухъ комнатъ съ кухней, даже въ самомъ маленькомъ городкѣ, стоитъ minimum 75 руб. въ годъ, отопленіе 40 р., прислуга 60 р., остается 275 р., на которые приходится кормиться и одѣваться, а въ случаѣ болѣзни и лѣчиться и т. п. да еще человѣку семейному, а между учителями двухклассныхъ училищъ большинство учителей—люди семейные. Такимъ образомъ, учителю приходится положительно нищенствовать". Что же сказать о сельскихъ учителяхъ, получающихъ до 200 руб. въ годъ, въ особенности имѣя въ виду, что и это скудное содержаніе, въ особенности въ земскихъ губерніяхъ, часто не уплачивается аккуратно (См. Ibid., стр. 56).

30) См. Отчетъ 1886 г., стр. 41.
31) Статистическія свѣдѣнія о сельскихъ училищахъ Европейской Россіи.
32) Эта сумма въ 1887 году была равна 1.305,717 руб. 85 коп.
33) Срав. Отчетъ 1887 г., стр. 98—99.
34) См. Отчетъ 1887 г., стр. 65.
35) См. Зем. Сбор. Чер. губ. 1888 г., ноябрь, стр. 131.
36) См. Отчетъ 1887 г., стр. 27.
37) Процентъ неграмотныхъ за десять лѣтъ былъ такой: Волынская губ. 87, 56; Кіевская 86, 10; Полтавская 87, 05; Черниговская 86, 18; Подольская 88, 64

И. Миклашевскій.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ВЪ СИБИРИ.

Очеркъ устройства переселенцевъ въ Сибири въ Тобольской и Томской губерніяхъ на казенныхъ земляхъ и статистическія данныя ихъ экономическаго, хозяйственнаго роста.

Въ нашей литературѣ почти нѣтъ отчетовъ и данныхъ о первоначальной жизни новоселовъ въ Сибири послѣ водворенія на новомъ мѣстѣ. Задавшись поэтому цѣлью выяснить себѣ это, я какъ человѣкъ близко стоящій къ новоселамъ, водворяющимся на казенныхъ земляхъ Томской и Тобольской губерніи по предварительному разрѣшенію правительства, въ теченіе 3 лѣтъ собиралъ по извѣстной программѣ матеріалъ и въ настоящую минуту хотѣлъ бы сгруппировать и суммировать все собранное въ цифровыхъ данныхъ. Правда, по огромности пространства Томской и Тобольской губерній, гдѣ съ 84 по 90 годъ образовано 80 поселковъ и поселилось около 2,500 семей, я не въ состояніи былъ объѣхать всѣ поселки и сдѣлать личный опросъ каждой семьи. Мною опрошено лично 800 семей (5,000 душъ женск. и мужск. пола), полныхъ статистическихъ подворныхъ карточекъ составлено 650, и вотъ съ этимъ-то матеріаломъ я хотѣлъ бы познакомить читателя. Опросъ каждой семьи производился лично при посѣщеніи мною поселка, которые встрѣчались мнѣ на пути: въ Маріинскомъ округѣ 6 пос., въ Каинскомъ — 11 пос. Томской губ., въ Тюкалинскомъ округѣ 3 Тобольской губерніи, всего 20 поселковъ; изъ нихъ 13 были опрашиваемы въ теченіе 3-хъ лѣтъ ежегодно. Подворная карточка составлена была по слѣдующей программѣ: 1) семейный списокъ, 2) откуда шли, когда и сколько времени, 3) экономическое положеніе въ Россіи, надѣлы, аренда, подати, причина переселенія, 4) проданъ ли надѣлъ и сколько выручено на дорогу, 5) стоимость дороги, способъ передвиженія, помощь, получаемая во время дороги, отъ кого, 6) остановки во время дороги и заработки, 7) стоимость въ пути лошадей, телѣгъ, хлѣба, корма, 8) число заболѣваній во время дороги и смертность дѣтей, 9) какіе были заработки

по прибытіи на мѣсто, 10) насколько обезпечены на зиму и получали ли помощь отъ правительства, сколько, 11) какимъ образомъ устраиваются на мѣстѣ, стоимость построекъ, лошадей, коровъ, овецъ, инвентаря, 12) количество скота и посѣва въ первый годъ по приходѣ, во второй, третій и т. д., 13) примѣчаніе: рѣзкое различіе новоселъ отъ старожилъ, взаимное вліяніе другъ на друга, пользованіе землей, новая культура внесенная новоселами въ сельско-хозяйственную и частную жизнь, какъ-то ремесла, промышленность и т. д. Я долженъ, однако, предупредить впередъ, что по незначительности матеріала я буду избѣгать дѣлать какія либо обобщенія. Рѣшаюсь я обнародовать мой матеріалъ, только съ тою цѣлью, чтобы вызвать подражателей, которые могли бы съ большей полнотою отвѣтить на всѣ вышеупомянутые вопросы.

I.

Прежде, чѣмъ приступить къ разбору матеріала, я долженъ сказать нѣсколько словъ о казенныхъ земляхъ и о Высочайше утвержденномъ въ 1884 году «отрядѣ по устройству переселенческихъ участковъ и отводу ихъ переселенцамъ въ Западной Сибири».

До 1885 года правительство принимало въ дѣлѣ переселенія и устройства переселенцевъ крайне пассивную роль. Всѣ казенныя земли были въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ; переселенческое движеніе совершалось совершенно свободно: никто его не регламентировалъ. Обыкновенно переселенцы избирали себѣ сами, или, черезъ ходаковъ, участокъ, числящійся свободнымъ, казенные селились на немъ произвольно, а потомъ, иногда, черезъ нѣсколько лѣтъ, казенныя палаты зачисляли ихъ въ разрядъ государственныхъ крестьянъ Зап. Сибири. Землевладѣніе и землепользованіе въ Сибири до сихъ поръ почти не регламентировано и, если со стороны правительства и были неоднократныя попытки какъ нибудь урегулировать его, то всѣ такія начинанія разбивались, сталкиваясь съ народнымъ, укоренившимся принципомъ землепользованія на «заимкѣ» и «захватѣ».

Къ размежеванію земель, а главное—къ опредѣленію размѣра крестьянскихъ надѣловъ правительство приступило еще въ 1830 году и съ тѣхъ поръ до нашихъ дней неустанно межуетъ Сибирь, составляетъ планы, наноситъ границы владѣній крестьянъ, казенныхъ земель и т. д., но всѣ эти работы въ конечномъ результатѣ дали 2 милліона расхода, обогатили цѣлую плеяду межевыхъ чиновъ но признаны оффиціально никуда негодными [1]).

До сихъ поръ практически вся земля находится въ полномъ безкон-

---

1) Оффиціальная коммиссія, назначенная при генералъ-губернаторѣ Казнаковѣ, о межеваніи и оффиціальныя записки и доклады о межевыхъ работахъ въ Сибири.

трольномъ пользованіи всего сибирскаго крестьянскаго населенія, всѣ крестьянскіе надѣлы, границы, ямы, столбы существуютъ только въ проектахъ на бумагѣ и планахъ. Въ дѣйствительности, въ натурѣ вы ничего подобнаго не найдете и если обратитесь съ вопросомъ къ крестьянамъ, чья земля, то получите непремѣнно отвѣтъ: Сидора Петрова или Карпа Андреева заимка; если же никѣмъ не занята, то такъ пустопная—вольная.

Прямое участіе къ переселенцамъ правительство оказывало въ Сибири періодически только въ формѣ отыскиванія свободныхъ земельныхъ пространствъ, удобныхъ для заселенія, и самая энергичная работа въ этомъ направленіи была въ 33 году и продолжалась не больше двухъ лѣтъ, затѣмъ—въ 53 году, во время усиленнаго переселенія государственныхъ крестьянъ при помощи правительства при гр. Киселевѣ, но тоже не болѣе 3 — 4 лѣтъ; затѣмъ приступили къ плачевной нарѣзкѣ участковъ для пожалованій и продажи на льготныхъ условіяхъ, къ счастью совершенно непривившейся въ Сибири и теперь совершенно прекращенной, а дѣло переселенія совершенно затихло вплоть до нашихъ дней, т. е. до открытія отряда и управленія государ. имущ. Зап. Сибири. Съ учрежденіемъ управленія госуд. имущ. Зап. Сибири картина землевладѣнія, несомнѣнно, должна была рѣзко измѣниться. Свободное безконтрольное пользованіе землей на принципѣ «заимки» должно было прекратиться. Явились на сцену архивные бумажные планы, проэктные надѣлы, границы, столбы и ямы.

Правда, пока все это существуетъ, за малыми исключеніями, въ канцеляріи управленія и de jure, дѣйствительно, принадлежитъ казнѣ, но de facto отыскивать эти милліоны десятинъ въ рядѣ другихъ милліоновъ десятинъ другихъ наименованій, напр., крестьянской надѣльной, инородческой и т. д., отыскивать въ натурѣ границы, столбы, ямы, давно уже запаханные, не только трудно, но почти невозможно, и при малѣйшемъ недоразумѣніи требуетъ немедленнаго командированія межеваго чина, а послѣднему приходится производить снова всю съемку.

Такое положеніе вещей несомнѣнно еще болѣе запутало земельныя отношенія. Спустя два, три года послѣ утвержденія управленія, былъ образованъ, временно, отъ департамента земледѣлія и сельскій переселенческій отрядъ съ спеціальной цѣлью образовывать изъ казенныхъ земель удобные участки для заселенія. Отрядъ состоитъ изъ начальника отряда, 4 производителей работъ, 4 помощниковъ и 18 топографовъ и межевщиковъ со смѣтной суммой въ 40,000 рублей.

До закона 16 іюля 1890 года, отрядъ имѣлъ право отводить земли переселенцамъ на арендномъ правѣ, чтобы плата не превышала въ общемъ казенныхъ повинностей, которыя платятъ коренные сибиряки съ души, что составляетъ $18^1/_{18}$ к. съ удобной десятины, размѣръ же душевой на наличную мужскую—15 дес. Право отвода земли имѣли только тѣ переселенцы, которые шли по предварительному разрѣшенію министровъ

внутреннихъ дѣлъ и государств. имущ., при чемъ каждой семьѣ выдавалось проходное свидѣтельство, гдѣ обозначено, куда назначенъ переселенецъ, въ какой округъ и даже на какой участокъ. Свѣдѣнія объ этомъ ежегодно министерству доставлялъ переселенческій отрядъ, какіе участки вновь образованы и на какое количество душъ. Съ 16 іюля 1890 года порядокъ отвода остался тотъ же, но уже не на арендномъ правѣ, а на основаніи общихъ узаконеній о государственныхъ крестьянахъ съ тѣми льготами, которыя Высочайше дарованы переселенцамъ, идущимъ по разрѣшенію.

Съ 1885 года по 90 годъ отрядъ водворилъ въ Тобольской губерніи 3,340 душъ мужск. пола (Курганскомъ 750 (?), въ Ишимскомъ 342, Тарскомъ—1,000, Тюкалинскомъ—1,248), въ Томской 6,300 душъ (въ Томскомъ—1,135 д., въ Марьинскомъ 4,633, въ Каинскомъ больше 500), всего 80 поселковъ; 9,640 душъ мужск. пола; около 2,500—2,800 семей; земли отведено удобной 144,600 десятинъ. Роль отряда по отношенію къ переселенцамъ крайне ограниченная и исключительно сосредоточивается на земельномъ устройствѣ. Отрядъ принимаетъ партію, назначенную министерствомъ, въ извѣстномъ округѣ, провѣряетъ документы, указываетъ свободный участокъ и предлагаетъ выбрать мѣсто для селитьбы [2]).

Затѣмъ пріѣзжаетъ топографъ, снимаетъ эту мѣстность на планъ, если она не была раньше снята, или провѣряетъ старую съемку, возобновляетъ границы и межевые признаки, разбиваетъ по извѣстному шаблону усадебныя мѣста съ обозначеніемъ улицъ и нарѣзаетъ надѣлы по количеству наличныхъ душъ.

На этомъ и оканчиваются обязанности отряда, и разъ надѣлъ отрѣзанъ, переселенцы тотчасъ передаются въ вѣдѣніе казенной палаты и чиновника по крестьянскимъ дѣламъ.

Несмотря на такую ограниченную роль отряда, никто не усумнится, что онъ имѣетъ громадное значеніе, и въ его рукахъ находится будущая судьба тысячи семей, будущее экономическое развитіе деревни. Для новосела существенно важно, какой ему достанется участокъ, какая пахотная земля, много ли новой земли, какъ расположены пашни, хороши ли луга, пастбища, есть ли на участкѣ лѣсъ, какъ расположенъ онъ относительно рынка, пути, сообщенія, рѣки, церкви, и т. д.

Отъ всѣхъ этихъ факторовъ зависитъ будущее поселенца, а потому понятно, что выборъ участка вещь не легкая и требуетъ основательныхъ знаній сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ условій данной мѣстности. Если принять во вниманіе, a) неблагопріятныя климатическія условія Сибири, b) особенности топографическія, c) поражающее отношеніе между удобными и неудобными землями, т. е. сравнительная громадность неудобныхъ земель: солонцевъ, болотъ, низинъ, озеръ, часто

2) Чѣмъ мотивировалъ отрядъ поселенія въ Курганскомъ округѣ, неизвѣстно, но этотъ округъ сильно населенъ и старожиламъ не хватаетъ на половину земли до нормы 15 дес. на наличную; есть селенія, гдѣ на душу приходится всего 5—7₉.

въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ и среди этого пространства очень незначительное количество земли удобной для пашни, d) отдаленность отъ рынковъ, e) отсутствіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сбыта и т. д., то задача выбора еще болѣе усложняется и затрудняется.

Выборъ мѣста или участка лежитъ всецѣло на производителѣ работъ и на него падаетъ вся нравственная отвѣтственность за будущую жизнь переселенца на новомъ мѣстѣ. Отношеніе къ этому дѣлу съ точки зрѣнія канцелярскаго формализма, лишь бы сбыть съ рукъ, дастъ, конечно, крайне плачевные результаты и, главнымъ образомъ, отразится на ни въ чемъ неповинныхъ переселенцахъ.

Дать точныя данныя о томъ числѣ переселенцевъ, которымъ было разрѣшено переселиться на казенныя земли и которые воспользовались этимъ правомъ, я не могу, такъ какъ никто подобныхъ реэстровъ здѣсь не велъ, и врядъ ли можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ самъ отрядъ. Но несомнѣненъ тотъ фактъ, что громадный процентъ переселенцевъ, получившихъ разрѣшеніе поселиться на казенные участки, не сѣли по разнымъ причинамъ и, главнымъ образомъ, остались недовольны назначенными участками, прошли дальше въ Алтайскій округъ на кабинетскія земли, а нѣкоторые, проживъ нѣкоторое время и обзаведясь даже кое какимъ инвентаремъ, постройками и прозимовавъ, возвратились въ Россію. Умолчать послѣдній печальный фактъ невозможно, такъ какъ при детальной разработкѣ матеріала онъ бросится въ глаза довольно рѣзкой и крупной цифрой.

Что особенно удручающе дѣйствуетъ первое время на переселенца, въ особенности изъ южной и средней Россіи, это крайне непривлекательная внѣшняя природа степной полосы, крайняя бѣдность ея флоры, особенная суровость климата, рѣзко бросающаяся въ глаза. Необозримая степь, тамъ и сямъ перерѣзанная солонцами, болотами, озерами, совершенно почти ровная, безъ малѣйшихъ видимыхъ возвышенностей, при этомъ, послѣднее время, страшно оголенная отъ хищническаго уничтоженія повсемѣстно лѣсовъ, не можетъ произвести отраднаго впечатлѣнія. Однообразная, голая, тощая равнина положительно подавляетъ васъ, и въ годъ сухой, неурожайный, совершенно выжженныя поля и степи еще болѣе наводятъ уныніе, страхъ и тоску о покинутыхъ мѣстахъ настолько богатыхъ природой, какъ Курская, Харьковская, Подольская, Воронежская и др. губер. Часто совершающіяся на глазахъ переселенцевъ рѣзкія перемѣны континентальнаго климата отъ сильныхъ морозовъ, продолжающихся иногда до 30 іюня, прямо къ нестерпимымъ жарамъ еще болѣе усиливаютъ первое непріятное впечатлѣніе, и нужно много здраваго смысла, вѣры и настойчивости, чтобы примириться съ этими непривлекательными особенностями Сибири. Только Маріинскій округъ сильно отличается, благодаря отрогамъ Алтая, много живописнѣе и какъ бы богаче въ природномъ отношеніи, а потому сильнѣе привлекаетъ къ себѣ переселенцевъ.

Раньше, когда Сибирь поражала, главнымъ образомъ, своей зажиточностью и богатствомъ крестьянской жизни, своимъ привольемъ, земельнымъ просторомъ, баснословными урожаями на новыхъ земляхъ, обиліемъ лѣса, дичи, рыбы и т. д., народнымъ принципомъ землепользованія и, такъ сказать, всѣми устоями крестьянскаго строя жизни на вольныхъ земляхъ при полной свободѣ, новоселъ естественно не стѣснялся выборомъ земли—было ея слишкомъ много—и старался лишь скорѣе пристроится къ этой райской жизни. Теперь, когда легендарное богатство исчезло, когда свобода пользованія ограничивается на каждомъ шагу, когда является недостатокъ то въ лугахъ, то въ пахотной, и т. д., переселенецъ относится къ выбору мѣста съ большимъ скептицизмомъ и осторожностью.

Послѣднее вполнѣ понятно и ясно. Если мѣсто выбрано удачно, то будущая экономическая жизнь новосела сразу укладывается въ благопріятныя формы,—обратно, неудачный выборъ заставляетъ новосела промучиться тщетно нѣсколько лѣтъ, страшно отдаляетъ время полнаго устройства въ хозяйственномъ отношеніи, часто въ конецъ отнимаетъ отъ него безполезно послѣднія крохи на устройство, раззоряетъ, и новоселъ, теряя силы и энергію, снова поднимается и идетъ отыскивать новыя мѣста или нищимъ возвращается на родину. При полной экономической необезпеченности каждаго переселенца, начинающаго жизнь на новомъ мѣстѣ, выборъ участка имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ самыя средства, съ которыми онъ пришелъ: главное и незамѣнимое средство, которымъ располагаетъ нашъ переселенецъ, это энергія, трудъ, мозолистыя руки и возможность приложить все это въ обмѣнъ на средства. Но подтвердимъ все изложенное цифрами и разборомъ самаго матеріала.

II.

Первый вопросъ, на который нужно отвѣтить, кто идетъ и откуда? 800 семействъ, записанныхъ мною, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Курской губерніи 374 с. (46,7%), Витебской 154 (19,2%), Пермской 90 (11,2%), Владимірской 68 (8,5%), Смоленской 28 с. (3,5%), Казанской 20 с. (2,5%), Орловской 18 с. (2,2%), Псковской 13 с. (1,6%), Каменецъ-Подольской 11 с. (1,4%), Ковенской 7 с. (0,9%), Харьковской, Воронежской по 6 с. (0,8%), Полтавской, Курляндской 2 с. (0,3%), Екатеринославской 1 с. (0,1%). Благодаря незначительности матеріала, я думаю, что процентное отношеніе вѣрно только для Курской губерніи, которая за послѣднія 5 лѣтъ дѣйствительно составляетъ 50% всѣхъ пересилившихся въ Сибирь.

По категоріямъ переселенцы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: бывшихъ помѣщичьихъ 482 с., государственныхъ 310 с., дворянъ 8 с. Въ процентномъ отношеніи, бывшіе помѣщичьи составляютъ 60%, государственные 39, дворяне 1%.

Но интересно разобрать эти категоріи болѣе подробно и посмотрѣть детально, изъ какихъ группъ состоятъ тѣ и другія. Бывшіе помѣщичьи состоятъ изъ 4 главныхъ группъ: 1) получившіе надѣлъ на ревизскую душу и земля находилась въ общинномъ землевладѣніи—185 с., что составитъ въ процентномъ отношеніи ко всѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ 38%; 2) совершенно безземельные дворовые, вольноотпущенные, не попавшіе по какимъ либо причинамъ въ ревизію, николаевскіе солдаты, мѣщане, всего 171 с.—37%; 3) имѣющіе земли въ подворномъ владѣніи—83 с.—17%, наконецъ, 4) дарственники отъ 1 до $^3/_4$ д.—43 с.—8%.

Государственные раздѣляются тоже на 4 группы. 1) четвертныхъ правъ собственники 118 с.—38%; 2) получившіе опредѣленный надѣлъ на ревизскіе души и земля находится въ общинномъ землевладѣніи—90 с.—30%; 3) горнозаводскіе—90 с.—30%; 4) государственные, у которыхъ земля въ подворномъ владѣніи, 12 с.—2%. Послѣдняя крайне незначительная группа—это мелкомѣстные дворяне, имѣвшіе собственную землю.

Для того, чтобы наглядно видѣть, кто идетъ—многосемейные или малосемейные, составимъ слѣдующую небольшую табличку. Всего 800 семей, 4,949 д. обоего пола (2,706 муж. и 2,243 женск.) распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Число душъ въ семьѣ . .	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10 до 15	до 21
Число семей	7	21	40	94	96	98	78	69	37	28	34	5

Изъ вышеприведенной таблички ясно видно, что большее стремленіе имѣетъ къ переселенію семья, состоящая изъ бо́льшаго количества членовъ. Если мы сгруппируемъ эти данныя немного иначе, а именно соединимъ семьи до 5 душъ, а затѣмъ отъ 5 до 10, отъ 10 до 15 и свыше 15, то получимъ слѣдующее. Семей, имѣющихъ до 5 душъ—162, въ процентномъ отношеніи составитъ $26_{,6}$%, отъ 5 до 10—378 с.—$62_{,2}$%, отъ 10 до 15 — 62 с.—$10_{,2}$%, свыше 15—5 с.—1%. Въ среднемъ каждая переселенческая семья состоитъ изъ 6 душъ обоего пола.

Вслѣдъ за вопросомъ о количествѣ душъ въ семьѣ, представляется не менѣе важнымъ вопросъ—о количествѣ мужскаго элемента, иначе, количествѣ наличныхъ душъ, полноправныхъ гражданъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ право получить по 15 дес.

Съ одной душой—59, съ 2-мя—124, съ 3-мя—171 с., съ 4-мя—121, съ 5—6 д. 102 с., съ 7—8 д.—30 с., съ 9—14—2 с. Въ среднемъ семья состоитъ изъ 3, 4 человѣкъ наличнаго мужскаго элемента, цифра почти средняя для всей Россіи, и каждая семья, такимъ образомъ, въ Сибири является обладательницею почти 50 дес. удобной земли. Изъ этого перечня ясно видно, что мужской элементъ является преобладающимъ, занимаетъ первое мѣсто и составляетъ 50%, а женскій 46%. Относительно рабочихъ рукъ, включительно до 16 лѣтняго возраста, семья распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Изъ 570 семей, съ однимъ взрослымъ рабочимъ—270—48%, съ 2-мя—174—30%, съ 3-мя—73 с.—13%,

съ 4—5-ю — 9%. Слѣдовательно, всего изъ 1,845 человѣкъ мужскаго пола, взрослыхъ 1,042, малолѣтнихъ 803 ч., на 6% меньше. Изъ 466 показаній по возрастамъ распредѣлялись такъ: до 30 лѣтняго возраста 71 семья—15%, отъ 30 до 40—132 с.—28%, отъ 40—60 л.—223 с.—48%, отъ 60 до 90 л.—40 с.—10%. Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ ясно, что преобладающія семьи, стремящіяся къ переселенію тѣ, которыя болѣе сильны, многодушны, отцы имѣютъ взрослыхъ сыновей-работниковъ, часто уже женатыхъ и, въ свою очередь, имѣющихъ малолѣтокъ мальчиковъ, требующихъ тоже земельнаго надѣла.

III.

Перехожу теперь къ вопросу объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Россіи; возьмемъ сперва самый значительный контингентъ, который даетъ переселеніе,—это бывшихъ помѣщичьихъ или временнообязанныхъ.

Надѣлы крестьянъ были самые разнообразные, отъ 5 дес. до $^3/_4$ дес. на ревизскую душу, послѣднее зависѣло—изъ какихъ губерній шли переселенцы. Чтобы имѣть ясное понятіе объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Россіи, а главное, о соотношеніи количества наличныхъ душъ мужскаго пола съ количествомъ надѣльной земли, разсмотримъ каждую группу отдѣльно.

Наибольшее количество земли приходится на переселенцевъ изъ Каменецъ-Подольской губ., 5 семей имѣли по 5 дес. на душу, но главная причина къ переселенію — несоотвѣтствіе ревизскихъ душъ съ наличными мужскими въ силу увеличенія народонаселенія. Выселились взрослые сыновья изъ большихъ семей; въ 3 семьяхъ, гдѣ было по 5 взрослыхъ работниковъ, приходилось всего на работника по 1 десятинѣ пахатной, въ 2 семьяхъ по $1^1/_2$ дес. и то не свои, а принятыхъ въ зятья; посѣва приходилось дѣлать по $^1/_2$ дес. озимаго и по $^1/_2$ д. ярового, а между прочимъ у каждаго взрослаго работника была уже своя семья съ малолѣтками. Такимъ образомъ 5 семей имѣли 5 ревизскихъ душъ, всего 25 десятинъ, взрослыхъ семейныхъ работниковъ 18 человѣкъ, на одного семейнаго работника приходилось, слѣдовательно, всего $1^1/_3$ дес. земли. Недостатокъ земельнаго надѣла покрывался заработкомъ и арендой земли, которой, впрочемъ, очень мало. Платежей сходило съ ревизской души всего въ годъ 16 рублей.

Переселенцы изъ Псковской губерніи имѣли на ревизскую душу тоже по 5 дес., но земля положительно никуда не годилась—песчаная, болотистая, высѣвали по 1 дес. озимаго и по 1 дес. яроваго, но въ нѣкоторыхъ общинахъ пашни годной приходилось всего по $^3/_4$ дес., остальное болото. У 6 семей земли было 30 десят., наличнаго мужскаго 18 человѣкъ, рабочихъ рукъ 9, у каждаго домохозяина было по 1 лош. и по 2 коровы и по 3 овцы, платежей сходило съ души въ годъ 12 рублей.

Владимірскихъ, Ковровскаго уѣзда, 18 семей, 64 ревизскихъ души, надѣлъ получили по $4^1/_2$ десятины съ оброкомъ въ 7 рублей 20 коп., но надѣлъ со дня освобожденія принять отказались — земля крайне плохая песчаная, щебенистая, изрытая оврагами, а оброкъ слишкомъ высокій.

Съ перваго дня освобожденія крестьяне отказались платить, и вслѣдствіе этого ежегодно происходила борьба между крестьянами и имѣющими.

Борьба эта тянулась до нашихъ дней; неоднократно продавали за недоимки имущество съ аукціона, но крестьяне всетаки упорно отказывались принять надѣлъ. Послѣдніе 10 лѣтъ бросили землю и не стали пахать, арендовали у сосѣдей и уходили на заработки. Однако послѣднее не избавило отъ взысканій и аукціоновъ, которые довели до столкновенія съ полиціей и въ концѣ концовъ привели всю деревню на скамью подсудимыхъ за упорство и сопротивленіе властямъ. По приговору суда высидѣли въ тюрьмѣ по 2 мѣсяца по одному человѣку съ двора. Въ 1889 году эта многострадальная деревня, наконецъ-то, получила легальное удовлетвореніе, и по положенію комитета министровъ 18 семей съ 47 ревизскими душами были высланы этапнымъ порядкомъ въ Сибирь съ правомъ быть устроенными на общихъ правахъ съ переселенцами, и въ 1890 году образованъ отдѣльный поселокъ изъ 18 семей съ 56 наличными душами мужскаго пола, съ отводомъ земли по 15 дес. на наличную душу.

Смоленской губерніи 8 семей надѣлъ получили по 4 дес. на ревизскую душу, земля была крайне плохая, требовала громаднаго удобренія, а скота держать было нельзя—не было луговъ; брали въ аренду изъ третей копны, лошадей держали только лѣтомъ, на зиму продавали, а весной снова покупали. За пастбище на 150 дес. пароваго поля убирали по 25 дес. въ полѣ, т. е. пахали, сѣяли, жали, возили, однимъ словомъ, исполняли всю работу, что составитъ при переводѣ на деньги не менѣе 500 рублей.

Другое общество арендовало 118 дес. за 600 руб. и 20 дес. озимаго сжать и свозить, затѣмъ плата увеличилась до 900 руб. деньгами безъ работы. По одному показанію—ушли потому, что лучшую надѣльную землю отобрали подъ желѣзную дорогу, худшая, болото, осталась. У 8 семей на 22 души наличныхъ мужскихъ земли было всего 32 десятины, почти $1^1/_2$ десятины на душу.

У переселенцевъ Курской губерніи надѣлы не превышаютъ 3 и $2^3/_4$ десятинъ на душу, но во многихъ обществахъ падаютъ до $1^1/_4$ и даже до $^3/_4$ дес.

Три десятины имѣли 5 семей Обоянскаго уѣзда, земля при этомъ голая глина; арендные цѣны были отъ 35 до 40 рублей пара.

Въ 5 выселившихся семьяхъ, при 19 душахъ мужскаго наличнаго и 11 рабочихъ, земли приходилось всего 15 дес.

По $2^3/_4$ дес. имѣли 55 семей Димитріевскаго, Суджанскаго, Курскаго и Обоянскаго уѣздовъ. Пахатной земли въ полѣ приходилось только по $^1/_2$ десятины, всего въ 3 поляхъ $1^1/_2$ дес., остальное было подъ усадьбой, лугами. Скота однодушники могли держать только по 1 лошади и 1 коровѣ, но и то если арендовали луга; 2 — 3-душные могли имѣть по 2 лош. и по 1 коровѣ. Арендная цѣна на землю стояла громадная— озимое по 25—30 рублей, яровое по 20—25 руб., луга 18—20 руб. брали на одинъ годъ. Платежи были съ души за годъ отъ 12 до 13 р., выкупныхъ по 6—7 руб. Бывало за возъ соломы на топливо приходилось зимой цѣлую недѣлю молотить.

55 семей имѣли ревизскихъ душъ 79 чел., земли $217^1/_4$ дес., наличныхъ мужскихъ душъ 188 (взр. 110, малол. 88).

По $2^1/_4$ десятины на душу имѣли 34 семьи Курской и 1 семья Полтавской губерніи. Посѣва приходилось дѣлать по $^1/_2$ десятины въ полѣ, но въ нѣкоторыхъ общинахъ пахатной было всего 1 десятина, луговъ почти ни у кого не было, всѣ исключительно жили на арендѣ земли у помѣщиковъ за озимое 22 — 35, яровое 25 — 30 рублей. Но были крайне сложные формы аренды, наприм., арендовали на слѣдующихъ условіяхъ: за 1 десятину пахатной должны были 2 десятины хлѣба скосить, связать и свести, привести по 10 возовъ навозу и поймать 10 овражекъ. Въ одномъ обществѣ арендовали 132 десятины 17 лѣтъ, сперва по 6 рублей, потомъ по 8 — 9 рублей. Въ 1886 году съ помощью крестьянскаго банка землю эту купили всѣмъ обществомъ по 125 руб. за десятину, банкъ выдалъ 12,000 руб., а 3,900 доплатили крестьяне; на каждую душу досталось по $1^1/_4$ дес. Нашимъ переселенцамъ—4 семьямъ, которые участвовали въ покупкѣ и имѣли 8 душъ или 10 дес., этой землей почти не пришлось воспользоваться: общество принять на себя отказалось, а продать банкъ не позволилъ, платежей же за 3 года сошло съ души по 35—40 рублей. Платежей сходило до отмѣны подушной болѣе 11—12 руб., теперь 10—9 руб. Въ 35 семьяхъ ревизскихъ надѣльныхъ было 42 души, земли $94^1/_2$ дес., наличнаго мужскаго 129 (взр. 67, м.—62). По 2 десятины имѣли 2 семьи Воронежской, Валуйскаго уѣзда; посѣва приходилось всего $1^1/_2$ дес., но кромѣ пахатной ничего не было, приходилось скотъ круглый годъ держать дома, земля была съ пескомъ; въ аренду брали по 15 — 20 руб. озимую.

По $1^1/_4$ десятинѣ имѣли 8 семей Курской, посѣва имѣли всего 10 саж. въ полѣ, арендовали по 40 р., 50 р. за пару; ревизскихъ душъ было 12, земли 15 дес., наличныхъ мужскаго 31 (взр. 18, мал. 13).

Наконецъ, дарственники по $^3/_4$ десятины на душу 25 семей курскихъ и по 1 десятинѣ 20 семей казанскихъ Чистопольскаго уѣзда. Вся жизнь сосредоточивалась въ кабалѣ у помѣщиковъ, у которыхъ брали землю подъ работу или пахали полосу изъ третей копны, на деньги по 25—30 р. За 150 дес. пастбища на паровомъ полѣ и 50 дес. послѣ покоса на атавѣ

платили 700 руб., 3 руб. 50 к. съ десятины; въ другихъ обществахъ арендовали на нѣсколько лѣтъ по 42 руб. за 3 десятины.

Въ 43 семьяхъ наличныхъ мужскихъ было 144 (взр. 82, мал. 65) земли же всего было $45^3/_4$ десятины. Вслѣдъ за группой бывшихъ временно-обязанныхъ, получившихъ надѣлъ на души и владѣющихъ на общинномъ правѣ, идетъ довольно значительная группа изъ 88 семей бывшихъ крѣпостныхъ Витебской губерніи, получившихъ при освобожденіи участковый подворный надѣлъ. По размѣру подворные участки были крайне разнообразны—отъ 18 до 12 десятинъ, давались эти участки не по количеству душъ, а нѣсколькимъ семьямъ по усмотрѣнію оцѣночной коммиссіи и съ согласія помѣщика. Каждый участокъ или фольваркъ былъ въ совладѣніи нѣсколькихъ семей, но одна семья старшая производила раздѣлъ земли между семьями, въ свою очередь каждая семья дѣлила уже землю на болѣе дробные участочки по количеству взрослыхъ работниковъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія участки дошли до такой дробности, что приходилось на семью высѣвать всего отъ 1 до 2 пуръ (пура=3 пудамъ), вотъ почему все исключительно засаживалось картофелемъ. При этомъ земля была песчаная и требовала громаднаго удобренія. вести хозяйство безъ навоза, а слѣдовательно, скота и главнымъ образомъ коровъ было невозможно, только тотъ могъ хозяйничать, кто держалъ не менѣе 2—3 коровъ, 5 овецъ и 1 лошади. Посторонній заработокъ былъ исключительно аренда участковъ; держали участокъ 18 дес. за 300 и 350 руб., при этомъ усиленно занимались льноводствомъ, но послѣднее время цѣны дошли до баснословныхъ размѣровъ—за плохую землю платили по 30 руб. за десятину, за хорошую навозную до 60 р.

У	3	семей	земли	было	отъ $^1/_4$ до $^1/_2$	д.	на	7	н.	д.	(3	взр.	4 мал.)
„	3	„	„	„	по 1	„	„	9	„	„	(5	„	4 „)
„	11	„	„	„	„ $1^1/_2$	„	„	28	„	„	(15	„	13 „)
„	3	„	„	„	„ 2	„	„	9	„	„	(7	„	2 „)
„	29	„	„	„	„ 3	„	„	100	„	„	(58	„	52 „)
„	7	„	„	„	„ 4	„	„	30	„	„	(23	„	7 „)
„	4	„	„	„	отъ 12 27	„	„	19	„	„	(9	„	10 „)

Платили за участокъ въ 9 десятинъ по 35 рублей на 3 души, а потомъ 29 рублей, на 2 души 3 десят. по 17 рублей, государственныхъ подушныхъ по 6 руб., за землю по 3 руб. и сельскихъ по 1 руб. съ души, всего 10 рублей, но въ общемъ, по другимъ показаніямъ, платили меньше, наприм., за участокъ въ 14 дес. сходило въ годъ только 22 р.

Изъ 171 семьи безземельныхъ — крестьянъ 42 семьи или $24,_5\%$, батраковъ Витебской, Ковенской, Псковской и Курляндской 55 с.—$32,_7\%$, николаевскихъ солдатъ 18 с.—$10,_4\%$, бывшихъ временно отпущенныхъ теперь мѣщанъ 5 с.—$2,_9\%$. Изъ 121 семьи этихъ 4 категорій имѣли свое хозяйство и свои домишки 21 семья ($17,_3\%$), а именно 6 семей

имѣли усадебныя земли по нѣсколько сажень, у 2 мѣщанъ была собственная: у одного 3 дес., у другого $1^1/_2$ дес., 13 семей были приписаны къ обществамъ и арендовали землю, у остальныхъ же 100 семей ($82,_7$%) буквально ничего не было и жили исключительно въ батракахъ или были ремесленники: столяры, кузнецы, плотники, каменьщики, портные, повара и т. д. Къ этому же разряду безземельныхъ, нужно отнести 50 семей ($29,_3$%) Владимірской губерніи, Меленковскаго уѣзда, заводскихъ крѣпостныхъ на хрустальныхъ заводахъ г. Мальцева. При освобожденіи всѣ крестьяне остались безъ земли, переселено было по ходатайству самихъ крестьянъ въ 67 году около 1,000 душъ обоего пола (отъ 150 до 180 семей) [3]). Землю выбирали ходоки и выбрали въ Томской губерніи Маріинскомъ округѣ.

Шли лѣтомъ на подводахъ, правительство выдавало кормовыхъ по 6 к. на наличную душу, въ городахъ и большихъ селахъ отводились квартиры, послѣ прихода выдали по 40 руб. на постройку и по 600 корней лѣсу на выборъ изъ урмана (лѣса), на 3 года освободили отъ рекрутчины, на 4 года отъ податей, а 4 года половину. Первое время по прибытіи была страшная горячка, смертность была настолько громадная, что охватила всѣхъ паника и многія семьи тотчасъ ушли, кто на заводы, кто на пріиски. Вообще этотъ поселокъ былъ крайне несчастный, населеніе заводское не умѣло взяться за землю, за плугъ и изъ 180 семей теперь окрѣпло только 50 семей съ 186 душами наличнаго мужскаго, остальные померли, разбѣжались; вышеупомянутыя 50 сем. состоятъ уже почти изъ молодого поколѣнія и теперь вполнѣ окрѣпшіе и сильные домохозяева, не уступающіе въ зажиточности и въ хозяйственности старожиламъ.

Государственныхъ крестьянъ, получившихъ душевой надѣлъ 90 семей: Смоленской губерніи 19, Курскихъ 51, Витебскихъ 11, Каменецъ-Подольскихъ 6, Екатеринославскихъ 1, Воронежскій 1, Харьковскій 1.

19 семей Смоленской губерніи имѣли надѣльную землю по $3^3/_4$ десятины, земля была одна голая глина, безъ удобренія не родила, ни пастбища, ни луговъ не было, арендовать вблизи тоже было не у кого. Народилась масса малолѣтокъ и земли не стало хватать на 19 семей, ревизскихъ душъ было 23, земли $86^1/_4$ дес., всѣхъ мужского пола 68 (взр. 25, мал. 43).

49 семей Курской губерніи имѣли надѣльной земли по 3 десятины. Въ томъ числѣ изъ 30 семей 2 не хозяйничали, а 28 семей засѣвали ежегодно, при 190 душахъ (98 душъ мужск. (взросл. 53, мал. 43) и 92 души женск.) на надѣльной землѣ озимаго 29 дес., яроваго $13^1/_2$ дес., всего 42 дес., что составитъ на дворъ $1,_5$ дес., на наличную мужскую $0,_4$, на рабочаго $0,_8$ дес. Всей земли у 30 домохозяевъ было 98 дес., на душу пахотной $1^3/_4$ дес. (3 поля—два по $^1/_2$ дес., одно $^3/_4$ д.), луговъ

[3]) Въ мой списокъ попали эти переселенцы потому, что въ земельномъ отношеніи они были устроенны только въ 1885 году переселенческимъ отрядомъ.

по 4 саж. ширины и 80 длиннику, итого 1/8 дес., остальное подъ выгономъ и усадьбой. Многіе домохозяева имѣли неполный надѣлъ а только 1/2 и 1/4, такимъ образомъ въ этой общинѣ земли приходилось на наличную 1 дес. на работ. 1,6 дес. Платежей сходило съ души послѣднее время около 9 руб. съ души.

Шесть семей Каменецъ-Подольскихъ имѣли по 5 дес. на ревизскую душу, но народонаселеніе настолько увеличилось, что каждая душа въ свою очередь дѣлилась по количеству рабочихъ въ семьѣ; на 6 сем. приходилось земли 13 дес. на 17 душъ мужскаго (7 вз. 10 м.) озимаго высѣвали по 1/2 и по 1 дес., яроваго столько же, выселились старшіе въ семьѣ и какъ бы выдѣлились отъ отцовъ.

Витебскихъ 11 семей имѣли по 4 десятины, земля требовала громаднаго удобренія, засѣвали ржи по 9 пудовъ и яроваго по 9 пудовъ, пахотной приходилось по 3 1/4 дес., за то не было ни луговъ, ни пастбища, земли 100 дес., муж. 25 (13 в. 12 м). Витебскіе подворные 12 семей имѣли землю по участкамъ въ 25 и 12 дес. участокъ, были въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и помѣщичьи, на одну семью иногда приходилось всего по 1 десятинѣ. По 12 1/2 дес. имѣли 3 семьи, всего 37 1/2 дес., высѣвали озимаго по 2 д., яр. 2 д., мужск. наличн. 12 ч., остальныя семьи имѣли по 6 дес. и меньше, всего 31 муж. нал. (15 вз. и 16 м.), имѣли 42 десятины. Податей за каждый полный участокъ 25 дес. платили болѣе 43 рубл.

Осталось сказать нѣсколько словъ объ экономическомъ земельномъ положеніи государственныхъ крестьянъ четвертныхъ правъ. Земли у нихъ были жалованныя и владѣли они на правахъ собственности. Главная причина переселенія, страшная дробность участковъ, образовавшаяся отъ постоянныхъ раздѣловъ и страшная черезполосность владѣнія. Дробность земли и черезполосность доходила до такихъ размѣровъ, что невозможно было вести какое либо хозяйство, напр. одна десятина владѣнія иногда находилась въ 20 — 15 мѣстахъ и ширина полосъ была меньше двухъ пластовъ. По количеству десятинъ семьи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: имѣли землю отъ 1/3 до 1 3/4 дес. — 23 сем., отъ 2 до 2 3/4—22 с., отъ 3 до 3 3/4 душъ — 16 с., отъ 4—4 1/2 — 10 с., отъ 5 до 7 душъ—9 с., отъ 10 до 12 десят.—4 с. Всего 84 семьи имѣли собственной земли 262 1/2 десятины. на 314 душъ мужскаго пола (взр. 180—мал. 184).

Горнозаводскіе Кунгурскаго и Красноуфимскаго уѣздовъ 90 семей, ревизскихъ душъ 106, надѣла имѣли по 15 дес,, но земля была желтый песокъ, камни, щебень, при переложной системѣ снимали съ залежей (15—18 к.) одинъ, два урожая.

Наличныхъ душъ мужскаго пола 236, земли было 1,590 десятинъ.

Дворянъ 8 семей Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда имѣли крѣпостную землю, но крайне ограниченное количество при громадныхъ семьяхъ. 2 сем. имѣли по 2 дес., 3 семьи по 3 дес., три семьи ушли вы-

дѣлившись отъ отцовъ и братьевъ. Въ общемъ 5 семей имѣли 13 дес. на 18 душ. муж. (11 вз.—7 м.)

Если сгруппировать все изложенное то мы увидимъ, что главныя причины къ переселенію слѣдующія: a) совершенное отсутствіе земли, а слѣдовательно отсутствіе возможности существовать другимъ образомъ, какъ батракомъ, работникомъ, b) крайне ограниченное количество земли, такъ что безъ постороннихъ заработковъ или аренды жить и платить подати невозможно, c) полная несоотвѣтственность количества надѣльной земли, полученной на ревизскія души съ количествомъ наличныхъ мужскихъ и работниковъ, которое произошло отъ сильнаго увеличенія населенія, d) крайне плохое качество земли надѣльной (пески, болота, щебень), требующей громаднаго удобренія, при отсутствіи луговъ и пастбищъ. не дающемъ возможности держать много скота, e) крайне сильное вздорожаніе арендныхъ цѣнъ на земли и ежегодное повышеніе ихъ.

Для того, чтобы рельефнѣе показать зависимость земли отъ количества наличныхъ душъ мужскаго пола въ семьѣ, я составлю небольшую табличку.

Количество семей.	Ревизскихъ душъ.	Надѣлъ на 1 душу.	Всей земли.	Количество душъ налич. муж.	Взрослыхъ работник.	На 1 душу мужск. пола.	На 1 работника.	Изъ какихъ губерній и разрядъ крестьянъ.
18	47	4,5	211,5	56	32	3,7	6,6	Владимірской.
4	—	—	60	19	9	3	6	Витебскіе подворные.
6	6	5	30	18	9	1,6	3,3	Псковской.
8	8	4	32	22	12	1,4	2,6	Смоленскіе врем. обяз.
19	23	3 3/4	86 1/4	68	25	1,2	3,4	Смоленскіе государ.
12	—	—	42	31	15	1,3	2,8	Витебскіе подворные.
55	79	2 3/4	217	188	110	1,1	1,9	Курскіе врем. обязан.
30	32	3	98	98	53	1	1,8	Курскіе государствен.
29	—	—	87	110	58	0,8	1,5	Витебскіе подворные.
7	—	4	28	30	23	0,9	1,2	Витебскіе государ.
39	47	3—2 1/4	109	148	78	0,7	1,3	Курскіе врем. обяз.
5	—	—	13	17	7	0,7	1,8	Витебскіе подворные.
14	—	1 1/2— 2	22,5	37	22	0,6	0,8	Курскіе врем. обяз.
43	—	3/4—19	45	144	82	0,3	0,5	Дарственники.
84	—	—	262	364	180	0,7	1,4	Четвертныхъ правъ въ сред.

Въ среднемъ 373 семьи при 1,351 наличнаго мужскаго, взрослыхъ 715 работниковъ имѣли земли 1,343 десят. на наличную мужскую 0,9 дес., на рабочаго 1,8, теперь же имѣютъ земли удобной въ Сибири 20,265 десятинъ: на одну мужскую 15 дес., на работника 28 десят., разница настолько заманчива, что ничего нѣтъ удивительнаго, что ежегодно привлекаетъ къ себѣ тысячи переселенцевъ, не смотря на всѣ лишенія, труды, болѣзни во время пути и первыхъ 4 лѣтъ жизни.

IV.

Самый интересный вопросъ—это насколько обезпеченъ переселенецъ при отправкѣ въ путь изъ Россіи въ Сибирь, съ какими денежными средствами рѣшается нашъ энергичный труженикъ крестьянинъ предпринять это тяжелое и трудное путешествіе. Послѣній вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о надѣльной землѣ, т. е. можетъ ли переселенецъ въ моментъ отправки продать ее или сдать въ аренду и этимъ путемъ выручить деньги на дорогу. Его домашній инвентарь—хатенка, лошаденка, коровенка настолько мизерны, что отъ ликвидаціи послѣдняго имущества составляется крайне незначительная сумма, иногда настолько малая, что даже не можетъ хватить на дорогу.

Возможность сдать землю въ аренду или продать ее даетъ больше шансовъ къ переселенію и до нѣкоторой степени обезпечиваетъ переселенца во время дороги, а затѣмъ первое время по приходѣ. Отсутствіе средствъ, хотя и не останавливаетъ нашихъ переселенцевъ, но слишкомъ тяжелая борьба ожидаетъ его съ семьей, какъ во время пути, такъ и въ первое время жизни на новомъ мѣстѣ, въ особенности въ первую голодную зиму.

Продажа земли или сдача надѣла—вопросъ, до сихъ поръ совершенно неразрѣшенный законодательнымъ порядкомъ, рѣшается самими крестьянами и къ сожалѣнію крайне произвольно. Изъ 573 мы имѣемъ 274 семьи, надѣльная земля которыхъ осталась въ обществѣ и общество ничего не выдало за землю, слѣдовательно 47%; 181 семья сдали землю въ аренду по контрактамъ на 12 лѣтъ, 32%, изъ нихъ Витебскіе подворные 118 семей, а остальные Курскіе; 119 семей продали землю: это владѣльцы на четвертномъ правѣ и дворяне, 21%.

Слѣдовательно, 47% переселенцевъ за землю абсолютно ничего не получили, не смотря на то, что каждый изъ нихъ внесъ уже выкупныхъ денегъ болѣе половины. Курскіе при этомъ оставляютъ землю, которая по слабой оцѣнкѣ стоитъ 100—150 рублей и можетъ быть сдана тотчасъ за 30—25 руб. Несомнѣнно, что подобное отношеніе къ землѣ совершенно несправедливо и несообразно, въ особенности послѣ закона 16 іюля 1890 года, когда правительство само разрѣшаетъ переселеніе; настоятельно необходимо, мнѣ кажется, наискорѣйшимъ образомъ рѣшить этотъ вопросъ законодательнымъ порядкомъ. Переселенцы 1890 года Курскіе, которые ушли съ разрѣшеніемъ, воспользовались помощью непремѣннаго члена и только при его вмѣшательствѣ могли сдать землю.

Витебскіе, Псковскіе подворнаго владѣнія всѣ до одного сдали свои земли по контрактамъ на 12 лѣтъ и всѣ деньги получили на руки впередъ при отправленіи. Собственно они земли продали, но такъ какъ формально купчихъ заключить нельзя, то сдѣлали контракты, при чемъ

каждый арендаторъ обезпечилъ себя громадной неустойкою, двойной суммой выданныхъ имъ за землю денегъ.

Изъ 118 семей Витебскихъ и Псковскихъ 76 семей имѣли 380 десятинъ и сдали на 12 л. въ аренду со всѣми постройками и инвентаремъ за 22,650 руб.; земля собственно оцѣнивалась голая безъ построекъ въ 50 р.—19,000 р., постройки, инвентарь 3,560 р. Конечно, цѣна зависѣла исключительно отъ качества земли и домовитости хозяина; если земля хорошо удобрялась, постройки были хорошія, то давали по 100 р. за десятину; обратно неудобренную неохотно брали съ постройками за 50 руб.

Курскіе, Дмитріевскаго уѣзда, бывшіе помѣщичьи, при душевомъ надѣлѣ $2^3/_4$, сдали свою землю обществу при помощи непремѣннаго члена на 6 лѣтъ по 36 р. на душу за 6 лѣтъ, но при этомъ у нихъ вычли изъ этой суммы за полгода повинностей за 90 годъ по 3 р. и по 5 р. съ души пособія, полученнаго въ одинъ изъ неурожайныхъ годовъ за душу; на руки выдавали по 28 руб. Другое общество сдало свою землю только по 24 руб. за душевой участокъ, но безъ всякихъ вычетовъ, земля считалась похуже; 32 семьи получили за землю 1,221 р. Каменецъ-Подольскіе 11 семей свой надѣлъ продали родственникамъ братьямъ и отцамъ, собственно прямо выдѣлились; десятина оцѣнивалась въ 50 руб.

Въ самыхъ лучшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи стоятъ государственные крестьяне собственники четвертныхъ правъ и дворяне; послѣдніе ничѣмъ не стѣснены и могутъ свободно свои земли продать, такъ какъ владѣютъ ими по крѣпостнымъ актамъ.

96 хозяевъ, изъ нихъ 6 дворянъ, продали свою землю—290 дес.—за 31,428 руб. Собственно землю голую продавали отъ 30 до 100 р. за десятину, что зависѣло отъ того, на сколько участковъ дѣлилась десятина: если она была очень дробная, то не давали и 30, въ 2-хъ, одномъ кускѣ охотно платили 100 руб. Въ среднемъ все таки за землю было выручено 18,000 руб., 62 р. съ копѣйками за казенную десятину. При каждомъ участкѣ была усадьба, постройки, былъ лѣсъ, иногда пчелы, у троихъ были мельницы, которыя проданы были отдѣльно за 300 руб. каждая. Этотъ классъ переселенцевъ самый зажиточный (имѣлъ на семью въ среднемъ 324 руб.—отъ 150 руб. до 1,000 руб.), многодушный, семейный; главная причина переселенія—недостатокъ земли сравнительно съ наличнымъ мужскимъ населеніемъ. Никто такъ скоро не устраивается на новомъ мѣстѣ, какъ курскіе четвертники, это все типъ чисто земледѣльца пахаря, домовитаго хозяина, наиболѣе устойчиваго въ своихъ земельныхъ традиціяхъ и другаго труда не признающаго.

Общую картину состоятельности переселенцевъ въ моментъ отправленія съ родины мы увидимъ изъ нижеслѣдующей таблицы.

Отъ р. 0—50	Отъ р. 50—100	Отъ р. 100—200	Отъ р. 200—300	Отъ р. 300—400	Отъ р. 400—600	Отъ р. 600—800	Отъ р. 1000
33	69	138	79	45	40	10	3
7,9%	16,5%	33,8%	18,7	10,3	9,5	2,3	1

Въ первой группѣ стоятъ исключительно дворовые, безземельные, солдаты, люди, не имѣвшіе положительно ничего въ Россіи, жившіе изо дня въ день, кое какой работишкой, кое гдѣ, полные пролетаріи.

Абсолютно ничего не имѣли три семьи, двѣ ѣхали на счетъ родственниковъ, а одна семья шла пѣшкомъ изъ Витебской губерніи; отъ 5 до 25 руб. имѣли 16 семей, отъ 30 до 45 руб. — 14 семей, въ общемъ 33 семьи на 82 челов. взрослыхъ и 72 малолѣтнихъ, всего 154 рта. имѣли 813 руб., по 24 р. 66 к. на семью, 9 р. 91 к. на взрослаго, 5 р. 24 к. на каждую душу; видно, что эти семьи не имѣли никакой возможности совершить на свои средства такой громадный переѣздъ, какъ изъ Курской и Витебской въ Томскую губернію; врядъ ли даже могло хватить на одни харчи въ теченіе цѣлаго мѣсяца пути. Какъ совершали свое путешествіе эти горемычные люди, увидимъ дальше.

Вторая группа принадлежитъ къ такой же категоріи крестьянъ безземельныхъ дворовыхъ и бывшихъ помѣщичьихъ дарственниковъ или совершенно обѣднѣвшихъ семей, не имѣвшихъ возможности вести свое хозяйство. Въ 69 семьяхъ было 365 душъ: взрослыхъ 148, малолѣтнихъ 167; собрано было на дорогу 4,920 рублей, на семью по 71 рублей 30 коп., нѣкоторыя семьи малодушныя могли кое какъ добраться до мѣста на свой счетъ, но многодушныя должны были получить во время дороги помощь.

Третья категорія принадлежитъ главнымъ образомъ къ бывшимъ помѣщичьимъ и государственнымъ крестьянамъ, имѣвшимъ надѣльную землю и хозяйство, которое шло черезъ пень въ колоду. Сами крестьяне прекрасно характеризовали его: «какое хозяйство—самое непутевое, здѣсь клокъ сѣна, а тамъ пучекъ соломы урвемъ, да и то глядишь во всѣ стороны, чтобы въ загорбъ кто не далъ».

Въ 138 семьяхъ на 868 душъ—взр. 465, мал. 402—собрано было 17,381 руб., на семью составитъ 126 рублей; эта категорія переселенцевъ могла уже добраться съ грѣхомъ пополамъ до мѣста своего слѣдованія, исключая семей, имѣвшихъ по 10 и болѣе душъ, но по прибытіи оставалась на новомъ мѣстѣ безъ средствъ.

Семьи 4 категоріи всѣ уже являются вполнѣ обезпеченными, состоятъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ собственниковъ подворнаго владѣнія. 79 сем. имѣли—17,727 руб., что составитъ на семью 224 руб.; 45 с.—14,154 руб.—315 руб.; 40 сем.—17,965 руб.—450 руб.; 10 семей—7,300 руб.—730 руб., и три семьи—3,000 руб. по 1,000 руб. 417 семей всѣхъ четырехъ категорій имѣли денегъ 83,260 рублей, что составитъ на семью почти 200 р. Слѣдовательно болѣе 50% могли еле-еле доѣхать до Сибири; изъ нихъ 25% съ посторонней помощью, а 25% кое какъ на свои, остальные 50% болѣе или менѣе состоятельные. На эти 200 руб. крестьянинъ долженъ совершить не близкій переѣздъ съ семьей, изъ 6 душъ въ среднемъ, харчиться въ теченіе мѣсяца и на конецъ, прійдя на мѣсто, обзавестись самымъ необходимымъ; хатой, инвентаремъ,

лошаденкой, коровенкой и т. д. При этомъ каждаго переселенца ожидаетъ впереди суровая сибирская голодная зима.

Къ этой общей цифрѣ нужно прибавить сумму, которую привезли съ собой 90 семей Пермскихъ, а именно 27,600 рублей, почти 300 руб. на семью, нѣкоторыя семьи (старовѣры) имѣли свои 2—3,000 рублей. Подворную перепись въ этомъ поселкѣ, несмотря на все мое желаніе, я произвесть не могъ: всякіе разспросы и посѣщеніе хатъ встрѣчали со стороны крестьянъ нерасположеніе и явное противодѣйствіе, тогда я ограничился лишь оффиціальными данными объ общемъ экономическомъ положеніи, провѣривъ ихъ частнымъ разспросомъ. Общая цифра такимъ образомъ увеличится до 110,860 руб. на 507 семей, или 216 руб. на семью; въ среднемъ стоимость дороги всецѣло зависитъ, изъ какой мѣстности шли переселенцы, куда и какимъ способомъ совершили переѣздъ. Семей, ѣдущихъ отъ мѣста своей родины вплоть до мѣста переселенія лѣтомъ, по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ (Москва, Нижній, Пермь, Тюмень, Карташево, Омскъ или Томскъ) 265 (52,7%), черезъ Пермь, Оренбургъ съ мѣста на лошадяхъ 124 (24,7%), до Тюмени по желѣзной и на пароходѣ, а съ Тюмени на лошадяхъ 96 (19,1%), до Перми и Оренбурга по желѣзной и на пароходѣ 16 (3,4%), пѣшкомъ съ мѣста 1 (0,1%).

Вотъ насколько разнообразенъ бываетъ избираемый переселенцами путь; такъ же разнообразна и стоимость дороги. Но эта разница еще болѣе увеличивается, какъ мы увидимъ ниже, отъ того, что какъ желѣзныя дороги, такъ и пароходы не установили однообразныхъ тарифовъ и берутъ какъ Богъ на душу положитъ, и съ однихъ взимаютъ полный тарифъ, другіе ѣдутъ по половинному, наконецъ третьи по сильно пониженному по однимъ дорогамъ, по полному на другихъ. Та же разница бываетъ при перевозкѣ багажа: одни общества берутъ за багажъ очень большія цѣны, другія крайне низкія, а общества пароходства по Волгѣ даже совсѣмъ не берутъ за багажъ. Разберемъ этотъ немаловажный вопросъ детально.

Возьмемъ путь изъ Курской губерніи на Москву, Нижній, Пермь, Тюмень и Карташево, станцію, не доѣзжая Омска, съ которой переселенцы идутъ въ Каинскій округъ и въ Бійскъ, Барнаулъ; отъ Каинскаго округа, эта станція очень недалека—140 верстъ.

Стоимость одного билета въ 90 году, тѣмъ переселенцамъ, которые шли по разрѣшенію правительства, была слѣдующая: до Курска шли на подводахъ и платили за 120 верстъ съ человѣка и 5 пудовъ багажа 2 руб., отъ Курска до Нижняго въ багажныхъ вагонахъ спеціальный поѣздъ 2 р. 88 к., за багажъ съ пуда 57 к., отъ Нижняго до Перми на пароходѣ 2 р. 10 к., за багажъ 34 к., съ другихъ же брали 2 р. 30 к. и багажъ 10 к., отъ Перми до Тюмени съ однихъ 2 р. 32 к., съ другихъ по 3 р. 32 к., за багажъ 12 и 30 к., отъ Тюмени до Карташева съ однихъ по 4 руб. и багажъ 30 к., съ другихъ по 3 р. 50 к., отъ Карташева до Вознесенска, село на Томскомъ трактѣ за 140 в., по

1 р. съ человѣка и по 5 пуд. багажа, отъ с. Вознесенска до участка 50 вер. по 50 к. и по 5 пуд. за багажъ. Кромѣ этого были расходы за подводы въ Нижнемъ съ желѣзной дороги на пароходъ по 1 руб., въ Тюмени тоже по 1 руб. Но рядомъ съ этими цѣнами переселенцы, которые ѣхали по паспортамъ, платили на Курской, Нижегородской по полному тарифу: отъ Курска до Москвы 7 р. 20 к., отъ Москвы до Нижняго 5 р. 90 к., затѣмъ уже пароходы и Пермская дорога брали по уменьшенному тарифу и не дѣлали разницы.

Такимъ образомъ, одинъ билетъ отъ Курска до Карташева безъ багажа и харчей стоилъ при самой удешевленной цѣнѣ 11 р. 30 к.; но конечно эта цифра не соотвѣтствуетъ дѣйствительному расходу. Для того чтобы имѣть понятіе о средней стоимости проѣзда средней семьи, возьмемъ среднее всѣхъ показаній по годамъ, такъ какъ средняя стоимость проѣзда до 90 года была дороже.

Такъ, въ 1890 году мною были записаны до мельчайшей подробности расходы, которые произвели 40 семей переселенцевъ, идя изъ Курска въ Каинскій округъ, вплоть до Карташева по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ. Дорога 40 семьямъ изъ 223 лицъ мужскаго и женскаго пола, при 429 пуд. багажа и 153 полныхъ билетахъ стоила 2,745 руб. безъ харчей; харчи во время пути и стоянокъ въ Томскѣ 10 дней (ожидали парохода) — 1,293 руб., всего издержано 4,022 руб.; средняя семья состоитъ изъ $5^1/_2$ душъ; ея переѣздъ при $3^3/_4$ билетахъ, съ $10^1/_2$ пуд. багажа обошолся 68 руб. 60 коп., харчи 32 руб., итого 100 руб. 90 коп.: на 1 билетъ падаетъ 17 руб. 15 коп., харчи 8 руб. итого 26 руб. 15 коп.

Всего въ пути эта партія была ровно 1 мѣсяцъ, сѣла въ Курскѣ 1 іюля, прибыла на мѣсто въ Каинскій округъ 30 іюля, но при этомъ 10 дней потеряла въ Тюмени.

Въ этихъ цифрахъ всего болѣе поражаетъ то, что слишкомъ много приходилось платить за багажъ, почти $^2/_3$ стоимости билета; въ нѣкоторыхъ семьяхъ, гдѣ было больше багажа, платили почти столько же, сколько за билетъ; отъ Курска до Нижняго за билетъ брали 2 р. 88 к., за багажъ 57 к., при 3 билетахъ и 20 пудахъ багажа за билеты приходилось 8 р. 64 к., за багажъ 11 р. 40 к.; цѣна ни съ чѣмъ несообразная. Рядомъ съ этимъ чрезвычайно дорого берутъ пароходы отъ Тюмени до Омска; отъ Тюмени до Омска, всего 660 верстъ сухимъ путемъ; если ѣхать на лошадяхъ на парѣ въ двоемъ, то дорога обходится всего 19 р. 80 к., по 9 р. 90 к. на человѣка; 2 билета 2 класса стоятъ 24 руб., 3 класса по полному тарифу 12 руб. Изъ этого видно, что на лошадяхъ дешевле ѣхать, чѣмъ на пароходѣ. Въ виду отвратительнѣйшаго помѣщенія, которое отводятъ переселенцамъ на Курбатовскихъ пароходахъ, можно было бы смѣло уменьшить тарифъ до 4 руб. Переселенцы, которые шли безъ разрѣшенія по паспортамъ, платили больше: такъ семья, состоящая изъ 7 душъ при 3 билетахъ до Карташева, заплатила 65 р. 22 к., багажъ 12 пуд.—20 р. 4 к., всего

85 р. 26 к., прохарчили 20 руб., всего дорога стоила 105 руб. 26 к., на одинъ билетъ составитъ уже 35 рублей.

Переселенцы, которые шли отъ Курска тѣмъ же путемъ въ 87—88 г., имѣли много меньшую скидку а именно: платили отъ Курска до Москвы—3 р. 77 и 25 к. багажъ, отъ Москвы до Нижняго 1 р. 28 к., отъ Нижняго до Перми 1 р. 50 к. [4]), отъ Перми до Тюмени одни платили 6 р. 61 к., другіе 5 р. 81 к. и 30 к. багажъ, отъ Тюмени на пароходѣ до Карташева 4 р. 60 к. и 4 р. 50 к., отъ Карташева за 140 верстъ по 7 к. съ пуда, взвѣшивали всѣхъ и дѣтей.

Всего 33 семьямъ съ 257 душами при 183 билетахъ дорога стоила безъ харчей и багажу 4,058 руб., средней семьѣ изъ 7 душъ, $5^1/_2$ билетовъ—123 рубля; стоимость багажа и харчей опредѣляется приблизительно переселенцами не менѣе 50 рублей на семью, слѣдовательно всего дорога стоила 5,708 руб., на одну семью 172 р. 98 к., на одинъ билетъ уже 31 р. 27 к., что совершенно сходится со стоимостью билета семьи, ѣхавшей по полному тарифу.

Ѣхавшимъ 5 семьямъ изъ Каменецъ-Подольской губерніи черезъ Кіевъ, Курскъ до Омска при 16 человѣкахъ и 11 билетахъ дорога съ харчами и багажомъ обошлась въ 550 рублей, средней семьѣ изъ 3 человѣкъ при $2^1/_4$ билетахъ 110 рублей, одинъ билетъ стоитъ уже 50 рублей, но нужно замѣтить, что Курская и Кіевская вплоть до Москвы брали по полному тарифу 3 класса, даже изъ Тюмени до Омска на пароходѣ взяли по 6 руб. билетъ и 1 р. 20 к. за багажъ 10 пудовъ; за дѣтей брали съ 3 лѣтняго возраста полъ билета.

Изъ Харьковской губерніи на Курскъ семьѣ изъ 8 душъ при 5 билетахъ дорога стоила съ харчами и багажемъ 207 руб., на билетъ 41 р. 50 к. Изъ Витебской и Псковской губерніи шли 87—88 году и брали билеты по слѣдующимъ цѣнамъ [5]): съ Рѣжицъ до Динабурга 1 р. 15 к. (полный тарифъ), съ Динабурга до Витебска 3 р. 51 к. (п. т.), съ Витебска до Москвы 7 р. 50 к. (п. т.), отъ Москвы до Нижняго 1 р. 30 к. (удешевленный), отъ Нижняго до Перми 1 р. 20 к. (удеш.), отъ Перми до Тюмени 4 р. 86 к. (удеш.), съ Тюмени до Карташева 5 р. 81 к. (полный), съ Карташева по 3 к. съ версты и подводы по 3 человѣка и 15 пуд. багажа — 4 руб. 20 коп. за 140 верстъ. Такимъ образомъ, одинъ полный билетъ безъ харчей и багажа обходился 26 руб. 73 коп. Въ среднемъ 28 семей изъ 163 душъ—124 билета, израсходовали 3,534 рубля, средняя семья изъ 6 душъ при 4 большихъ безъ багажа, хотя и везла съ собой только по 2 — 3 пуда на семью, не менѣе 127 рублей.

---

[4]) Въ этотъ годъ пароходныя общества сильно конкурировали другъ съ другомъ, вотъ почему цѣна ниже 90 года.

[5]) Витебскіе католики дали замѣчательно точныя данныя: у нихъ велись точныя записи грамотными.

Дорога вплоть до Томска на пароходѣ изъ Курской и Смоленской губерній обходилась переселенцамъ почти столько же, сколько обходится до Карташева и Омска: 80 семьямъ изъ 557 душъ при 365 билетахъ стоила дорога съ харчами 10,311 руб., слѣдовательно, средней семьѣ изъ $6^1/_2$ душъ по $4^1/_2$ билета 129 рублей, на одинъ билетъ 28 руб.; отъ Томска въ Маріинскій округъ шли на подводахъ и платили за 250 верстъ по 4—6 руб. съ подводы. Въ среднемъ дорога на одинъ билетъ до мѣста этимъ путемъ обходилась съ харчами и багажемъ 40 рублей. Много дешевле обходится дорога тѣмъ переселенцамъ, которые ѣдутъ по желѣзной дорогѣ и на параходѣ до Тюмени, въ Тюмени покупаютъ лошадей и идутъ дальше до мѣста на лошадяхъ. Въ среднемъ 78 семей при 517 душахъ—360 билетовъ—затратили 6,637 руб.; средней семьѣ изъ $6^1/_2$ душъ при $4^1/_2$ билетахъ дорога до мѣста съ харчами стоила 85 руб., на 1 билетъ 19 рублей. Часть ѣхала по удешевленному тарифу, но другіе платили полный. Изъ Курска до Нижняго платили за билетъ 11 р. 20 к., другіе же только 3 р. 77 к. до Москвы, отъ Москвы 1 р. 28 к., отъ Нижняго до Перми по 2 р. и по 1 р. 50 к., отъ Перми до Тюмени 7 р. 20 к. и 5 р. 81 к. Изъ Каменецъ-Подольской губерніи при полномъ тарифѣ одной семьѣ (расходъ былъ записанъ подробно) при $2^1/_2$ билетахъ дорога до Тюмени съ багажемъ 15 пуд. стоила 110 руб., ѣхалъ одинъ безъ партіи, харчи до мѣста стоили 20 р. своихъ сухарей было 8 пудовъ, сала 3 пуда, отъ Тюмени ѣхалъ на лошади до Омска 2 недѣли, всего 8 душамъ при $2^1/_2$ билетахъ до Омска дорога обошлась при полномъ тарифѣ съ харчами 130 рублей, на 1 билетъ 52 рубля.

Изъ Витебской губерніи до Тюмени дорога обходилась, при полномъ тарифѣ до Перми, отъ Шадова до Москвы 13 р. 50 к., отъ Москвы до Нижняго 5 р. 90 к. и до Перми 2 р. 34 к., всего до Тюмени безъ багажа и харчей 24 рубля, съ багажемъ и харчами до 35 рублей.

Здѣсь происходитъ та же тарифная путаница, въ среднемъ можно считать, что дорога до Тюмени на 1 билетъ обходилась около 23 — 25 рублей съ харчами и багажемъ. Но къ вышеприведенной цифрѣ 25 рублей необходимо прибавить стоимость лошади, телѣги и упряжи. Правда, эти деньги для переселенца не пропадшіе, онъ до нѣкоторой степени сразу обезпечиваетъ себя на новомъ мѣстѣ самымъ главнымъ и необходимымъ, но для покупки необходимы наличныя деньги и довольно значительныя. Средняя стоимость лошади съ телѣгой и упряжью въ Тюмени обходится въ 30 рублей, но колеблется отъ 50 до 17 рублей, вообще покупаютъ лошадей въ Тюмени переселенцы, болѣе обезпеченные матеріально [6]), и предпочитаютъ покупать лошадей хорошихъ и силь-

6) Взглядъ, высказанный г. Исаевымъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ о томъ, что изъ Тюмени на лошадяхъ ѣдутъ самые бѣдные, врядъ ли поэтому правиленъ, наоборотъ, на лошадяхъ ѣдутъ зажиточные, богатые: путь лошадьми требуетъ обя-

ныхъ, чтобы онѣ могли легко перенести дорогу иногда въ 2—3,000 в. Изъ Тюмени до Каинска идутъ 2—3 недѣли, до Томска 4—5 недѣль, въ сутки не больше 40—50 верстъ.

Семь семей Орловскихъ ѣхали на лошадяхъ до Сызрани, затѣмъ сѣли на желѣзную дорогу вмѣстѣ съ лошадьми и телѣгами на Оренбургъ, а отъ Оренбурга шли на лошадяхъ до Омска (поселились въ 25 верст.) ѣхали всего отъ Сызрани 9 недѣль. Дорога обошлась 7 семьямъ съ 54 душами при 32 билетахъ 492 руб., средней семьѣ изъ 8 душъ при 5 билетахъ 70 руб. на одинъ билетъ, всего 14 руб. съ харчами.

Шесть семей Курскихъ, Орловскихъ и Воронежскихъ шли прямо съ мѣста на лошадяхъ черезъ Оренбургъ на Омскъ, шли 10 недѣль и прохарчили на семью 80 рублей, на одного взрослаго 16 рублей.

Пермскіе, Кунгурскіе 90 семей шли съ мѣста на лошадяхъ въ Томскую губернію, Маріинскій округъ; вышли 22 мая и пришли 20 іюня, ровно 4 недѣли, харчи брали изъ дому, но въ среднемъ на семью издержали отъ 35 до 50 рублей.

Казанскіе 20 семей, Чистопольскаго уѣзда, шли зимой, вышли послѣ Рождества, а на мѣсто въ Томскую губернію, Маріинскій округъ, пришли въ мартѣ, 10 недѣль; шли на парныхъ подводахъ и израсходовали на каждаго взрослаго и 2 лошади по 10 руб., въ среднемъ на семью отъ 40 до 50 рублей.

Двѣ семьи ѣхали въ Барнаульскій округъ, черезъ Семипалатинскъ, и все время ѣхали по желѣзной дор. и на пароходѣ, дорога до Семипалатинска при 4 полныхъ билетахъ обошлась съ харчами 250 руб., 62 р. 50 к. на билетъ. Одна семья ѣхала на Петербургъ, Рыбинскъ и Пермь и дорога обошлась при 3 билетахъ до Тюмени съ харчами и багажемъ 90 рублей.

Одна знаменитая семья Витебской губерніи, не имѣя абсолютно средствъ на дорогу, рѣшилась совершить это переселеніе пѣшкомъ. Николаевскій солдатъ, 60 лѣтъ, сдѣлалъ телѣжку, посадилъ въ нее двухъ сыновей, 5 и 4 лѣтняго возраста и съ женою 40 лѣтъ и дочерью 16 лѣтней, отправился изъ города Шадово въ городъ Томскъ, вышелъ въ 1887 году, а пришелъ въ Томскъ въ 1888 году, пробылъ въ пути 1 годъ 4 мѣсяца. Затѣмъ, уже поживъ въ Томскѣ, купилъ себѣ лошаденку и въ 89 году пришелъ въ Тобольскую губернію (къ Омску) къ своимъ односельчанамъ, въ настоящую минуту имѣетъ землянку, 1 лош., 1 корову и $^3/_4$ десятины посѣва.

Суммируя всѣ показанія о стоимости дороги, мы имѣемъ, что средней семьѣ изъ $6^1/_2$ душъ обоего пола при 4 билетахъ и 10 пудахъ багажа обходится въ среднемъ дорога по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ до мѣста, Томской губерніи, 129 руб. $42^1/_2$ к., на одинъ билетъ въ сред-

---

зательно наличныхъ денегъ на кормъ семьѣ и лошади, а также и на покупку лошади съ телѣгой и упряжью.

немъ 32 р. 33½ к.; до Тюмени, а потомъ на лошадяхъ 102 рубля, на одинъ билетъ составитъ—25 р. 50 к.; съ мѣста на лошадяхъ въ среднемъ по 60 рублей, на одного взрослаго 15 рублей. Сопоставляя среднюю стоимость дороги средней семьи съ таблицей объ экономическомъ положеніи переселенцевъ передъ отправкой изъ Россіи мы ясно видимъ, что большій процентъ семей не могли доѣхать до мѣста переселенія безъ посторонней помощи. Дѣйствительно, изъ 480 на свой счетъ безъ всякой посторонней помощи доѣхало 380 семей (62%), получили пособіе во время дороги отъ частной благотворительности, отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тюмени и Томскѣ (г. Архипова и г. Чарушина), отъ губернаторовъ: нижегородскаго, пермскаго, самарскаго 132 семьи (или 38%).

Изъ 132 семей имѣли возможность доѣхать на свой счетъ до Тюмени 86 с. (65%) до Томска 23 с. (17%), до Перми 17 с. (13%), до Нижняго 6 с. (5%).

Семьи, которыя доѣхали до Нижняго и Перми, абсолютно ничего не имѣли и были отправлены губернаторомъ на пароходѣ, изъ Перми отправлены были до Тюмени на деньги, присланныя г. Архиповымъ по телеграммѣ губернатора. Двѣ семьи прежде, чѣмъ отправиться на Пермь и въ Сибирь, просили губернатора отправить ихъ въ Самару на заработки, и просьба была удовлетворена; но въ Самарѣ въ нынѣшнемъ году былъ полный неурожай и безработица, переселенцы проѣли оставшуюся одежду и отправились снова къ губернатору, который предложилъ имъ отправиться въ Омскъ этапнымъ порядкомъ, чему несказанно наши переселенцы обрадовались.

Четырнадцать семей, доѣхавъ до Перми, ѣхать дальше не могли и обратились съ просьбой отправить ихъ къ губернатору, но губернаторъ не имѣлъ возможности отправить ихъ, тогда переселенцы отправились на городскую площадь, раскинули таборъ и положительно никому не давали проходу; проживъ такимъ образомъ около 2 недѣль, настолько загрязнили площадь, что городская дума рѣшила ихъ отправить до Тюмени на свой счетъ, въ Тюмени отправили ихъ дальше на пароходѣ въ Томскъ. Помощь, которую оказываютъ во время дороги чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, весьма значительна: безъ нея многія семьи буквально бы перемерли съ голоду на дорогѣ. Главное стремленіе и вполнѣ раціональное—это какъ нибудь поддержать семью до мѣста слѣдованія, а потому денежная помощь не выдается на руки, придерживаются уплаты на пароходѣ недостающихъ денегъ и выдаютъ малыми суммами на харчи, или даютъ средства купить лошадь съ упряжью; въ Томскѣ отправляютъ до мѣста на казенныхъ подводахъ или выдаютъ для покупки лошади и т. д.

До 88 года суммы, выдаваемыя чиновниками на семью, были много значительнѣе, въ Томскѣ выдавали по 30—40 руб., въ Тюмени по 20—30 руб., но теперь съ увеличеніемъ наплыва переселенцевъ безъ увеличенія получаемой на этотъ предметъ суммы помощь дѣлается все не-

значительнѣе: въ 90 году выдавалось въ Тюмени по 2—3—5 рублей съ большей осторожностью и, дѣйствительно, тѣмъ, кто не могъ дальше слѣдовать.

Между прочимъ въ 90 году положеніе переселенцевъ было невозможно тяжелое, о чемъ писали неоднократно въ газетахъ; благодаря изъ ряда вонъ выходящей поздней веснѣ, переселенцы сильно задерживались. Нѣкоторыя партіи вмѣсто того, чтобы совершить переѣздъ при нормальныхъ условіяхъ въ 3—4 недѣли, совершали его въ $1^1/_2$—2 мѣсяца. Въ виду громаднаго скопленія переселенцевъ въ Тюмени партіи задерживали, гдѣ могли—въ Курскѣ, въ Нижнемъ, Перьми и въ Тюмени, одной партіи пришлось простоять 13 дней въ Перьми и 10 дней въ Тюмени. Въ Тюмени не было свободнаго уголка, все было наполненно переселенцами, даже уходили въ сосѣднія деревни, кто имѣлъ средства, стояли на квартирахъ и платили по 50 к. и по 1 руб. въ недѣлю, а кто располагался таборомъ за городомъ. Многіе окончательно проѣли послѣдніе гроши, а другіе проѣли все, что везли съ собой; хлѣбъ былъ $3^1/_2$ и 4 к. за фунтъ. Къ этому еще свирѣпствовала страшная дѣтская эпидемія.

Всего пособія получили 132 семьи въ разные года 2,211 руб. 76 к.; слѣдовавшимъ въ Каинскій округъ выдано 1,221 руб., въ Томскій 474, въ Томскѣ выдано, кромѣ того, опять 576 руб., 20 семей получили пособіе и въ Тюмени и въ Томскѣ. Размѣръ ссуды колебался отъ 50 до 2 руб., въ среднемъ равнялся на семью 17 р. 50 к., но если взять 87—88 годъ отдѣльно, то 27 р. 75 к., въ 89—90—12 рублей.

Вопросъ о заработкѣ во время дороги остается открытымъ, изъ 800 бланокъ есть только 3 показанія, одна семья осталась на зиму въ Ишимѣ и 2 семьи отправились неудачно въ Самару.

Все стремленіе переселенца, несомнѣнно, скорѣе попасть на мѣсто и всякая остановка, поэтому, вредитъ ему. Нужно принять во вниманіе и то, что время для дороги переселенецъ выбираетъ самое тихое въ сельскомъ хозяйствѣ, а именно уѣзжаетъ въ серединѣ или началѣ мая и старается прибыть къ 30 іюня. Наплывъ самый усиленный—это въ маѣ и іюнѣ, затѣмъ сильно ослабѣваетъ и усиливается опять къ осени. Если партія опоздала и идетъ на лошадяхъ во время страды—косьбы или жнитва, то дѣйствительно, партія останавливается при хорошей работѣ. Такихъ партій мнѣ пришлось встрѣтить 3 въ Юдинской волости по 20 семей, шли они на Барнаулъ и почти 3 недѣли прожили при разныхъ деревняхъ—одна во время косовицы, 2 во время уборки хлѣба.

Изъ вышеизложеннаго выясняется, что въ общемъ требуется непремѣнное вмѣшательство правительства для урегулированія тарифовъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, крайняя неравномѣрность взиманія съ переселенцевъ за переѣзды устанавливаетъ произволъ, который, конечно, нежелателенъ, а слѣдовало бы совершенно законнымъ порядкомъ оградить ихъ отъ послѣдняго. Несомнѣнно, желательна и болѣе интенсивная помощь во время дороги и болѣе широкая организація бараковъ, боль-

ницъ на пути слѣдованія. Такіе важные пункты, какъ Карташево, Омскъ не имѣютъ абсолютно никакихъ приспособленій для переселенцевъ — ни бараковъ, ни больницъ, всѣ переселенцы нѣсколько времени остаются на открытомъ воздухѣ, при разрѣшеніи же переселятся въ степной край, для Омска это болѣе чѣмъ непростительно; то же самое необходимо сказать о Карташевѣ, гдѣ необходимъ бы былъ даже чиновникъ; процентъ слѣзающихъ на этой станціи очень большой; оттуда идутъ въ Бійскій, Барнаульскій, Каинскій, Томскій и Маріинскій округъ, что объясняется тѣмъ, что въ Тюмени лошади стали очень дороги, и стали предпочитать покупать въ Карташевѣ или въ Вознесенскѣ на ярмаркѣ, которая бываетъ въ 9 пятницу и по количеству массы приводимыхъ лошадей имѣетъ значеніе и извѣстна переселенцамъ.

V.

Самый страшный бичъ во время дороги изъ Россіи въ Сибирь—это эпидемическія болѣзни дѣтей и крайне значительная смертность послѣднихъ въ возрастѣ отъ 5 лѣтъ до 1 года; причиной послѣдней понятно нужно считать невозможныя антигигіеническія условія при переѣздѣ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ.

Наши общества, перевозя ежегодно болѣе 20,000 душъ переселенцевъ, не брезгаютъ громаднымъ барышемъ, который доставляютъ послѣдніе, но совершенно не заботятся о томъ, чтобы предоставить своимъ дешевымъ пассажирамъ какія либо удобства. При перевозкѣ по удешевленному тарифу чуть не въ скотскихъ вагонахъ, гдѣ количество головъ ограничивается для скота, но для переселенцевъ считается это ограниченіе излишнимъ, ихъ набиваютъ такъ, какъ только возможно, и отъ тѣсноты, грязи, затхлаго воздуха приходится открывать чуть не всѣ стѣнки вагона. Въ этой атмосферѣ переселенцу часто приходится пробыть не выходя 3 — 4 сутокъ, а то и болѣе. Еще въ худшія условія попадаетъ онъ на пароходной палубѣ. На Курбатовскихъ пароходахъ палубы закрыты только сверху, съ боковъ хлещетъ дождь и свищетъ вѣтеръ; да хорошо еще, если попадешь подъ крышу: иногда скопленіе настолько велико, что радъ гдѣ нибудь приткнуться; и здѣсь есть привилегированный пассажиръ, а новоселъ можетъ сидѣть и на носу, и на кормѣ, и подъ лавкой. Если къ этимъ условіямъ прибавить совершенно невозможное скудное питаніе, черные сухари, размоченные въ водѣ, отсутствіе горячей пищи въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, отсутствіе молока для грудныхъ, то усиленное заболѣваніе станетъ вполнѣ понятнымъ.

Главныя болѣзни, которыя свирѣпствуютъ на дѣтяхъ: оспа, корь, скарлатина, дифтеритъ. Разъ какая либо эпидемія завелась въ партіи, то несомнѣнно она переберетъ всѣхъ дѣтей и также быстро передается другимъ, въ особенности въ такихъ центрахъ скопленія, какъ Тюмень. Начало болѣзни почти всегда во время пути, но затѣмъ она продолжается и на

мѣстѣ водворенія и кончается только съ наступленіемъ зимы. Особенно сильно свирѣпствовала дѣтская эпидемія въ 1890 году; хотя въ Тюмени принимали всѣ зависящія мѣры для прекращенія эпидеміи, но ничего не могли сдѣлать. Сами переселенцы пренаивно разсказывали, какъ они употребляли всѣ мѣры, чтобы обмануть чиновника и скрыть больныхъ дѣтей: по нѣскольку разъ показывали однихъ и тѣхъ же здоровыхъ. Задержка семьи въ Тюмени отъ партіи настолько страшна для переселенца и экономически невыгодна, что послѣдній обманъ вполнѣ понятенъ: лишнія двѣ, три недѣли, проведенныя въ Тюмени, отнимутъ послѣднія сбереженныя крохи, которыя переселенецъ думалъ употребить на первоначальное свое устройство на новомъ мѣстѣ, гдѣ господствуетъ въ критическія минуты самопомощь.

Изъ имѣющихся подъ руками данныхъ видно, что въ теченіе дороги изъ 1,635 дѣтей женскаго и мужскаго пола умерло въ возрастѣ отъ 1 г. до 8 лѣтъ 210 душъ, что составитъ 13%; но за вѣрность этой цифры трудно ручаться,—новоселы тщательно скрываютъ послѣднее, въ особенности при опросѣ тотчасъ по приходѣ.

Смертность мальчиковъ много сильнѣе, чѣмъ дѣвочекъ: изъ 898 мальчиковъ умерло 128, что составитъ $14,_2\%$, изъ 737 дѣвочекъ умерло 82—$11,_1\%$.

Если мы возьмемъ смертность по годамъ, то мы увидимъ, что 90 г. былъ дѣйствительно исключительный; въ двухъ партіяхъ, состоявшихъ изъ 100 семей, было малолѣтнихъ 285 челов., мальчиковъ 155, дѣв. 130, во время дороги умерло 85 ч. (47 м. и 38 дѣвочекъ), что составитъ 30%; если исключить дѣтей возраста выше 10 лѣтъ, то смертность увеличится до $40,_6\%$ (111 м. и 98 дѣв.). Потеря мальчиковъ для переселенцевъ—громадное горе, и сколько разъ мнѣ лично приходилось видѣть горькія слезы на загорѣломъ лицѣ отца, который при нарѣзкѣ земли заявлялъ мнѣ, что потерялъ мальчишку 5 — 8 лѣтъ. Никогда не забуду одного переселенца, который плакалъ, какъ малый ребенокъ: вся надежда его была на одного единственнаго мальчугана 7 лѣтъ, который умеръ по приходѣ, заболѣвъ скарлатиной еще въ дорогѣ.

Рядомъ со слезами не мало встрѣчалось и курьезовъ: одна баба на послѣдяхъ слезно умоляла, чтобы признали ея будущаго ребенка непремѣнно за мальчика, что ей доподлинно знахарка сказала, что у нея непремѣнно родится мальчикъ; но не смотря на слезное увѣреніе, все таки горю помочь было нельзя. Другой мужикъ чуть не загналъ лошадь, чтобы извѣстить чиновника, который находился за 50 верстъ отъ поселка, что у него баба разрѣшилась двойнями, двумя мальчиками [7]); каждый мальчикъ въ семьѣ несомнѣнно самый желанный гость, а при переселеніи положи-

---

7) Этотъ фактъ крайне любопытенъ въ томъ отношеніи, что разрѣшеніе двойнями происходило уже третій разъ и постоянно мальчиками, когда онъ выѣзжалъ, у него тоже были двойни, но дорогой умерли.

тельно герой, потому что на недѣльнаго и то отрѣжутъ 15 дес. земли; смерть же въ дорогѣ мальчика убиваетъ часто всѣ надежды новосела.

Всѣхъ взрослыхъ въ дорогѣ умерло 5 человѣкъ, 4 взрослыхъ мужчинъ и 1 женщина, смерть происходила отъ разныхъ причинъ; одинъ парень 21 года умеръ отъ чахотки, одинъ старикъ 78 лѣтъ, двое тоже пожилыхъ мужиковъ болѣли раньше, женщина послѣ родовъ; большой процентъ взрослыхъ умираетъ послѣ прихода и главнымъ образомъ отъ тифозной горячки. Всего умерло взрослыхъ отъ горячки 37 человѣкъ въ разное время. Нѣтъ почти ни одного года и ни одного поселка, гдѣ въ первый годъ по приходѣ или на второй не было горячки. Въ 84 году свирѣпствовала страшная горячка въ Чернышовскомъ поселкѣ, и умерло изъ 90 семей 12 мужчинъ и 10 женщинъ. Въ 88 году мнѣ пришлось самому попасть въ поселки, гдѣ была сильная горячка, въ Покровскомъ поселкѣ изъ 47 семей больше 25 лежали всѣ поголовно, и при мнѣ священникъ напутствовалъ 13 умирающихъ. Эпидемія страшно усиливалась, благодаря отсутствію снѣга, при страшныхъ холодахъ, а также отъ голода. Во время поданная этому поселку помощь, благодаря ходатайству томскаго чиновника (Чарушина), сильно ослабила эпидемію, но всетаки въ тотъ годъ умерло мужчинъ 4 и женщинъ 3. Въ томъ же году была горячка въ Каинскомъ округѣ; положительно всѣ переболѣли, но эпидемія была слабѣе, такъ какъ началась зимой и помощь была дана очень скоро; умерло 2 человѣка. Въ 89 году была горячка въ другихъ поселкахъ, но тоже болѣе легкая: умерло въ 5 поселкахъ 4 чел. Конечно по этимъ крайне ничтожнымъ даннымъ трудно сдѣлать какіе либо точные выводы, но несомнѣнно, что крайне плохія условія жизни въ первый годъ въ землянкахъ и главнымъ образомъ въ первую голодную зиму сильно вліяютъ на здоровье; дорога тоже имѣетъ не малое вліяніе и конечно изнуряетъ и ослабляетъ организмъ. Матеріальная помощь въ это время крайне необходима и безусловно для всѣхъ переселенцевъ безъ исключенія; необходимо при этомъ болѣе внимательное отношеніе къ поселкамъ, только что пришедшимъ, со стороны тѣхъ, кому ими вѣдать надлежитъ. Суровая голодная зима можетъ сразу унести массу жертвъ.

Ждать же переселенцамъ какой либо посторонней помощи въ совершенно чужой для нихъ странѣ конечно нельзя, и единственное вѣрное рѣшеніе этого вопроса—болѣе солидная и правильная организація въ этомъ отношеніи переселенческаго дѣла со стороны правительства. Многія учрежденія и рады бы были дать руку помощи, оказать содѣйствіе, но не имѣютъ на это никакихъ средствъ, а главное, не имѣютъ самаго существеннаго хлѣба, денегъ, врача, лѣкарства,—четыре элемента, наиболѣе важные въ этомъ дѣлѣ. Съ этой стороны организація дѣла въ Сибири требуетъ много и много.

В. Остафьевъ.

НОТАРІАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЛОСТНЫХЪ ПРАВЛЕНІЙ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Наши изслѣдователи народныхъ юридическихъ обычаевъ до настоящаго времени ищутъ матеріалы по обычному праву почти исключительно лишь въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ и совершенно игнорируютъ имѣющіяся въ волостяхъ книги сдѣлокъ и договоровъ и приговоровъ крестьянскихъ сходовъ. Пренебреженіе къ этому источнику познанія и изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ дошло до того, что даже членъ коммиссіи, существующей при Императорскомъ географическомъ обществѣ по собиранію народныхъ юридическихъ обычаевъ, профессоръ А. Гольмстенъ, изучавшій на мѣстѣ только рѣшенія волостныхъ судовъ [1]), категорически утверждаетъ, будто «рѣшенія волостныхъ судовъ составляютъ единственный достовѣрный источникъ познанія обычнаго права» [2]). Между тѣмъ такой же обильный и такой же достовѣрный матеріалъ и, по нѣкоторымъ вопросамъ гражданскаго права, даже исключительный, заключаютъ въ себѣ по обычному праву сказанныя книги волостныхъ правленій: въ нихъ встрѣтите рядъ приговоровъ о назначеніи и объ учетѣ опекуновъ, о согласіи на продажу надѣловъ крестьянами, о выборѣ судей, массу сдѣлокъ по продажѣ, раздѣлу, выдѣлу, дару и другимъ имущественнымъ и личнымъ сдѣлкамъ и договорамъ, какъ крестьянъ между собою, такъ и съ лицами другихъ сословій, рядъ духовныхъ завѣщаній, пріймацкихъ сдѣлокъ и т. п. Если изъ рѣшеній волостныхъ судовъ мы познаемъ юридическіе обычаи, такъ сказать, въ спорномъ состояніи, то изъ книгъ сдѣлокъ и договоровъ и приговоровъ мы познаемъ юридическій обычно-правовой характеръ жизни крестьянъ въ будничной, заурядной обстановкѣ: одно необходимо пополняетъ, а не исключаетъ другаго—какъ это ошибочно утверждаетъ г. Гольмстенъ. Законъ 12 іюля 1889 года, значительно преобразовавшій дѣятельность волостныхъ судовъ, въ то же время вовсе не коснулся нотаріальной дѣятельности волостныхъ правленій, тогда какъ и она заслуживаетъ серьознаго вниманія. Достаточно сказать, что въ одномъ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., ежегодно въ сред-

немъ выводѣ вписывается въ книги волостныхъ правленій, предназначенныя для сдѣлокъ и договоровъ, болѣе 800 разнаго рода сдѣлокъ,—что составитъ за 20 лѣтъ болѣе 16 тысячъ, преимущественно касающихся крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ,—чтобы видѣть, какой обильный матеріалъ по обычному праву заключаютъ въ себѣ сказанныя книги волостныхъ правленій и насколько онѣ заслуживаютъ вниманія законодательства [3]).

Нами собрано и извлечено изъ книгъ волостныхъ правленій много матеріаловъ по разнымъ вопросамъ гражданскаго права. Въ настоящей статьѣ, не касаясь существа этихъ матеріаловъ, мы сдѣлаемъ лишь внѣшній обзоръ нотаріальной дѣятельности волостныхъ правленій,—обзоръ, основанный премущественно на этихъ матеріалахъ и отчасти на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ нами въ Кіевской губ. въ теченіе около 13 лѣтъ. Четыре года тому назадъ [4]), при разсмотрѣніи пріймацкихъ сдѣлокъ, совершаемыхъ волостными правленіями, мы указывали на то, что сдѣлки эти не удовлетворяютъ ни требованіямъ полож. о крестьянахъ, ни вообще—гражданскихъ законовъ, а черезъ то сплошь и рядомъ общими судебными мѣстами и даже волостными судами, подъ вліяніемъ кассаціонныхъ инстанцій, признаются недѣйствительными и не имѣющими законной силы. То же самое намъ приходится повторить теперь и относительно почти всѣхъ остальныхъ сдѣлокъ, совершаемыхъ волостными правленіями въ Кіевской губерніи: всѣ эти сдѣлки, за не многими исключеніями, не удовлетворяютъ требованіямъ закона и потому не имѣютъ юридической силы. Ст. 91 общ. полож. о крестьянахъ и 1 прим. къ ней обязываютъ волостныя правленія вести книгу сдѣлокъ и договоровъ, въ которую вносятся, по желанію сторонъ, всякаго рода сдѣлки и обязательства какъ крестьянъ между собою, такъ и со сторонними лицами, на сумму не выше 300 руб., и духовныя завѣщанія крестьянъ о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, цѣною не свыше ста рублей; при этомъ внесеніи должны быть росписки за неграмотныхъ и два свидѣтеля, а при завѣщаніяхъ должны присутствовать и члены волостнаго правленія, которые росписываются въ книгѣ, а при неграмотности прикладываютъ должностныя печати. Очевидно, этими законоположеніями имѣлось въ виду облегчить для крестьянъ совершеніе всякаго рода малоцѣнныхъ актовъ и завѣщаній, такъ какъ они при этомъ освобождаются отъ гербоваго и другихъ сборовъ, кромѣ 10 коп. отъ сдѣлки, или 5 коп. отъ человѣка, участвующаго въ сдѣлкѣ, вносимыхъ въ пользу волостныхъ суммъ. Казалось бы, закономъ установлены очень опредѣленныя и точныя рамки для нотаріальной дѣятельности волостныхъ правленій; но въ дѣйствительности, въ настоящее время, она раздвинулась настолько, что, кажется, нѣтъ акта, котораго бы нельзя было засвидѣтельствовать въ любой волости, независимо отъ его содержанія, суммы, участвующихъ въ оном лицъ и соблюденія гербоваго сбора. Волостныя правленія усвоили себѣ, кромѣ того, еще способъ совершенія всякаго рода актовъ какъ

крестьянъ между собою и со сторонними лицами, такъ и сторонних лицъ между собою, черезъ засвидѣтельствованіе подписей сторонъ на актѣ и безъ внесенія въ волостную книгу, и такимъ порядкомъ чисто сословное учрежденіе съ опредѣленнымъ кругомъ правомочій расширило свою дѣятельность далеко за предѣлы, указанные въ законѣ. Въ настоящее время волостными правленіями свидѣтельствуется гораздо больше актовъ съ нумерами по исходящей книгѣ и чаще безъ всякихъ нумеровъ, чѣмъ вносится таковыхъ въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Намъ приходилось представлять въ судъ для взысканія векселя на суммы въ 1000 р. и болѣе, выданные евреями, мѣщанами и купцами помѣщику дворянину и засвидѣтельствованныя Ружинскимъ волостнымъ правленіемъ Сквирскаго уѣзда; приходилось по дѣлу встрѣчать представленнымъ въ окружный судъ духовное завѣщаніе съ неграмотными свидѣтелями, съ засвидѣтельствованіемъ подписи завѣщательницы Трипольскимъ волостнымъ правленіемъ Кіевскаго уѣзда. Недавно представлено въ окружный судъ духовное завѣщаніе дворянина, завѣренное неграмотнымъ волостнымъ старшиной и писаремъ, который въ то же время былъ и переписчикомъ завѣщанія, безъ нумера по исходящей книгѣ, отъ 10 августа 1890 года, на сумму около 1,000 рублей и съ участіемъ двухъ грамотныхъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ въ третьей степени свойства съ завѣщателемъ и въ четвертой съ наслѣдниками по завѣщанію (Топоровская волость, Сквирскаго уѣзда); въ 1890 году въ сессію окружнаго суда, въ г. Сквирѣ, представлена была запродажная запись, совершенная между крестьянами Б. и Д., на сумму 9,000 рублей, о недвижимомъ имѣніи, на простой бумагѣ, засвидѣтельствованная въ томъ же году Володарскимъ волостнымъ правленіемъ Сквирскаго уѣзда, и проч., и проч. Перечислять массу засвидѣтельствованныхъ волостными правленіями актовъ, часто не удовлетворяющихъ законнымъ формамъ и не имѣющихъ черезъ то юридическаго значенія и иногда на значительныя суммы, и притомъ всегда безъ соблюденія гербоваго сбора, мы считаемъ утомительнымъ и излишнимъ, такъ какъ таковые очень часто встрѣчаются въ дѣлахъ общихъ и мировыхъ судебныхъ мѣстъ. У насъ до того вошло въ обычай давать ходъ засвидѣтельствованіямъ волостными правленіями подписей лицъ другихъ сословій, что сплошь и рядомъ они признаются въ акцизныхъ окружныхъ управленіяхъ и другихъ административныхъ вѣдомствахъ. Очень часто также встрѣчаются духовныя завѣщанія крестьянъ, на сумму свыше ста рублей, съ неграмотными свидѣтелями и съ засвидѣтельствованіемъ подписи завѣщателя волостными правленіями безъ внесенія въ волостныя книги. Примѣромъ волостныхъ правленій заражаются и сельскіе старосты, владѣющіе должностными печатями. Такъ по Сквирскому уѣзду, напримѣръ, въ 1882 году 15 апрѣля завѣрена по селу Кривошіенцамъ сдѣлка о раздѣлѣ крестьянами между собой 8 дес. земли приложеніемъ печати сельскаго старосты Василія Козака и подписью мѣстнаго священника съ приложеніемъ церковной печати; въ 1890 г.

іюля 1 дня сельскимъ старостою с. Быстровки Солейчукомъ завѣрена приложеніемъ печати сдѣлка, по которой неграмотная сквирская мѣщанка К. сдала унтеръ-офицеру К. свой вѣчно-чиншевой надѣлъ земли на 99 лѣтъ съ полученіемъ впередъ арендныхъ платежей за всѣ годы; въ октябрѣ мѣсяцѣ 1890 года, сельскій староста с. Ягнятина Табачукъ, завѣрилъ коллективную жалобу крестьянъ на священника въ консисторію и т. п.

Но и съ актами, вносимыми въ книги сдѣлокъ и договоровъ, волостныя правленія то же не стѣсняются требованіями закона. Здѣсь, вопреки закону, часто встрѣтите сдѣлки между лицами другихъ сословій и безъ участія крестьянъ; напр., по Сквирскому уѣзду укажемъ слѣдующіе случаи: Борщаговская вол. 1883 г., № 5—сдѣлка между евреями-мѣщанами о переуступкѣ однимъ другому за 300 р. вѣчно-чиншевыхъ правъ; Корнинская вол. 1875 г., № 21—сдѣлка между помѣщикомъ-дворяниномъ и купцомъ евреемъ объ уступкѣ первымъ послѣднему вѣчно-чиншевыхъ правъ на землю; Новофастовская вол. 1875 года 10 мая, № 10—сдѣлка о продажѣ помѣщицей-купчихой усадьбы съ домомъ въ собственность мѣщанину; 1874 г. 28 апрѣля, № 16, Воробьевская вол.—сдѣлка между мѣщанами о продажѣ движимаго имущества за 330 руб.; въ Тхоровской вол. за 1875 и 1876 гг. встрѣтите рядъ сдѣлокъ между помѣщикомъ дворяниномъ и мѣщанами о чиншевой землѣ, и въ такомъ же родѣ сдѣлки найдете въ Верховенской, Ружинской, Володарской, Паволоцкой и во всѣхъ волостяхъ Сквирскаго уѣзда, хотя и не за всѣ годы. Путемъ внесенія въ книги и безъ внесенія въ таковыя, волостныя правленія, свидѣтельствуя сплошь и рядомъ сдѣлки объ арендѣ и отчужденіи въ пользу сторонннихъ лицъ крестьянскихъ надѣловъ частями и цѣликомъ, содѣйствовали переходу этихъ земель въ стороннія руки; въ волостныхъ книгахъ и помимо ихъ встрѣчаются сдѣлки, завѣренныя волостью, о переуступкѣ въ собственность и объ арендѣ крестьянской земли лицами, которыя по закону 10 декабря 1865 г. не могутъ покупать таковой, равно и лицамъ, которыя не въ правѣ ни покупать, ни арендовать. У насъ ни для кого не будетъ новостью, если мы скажемъ, что почти въ каждомъ селѣ вы встрѣтите разныхъ лицъ, владѣющихъ крестьянскими домами и огородами и часто построившихъ свои дома на крестьянскихъ надѣлахъ. Достаточно указать для примѣра, что при желѣзно-дорожныхъ станціяхъ Попельнѣ, Сквирскаго уѣзда, и Казатинѣ, Бердичевскаго уѣзда, на купленныхъ у крестьянъ сторонними лицами полевыхъ надѣлахъ, при содѣйствіи сдѣлокъ волостныхъ правленій, образовались цѣлыя поселенія. Покупщики получаютъ часто тысячные доходы съ этихъ участковъ, а продавцы, раздробившіе свои надѣлы въ большинствѣ за безцѣнокъ, часто нуждаются въ кускѣ хлѣба.

Вышеупомянутая 91 ст. говоритъ, что въ книги сдѣлокъ и договоровъ вносятся всякаго рода акты крестьянъ до 300 руб. и не говоритъ ничего, какого рода могутъ быть эти акты, должны ли они сообразоваться съ

требованіями гражданскихъ законовъ или нѣтъ? Общее выраженіе закона—«всякаго рода» акты, открыло широкую дорогу ко всевозможнымъ незаконнымъ сдѣлкамъ, при помощи которыхъ крестьянскія земли часто закрѣпляются за лицами другихъ сословій или скопляются въ значительномъ количествѣ у отдѣльныхъ разжившихся крестьянъ. Подъ видомъ срочной аренды часто скрывается закрѣпленіе крестьянской земли навсегда: въ договорѣ крестьянинъ обязывается уплатить нанимателю къ окончанію срока аренды стоимость возведенныхъ послѣднимъ построекъ, часто въ 5 — 10 разъ превышающихъ стоимость арендуемой земли, или же значится полученнымъ залогъ, тоже въ нѣсколько разъ превышающій стоимость земли; всѣ эти обязательства стоятъ на тотъ случай, если крестьянинъ не возобновитъ договора на новыхъ 12 лѣтъ и потребуетъ обратно арендуемую землю. Такъ, напр., въ Володарской вол. за 1881 годъ, подъ № 1 записана сдѣлка объ арендѣ крестьяниномъ своей усадьбы на 12 лѣтъ лицу не крестьянскаго сословія съ платежемъ за всѣ годы аренды 150 руб. впередъ и съ обязательствомъ возобновить договоръ на новыхъ 12 лѣтъ, а при невыполненіи сего возвратить залога 300 руб.; въ такомъ же родѣ записана сдѣлка въ Ходорковской волости, того же Сквирскаго уѣзда, за 1886 годъ, № 1, и мн. др. Больше всего практикуются арендные договоры на крестьянскіе надѣлы на продолжительные сроки, свыше 12 и до 100 лѣтъ, съ полученіемъ всѣхъ арендныхъ платежей впередъ за всѣ годы при подписаніи договора. Таковы по Сквирскому уѣзду договоры: Воробьевская вол. 1881 г., № 50—на 85 лѣтъ; Михайловская 1866 г., № 32—на 25 лѣтъ; Чубинецкая 1884 г., № 1—на 20 лѣтъ; Корнинская 1880 г., № 1—на 19 лѣтъ; Новоселецкая 1865 г., № 4—на 20 лѣтъ; та же вол. 1880 г., № 14—на 30 лѣтъ; Володарская 1873 г., № 9 — на 30 лѣтъ, и мн. др. Въ Романовской вол. того же уѣзда; въ книгу сдѣлокъ и договоровъ за 1883 г. отъ 6 мая подъ № 40 записано условіе о сдачѣ въ аренду крестьянкою Е. мѣщанину С. всего своего надѣла, въ количествѣ 7 дес. земли, срокомъ на 30 лѣтъ и съ полученіемъ 300 руб. впередъ арендной платы за всѣ годы, съ обязательствомъ арендатора вносить ежегодно выкупа за ту землю около 25 руб. На выписи этого условія, выданной изъ волости, имѣется такая надпись мироваго посредника: «настоящее условіе лично мною, по просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ, провѣрено прочтеніемъ таковаго и опросомъ ихъ. Въ томъ собственноручнымъ подписомъ и приложеніемъ печати свидѣтельствую, мая 20 дня 1883 года. Мировой посредникъ 2 участка Сквирскаго уѣзда». Подпись неразборчива. Печать мир. посредн. 2 уч. Сквирскаго уѣзда. Тотъ же мѣщанинъ С. еще по сдѣлкѣ 1881 года арендуетъ надѣлъ земли 7 десятинъ у крестьянина того же м. Романовки тоже на 30 лѣтъ съ обязательствомъ для С. лишь вносить выкупные платежи; по истеченіи договора собственникъ обязанъ арендатору возвратить залога 400 руб. или же, взамѣнъ этого, выдать закладную на арендуемую землю на 1,000 рублей.

Значительное большинство актовъ, вносимыхъ въ книги сдѣлокъ и договоровъ, касаются отчужденія земельныхъ надѣловъ черезъ продажу, даръ, выдѣлъ и т. п. Собственно сдѣлокъ по продажѣ всего надѣла, сравнительно, небольшой процентъ; за то въ каждой книгѣ встрѣтите рядъ актовъ по продажѣ въ вѣчность частей надѣловъ вопреки 167 ст. полож. о выкуп., запрещающей раздробленіе надѣловъ. Вотъ для примѣра сдѣлки въ такомъ родѣ по Сквирскому уѣзду, по продажѣ половины усадебнаго надѣла: Рудосельская волость, 1866 г., № 4 и 1874 г., № 16; Воробіевская вол., 1881 г., №№ 53 и 54; Велико-Ергиковская волос., 1878 г., № 9; Пархомовская волость, 1881 г., № 41; Березянская вол., 1880 г., № 21, 1877 г., № 1 и 1874 г., № 6; Михайловская, 1866 г., №№ 1 и 2 и 1867 г., № 1 и проч.; по продажѣ одной третьей части усадьбы и менѣе того: Вологодская вол., 1884 г., № 9; Новофастовская в., 1867 г., № 3 и 1870 г., № 3; Рудосельская в., 1867 г., № 11, и 1874 г., № 17; Воробіевская в., 1877 г., 21 марта, и 1882 г., №№ 30 и 39; Корнинская в., 1867 г., № 21; Самгородецкая в., 1869 г. 22 сентября и 1878 г., № 17; Березянская в., 1872 г., № 1 и 1874 г., № 7; Пархомовская в., 1881 г., № 48 и 1883 г., № 14 и проч.; по продажѣ половины всего надѣла: Володарская вол., 1882 г., № 8; Бабинецкая в., 1874 г. 11 февраля; Пархомовская вол., 1885 г., № 4; Пустоваровская в., 1875 г., № 6, и проч.; по продажѣ одной третьей части всего надѣла: Воробіевская в., 1882 году, № 22 и 1883 г., № 33; Володарская в., 1884 гол., № 10; Борщаговская вол., 1867 г., № 1; Березянская вол., 1875 г., № 8, и проч.; по продажѣ одной четвертной части всего надѣла и менѣе того: Пархомовская вол., 1876 г., №№ 3, 5 и 6 и 1882 г., № 2; Березянская в., 1877 года, № 6; Володарская в., 1881 г., № 7, и проч.; по продажѣ всего надѣла отдѣльно отъ усадьбы и усадьбы отдѣльно отъ надѣла: Пархомовская в., 1873 г., № 1 и 1882 г., № 25; Рудосольская вол., 1868 г., № 3 и 1870 г., № 5; Велико-Ергиновская в., 1875 г., № 10; Воробіевская в., 1865 г., № 48 и проч. По поводу указываемыхъ нами примѣровъ разнаго рода сдѣлокъ считаемъ нужнымъ сдѣлать одно общее замѣчаніе, что нами списывались сдѣлки не по всѣмъ волостямъ, а лишь по нѣкоторымъ и притомъ только незначительная часть таковыхъ для образцовъ, и что такого рода сдѣлки имѣются, какъ въ приводимыхъ нами волостяхъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ въ значительномъ количествѣ.

Хотя при отчужденіи крестьянскаго надѣла, согласно 86 ст. мѣстн. положеній для Юго-Западнаго края и 164 ст. пол. о выкупѣ, обязательно требуется согласіе міра, но значительное большинство продажъ надѣловъ совершается безъ этого согласія въ формѣ приговора. Часто и особенно въ первые года эти сдѣлки пишутся безъ участія свидѣтелей и даже безъ подписи за неграмотныхъ контрагентовъ, или же въ концѣ сдѣлки стоятъ кресты. Помимо того, что подобныя сдѣлки отвергаются общими судебными мѣстами, но даже и волостные суды не признаютъ за ними юри-

дической силы. То же приходится сказать о выдѣлѣ, дарѣ и другихъ сдѣлкахъ, — всѣ онѣ пишутся безъ опредѣленія цѣны, почти всегда превышающей стоимость 300 р. Такъ какъ въ Сквирскомъ уѣздѣ самый малый надѣлъ земли съ постройками превышаетъ стоимость 400 р., то стороны при продажѣ надѣла или части онаго часто скрываютъ надлежащую его цѣну продажи, какъ мы знаемъ отъ самихъ крестьянъ, и пишутъ сдѣлку на 300 руб., а потомъ при отобраніи надѣла продавцемъ, уплаченные сверхъ сказанной цѣны деньги пропадаютъ. Впрочемъ, при отчужденіи всего надѣла прибѣгаютъ еще и къ такой хитрости: вмѣсто одной сдѣлки пишутъ двѣ—три сдѣлки по продажѣ того же надѣла частями между тѣми же лицами, каждая по 300 р., напр.: Верховенская вол. 1885 г., №№ 16 и 17; Романовская 1885 г. и друг.

Не смотря на то, что 1 п. 88 ст. мѣстн. пол. для Юго-Западнаго края воспрещаетъ одному домохозяину владѣть болѣе чѣмъ двумя надѣлами даже и по наслѣдству, въ любой волости Сквирскаго уѣзда встрѣтите домохозяевъ, благодаря сдѣлкамъ, заключеннымъ въ волостныхъ правленіяхъ, владѣющихъ, путемъ покупокъ въ вѣчность и долгосрочныхъ арендъ, тремя, четырьмя и болѣе надѣлами; напримѣръ: крестьянинъ с. Рудого-Села, Володарской в., Д., кромѣ своего надѣла, пріобрѣлъ еще въ вѣчность два надѣла по сдѣлкѣ, заключенной въ бывшей Рудосельской волости 1868 г., № 13 и 1869 г. № 2 и еще имѣетъ надѣлы въ долгосрочной арендѣ,— или крестьянинъ м. Новофастова Л. по сдѣлкѣ въ Новофастовской вол. пріобрѣлъ въ собственность три надѣла, и пр. [5]).

Мы выше упомянули, что сдѣлки по продажѣ надѣловъ совершаются большею частью безъ согласія общества въ формѣ приговора; но даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, въ которыхъ дается сказанное согласіе на продажу, приговоры эти по большей части являются незаконными, какъ разрѣшающіе переуступку частей надѣла: одной трети, четверти и менѣе того. Вотъ нѣсколько такого рода приговоровъ по Сквирскому уѣзду для примѣра: Скочискаго схода, Ходорковской в., 1867 г., № 2; Макаровскаго схода, Бровковской в., 1885 г., № 8; Вчерайшанскаго схода той же волости, 1884 г., №№ 10 и 14; Турбовскаго схода, Лучинской вол., 1882 г., № 8 и 1883 г., № 2; Мохначскаго схода, той же вол., 1884 г., № 4 и проч. Въ книгахъ приговоровъ сельскихъ сходовъ вообще встрѣтите много несообразностей. Хотя въ законѣ не установлено формы приговоровъ, но все же указанъ рядъ условій, обязательныхъ при составленіи приговоровъ (ст. 47—57 общ. полож.), напр., участіе не менѣе половины наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ—и двухъ третей, присутствіе сельскаго старосты и др. Между тѣмъ встрѣтите приговоры безъ указанія количества домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, такъ что нѣтъ возможности судить о правильности приговора; вообще халатность въ составленіи приговоровъ, какъ это выяснялось неоднократно по дѣламъ въ судѣ, доходитъ часто до того, что встрѣчаются запи-

сапными въ приговорѣ, присутствовавшими на сходѣ, лица давно до схода умершія, малолѣтнія и т. п. курьозы. Волостныя правленія въ засвидѣтельствованіяхъ своихъ часто ничего не говорятъ о правильности приговоровъ, а просто пишутъ: этотъ приговоръ составленъ обществомъ крестьянъ такихъ - то, въ томъ свидѣтельствуемъ. Въ существѣ своемъ приговоры пишутся такъ не толково, что трудно часто бываетъ уяснить себѣ цѣль ихъ составленія. Достаточно сказать, что въ теченіе тринадцати лѣтъ намъ приходилось видѣть болѣе сотни приговоровъ обществъ крестьянъ, выдаваемыхъ уполномоченнымъ изъ разныхъ селъ Кіевской губерніи на веденіе общественныхъ дѣлъ; но безъ преувеличенія можемъ замѣтить, что весьма немногіе изъ нихъ оказывались годными: то не соблюдены формальныя требованія въ составленіи и засвидѣтельствованіи, то нѣтъ необходимыхъ по свойству дѣла уполномочій, то нѣтъ права передовѣрія и т. п., такъ что уполномоченные по нѣсколько разъ ѣздятъ, иногда за сотни верстъ, въ Кіевъ и обратно, пока, согласно указаніямъ повѣреннаго или нотаріуса, волостныя правленія не составятъ и не засвидѣтельствуютъ надлежащій приговоръ.

Общественные приговоры о назначеніи и объ учетѣ опекуновъ въ Сквирскомъ уѣздѣ начали появляться лишь въ послѣдніе годы. Волостные суды сплошь и рядомъ выступаютъ на защиту малолѣтнихъ: то въ рѣшеніяхъ своихъ они сами назначаютъ опекуновъ къ имуществу малолѣтнихъ (Бровковскій вол. суд., 1875 г., № 7; Яроповецкій вол. суд., 1878 г., № 49; Макаровскій вол. суд., 1875 г., № 1 и 1879 г., № 10; Самгородецкій вол. суд., 1872 г., № 7; Березянскій вол. суд., 1880 г., № 18; Михайловскій вол. суд., 1865 г., № 5; Антоновскій вол. суд., 1878 г., № 5; Топоровскій вол. суд., 1881 г., № 26; Потапецкій, Каневскаго уѣзда, вол. суд., 1876 г., № 11 и друг.), то рѣшеніями своими обязываютъ сельскаго старосту такого-то общества, не медля, созвать сельскій сходъ для назначенія опекуна (Новофастовскій вол. суд., 1871 г., № 32; Бровковскій в. суд., 1884 г., № 206; Пархомовскій вол. суд., 1882 г., № 3 и 1883 г., №№ 14 и 110; Воробіевскій волостн. суд., 1884 г., № 54; Корнинскій волостн. суд., 1884 г., № 3.; Ходорковскій волостн. суд., 1883 г., № 25; Борщаговскій волостн. суд., 1881 г., № 120; Чубинецкій волостн. суд., 1884 г., № 115 и друг.).

Ст. 51 п. 5 общ. полож. передаетъ въ вѣдѣніе сельскаго схода семейные раздѣлы у крестьянъ, но это требованіе закона въ Сквирскомъ уѣздѣ вовсе не соблюдается; мы за всѣ годы не встрѣтили ни разу ни въ волостныхъ книгахъ, ни въ частныхъ рукахъ о семъ предметѣ ни одного общественнаго приговора: во всѣхъ волостяхъ вопросы по семейнымъ раздѣламъ, даже при отсутствіи споровъ, рѣшаются волостными судами, и лишь въ одномъ рѣшеніи (Бабинецкій в. суд., 1886 г., № 18) судъ призналъ дѣло по семейному раздѣлу себѣ неподсуднымъ и передалъ его на разсмотрѣніе сельскаго схода. Въ кассаціонной практикѣ

Сквирско-Таращанскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ мы тоже не встрѣчали случая, чтобы когда нибудь возбуждался сказанный вопросъ.

Переходя къ разсмотрѣнію духовныхъ завѣщаній крестьянъ, вносимыхъ въ книги сдѣлокъ и договоровъ, согласно 1 примѣч. 91 ст. общ. пол., мы считаемъ необходимымъ для уясненія вопроса сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Въ первые годы по освобожденіи, вслѣдствіе тяжелаго для того времени выкупа, малой доходности земли и трудности заработковъ, крестьяне надѣленной имъ землей тяготились; крестьянскія общества охотно отказывались отъ своихъ правъ на инвентарныя земли и даже, бывали случаи, передъ повѣрочными коммиссіями умышленно скрывали свои права на инвентарныя земли; точно также и отдѣльные домохозяева за безцѣнокъ продавали свои надѣлы [6]). Изъ сдѣлокъ за первые годы по освобожденіи видно, что земля почти ни во что не ставилась, а цѣнились только постройки; въ сдѣлкахъ этихъ значится, что продавецъ получилъ съ покупщика 10 — 30 руб. за постройки, но съ тѣмъ условіемъ, что послѣдній принимаетъ въ собственность весь надѣлъ земельный продавца съ обязательствомъ уплачивать за него выкупъ и отбывать всѣ повинности. Въ такомъ родѣ вы встрѣтите сдѣлки во всѣхъ волостяхъ Сквирскаго уѣзда съ 1861 г. почти по 1868 г.; особенно много ихъ находится въ книгахъ волостей Рудосельской, Рогозянской, Новоселецкой, Верховенской и друг. При такомъ отношеніи крестьянъ къ своей землѣ, конечно, не могло быть рѣчи о составленіи завѣщаній о томъ имуществѣ, которое ни во что не цѣнилось. Лишь впервые съ 1869 года и то изрѣдка встрѣчаются духовныя завѣщанія крестьянъ о надѣльной землѣ и постепенно начинаютъ появляться все чаще и чаще и съ 1880 года уже обязательно имѣются таковыя въ каждой книгѣ сдѣлокъ и договоровъ. Уменьшеніе выкупныхъ платежей и поднявшаяся доходность земли много способствовали тому, что крестьяне перестали индиферентно относиться къ судьбѣ своего имущества послѣ своей смерти. Этому еще много содѣйствовала и содѣйствуетъ дѣятельность кассаціонной инстанціи надъ волостными судами, рѣшенія которой часто идутъ въ разрѣзъ съ народными юридическими обычаями и воззрѣніями и заставляютъ волостныхъ судей постановлять рѣшенія несогласныя съ тѣми, какихъ требуютъ обычаи. Если еще примемъ во вниманіе, что дѣла, неподсудныя волостнымъ судамъ, рѣшаются общими судебными мѣстами и мировыми учрежденіями, тоже часто несогласно съ народными обычаями, — то и получимъ совокупность тѣхъ причинъ, которыя содѣйствуютъ развитію крестьянскихъ духовныхъ завѣщаній. Въ послѣдніе годы въ книгахъ сдѣлокъ и договоровъ въ Сквирскомъ уѣздѣ является ежегодно болѣе сотни крестьянскихъ духовныхъ завѣщаній о надѣльной землѣ и не менѣе полусотни таковыхъ ежегодно совершается нотаріальнымъ порядкомъ. Относительно количества завѣщаній, совершаемыхъ въ волостныхъ правленіяхъ безъ вписанія въ книги съ неграмотными свидѣтелями и съ засвидѣтельствованіемъ лишь подписей завѣщателей, мы

положительной цифры указать не можемъ, но судя по тому, что таковыя случаются довольно часто, можно полагать, что ихъ совершается не менѣе одной сотни въ годъ.

Собственно объ одномъ движимомъ имуществѣ мы не встрѣчали ни одного крестьянскаго завѣщанія: движимость прямо распредѣляется на словахъ между наслѣдниками, а всѣ завѣщанія касаются недвижимаго имущества и крайне рѣдко вмѣстѣ и движимаго. Такъ какъ въ этой мѣстности самая незначительная усадьба съ постройками далеко стоитъ болѣе ста руб., не говоря уже о полевой и сѣнокосной землѣ, то, держась закона, нельзя было бы совершить ни одного крестьянскаго духовнаго завѣщанія посредствомъ вписанія такового въ книгу сдѣлокъ и договоровъ; но въ каждой изъ этихъ книгъ, особенно за послѣднее десятилѣтіе найдете рядъ крестьянскихъ духовныхъ завѣщаній о земельныхъ надѣлахъ, вписанныхъ безъ опредѣленія цѣны завѣщанному имуществу, всегда далеко превышающему стоимость ста руб. Очевидная вещь, что такъ какъ законъ не предоставилъ права вносить въ книги сдѣлокъ и договоровъ завѣщаній безъ опредѣленія цѣны отказываемому по нимъ имуществу, и такъ какъ стоимость послѣдняго всегда превышаетъ сто руб., то всѣ эти завѣщанія являются недѣйствительными и не могутъ имѣть силы судебнаго доказательства; за всегдашнимъ отсутствіемъ на нихъ грамотныхъ свидѣтелей, они не могутъ быть утверждены къ исполненію судомъ, какъ бы домашнія. Извлекая матеріалы по обычному праву, мы не списывали всѣхъ крестьянскихъ завѣщаній, внесенныхъ въ книги сдѣлокъ и договоровъ, а лишь тѣ, которыя представляли, по нашему взгляду, извѣстный юридическій интересъ. Насколько сильно распространены въ этихъ книгахъ завѣщанія крестьянъ о надѣлахъ безъ опредѣленія цѣны завѣщанному имуществу и съ участіемъ неграмотныхъ свидѣтелей, для примѣра приводимъ рядъ таковыхъ, изъ числа списанныхъ нами, по одному лишь Сквирскому уѣзду: Антоновская вол., 1883 г., №№ 7 и 22; 1884 г., №№ 16 и 31; 1885 г., №№ 13 и 17; 1886 г., №№ 1, 7, 9, 12 и 13; 1887 г., №№ 1 и 2; и 1888 г., №№ 1, 5 и 6. Бабинецкая вол., 1872 г. 10 мая, 1883 г., № 13; 1884 г., №№ 14 и 24; 1885 г., №№ 6, 17 и 30; 1886 г. 18 января, 16 и 21 апрѣля, 30 іюня, 20 октября и 2 декабря; 1887 г. 18 января, 17 апрѣля, 11 и 15 іюня, 21 октября, 14 ноября и 5 декабря; 1888 г. 10 мая, 2 и 11 октября; и 1889 г. 7 и 26 февраля, 20 апрѣля, 8 и 10 мая и 19 сентября. Бровковская вол., 1884 г., № 52 и 1886 г., № 17. Березянская вол., 1875 г., № 22; 1876 г., №№ 10, 11 и 12; 1877 г., №№ 4 и 18; 1879 г., №№ 30, 34, 37, 40 и 41; и 1880 г., № 9. Воробіевская вол., 1878 г., №№ 1, 2, 8 и 12; 1882 г., №№ 24 и 28; 1883 г., №№ 11 и 37; 1884 г. 7 февраля и 1886 г. 20 августа и 27 октября. Володарская вол., 1870 г., № 1; 1874 г., № 4; 1875 г. №, 12; 1877 г., № 13, 1882 г., № 10; 1883 г., №№ 2 и 5; 1884 г., №№ 3, 4, 5 и 6; и 1886 г., № 3. Верховенская вол., 1880 г., № 1; 1881 г.,

13; и 1886 г., 26 апрѣля. Вчерайшанская вол., 1877 г., № 1. Велико-Ерчиковская вол., 1876 г., № 1. Корпинская вол., 1873 г., № 11, 1880 г., № 3; 1882 г., № 23; 1883 г., № 31; 1887 г., № 5; и 1888 г., № 5. Лучинская вол., 1881 г., № 23. Морозовская вол., 1877 г., №№ 5 и 7; и 1878 г., № 1. Новофастовская вол., 1876 г., №№ 3 и 4; 1878 г. № 1; 1879 г., 7 и 28 февраля и 1880 г., № 16. Пархомовская вол., 1871 г., №№ 3 и 5; 1875 г., № 6; 1877 г., № 5; 1881 г., №№ 5, 12 и 40; 1882 г., № 23; 1883 г., № 2; 1884 г., № 7, и 1885 г., №№ 1; 3, 6 и 11. Пустоваровская вол., 1874 г., № 16; Паволочская вол., 1876 г., № 9. Рудосельская вол., 1872 г., № 5; 1879 г., № 13 и 1880 г., № 1. Ружинская вол., 1880 г., 28 марта. Топоровская вол., 1869 г., № 1. Ходорковская вол., 1876 г., № 58; 1877 г., № 39; 1879 г., № 74; 1880 г., № 10; 1881 г., №№ 10 и 13; 1884 г. № 7 и 1886 г., №№ 3 и 5. Чубинецкая вол., 1882 г., № 5; 1883 г., № 5; 1885 г., №№ 2, 5, 9 и 11; и 1886 г., №№ 4, 8, 10 и 11; и Яроповецкая вол., 1870 г., № 12.

Помимо указанаго выше дефекта, дѣлающаго всѣ эти завѣщанія недѣйствительными, они еще страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ, лишающимъ ихъ также юридической силы, — это отсутствіемъ при совершеніи ихъ членовъ волостныхъ правленій. Обыкновенно послѣднихъ замѣняютъ волостной старшина и писарь, хотя писарь и не состоитъ членомъ волостнаго правленія. По закону духовныя завѣщанія крестьянъ, внесенныя въ волостную книгу сдѣлокъ и договоровъ и, безъ утвержденія ихъ по смерти завѣщателя судомъ къ исполненію, имѣютъ силу судебнаго доказательства. Предоставляя волостнымъ духовнымъ завѣщаніямъ такое важное преимущество передъ домашними и нотаріальными завѣщаніями, законодатель совершеніе ихъ обусловилъ соблюденіемъ особой важной формальности, присутствіемъ, при внесеніи ихъ въ книгу, членовъ волостнаго правленія съ ихъ росписками объ этомъ подъ актомъ въ книгѣ и при неграмотности приложеніемъ ими своихъ должностныхъ печатей. Выраженіе закона «въ присутствіи членовъ волостнаго правленія» — указываетъ прежде всего на множественное число, — но всѣхъ ли членовъ даннаго волостнаго правленія, нѣсколькихъ или большинства, законъ не договариваетъ и не указываетъ нигдѣ, въ количествѣ сколькихъ членовъ волостнаго правленія составъ считается законнымъ; а потому по аналогіи съ составами сельскихъ сходовъ слѣдуетъ полагать, что половина членовъ даннаго волостнаго правленія должна присутствовать при внесеніи въ сказанную книгу крестьянскихъ духовныхъ завѣщаній. Если взять составъ членовъ волостныхъ правленій въ Сквирскомъ уѣздѣ, согласно 87 ст. общ. полож., по количеству обществъ, входящихъ въ волость и числу сборщиковъ податей, то получится число членовъ волостныхъ правленій въ любой волости отъ 15—20 человѣкъ; между тѣмъ, смѣю увѣрить, что въ волостяхъ сказаннаго уѣзда вы не найдете ни одного такого духовнаго завѣщанія, при составленіи котораго имѣлись бы въ книгѣ

росписки хотя четвертой части меньшаго состава членовъ волостнаго правленія.

Для опредѣленія цѣнности въ Сквирскомъ уѣздѣ крестьянскихъ надѣловъ имѣются слѣдующія данныя. Намъ извѣстно, что по этому уѣзду въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ совершено было около 160 духовныхъ завѣщаній нотаріальнымъ порядкомъ, и изъ нихъ въ 36 случаяхъ завѣщатели опредѣлили цѣну завѣщанному имуществу: низшая цѣна показана 400 рублей и высшая въ 2,600 руб., а средняя цѣна равняется 1,108 руб. Въ книгахъ сдѣлокъ и договоровъ мы не нашли ни одного духовнаго завѣщанія съ опредѣленіемъ цѣны завѣщанному имуществу въ сто руб. и ниже: во всѣхъ волостяхъ, какъ мы замѣтили раньше,— таковыя пишутся безъ опредѣленія цѣны имуществу, за исключеніемъ Топоровской волости, въ которой въ книгахъ имѣется нѣсколько завѣщаній съ опредѣленіемъ цѣны далеко выше ста рублей.

Намъ приходилось часто встрѣчать волостныя духовныя завѣщанія съ вышеуказанными недостатками и по другимъ уѣздамъ Кіевской губ., но мы копій таковыхъ не списывали, а для примѣра можемъ указать завѣщаніе крестьянина Б. с. Павловки, Бердичевскаго уѣзда, записанное въ книгу сдѣлокъ и договоровъ Дзюньковской волости, того уѣзда, за 1890 годъ, подъ № 3 о 7 дес. земли съ постройками, при составленіи котораго не значатся вовсе участвовавшими члены волостнаго правленія.

Извлекая матеріалы изъ волостныхъ книгъ спеціально по обычному праву, мы вовсе не задавались мыслью разсматривать вопросъ о нотаріальной дѣятельности волостныхъ правленій: онъ самъ собой напросился прежде другихъ при разборкѣ и систематизаціи извлеченныхъ нами матеріаловъ. Хотя собранныя нами данныя относятся преимущественно къ Сквирскому уѣзду, но то же самое можно встрѣтить и въ другихъ уѣздахъ Кіевской губ. Смѣемъ выразить увѣренность, что всякій судебный дѣятель въ Кіевской губерніи многократно сталкивался съ изложенными нами фактами.

II.

Говоря о нотаріальной дѣятельности волостныхъ правленій, состоящихъ почти всегда изъ людей совершенно неграмотныхъ во всемъ своемъ составѣ или же изъ лицъ малограмотныхъ, не нужно забывать, что во главѣ стоитъ законникъ и вершитель всѣхъ нотаріальныхъ дѣлъ — волостной писарь, творящій всѣ эти беззаконія за спиной волостныхъ правленій: волостныя правленія, насколько мы къ нимъ присмотрѣлись, это фикція, ширма писарскихъ продѣлокъ. Писаря волостные въ началѣ открытія волостей и писаря современные — это не одно и то же. Первоначальный писарь, человѣкъ скромный, даже приниженный, малограмотный, робкій, очень малопонимающій въ дѣ-

лопроизводствѣ и близко стоящій по развитію своему, по потребностямъ и по юридическимъ своимъ понятіямъ къ народу, въ большинствѣ отставной унтеръ-офицеръ, мѣщанинъ и изрѣдка фельдфебель. Онъ получаетъ отъ волости содержанія до 100 рублей и рѣдко до 150 руб. въ годъ и часто на эти деньги долженъ имѣть еще книги и канцелярскія принадлежности, а то и 50 руб. въ годъ и немного хлѣба на прокормленіе (Самгородецкая вол. 1863 года 14 августа, 1864 года марта, 1865 года 9 іюля, 1866 года 10 октября, 1868 года 7 апрѣля, 1869 года 8 октября, Пархомовская 1861 года 27 октября, Новоселецкая 1861 года, № 1, 1864 года, № 8, 1865 года, № 23 и др. волости). Рѣшенія и сдѣлки, написанныя имъ, дышатъ безхитростностью и близостью къ народнымъ понятіямъ: онъ наивно записываетъ въ волостныя книги сдѣлокъ и договоровъ часто курьозныя вещи, въ родѣ договора о наймѣ волостнымъ правленіемъ на годъ оспопрививателя и «кровопусцателя», съ обязательствомъ ѣздить по волости и «пущать кровь крестьянамъ по мѣрѣ нужды на четыре села», а волостное правленіе само обязывается «ловить для него піявки и собирать по его (вольнаго хорурга или цирулика) указанію въ лѣсу нужныя цѣлебныя травы» (Корнинская вол. 1868 г., № 3, Новоселецкая волость 1862 г., №№ 2 и 7, 1863 г. 1 мая, 1864 г., № 5 и др.). Этотъ писарь, если и путался въ сдѣлкахъ и писалъ иногда несообразныя вещи, то больше по простотѣ сердечной и непониманію дѣла, чѣмъ по злоумышленію, ибо онъ, какъ говорится въ одномъ писарскомъ договорѣ, долженъ исполнять свои обязанности «беззазрѣнія»... Не то современный писарь; онъ свысока смотритъ на своего прародителя. Когда вы явитесь въ волость и попросите у него волостныя книги за первые годы, онъ укажетъ вамъ непремѣнно съ насмѣшкой на рядъ курьозныхъ рѣшеній, въ родѣ того, что присудили къ 40 ударамъ розогъ или высѣкли мѣщанина и т. п., и замѣтитъ, что прежде писаря ничего не понимали, все равно, что и мужики: пили съ ними водку и пр. Это уже не тотъ приниженный труженикъ, работающій за гроши, это уже культурный человѣкъ, получающій жалованья отъ 400 и до 600 руб. въ годъ и имѣющій при себѣ на жалованьи отъ волости помощника, а иногда и двухъ; ему полагается приличная квартира о двухъ — трехъ комнатахъ съ кухней, онъ пользуется даровымъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и почти вездѣ и огородомъ; канцелярскихъ расходовъ онъ на себя не беретъ, и почта волостная для разъѣздовъ всегда къ услугамъ не только его самого, но и его семейства. Теперь вы увидите волостныхъ писарей, воспитывающихъ своихъ дѣтей въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. За всѣмъ тѣмъ, современный писарь всетаки есть несомнѣнное чадо своихъ предшественниковъ; отъ послѣднихъ онъ очень хорошо усвоилъ одно правило: пиши въ волостныя книги какія угодно сдѣлки, свидѣтельствуй все, что попадетъ подъ руку; въ волостныя книги никто не заглядываетъ, все сойдетъ!... Онъ въ большинствѣ отлично сознаетъ всю неза-

конность завѣщаній, даже по указаніямъ кассаціонной инстанціи самъ обстоятельно мотивируетъ ихъ недѣйствительность, и въ то же время продолжаетъ составлять и вписывать въ книги сдѣлокъ и договоровъ такія же завѣщанія!... Кассаціонная инстанція уже, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятнадцать изъ года въ годъ разъясняетъ волостнымъ судамъ, что раздробленіе крестьянскаго надѣла закономъ не дозволяется и что сдѣлки по раздробленію надѣловъ недѣйствительны, и каждый писарь хорошо усвоилъ себѣ законоположенія, относящіяся къ сему вопросу, приводя таковыя въ составляемыхъ имъ рѣшеніяхъ волостнаго суда, но въ то же время свободно продолжаетъ вносить сдѣлки между крестьянами по раздробленію надѣловъ и свидѣтельствовать правильность приговоровъ сельскихъ сходовъ, дозволяющихъ это раздробленіе при продажѣ. Мы рѣшительно отказываемся эти дѣйствія новаго типа писарей назвать наивностью и непониманіемъ того, что творятъ. Конечно, есть еще и теперь писаря мало понимающіе, но добросовѣстные, идущіе старой рутинной дорожкой, но этого нельзя сказать о громадномъ большинствѣ. Представимъ себѣ, что если бы нотаріусовъ назначали, не требуя отъ нихъ знанія законовъ, относящихся къ ихъ обязанностямъ, если бы ихъ освободили отъ контроля и отвѣтственности личной и имущественной за совершеніе противозаконныхъ актовъ, — то навѣрное нашлось бы не мало такихъ нотаріальныхъ конторъ, которыхъ бы акты и сдѣлки напоминали бы собой совершаемыя нынѣ въ волостныхъ правленіяхъ. За нотаріусомъ слѣдятъ судебная и административная власти, его за совершеніе незаконнаго акта или засвидѣтельствованія привлекаютъ къ дисциплинарной и судебной отвѣтственности и даже за неумышленное упущеніе писца его конторы нотаріусъ, если стороной понесены отъ этого убытки, отвѣчаетъ своимъ залогомъ и всѣмъ своимъ имуществомъ. Отъ волостного писаря познаній никакихъ не требуется, и отвѣтственность онъ несетъ лишь одну общегражданскую за подлогъ (ст. 92 общ. полож.), и если уже болѣе обыкновеннаго злоупотребляетъ своимъ дѣломъ, то рискуетъ лишь однимъ—быть уволеннымъ отъ должности. Но это не имѣетъ для него большаго значенія, такъ какъ для него не полагается формуляра о службѣ, въ которомъ бы отмѣчалось, гдѣ онъ служилъ, и за что уволенъ отъ службы, а потому онъ свободно и скоро добываетъ себѣ снова такое же писарское мѣсто въ волости. Мы знаемъ нѣсколько такихъ субъектовъ, которые увольняемы были, вѣроятно за добрыя дѣла, отъ писарскихъ должностей и потомъ скоро находили себѣ опять такія писарскія мѣста въ томъ же самомъ или сосѣднихъ уѣздахъ.

А сколько этихъ писарскихъ актовъ уничтожается судами, сколько народа черезъ это раззоряется, сколько казна несетъ потерь по несоблюденію гербоваго сбора?! Надъ вопросами этими слѣдуетъ призадуматься!... Обыкновенно принято, смотря на писарскія сдѣлки, говорить: да развѣ можно большаго требовать отъ волостного писаря?!... Со всѣмъ этимъ за трид-

цать лѣтъ существованія волостей мы такъ свыклись и сжились, что, кажется, иначе и быть не можетъ. Намъ кажется, что такъ къ этому вопросу относиться нельзя. У насъ рядомъ идетъ двойная нотаріальная дѣятельность: съ одной стороны, нотаріусы свидѣтельствуютъ и совершаютъ акты съ соблюденіемъ законныхъ требованій, и съ другой стороны, рядомъ съ ними, волостными писарями, также отъ лицъ всѣхъ сословій, совершаются и свидѣтельствуются всякаго рода акты и въ неменьшемъ количествѣ, не только безъ соблюденія законныхъ требованій и гербоваго сбора, но даже часто явно противозаконные. Тридцатилѣтній опытъ достаточно, кажется, доказалъ всю несостоятельность нотаріальной дѣятельности волостныхъ правленій. Благая мысль законодателя — облегчить крестьянамъ совершеніе всякаго рода актовъ до 300 руб. и духовныхъ завѣщаній до 100 руб., при осуществленіи ея волостными правленіями, не нашла въ дѣйствительности надлежащихъ исполнителей; вмѣсто желаемой и ожидаемой пользы получился только вредъ: за кажущуюся дешевизну крестьянамъ приходится очень дорого расплачиваться! Конечно, трудно найти волостныхъ писарей такихъ, которые бы имѣли необходимыя познанія въ гражданскихъ и другихъ законахъ, относящихся къ совершенію всѣхъ сдѣлокъ и договоровъ какъ крестьянъ между собою, такъ и со сторонними лицами (сумма до 300 руб. въ данномъ случаѣ безразлична); но за то гораздо лучше будетъ освободить волостныя правленія совершенно какъ отъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ, такъ и отъ обязанностей, присвоенныхъ себѣ писарями сверхъ закона. Передача нотаріальныхъ обязанностей волостныхъ правленій въ вѣдѣніе нотаріусовъ будетъ не только полезна для казны, но и благодѣяніемъ для крестьянъ. Изъ книгъ сдѣлокъ и договоровъ видно, что маловажныя сдѣлки крестьяне какъ между собою, такъ и со сторонними лицами, не свидѣтельствуютъ и не вносятъ въ волостныя книги; даже займы не только на малыя суммы, но и до ста рублей, какъ мы убѣдились изъ массы рѣшеній волостныхъ судовъ, совершаются, за очень рѣдкими исключеніями, словесно. При этомъ еще можно крестьянскія сдѣлки до извѣстной суммы освободить отъ гербоваго и городскаго сбора. Очень полезно было бы за нотаріальными завѣщаніями крестьянъ сохранить ту силу, которой пользуются, согласно 1 прим. 91 ст. общ. полож., волостныя завѣщанія, т. е. чтобы они также имѣли силу судебнаго доказательства безъ особаго утвержденія ихъ судомъ. Расходы по ходатайству объ утвержденіи къ исполненію духовныхъ завѣщаній въ окружномъ судѣ для крестьянъ очень обременительны: поѣздки въ мѣсто нахожденія окружнаго суда, писаніе прошеній и заявленій или наемъ для сего повѣреннаго, марки, актовыя, публикаціонныя и канцелярскія пошлины— все это въ совокупности для крестьянина обходится до 20 руб., а иногда и болѣе того. Обременительность подобнаго расхода служитъ причиной того, что нерѣдко встрѣчаются духовныя завѣщанія крестьянъ, совершенныя у нотаріусовъ, не представлявшіяся въ годичный срокъ отъ смерти завѣщателя

въ судъ для утвержденія къ исполненію и, какъ объясняли крестьяне, это случается за недостаткомъ средствъ на хлопоты. Точно также при передачѣ въ вѣдѣніе нотаріусовъ всѣхъ крѣпостныхъ актовъ крестьянъ о недвижимомъ имуществѣ, по дару, выдѣлу и др., слѣдовало бы освободить ихъ отъ гербоваго сбора, крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ, и если бы съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей нельзя было закончить совершеніе ихъ у нотаріусовъ, то во всякомъ случаѣ возможно примѣнить къ нимъ порядокъ, уже выработанный для данныхъ, совершенныхъ на выкупную землю; допустивъ сношенія нотаріусовъ со старшимъ нотаріусомъ почтой по утвержденію акта, въ виду полной несложности и однообразія актовъ о крестьянскихъ надѣлахъ, нельзя отъ этого ожидать особыхъ затрудненій. Можно, наконецъ, уменьшить нотаріусамъ таксу за совершеніе крестьянскихъ актовъ, и это имъ не причинило бы обиды, такъ какъ нотаріусы выиграли бы значительнымъ увеличеніемъ количества совершаемыхъ ими сдѣлокъ.

Что касается остальныхъ обязанностей волостныхъ правленій, т. е. по постановленію и засвидѣтельствованію разнаго рода приговоровъ, то они уже не настолько сложны, и отъ волостныхъ писарей можно потребовать знанія законовъ и формъ, относящихся къ ихъ службѣ, а равно и пониманія дѣлопроизводства по волостному суду. Знаніе это должно повѣряться кассаціонной инстанціей надъ волостными судами, и только получившимъ свидѣтельство на названіе волостного писаря, слѣдовало бы раздавать мѣста по волостямъ. Слѣдовало бы также, чтобы отъ опредѣляемыхъ на службу писарей отбирались ихъ документы и велись формуляры имъ о службѣ, дабы писарь, лишенный своего званія даннымъ учрежденіемъ, не могъ при другомъ получить новое свидѣтельство и мѣсто. Содержаніе волостные писаря получаютъ, если взять его въ совокупности, — какъ мы выше видѣли, — настолько приличное, что можно требовать отъ нихъ и знанія своихъ обязанностей и добросовѣстнаго ихъ выполненія. Поэтому, помимо увольненія отъ службы и отвѣтственности за подлогъ, полезно было бы распространить на волостныхъ писарей дисциплинарную и уголовную отвѣтственность за упущенія и злоупотребленія по службѣ. Иначе, какъ незнаніемъ своихъ правъ и обязанностей и въ большинствѣ случаевъ безнаказанностью за злоупотребленія по службѣ, не объясните себѣ происхожденія приведенныхъ нами выше всякаго рода противозаконныхъ сдѣлокъ и засвидѣтельствованій, совершаемыхъ волостными писарями. Намъ приходилось неоднократно заводить разговоръ съ волостными писарями о законахъ, касающихся нотаріальныхъ обязанностей волостныхъ правленій, и они въ большинствѣ очень бойко на память цитировали намъ рядъ этихъ статей, а когда мы прочли волостныя книги, писанныя ими же, то поражались ихъ недобросовѣстностью,—иначе мы не можемъ выразиться о поступкахъ людей, знающихъ законы и не соблюдающихъ ихъ часто изъ своекорыстныхъ видовъ. Неоднократно приходилось слышать отъ кресть-

янъ, что совершеніе сдѣлокъ въ волости часто обходится дороже, чѣмъ у нотаріусовъ.

Статистики сдѣлкамъ мы не вели, но можемъ съ увѣренностью сказать, что въ книги сдѣлокъ и договоровъ волостныхъ правленій, по крайней мѣрѣ, по Сквирскому уѣзду, за всѣ годы гораздо больше внесено актовъ незаконныхъ, чѣмъ законныхъ, а о засвидѣтельствованіяхъ по исходящему реэстру и безъ онаго и говорить нечего. Въ виду изложеннаго, намъ кажется, что если бы съѣзды мировыхъ посредниковъ издали отъ себя наказы волостнымъ правленіямъ съ точнымъ опредѣленіемъ круга ихъ правъ и обязанностей, и отъ поры до времени черезъ своихъ членовъ ревизовали волостныя книги, то это всетаки нѣсколько облегчило бы злополучныхъ кліентовъ волостныхъ писарей.

П. Дашкевичъ.

---

[1]) Журналъ гражданск. и уголовн. права. 1887 г., кн. 4. А. Гольмстенъ. Двадцатилѣтняя практика Каменецкаго (Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи) волостнаго суда, по вопросамъ гражданскаго права.

[2]) Газета „День“ 1889 года, № 511. А. Гольмстенъ. По вопросу о собираніи и изслѣдованіи юридическихъ обычаевъ.

[3]) Нами по Сквирскому уѣзду, Кіевской губ., перечитаны всѣ рѣшенія волостныхъ судовъ за время съ 1861—1866 года, а по нѣкоторымъ волостямъ и по 1890 годъ, и болѣе 600 книгъ сдѣлокъ и договоровъ и около 300 книгъ приговоровъ сельскихъ сходовъ.

[4]) „Юридическій Вѣстникъ“ 1887 г., кн. 4. Гражданскій обычай — пріймачество у крестьянъ Кіевской губ.

[5]) Изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что волостныя правленія въ настоящее время продолжаютъ вносить въ книги сдѣлокъ и договоровъ купчія по продажѣ крестьянами надѣловъ между собою и по пріобрѣтенію ими земли отъ лицъ другихъ сословій. Между тѣмъ, намъ кажется, что, въ виду Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 26 мая 1881 года (Собран. Узаконен. 1883 года, № 33, ст. 191), волостныяправленія вовсе не вправѣ совершать такихъ купчихъ и вотъ почему. Сказаннымъ закономъ ограничивается смыслъ 91 ст. Общ. Полож. о правѣ волостн. правленій совершать внесеніемъ въ книгу сдѣлокъ и договоровъ всякаго рода актовъ до 300 рублей, какъ между собою, такъ и съ лицами другихъ сословій, и именно, — ограничивается въ томъ смыслѣ, что отъ внесенія въ ту книгу изъемлются купчія на недвижимое имущество, а 2 примѣч. къ сказанному закону говоритъ лишь что „сдѣлки о переходѣ къ крестьянамъ недвижимаго имущества, стоимостью не свыше 300 руб., совершенныя до изданія настоящаго узаконенія, не общимъ крѣпостнымъ, а тѣмъ порядкомъ, какой опредѣленъ въ 91 ст. Общ. Полож., похраняютъ свою силу, если только при этомъ были соблюдены всѣ другія, установленныя для перехода таковыхъ имуществъ, правила“. Хотя, по разъясненію правительствующаго сената (Сбор. Узак. 1883 г. № 13, ст. 125), сриведеніе на практикѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго

совѣта можетъ послѣдовать не раньше изданія особой инструкціи и соотвѣтствующихъ правилъ, предусмотрѣнныхъ тѣмъ мнѣніемъ, но все же, намъ кажется, сказанное ограниченіе объема 91 ст. Общ. Полож. тѣмъ не отмѣняется и на будущее время. Напротивъ, изъ того, что узаконяются лишь купчія, совершенныя правильно внесеніемъ въ книги сдѣлокъ и договоровъ до изданія сказаннаго закона, слѣдуетъ ясно, что таковыя на будущее время тѣмъ же порядкомъ совершаемы быть не могутъ. Такимъ образомъ 91 ст. Общаго Положенія, въ части совершенія крестьянскихъ купчихъ, отмѣнена, и новый, замѣнившій ее, законъ цока пріостановленъ, а потому, намъ кажется, что съ момента изданія этого закона (т. е. 1883 года) для совершенія крестьянскихъ купчихъ крѣпостей остается независимо отъ суммы одинъ общій нотаріальный порядокъ и что всѣ купчія на земли, внесенныя въ книги сдѣлокъ и договоровъ волостныхъ правленій, по опубликованіи сказаннаго закона, лишены юридической силы.

6) Для характеристики отношеній крестьянъ по освобожденіи къ надѣленной имъ землѣ приведемъ изъ ряда рѣшеній волостныхъ судовъ одно очень рельефно рисующее эти отношенія. „№ 36. 1881 года іюня 12 дня. Лучинскій вол. суд. (Сквирск. уѣзда) въ засѣданіи своемъ сего числа, въ составѣ пяти судей, слушали: резолюцію Сквирско-Таращанскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ, изложенную въ засѣданіи съѣзда бывшемъ 24 марта сего года по апелляціонной жалобѣ крестьянина с. Лучина Петра Николайчука на рѣшеніе Лучинскаго вол. суда, состоявшееся 26 марта 1879 года по дѣлу просителя съ односельцемъ Семеномъ Бигичемъ за полевой надѣлъ; при обсужденіи этого дѣла съѣздомъ возбужденъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли въ виду волостной судъ, при разборкѣ иска Николайчука, 86 ст. Мѣстн. полож. Почему волости. судъ, вслѣдствіе просьбы обоихъ сторонъ о вторичномъ разборѣ этого дѣла, пригласилъ тяжущихся и свидѣтелей по ихъ указанію, подробно разбиралъ дѣло, и отвѣтчикъ Семенъ Бигичъ показалъ, что когда составлена была уставная грамота и по ней за назначенный отцу истца Авксентія Николайчука полевой надѣлъ потребовали выкупа за одинъ годъ съ третью по 15 руб. 50 коп., то Авксентій при полномъ сходѣ въ домѣ волостнаго правленія заявилъ, что онъ не въ состояніи уплачивать выкупа, и просилъ общество отдать назначенную ему землю кому угодно; вслѣдствіе чего были вызываемы изъ общества желающіе взять землю, но когда изъ числа приглашенныхъ лучинскихъ домохозяевъ никто не соглашался оставить таковую за собою, то онъ, Бигичъ, бывши тутъ же въ сборной волостнаго правленія въ оковахъ для сдачи въ рекруты по тогдашнему порядку, тоже получилъ предложеніе не только отъ сельскихъ властей, но даже болѣе чѣмъ отъ 100 человѣкъ общества, бывшихъ ежедневно при волости въ тревожномъ ожиданіи военной экзекуціи за несвоевременный взносъ перваго выкупа, оставить за собой землю Авксентія Николайчука навсегда, какъ праздный надѣлъ, по его лично отказу, и уплатить 15 руб. 50 коп. съ тѣмъ, что за это одолженіе для общества освободятъ его изъ оковъ и рекрутства; почему онъ, Бигичъ, не понимавши еще въ ту пору порядка вещей, какъ и всѣ крестьяне, но изъ желанія освободиться отъ рекрутства, не имѣя своихъ денегъ, занялъ у землевладѣльца села Лучина еврея Кофмана Новосельскаго 15 руб. 50 коп. и отдалъ въ волостное правленіе за предложенный надѣлъ Николайчука, и тотчасъ же былъ освобожденъ изъ кандаловъ и отъ предназначеннаго рекрутства и затѣмъ, когда по требованію

же общества была написана волостнымъ писаремъ росписка объ отказѣ Николайчука отъ полеваго надѣла и тутъ же вручена ему, Бигичу, при Николайчукѣ, то послѣдній самъ палъ на колѣни передъ обществомъ и благодарилъ его за освобожденіе отъ земли и налога за нее, казавшагося въ то время крестьянамъ такъ страшнымъ; и послѣ этого онъ, Бигичъ, выплачиваетъ за ту землю выкупъ уже 18 лѣтъ и безспорно владѣетъ ею, такъ что ни самъ Авксентій и никто изъ его семьи до сихъ поръ не сказалъ ему ни слова. Теперь же сынъ его Петръ вздумалъ отыскивать батьковщину, которой отецъ его Авксентій никогда не только не владѣлъ, но даже не видѣлъ, гдѣ есть наброшенная ему, какъ онъ тогда выражался, насильно земля. Противъ этого Авксентій отвѣтилъ, что дѣйствительно, когда потребовали отъ него 15 руб. 50 коп. выкупа, а онъ не имѣлъ чѣмъ заплатить, то просилъ старшину завѣрить условіе помѣщику на обработокъ, то старшина ему объявилъ, что не согласенъ ручаться за исправность его отработка и въ просьбѣ ему отказалъ, почему съ того времени предназначавшійся ему надѣлъ и остался за Бигичемъ и до сего времени. Сынъ же Авксентія Петръ заявилъ, что онъ во время случившейся передачи Бигичу земли его отцомъ былъ малолѣтній и потому подробностей объ этомъ не знаетъ, а теперь только, когда увѣрился въ томъ, что земля, находящаяся во владѣніи Бигича, записана по уставной грамотѣ на имя его отца, то онъ, какъ наслѣдникъ, и въ ожиданіи еще прибытія съ полка другого брата проситъ надѣлъ отобрать отъ Бигича и отдать ему. Свидѣтели изъ числа записанныхъ въ переуступочной росписки десяти человѣкъ, оставшіеся въ живыхъ пять, показали: дѣйствительно, когда потребовался первый выкупъ и за несвоевременный взносъ грозили экзекуціей, то крестьяне въ то время отказывались отъ надѣловъ и въ томъ числѣ и Авксентій на отрѣзъ сказалъ въ волостномъ правленіи, что не хочетъ получать назначеннаго ему надѣла, а оставляетъ его въ распоряженіи общества, такъ что онъ никогда не владѣлъ этимъ надѣломъ и за крѣпостного права, то не было даже надобности дѣлать переуступочную росписку въ пользу Бигича, и общество тотъ праздный надѣлъ упросило взять Бигича. Землевладѣлецъ Новосельскій показалъ, что онъ дѣйствительно занималъ Семену Бигичу 15 р. 50 к. на уплату выкупа за надѣлъ, почти насильно наброшенный ему обществомъ и остававшійся праздным за отказомъ отъ него Авксентія Николайчука. Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла и принимая во вниманіе, что Авксентій Николайчукъ никогда не владѣлъ предназначавшимся было ему полевымъ надѣломъ, о возвращеніи котораго теперь доискивается его нынѣ совершеннолѣтній сынъ Петръ, и руководствуясь 2 п. 89 ст. и 4 и 5 п.п. 90 ст. мѣстн. полож., постановили: данный обществомъ въ 1865 году пѣшій участокъ полеваго надѣла Семену Бигичу, какъ оставшійся въ обществѣ свободнымъ за отказомъ Авксентія Николайчука 18 лѣтъ тому назадъ, оставить навсегда за Бигичемъ, а въ домогательствѣ Петра Николайчука, какъ совершенно посторонняго лица къ этой землѣ, отказать. Рѣшеніе объявлено сего же числа съ правомъ *апелляціи* въ тридцатидневный срокъ въ Сквирско-Таращанскій съѣздъ мировыхъ посредниковъ. Подписи судей (неграмотныхъ).

ИТОГИ КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА НА ЮЖНОМЪ ТРЕХПОЛЬНОМЪ ЧЕРНОЗЕМѢ *).

I.

Въ тѣхъ сорока уѣздахъ губерній Черниговской, Воронежской, Полтавской, Саратовской и Курской, для которыхъ мы имѣли указанный въ примѣчаніи матеріалъ и о которыхъ будетъ идти рѣчь въ настоящей статьѣ, находится 915,140 крестьянскихъ хозяйствъ (по Черниговской и Полтавской губ. въ томъ числѣ и козаки) съ 5.611,543 душами обоего пола, въ числѣ коихъ было 1.358,439 работниковъ мужск. пола. Этимъ 915,140 хозяйствамъ принадлежитъ 8.375,640 дес. удобной надѣльной земли, въ число которой не вошли 14,322 дес. четвертныхъ земель, выдѣленныхъ по Воронежской губ. въ особую графу. Эти же хозяйства владѣютъ и купленною землею, но въ такомъ маломъ количествѣ [1]), что роль ея въ крестьянскомъ хозяйствѣ сорока уѣздовъ слишкомъ ничтожна. Означенныя же хозяйства владѣютъ 2.509,305 штуками крупнаго скота (лошади, коровы, волы) и 608,554 штуками мелкаго. Въ число мелкаго скота вошелъ за указаннымъ весь остальной скотъ, при

*) Источниками для настоящей статьи послужили слѣдующія изданія: 1) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные *Черниговскимъ* статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ: т. V. Козелецкій уѣздъ, Черниговъ, 1882; т. IX, Суражскій уѣздъ, Черниговъ, 1883; т. X, Мглинскій уѣздъ, Черниговъ, 1884; т. XIV, Городницкій уѣздъ, Одесса, 1885, и т. XV, Кролевецкій уѣздъ, Черниговъ, 1887. 2) Сборники статистическихъ свѣдѣній по *Воронежской* губерніи: Воронежскій уѣздъ, 1884; Острогожскій уѣздъ, 1885; Землянскій уѣздъ, 1886; Задонскій уѣздъ, 1887; Коротоякскій уѣздъ, 1888, и Нижнедѣвицкій уѣздъ, 1889. 3) Сборники по хозяйственной статистикѣ *Полтавской* губерніи: Зѣньковскій уѣздъ, 1882; Полтавскій уѣздъ, 1883; Миргородскій уѣздъ, 1884; Лубенскій уѣздъ, 1885; Гадячскій уѣздъ, 1885, и Золотоношскій уѣздъ, 1887. 4) Сборники статистическихъ свѣдѣній по *Саратовской* губерніи: Саратовскій уѣздъ, 1883; Царицынскій уѣздъ, 1884; Петровскій уѣздъ,

чемъ 10 штукъ принималось за 1 штуку крупнаго. Наконецъ, упомянутыя хозяйства,—но безъ хозяйствъ Черниговской губерніи, по которымъ пѣть свѣдѣній въ указанныхъ выпускахъ, — уплачиваютъ 17.406,247 руб. разныхъ платежей, въ число коихъ не вошли страховые платежи по Полтавской губ., выдѣленные въ сборникахъ въ особую графу; по другимъ же губерніямъ страховые платежи, повидимому, вошли въ приведенную цифру всякихъ платежей.

Изъ указанныхъ 915,140 хозяйствъ 230,086, или $25_{,1}\%$, *не имѣютъ рабочаго скота.* (Въ число 230,086 входятъ и безземельные дворы), а 231,569 хозяйствъ, или $25_{,3}\%$, имѣютъ только по 1 штукѣ рабочаго скота. Отсюда слѣдуетъ, что по обезпеченію рабочей силою скота крестьянство южнаго трехпольнаго чернозема раздѣляется на три группы: *одна четверть совсѣмъ не имѣетъ рабочаго скота, четверть имѣетъ по 1 штукѣ и половина имѣетъ болѣе, чѣмъ по 1 штукѣ рабочаго скота* [2]). Но по губерніямъ (для упрощенія, наличное число описанныхъ уѣздовъ я буду называть губерніею) только-что названныя группы выражаются другими величинами, какъ это видно изъ слѣдующей таблички:

	Хозяйствъ [3]).					
	Безъ рабочаго скота.	%	Съ 1 штукой рабоч. скота.	%	% съ 2 и болѣе штук. рабочаго скота.	Всего хозяйствъ.
Черниговская губ. .	19,877	$22_{,2}$	17,896	$20_{,0}$	$57_{,8}$	89,668
Воронежская „ .	28,659	$20_{,5}$	44,043	$31_{,6}$	$47_{,9}$	139,584
Полтавская „ .	46,507	$34_{,1}\%$	21,175	$15_{,5}$	$50_{,4}$	136,450
Саратовская „ .	70,290	$23_{,8}$	80,754	$27_{,3}\%$	$48_{,9}$	295,709
Курская „ .	64,753	$25_{,5}$	67,701	$26_{,7}$	$47_{,8}$	253,729
	230,086	$25_{,1}$	231,569	$25_{,3}$	$49_{,6}$	915,140

Наименьшій % хозяйствъ безъ рабочаго скота падаетъ на Воронежскую губернію, а наибольшій—на Полтавскую; тогда какъ по отношенію къ хозяйствамъ съ 1 штукой рабочаго скота эти двѣ губерніи мѣняются

1884; Хвалынскій уѣздъ, 1886; Вольскій уѣздъ, 1887; Аткарскій уѣздъ, 1887, и сводъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи, часть 1-я, таблицы, 1888. 5) Сборники статистическихъ свѣдѣній по *Курской* губерніи: Курскій уѣздъ, 1883; Дмитріевскій, Суджанскій, Путивльскій, Рыльскій, Фатежскій и Льговскій уѣзды, 1884; Грайворонскій, Бѣлгородскій и Щигровскій уѣзды, 1885, и Корочанскій, Тимскій и Новооскольскій уѣзды, 1886. Изъ перечисленныхъ губерній земскія статистическія изслѣдованія закончены по Курской и Саратовской губерніямъ, и по нимъ я пользовался всѣми вышедшими сборниками. Статистическія изслѣдованія по Черниговской губерніи хотя и закончены, но, вслѣдствіе черниговской самобытности, подворное изслѣдованіе произведено только по *пяти* уѣздамъ, которыми и приходится довольствоваться. Всего же мои итоги относятся къ крестьянскому хозяйству сорока уѣздовъ.

мѣстами: наименьшій % хозяйствъ съ 1 штукой рабочаго скота падаетъ на Полтавскую губернію, а наибольшій — на Воронежскую. Разсматриваемая въ цѣломъ, приведенная табличка говоритъ, что изъ названныхъ губерній въ наиболѣе благопріятномъ положеніи по отношенію къ богатству рабочимъ скотомъ и къ распредѣленію его находится Черниговская губернія, а въ наименѣе благопріятномъ—Курская.

Но такъ какъ крестьянскія хозяйства въ предѣлахъ одной и той же губерніи находятся на различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія, то посмотримъ на распредѣленіе рабочаго скота въ зависимости отъ величины надѣла. Соотвѣтствующія данныя систематически проведены по Саратовской губерніи (по Хвалынскому, Балашовскому, Вольскому, Кузнецкому, Сердобскому и Камышинскому уѣздамъ) и по Воронежской губерніи (по Острогожскому, Землянскому, Задонскому, Коротоякскому и Нижнедѣвицкому уѣздамъ); по первой губерніи въ зависимости отъ размѣра надѣльной пашни на 1 дворъ, а по второй — въ зависимости отъ размѣра всей надѣльной земли на 1 дворъ.

Такъ по Саратовской губ. съ размѣромъ надѣльной пашни на 1 дворъ было хозяйствъ:

	Хозяйствъ.					
	Безъ рабочаго скота.	%	Съ 1 штукой рабоч. скота.	%	% съ 2 и болѣе штук. рабочаго скота.	Всего.
До 0 дес. (безнадѣльн.) . . .	11,666	74,1	2,218	14,1	11,8	15,738
„ 2,5 „ . .	7,768	27,1	9,798	34,2	38,7	28,671
„ 5,0 „ . .	12,902	32,3	15,361	38,5	29,2	39,912
„ 10,0 „ . .	9,050	15,6	19,118	32,9	51,5	58,125
„ 20 „ . .	2,397	7	4,762	14,0	79,0	34,062
Бол. 20 „ . .	247	3,9	357	5,7	90,4	6,258
Итого . . .	44,030	24,1	51,614	28,8	47,1	182,766

Въ этой табличкѣ, относящейся къ 6 уѣздамъ Саратовской губ., % хозяйствъ безъ рабочаго скота нѣсколько выше соотвѣтственнаго % по всей губерніи; тоже самое существуетъ и для хозяйствъ съ 1 штукой рабочаго скота; общее же число хозяйствъ болѣе половины всего числа хозяйствъ Саратовской губерніи. Изъ таблички видно, что съ *увеличеніемъ* пашни на 1 дворъ *уменьшается* % хозяйствъ безъ рабочаго скота и съ 1 штукой рабочаго скота, и наоборотъ увеличивается % хозяйствъ съ 2 и болѣе штуками рабочаго скота. Такъ при размѣрѣ надѣльной пашни болѣе 20 дес. на 1 дворъ % хозяйствъ безъ рабочаго скота опускается до $3,_9$, тогда какъ при размѣрѣ пашни до $2,_5$ дес. онъ равенъ $27,_1$, а до 5 дес. равенъ даже $32,_3$. Правда у группы хозяйствъ съ размѣромъ пашни до $2,_5$ дес. и до 5 дес. произошла по

всей линіи какъ бы перестановка въ числахъ: бо́льшій % хозяйствъ безъ рабочаго скота и съ 1 штукой падаетъ на тѣ хозяйства, у коихъ больше надѣльной пашни на 1 дворъ. Такая перестановка ближе всего объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ хозяйствахъ съ размѣромъ до 2,5 дес. пашни средняя семья состоитъ изъ 5,3 душъ обоего пола, а въ хозяйствахъ съ размѣромъ пашни до 5 дес. только 4,9 душъ обоего пола; въ первомъ случаѣ на хозяйство приходится 1,3 работника, а во второмъ—1,2 работника.

По Воронежской губерніи съ размѣромъ надѣла на 1 дворъ было хозяйствъ:

	Хозяйствъ.					
	Безъ рабочаго скота.	%	Съ 1 штукой рабоч. скота.	%	% съ 2 и болѣе штук. рабочаго скота.	Всего.
До 0 дес. (безземельн.) . .	2,472	87,1	272	9,6	3,3	2,838
„ 5 „ . .	9,834	39,7	10,115	40,8	19,5	24,784
Отъ 5 до 15 дес. . .	10,051	16,7	24,309	40,3	43,0	60,362
„ 15 „ 25 „ .	1,016	4,7	3,980	18,3	77,0	21,786
Болѣе 25 „ . .	54	0,9	204	3,6	95,5	5,708
Итого . .	23,427	20,3	38,880	33,7	46,0	115,478

Въ этой табличкѣ, относящейся къ 5 уѣздамъ Воронежской губерніи, % хозяйствъ безъ рабочаго скота почти равняется соотвѣтствующему % по всей губерніи; % хозяйствъ съ 1 штукой рабочаго скота нѣсколько выше таковаго же по всей губерніи; общее же число хозяйствъ составляетъ болѣе 4/5 всего числа хозяйствъ по Воронежской губ. Здѣсь уже безъ всякихъ оговорокъ видно, что съ увеличеніемъ размѣра надѣла уменьшается % хозяйствъ безъ рабочаго скота и съ 1 штукой, и наоборотъ увеличивается % хозяйствъ съ 2 и болѣе штуками рабочаго скота. При размѣрѣ надѣла до 5 дес. на 1 дворъ приходится 3,6 дес. земли; % хозяйствъ безъ рабочаго скота = 39,7. При размѣрѣ надѣла болѣе 25 дес. на 1 дворъ приходится 31,9 дес.; % хозяйствъ безъ рабочаго скота=0,9, т. е. при увеличеніи надѣла въ 8,9 разъ, % хозяйствъ безъ рабочаго скота уменьшается въ 44,1 раза. Даже если мы сравнимъ съ хозяйствомъ въ 3,6 дес. земли хозяйство, имѣющее при размѣрѣ надѣла отъ 15 до 25 дес., въ среднемъ 19,5 дес., то и тогда получимъ, что при увеличеніи надѣла въ 5,4 разъ, % хозяйствъ безъ рабочаго скота уменьшается въ 8,4 разъ.

Приведенныя двѣ таблички детально показываютъ, что только 40,320 (34,062+6,258) хозяйствъ, или 22,1%, по Саратовской губ. и 27,494 (21,786+5,708) хозяйствъ, или 23,8%, по Воронежской губерніи находятся въ положеніи, при которомъ % хозяйствъ безъ рабочаго скота

сводится до минимума, т. е. въ положеніи, въ которомъ они могутъ самостоятельно заниматься земледѣліемъ *на надѣльной землѣ;* остальныя же хозяйства какъ бы обречены на освобожденіе отъ средствъ производства и существованія...

Распредѣленіе крупнаго и мелкаго скота показано въ слѣдующей табличкѣ:

	Крупный скотъ.	Мелкій скотъ.	На 1 хозяйство. Крупнаго скота.	Мелкаго скота.	Всего.
Черниговская губ. . . .	264,646	62,429	3,0	0,7	3,7
Воронежская „	421,396	121,640	3,0	9,9	3,9
Полтавская „ . . .	263,621	70,573	1,9	0,5	2,4
Саратовская „ . .	896,089	191,202	3,0	0,6	3,6
Курская „ . . .	663,553	162,710	2,6	0,6	3,2
	2.509,305	608,554	2,7	0,7	3,4

Черниговская, Воронежская и Саратовская губ. имѣютъ въ среднемъ по 3,0 штукъ крупнаго скота на одно хозяйство; Курская—2,6, и, наконецъ, Полтавская губ. имѣетъ только по 1,9 штукъ крупнаго скота на 1 хозяйство. По богатству мелкимъ скотомъ первое мѣсто занимаютъ Воронежская же и Черниговская губ.; къ нимъ примыкаетъ и Саратовская губ. съ Курскою; послѣднее мѣсто занимаетъ Полтавская губ. По богатству и тѣмъ и другимъ губерніи идутъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и по богатству однимъ крупнымъ скотомъ.

Но распредѣленіе крупнаго и мелкаго скота въ зависимости отъ размѣровъ землевладѣнія, т. е. отъ надѣльной земли, представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, какъ это видно изъ приводимыхъ табличекъ по Саратовской и Воронежской губерніямъ.

По Саратовской губ. распредѣленіе крупнаго и мелкаго скота въ зависимости отъ размѣра надѣльной пашни на одно хозяйство представляется слѣдующею табличкою.

	Крупный скотъ.	Мелкій скотъ.	На 1 хозяйство. Крупнаго скота.	Мелкаго скота.	Всего.
До 0 дес. (безнадѣльн.) . . .	16,380	3,078	1,0	0,2	1,2
„ 2,5 „ . . .	67,107	14,396	2,3	0,5	2,8
„ 5 „ . . .	80,065	17,252	2,0	0,4	2,4
„ 10 „ . . .	170,094	39,744	2,9	0,7	3,6
„ 20 „ . . .	162,475	39,414	4,8	1,2	6,0
Бол. 20 „ . .	55,868	12,715	8,9	2,0	10,9
Итого .	551,989	126,599	3,0	0,7	3,7

Богатство скотомъ при размѣрѣ надѣльной пашни болѣе 20 дес. на хозяйство является значительнымъ по сравненію, напр., съ хозяйствами, имѣющими 5 дес. пашни: болѣе надѣленные землею имѣютъ одного мелкаго скота столько же, сколько послѣдніе одного крупнаго. Богатство скотомъ высшей земельной группы не находится въ соотвѣтствіи съ семейнымъ составомъ. Такъ у нея на 1 члена семьи приходится $0_{,9}$ штуки крупнаго и мелкаго скота; тогда какъ при размѣрѣ пашни до 5 дес. на 1 члена семьи приходится только $^1/_2$ штуки крупнаго и мелкаго скота. Оказывается, что только меньшинство крестьянства живетъ огромною семьею, самостоятельно занимается земледѣліемъ и эксплоатируетъ трудъ большинства, играющаго роль коняги, на которомъ ѣдутъ не только крупные землевладѣльцы, ех-помѣщики, но и гг. Колупаевы и Разуваевы... Зависимость между увеличеніемъ надѣльной пашни на одно хозяйство и увеличеніемъ скота затемняется по Саратовской губерніи двумя исключеніями, но по Воронежской губ. такая зависимость стоитъ внѣ сомнѣнія, какъ показываетъ слѣдующая табличка.

Размѣръ надѣла на 1 дворъ.	На 1 хозяйство. Крупный скотъ.	Мелкій скотъ.	Крупнаго скота.	Мелкаго скота.	Всего.
До 0 дес. (безземельн.). . . .	1,451	253	$0_{,5}$	$0_{,1}$	$0_{,6}$
„ 5 „ . . .	42,295	10.070	$1_{,7}$	$0_{,4}$	$2_{,1}$
„ 15 „ . . .	158,381	42.954	$2_{,6}$	$0_{,7}$	$3_{,3}$
„ 25 „ . . .	91,395	29,649	$4_{,2}$	$1_{,4}$	$5_{,6}$
Бол. 25 „ . . .	37,110	16,040	$6_{,3}$	$2_{,8}$	$9_{,3}$
Итого . . .	330,632	98,966	$2_{,9}$	$0_{,9}$	$3_{,8}$

Какъ видимъ, количество скота увеличивается по мѣрѣ увеличенія количества десятинъ надѣльной земли. При размѣрѣ надѣла до 5 дес. количество крупнаго и мелкаго скота равно $2_{,1}$ штукѣ на хозяйство; тогда какъ при размѣрѣ надѣла болѣе 25 дес. количество и того, и другаго равно $9_{,3}$ штукамъ. У первыхъ приходится на одного члена семьи $0_{,1}$ штуки, а у вторыхъ — $0_{,7}$. Но помимо этого, и по Саратовской, и по Воронежской губ. распредѣленіе скота по размѣрамъ землевладѣнія указываетъ на то, что жизненное положеніе низшей земельной группы (до $2_{,5}$ пашни на дворъ Саратовской губ. и до 5 дес. всей земли на дворъ Воронежской губ.), ближе по богатству скотомъ къ той части крестьянства, которая не получила надѣла, нежели къ той части крестьянъ, которые имѣютъ высшіе размѣры надѣла. Такъ по Саратовской губ. низшая земельная группа крестьянъ богаче безземельныхъ скотомъ только въ $2_{,3}$ разъ; высшая же по размѣру земли, группа крестьянъ богаче ея самой скотомъ въ $3_{,9}$ разъ; по Воронежской губ. тѣ же отношенія выражаются $3_{,5}$ для перваго и $4_{,4}$ для втораго, т. е. оказывается, что между

безземельными и имѣющими небольшой размѣръ надѣла нѣтъ такой рѣзкой разницы по богатству скотомъ, какая существуетъ между вторыми и имѣющими большіе размѣры надѣла.

Если отъ распредѣленія хозяйствъ по рабочему скоту, и вообще, по скоту обратимся къ обработкѣ надѣльной земли, а по Черниговской губерніи и арендованной, то увидимъ, что изъ 915,140 крестьянскихъ хозяйствъ, 555,478 хозяйствъ, или 60,7%, обрабатываютъ землю своимъ скотомъ, 13,166 хозяйствъ, или 1,5%, обрабатываютъ своимъ скотомъ и спрягаются, 71,732 хозяйства, или 70,8%, спрягаются, 110,994 хозяйства, или 12,1%, обрабатываютъ наймомъ, 85,425 хозяйствъ, или 9,3%, вовсе не обрабатываютъ землю, 132 хозяйства, или 0,0%, своимъ скотомъ и не обрабатываютъ, 18,159 хозяйствъ, или 2%, безъ посѣва, о 2,880 хозяйствахъ неизвѣстно, имѣютъ ли они пахатный надѣлъ, или нѣтъ, и наконецъ, 57,174 хозяйствамъ, или 6,3%, нечего обрабатывать, т. е. они являются безнадѣльными или безземельными. Соединяя въ одну группу всѣ хозяйства, которыя являются самостоятельными хозяйствами, т. е. обрабатываютъ землю сами и своимъ скотомъ, получимъ, что такихъ хозяйствъ будетъ 70% остальныя же 30% составляютъ тѣ хозяйства, которыя, какъ напр. обрабатывающія землю наймомъ, еще цѣпляются за земледѣліе, или которыя, какъ напримѣръ безземельные, совсѣмъ не имѣютъ надѣльной земли, или которыя, какъ вовсе не обрабатывающіе, или сдаютъ свою землю въ аренду, или забросили ее, или не имѣютъ пахатнаго надѣла, или имѣютъ его совсѣмъ не въ достаточномъ количествѣ, но не числятся безземельными. Въ первую группу хозяйствъ, самостоятельно обрабатывающихъ свою землю, мною отнесены и тѣ 7,8% хозяйствъ, рабочей силы скота конхъ недостаточно для обработки земли, т. е. которые *спрягаются* съ сосѣдями для обработки своей земли, а также и тѣ, 1,5%, изъ которыхъ часть сама обрабатываетъ землю, а часть спрягается (они не раздѣлены и въ сборникахъ по Черниговской губ., куда относятся эти хозяйства). Если внести такую поправку въ первую группу, т. е. вычеркнуть спрягающіяся хозяйства, то получимъ, что самое большее 62,2% изъ 915,140 крестьянскихъ хозяйствъ южнаго трехпольнаго чернозема самостоятельно обрабатываютъ свои земли, т. е. менѣе двухъ третей и что болѣе одной трети хозяйствъ около 38% не сегодня, завтра принуждены будутъ окончательно порвать съ земледѣліемъ... Строго говоря, даже много менѣе одной трети, т. е. % 13 (38—25), такъ какъ въ эту треть входятъ и тѣ 25% хозяйствъ, которыя не имѣютъ рабочаго скота. А обзавестись рабочимъ скотомъ цѣлымъ 230 тыс. хозяйствъ представляется невозможнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, по земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ констатируется тотъ громадной важности фактъ, что *въ центрѣ земледѣльческой Россіи менѣе двухъ третей крестьянскихъ хозяйствъ могутъ самостоятельно заниматься земледѣліемъ*. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе интересенъ и поучителенъ, что «весь двадцатилѣтній послѣреформен-

ный періодъ длилась у насъ борьба мелкой земледѣльческой культуры съ крупной, и внимательный наблюдатель ни на минуту не могъ усомниться, въ чью пользу клонилась побѣда», и что «нашъ крестьянинъ, ведущій самостоятельное земледѣльческое хозяйство, успѣвшій уже оцѣнить и полюбить независимый трудъ, всѣми силами сопротивляется замѣнѣ его подневольнымъ, батрацкимъ и въ крайнемъ случаѣ предпочитаетъ лучше непомѣрно высокой арендной платой *отбить* у землевладѣльца охоту самому заниматься хозяйствомъ, *покупать* у него себѣ независимое существованіе» [4]).

Разсмотримъ теперь, какъ распредѣляются по губерніямъ крестьянскія хозяйства, самостоятельно занимающіяся земледѣліемъ.

	Хозяйствъ.			
	Самостоят. занимающихся земледѣліемъ.	%	% всѣхъ остальныхъ.	Общее число.
Черниговская губ.	58,990	65,8	34,2	89,668
Воронежская „	103,385	74,1	25,9	139,584
Полтавская „	23,842	17,5	82,5	136,450
Саратовская „	196,020	66,3	33,7	295,709
Курская „	186,407	73,5	26,5	253,729
Итого . . .	568,644	62,2	37,8	915,140

Въ приведенной табличкѣ рѣзко бросается въ глаза крайне незначительное число хозяйствъ Полтавской губерніи, самостоятельно занимающихся земледѣліемъ. Но такой фактъ ближайшее объясненіе находитъ въ томъ, что 51,042 хозяйства, или 37,4%, занимаются земледѣліемъ, спрягаясь съ сосѣдями своимъ скотомъ для сельско-хозяйственныхъ работъ. Наибольшій % самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ падаетъ на долю Воронежской губерніи, а наименьшій, за исключеніемъ Полтавской губ., на долю Черниговской.

Сопоставляя по каждой губерніи % хозяйствъ, самостоятельно занимающихся земледѣліемъ, съ % хозяйствъ, владѣющихъ рабочимъ скотомъ, я не нахожу полнаго совпаденія между ними. Не говоря уже о Полтавской губерніи, въ которой существуетъ рѣзкое различіе между тѣмъ и другимъ и о Курской, въ которой находится почти полное совпаденіе (74,5% хозяйствъ съ рабочимъ скотомъ и 73,5% хозяйствъ, самостоятельно занимающихся земледѣліемъ), % и тѣхъ, и другихъ хозяйствъ въ остальныхъ губерніяхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. По Черниговской губерніи 77,8% хозяйствъ съ рабочимъ скотомъ, но только 65,8% хозяйствъ, которыя самостоятельно занимаются земледѣліемъ, по Воронежской первыхъ—79,5%, а вторыхъ—74,1%, и по Саратовской первыхъ—76,2%, а вторыхъ—66,3%. % хозяйствъ съ рабочимъ скотомъ

больше % хозяйствъ, самостоятельно занимающихся земледѣліемъ; % же хозяйствъ съ 2 и болѣе штуками рабочаго скота меньше % хозяйствъ, самостоятельно занимающихся земледѣліемъ. Отсюда тотъ выводъ, что хозяйства съ одной штукой рабочаго скота находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія самостоятельнаго занятія земледѣліемъ.

II.

Разсмотримъ теперь вліяніе размѣра надѣльной земли на самостоятельное занятіе земледѣліемъ. Детальныя данныя относятся къ тѣмъ же двумъ губерніямъ (Саратовской и Воронежской), по которымъ разсматривалось вліяніе размѣра надѣла на распредѣленіе рабочаго скота.

По Саратовской губерніи съ размѣромъ надѣльной пашни на 1 дворъ было хозяйствъ:

	Хозяйствъ.			
	Обрабатывающихъ землю своимъ скотомъ, т. е. самостоятельн.	%	% остальныхъ (спрягающихся, обраб. наймомъ и дворовъ безъ посѣва).	Всего.
До 0 дес. (безнадѣльн.)	2,896	18,4	81,6	15,738
„ 2,5 „	19,215	67,0	33,0	28,671
„ 5,0 „	23,754	59,5	40,5	39,912
„ 10,0 „	44,387	76,4	23,6	58,125
„ 20,0 „	29,258	85,9	14,1	34,062
Бол. 20 „	5,616	89,7	10,3	6,258
Итого . .	125,126	68,5	31,5	182,766

Приведенная табличка говоритъ, что по мѣрѣ увеличенія надѣльной пашни на хозяйство, увеличивается и % хозяйствъ, обрабатывающихъ землю своимъ скотомъ, т. е. тѣхъ хозяйствъ, которыя самостоятельно занимаются земледѣліемъ. Какъ и въ прежде приведенной табличкѣ о зависимости количества рабочаго скота среди крестьянскихъ хозяйствъ отъ размѣровъ надѣльной пашни, такъ и въ этой табличкѣ замѣчается какъ бы перестановка данныхъ при размѣрѣ пашни при 2,5 и 5 дес. на дворъ, значеніе коей было уже объяснено. За исключеніемъ этой перестановки, существуетъ полная зависимость самостоятельнаго занятія земледѣліемъ отъ размѣра надѣла, какъ это будетъ видно и дальше изъ соотвѣтствующей же таблички по Воронежской губерніи. Но приведенная табличка подтверждаетъ еще тотъ выводъ, который косвенно разумѣется, когда я говорилъ, что только 22,1% хозяйствъ Саратовской губерніи и 23,8%—Воронежской находятся въ положеніи, при которомъ % хозяйствъ безъ рабочаго скота сводится до минимума. Этотъ выводъ заключается въ

томъ, что только при размѣрахъ надѣльной пашни до 20 дес. и болѣе на хозяйство для Саратовской губ. и при размѣрѣ надѣла отъ 15 до 25 дес., въ среднемъ 19,5 дес., и болѣе 25 дес., въ среднемъ 31,9 дес., на хозяйство для Воронежской губерніи возможенъ такой незначительный % хозяйствъ безъ рабочаго скота, какъ 7 и 3,9 для Саратовской губерніи, и 4,7 и 0,9 для Воронежской. Точно также только при названномъ размѣрѣ пашни на хозяйство Саратовской губерніи возможно существованіе 85,9% хозяйствъ (при размѣрѣ пашни до 20 дес. на дворъ) и 89,7% (при размѣрѣ пашни болѣе 20 дес. на дворъ) хозяйствъ, которыя самостоятельно обрабатываютъ землю. а для Воронежской губерніи— 86,9% хозяйствъ (при размѣрѣ надѣла отъ 15 до 25 дес., а въ среднемъ 19,3 дес. на дворъ) и 96% хозяйствъ (при размѣрѣ надѣла болѣе 25 дес., а въ среднемъ 31,9 дес. на дворъ).

По Воронежской губерніи съ размѣромъ надѣла на 1 дворъ было хозяйствъ:

	Обрабатывающихъ землю своимъ скотомъ.	%	% остальныхъ (спрягающихся, обрабатывающ. наймомъ и проч.).	Всего.
До 0 дес. (безземельн.)	178	6,2	93,8	2,838
„ 5 „	13,944	56,2	43,8	24,784
„ 15 „	45,781	75,8	24,2	60,362
„ 25 „	18,935	86,9	13,1	21,786
Бол. 25 „	5,478	96,0	4,0	5,708
Итого . .	84,316	73	27,0	115.478

Зависимость самостоятельнаго занятія земледѣліемъ отъ размѣра надѣла является по Воронежской губ. уже несомнѣнною; по мѣрѣ увеличенія размѣра надѣла увеличивается и % хозяйствъ, самостоятельно занимающихся земледѣліемъ, и наоборотъ, уменьшается % хозяйствъ, которыя не могутъ самостоятельно обрабатывать землю. % хозяйствъ, не самостоятельно занимающихся земледѣліемъ при размѣрѣ до 5 дес. надѣла, равный чуть не половинѣ % всѣхъ хозяйствъ этой группы, падаетъ до 4 у группы съ размѣромъ надѣла больше 25 дес. на дворъ, т. е. первый больше втораго слишкомъ въ 10 разъ, при среднемъ % въ 27, правда съ безземельными.

Аренда земли частно-владѣльческой, есть логически-неизбѣжное слѣдствіе того историческаго освобожденія крестьянина отъ крѣпостныхъ отношеній, которое регулировано положеніемъ 19 февраля 1861 г. Крестьянство вынуждено было брать въ аренду частновладѣльческую землю на тѣхъ условіяхъ, которыя диктовались частными владѣльцами, подъ угрозой полуголоднаго свободнаго существованія на своей надѣльной землѣ. Правда, можно на это смотрѣть и такъ, что крестьянство не *вынуждено* арендовать частновладѣльческую землю, а «предпочитаетъ лучше

непомѣрно высокой арендной платой *отбить* у землевладѣльца охоту самому заниматься хозяйствомъ, *покупать* у него себѣ независимое существованіе» [5]). Но вѣдь можно и про ирландскаго фермера сказать, что онъ «непомѣрно высокой арендной платой отбиваетъ у лендъ-лорда охоту самому заниматься земледѣліемъ»...

Изъ 915,140 хозяйствъ южнаго трехпольнаго чернозема 379,256 хозяйствъ, или $41,_4\%$, арендуютъ частновладѣльческую землю. По двумъ уѣздамъ Черниговской губ. (Мглинскому и Суражскому) неизвѣстно ни числа десятинъ арендуемой земли, ни суммы, за которую она арендуется, а по всѣмъ уѣздамъ, по которымъ сдѣланы подворныя описи, неизвѣстно даже, входятъ ли въ число арендующихъ дворовъ (42,499) только тѣ хозяйства, которыя арендуютъ одну частновладѣльческую землю, или входятъ и тѣ, которыя арендуютъ и надѣльную землю. Если, поэтому, я исключу данныя по Черниговской губ., то получимъ, что изъ 825,472 крестьянскихъ хозяйствъ 336,757, или $40,_8\%$, арендуютъ 1.698,389 дес. частновладѣльческой земли за 14,859,207 руб., по $8,_{75}$ руб. за десятину. Въ приведенномъ числѣ десятинъ аренды не значится общественная аренда внѣнадѣльной земли по Курской губ., (не по всѣмъ уѣздамъ показано число арендующихъ дворовъ,—оно замѣнено числомъ душъ, а также по Полтавской губ.), а именно то число десятинъ арендованнаго покоса, которое выражено числомъ копенъ (71,742), т. е. по Курской губ. въ общій итогъ не вошли 26,028 дес., арендованныхъ за плату, 42,010 дес.—за плату и отработки, да то число десятинъ пастбищъ и др. угодій, на которыхъ можетъ прокормить 42,010 головъ крупнаго рогатаго скота. При этомъ нужно замѣтить, что въ итогъ аренды не вошло все дѣйствительно арендованное обществами количество земли, такъ какъ по многимъ уѣздамъ Курской губ. оно не зарегистрировано статистическимъ изслѣдованіемъ по неимѣнію точныхъ данныхъ, хотя о существованіи самаго факта аренды было извѣстно.

По отношенію ко всей надѣльной землѣ этихъ 825,472 хозяйствъ (5.088,448 дес.) арендованная земля составляетъ 22%. На одно арендующее хозяйство приходится $5,_{04}$ дес., за которыя платится $43,_{75}$ руб. аренды, по $8,_{75}$ руб. за десятину. Тѣ же 825,472 крестьянскія хозяйства платятъ разныхъ налоговыхъ платежей 17.406,247 р.

За землю, полученную въ надѣлъ, арендующее хозяйство платитъ по $3,_{42}$ руб. за десятину,—средній надѣлъ равняется $9,_3$ дес., а за землю, арендованную у землевладѣльцевъ, онъ платитъ по $8,_{75}$ руб. за десятину,—все количество арендованной внѣнадѣльной земли равняется $5,_{04}$ дес. на хозяйство. Сумма аренды за десятину больше всѣхъ прямыхъ платежей въ $2,_6$ разъ.

Если бы нашъ крестьянинъ могъ произвольно устраивать свое существованіе безъ аренды частновладѣльческой земли, то было бы слишкомъ странно, если бы при свободѣ устраиванія онъ позволялъ себѣ такое дорогое удовольствіе, какъ аренда по $8,_{75}$ руб. частновладѣльческой земли.

По отдѣльнымъ губерніямъ аренда частновладѣльческой земли показана въ слѣдующей табличкѣ [6]).

Губерніи.	Число арендующихъ дворовъ.	%	Число арендуемыхъ десятинъ.	% къ надѣльной землѣ.	Сумма аренды въ рублях.
Воронежская . . .	44,095	31,6	223,143	14,2	1.727,717
Полтавская	69,153	50,7	263,842	34,6	2.525,759
Саратовская. . . .	130,318	44,1	877,490	26,1	5.491,096
Курская	93,191	36,7	333,914	16,2	5.114,635
	336.757	40,8	1.698,389	22,0	14.859.207

Согласно приведенной табличкѣ, % арендующихъ хозяйствъ только по Воронежской губерніи нѣсколько ниже трети (31,6%), а по Полтавской губерніи онъ даже нѣсколько больше половины всего числа хозяйствъ. Въ дѣйствительности эти % отношенія не выражаютъ достаточно точно степень нужды крестьянства въ арендной землѣ, такъ какъ отношенія числа арендующихъ дворовъ показаны ко всему числу крестьянскихъ хозяйствъ той или другой губерніи; на самомъ же дѣлѣ, какъ выяснено ранѣе, только около 70% изъ всего числа крестьянскихъ хозяйствъ самостоятельно занимаются земледѣліемъ, и потому могутъ арендовать землю. Всѣ же хозяйства, обрабатывающія землю наймомъ, не говоря уже о сдающихъ надѣлъ въ аренду или бросившихъ его, не могутъ арендовать чужой земли. % отношенія арендованной земли къ надѣльной показываютъ, что наименьшее количество земли арендуется крестьянами Воронежской губерніи, а наибольшее—крестьянами Полтавской губерніи, въ которой крестьянская нужда въ арендѣ доходитъ до того, что достигаетъ 34,6% надѣльной земли. Изъ послѣдней графы таблички можно опредѣлить среднюю цѣну десятины арендованной земли, безъ различія ея назначенія. Оказывается, что наиболѣе дорогою десятиною является десятина въ Курской губерніи: средняя для цѣлой губерніи равняется 15,32 руб. Наиболѣе дешевою оказывается десятина въ Саратовской губерніи, въ которой средняя для губерніи равна 6,26 руб. Ближе къ Саратовской губ. стоитъ по цѣнѣ десятина земли въ Воронежской губерніи—7,74 руб., а затѣмъ и десятина Полтавской губерніи—9,57 руб.

Распредѣленіе арендованной земли между крестьянскими хозяйствами въ зависимости отъ размѣровъ надѣльной земли можно показать по Саратовской и Воронежской губерніямъ.

Размѣръ надѣльной пашни на 1 дворъ.	Число арендующихъ дворовъ.	%	% арендованной земли къ надѣльной.	Десятинъ на 1 арендующій дворъ.
До 0 дес. (безнадѣльн.) . . .	4,050	25,7	—	5,3
„ 2,5 „	21,009	73,3	391,3	5,3
„ 5,0 „	15,938	39,9	62,8	4,0
„ 10,0 „	22,010	37,9	35,5	4,6
„ 20,0 „	10,887	32,0	25,4	7,6
Бол. 20 „ . . .	1,332	21,3	19,1	17,4
Итого . .	75,226	41,2	46,7	5,4

Изъ приведенной таблички по Саратовской губерніи видно, какъ и изъ раньше приводимыхъ детальныхъ таблицъ, что здѣсь изъ безнадѣльныхъ хозяйствъ 25,7% занимаются земледѣліемъ и для этого арендуютъ чужую землю; затѣмъ также видно, что нужда въ арендѣ частновладѣльческой земли находится въ прямой зависимости отъ размѣровъ пашни въ хозяйствѣ: съ увеличеніемъ размѣровъ пашни на своей надѣльной землѣ уменьшается потребность въ арендѣ чужой земли. Особенно бросается въ глаза значительное, около трехъ четвертей, число арендующихъ хозяйствъ при размѣрѣ надѣльной пашни до 2,5 дес. на дворъ, а также и тотъ фактъ, что при самомъ высшемъ размѣрѣ надѣльной пашни на дворъ (б. 20 дес.) нѣсколько больше 1/5 хозяйствъ арендуютъ чужую землю. % арендованной каждою группою хозяйствъ земли выражается большими величинами потому, что число арендованной земли отнесено къ числу десятинъ надѣла подъ посѣвомъ, которое показано въ *Сводѣ* по Саратовской губерніи. Число десятинъ, арендуемое хозяйствомъ той или другой группы, повидимому, не зависитъ отъ размѣровъ надѣльной пашни на дворъ; здѣсь, напротивъ, пожалуй, можно сказать, что величина арендованнаго участка земли находится въ прямомъ отношеніи къ величинѣ арендующаго хозяйства. Такъ, при размѣрѣ надѣльной пашни до 20 дес. арендованной земли приходится на хозяйство 7,6 дес., а при размѣрѣ пашни б. 20 дес. приходится уже 17,4 дес. Такое значительное число арендованной земли на одно хозяйство объясняется тѣмъ, что часть ея пересдается другимъ хозяйствамъ, не имѣющимъ возможности почему либо самимъ непосредственно арендовать землю. Такъ, безнадѣльные изъ 21,608 дес. арендованной пашни пересдаютъ 1,174 дес., или 5,4%. При размѣрѣ надѣльной пашни до 2,5 дес. изъ 110,870 дес. арендованной земли пересдается 2,360 дес., или 2,1%; при размѣрѣ до 5 дес. изъ 63,366 дес. пересдается 3,541 дес., или 5,6%; при размѣрѣ до 10 дес.—5,942 дес., или 5,9%, изъ 101,072 арендованныхъ дес.; при размѣрѣ до 20 дес.—7,870 дес., или 9,5%, изъ 83,276 дес., и наконецъ при размѣрѣ надѣльной пашни болѣе 20 дес. на дворъ пересдается 4,512 дес., или 19,4%, изъ 23,231 арендованной десятины. Если мы

оставимъ въ сторонѣ безнадѣльныхъ, то увидимъ, что % передаваемой земли увеличивается съ увеличеніемъ размѣровъ надѣльной пашни на одно хозяйство. Начинаясь скромными $2_{,1}$% у хозяйствъ съ размѣромъ пашни до $2_{,5}$ дес., % передачи равняется у самой богатой землею группы $19_{,4}$. Такимъ образомъ, эксплоатація крестьянина крестьяниномъ же увеличивается въ той мѣрѣ, въ какой увеличивается количество своей собственной надѣльной земли и существуетъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія.

Слѣдующая табличка показываетъ распредѣленіе арендованной земли среди различныхъ земельныхъ группъ Воронежской губ.

Размѣръ надѣльной земли на 1 дворъ.	Число арендующихъ дворовъ.	%	% арендованной земли къ надѣльной.	Десятинъ на 1 арендующій дворъ.
До 0 дес. (безземельн.).	271	$9_{,5}$	—	$6_{,7}$
„ 5 „ . . .	10,301	$41_{,6}$	$52_{,4}$	$4_{,5}$
„ 15 „	15,924	$26_{,4}$	$13_{,4}$	$4_{,9}$
„ 25 „	4,641	$21_{,3}$	$8_{,6}$	$7_{,9}$
Бол. 25 „	1,249	$21_{,9}$	$9_{,3}$	$13_{,5}$
Итого . . .	32,386	$28_{,0}$	$14_{,1}$	$5_{,6}$

Въ общемъ по Воронежской губ. замѣчается то же явленіе въ арендѣ крестьянами частновладѣльческой земли, которое только что было показано по Саратовской губерніи, съ тою лишь разницею, что % арендующихъ хозяйствъ съ самымъ высшимъ размѣромъ надѣла нѣсколько больше% дворовъ предшествующей группы; то же самое имѣетъ мѣсто и въ отношеніи арендованной земли къ надѣльной. Отличіе проявляется еще и въ томъ, что, за исключеніемъ безземельныхъ, количество арендованной земли, приходящееся на 1 дворъ, увеличивается съ увеличеніемъ размѣра надѣльной земли,—по Саратовской губерніи оно не такъ строго проявлялось. Передача арендованной земли также существуетъ въ Воронежской губерніи, но здѣсь % пересданной земли не возрастаетъ съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла, что, можетъ быть, объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что по Острогожскому уѣзду нѣтъ соотвѣтствующихъ данныхъ,—детальная разработка статистическаго матеріала произведена, какъ было упомянуто, по Острогожскому, Землянскому, Задонскому, Коротоякскому и Нижнедѣвицкому уѣздамъ. Такъ, безземельные по Воронежской губерніи не пересдаютъ арендованной земли; группа хозяйствъ съ размѣромъ надѣла до 5 дес. пересдаетъ $0_{,3}$% арендованной земли, до 15 дес. пересдаетъ $2_{,9}$%, до 25 дес.—$1_{,2}$% и свыше 25 дес. пересдаетъ $5_{,9}$%.

Какъ было показано, аренда частновладѣльческой, вообще чужой, земли имѣетъ весьма существенное значеніе для крестьянскаго хозяйства, для «самостоятельнаго» занятія земледѣліемъ,—особенно для тѣхъ разрядовъ

крестьянъ, которые владѣютъ незначительнымъ размѣромъ надѣльной земли. Такое значеніе аренды чужой земли сосуществуетъ одновременно съ другими двумя важными явленіями въ жизни нашего самостоятельнаго крестьянина: я разумѣю, съ одной стороны, сдачу частью крестьянъ въ аренду надѣльной земли, а съ другой—мѣстные и отхожіе промыслы. И только при наличности существованія всѣхъ этихъ трехъ факторовъ мы получаемъ, что только около 70% крестьянскихъ хозяйствъ можно считать за «самостоятельныя» крестьянскія хозяйства. Отсюда видно, что всякое измѣненіе одного изъ факторовъ будетъ серьозно угрожать существованію крестьянскаго хозяйства. Такъ, всякое измѣненіе въ издержкахъ производства хлѣба, измѣненіе, позволяющее успѣшно конкурировать на иностранныхъ рынкахъ отзовется на «самостоятельности» крестьянскаго хозяйства тѣмъ, что частные владѣльцы при указанномъ измѣненіи сами будутъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ вмѣсто того, чтобы отдавать свои земли въ аренду. Даже при наличности всѣхъ условій, подъ вліяніемъ коихъ слагается жизнь крестьянскаго хозяйства, это будетъ первый серьозный ударъ для него. Я уже не говорю здѣсь о томъ процессѣ въ жизни крестьянства, результатомъ котораго являются обработка земли наймомъ, сдача въ аренду надѣльной земли и частью забрасываніе ея, дворы безъ посѣва. Этотъ процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія, который привелъ къ тому, что по истеченіи 25—30 лѣтъ со времени реформы не существуетъ и 70% самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, этотъ процессъ тѣмъ поучительнѣе, что аналогичный ему процессъ въ Англіи продолжался нѣсколько столѣтій, не смотря на существованіе тамъ насильственныхъ дѣятелей переворота въ земледѣліи, въ родѣ отобранія церковныхъ имѣній, отчужденія государственныхъ имуществъ, захвата общинныхъ земель, насильственнаго превращенія феодальной собственности и собственности клановъ въ новѣйшую частную собственность, произведеннаго съ безжалостнымъ терроризмомъ [7]). Въ Англіи крѣпостное право фактически исчезло въ концѣ 14-го столѣтія. Громадное большинство населенія состояло тогда и еще болѣе въ 15 столѣтіи изъ свободныхъ крестьянъ, которые самостоятельно занимались земледѣліемъ, подъ какими бы феодальными вывѣсками ни скрывалось ихъ право собственности на землю [8]). Еще въ послѣдней трети 17-го столѣтія $^4/_5$ англійскаго населенія было земледѣльческимъ [9]). У насъ крѣпостное право исчезло въ 1861 г. Черезъ 25 — 30 лѣтъ послѣ его уничтоженія $^7/_{10}$ населенія на южномъ трехпольномъ черноземѣ, а если считать самостоятельными земледѣльцами и обрабатывающихъ землю наймомъ, то тѣ же $^8/_{10}$ населенія являются земледѣльцами. Изъ сопоставленія этого видно, что тотъ процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія, который въ Англіи совершался въ теченіе столѣтій, у насъ подъ вліяніемъ однихъ экономическихъ дѣятелей совершился въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ, начиная съ 1861 г.

Сдача частью крестьянъ надѣльной земли входитъ существеннымъ факторомъ въ самостоятельность того крестьянства, которое въ данное время своимъ скотомъ обрабатываетъ и надѣльную, и арендованную у частныхъ владѣльцевъ и у крестьянъ же надѣльную землю, такъ что прекращеніе сдачи надѣльной земли, вслѣдствіе какого-бы то ни было волшебнаго процесса, превратитъ часть настоящихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ въ несамостоятельные, т. е. въ общемъ дѣло не измѣнится: вмѣсто Ивана будетъ самостоятельнымъ земледѣльцемъ Петръ, и только. Я уже указывалъ, что серьознымъ, непреодолимымъ препятствіемъ для такого превращенія служитъ тотъ простой фактъ, что $^1/_4$ населенія южнаго трехпольнаго чернозема не имѣетъ рабочаго скота.

III.

Разсмотримъ теперь сдачу одними и аренду другими надѣльной земли. По Черниговской губерніи у меня выведено 7,700 хозяйствъ, сдающихъ землю въ аренду [10]).

По Воронежской губерніи 38,029 крестьянскихъ хозяйствъ изъ 139,584, или $27,_2\%$, арендуютъ 146,665 дес., или $9,_4\%$, надѣльной земли (1,566,894 дес.) за 1,218,689 рублей, или по $8,_{31}$ руб. за десятину.

По Саратовской губерніи (По Аткарскому, Петровскому, Саратовскому и Царицынскому уѣздамъ) въ таблицахъ *Свода* не показано число арендующихъ надѣльную землю дворовъ, и, поэтому, придется ограничиться числомъ десятинъ. Всего по Саратовской губерніи арендуется 335,387 дес. надѣльной земли, или $10,_1\%$, за 1,609,344 руб., по $4,_{80}$ руб. за десятину.

По Курской губ. 39,929 крестьянскихъ хозяйствъ изъ 253,729, или $15,_7\%$, арендуютъ 139,106 десят. надѣльной земли, или $6,_7\%$, за 1,280,815 руб., по $9,_{21}$ руб. за десятину.

По Полтавской губерніи нѣтъ свѣдѣній объ арендѣ или сдачѣ надѣльной земли.

Относительно суммы аренды необходимо замѣтить слѣдующее. По Воронежской губерніи она вычислена по средней для каждой изъ группъ крестьянъ, арендующихъ надѣльную землю, и относится только до 6,504 дес. изъ 146,665 дес. всей арендованной надѣльной земли, т. е. за 140,161 дес. плата взята изъ таблицъ. По Саратовской губ. искусственно вычислена арендная плата за 112,976 дес. изъ 335,387 дес.

Для того, чтобы нѣсколько разобраться въ только что приведенныхъ данныхъ по арендѣ надѣльной земли, обратимся къ Саратовской и Воронежской губерніямъ, по которымъ масса свѣдѣній проведена въ зависимости отъ размѣровъ надѣльной земли на хозяйство.

По Саратовской губерніи необходимыя объ арендѣ надѣльной земли данныя представлены въ слѣдующей табличкѣ.

Размѣръ надѣльной пашни на 1 хозяйство.	Число арендующихъ хозяйствъ.	%	% аренды къ надѣлу подъ посѣвомъ.	На 1 арендующій дворъ десятинъ.
До 0 дес. (безнадѣльн.)	1.609	10.1	—	3,4
„ 2.5 „	4.171	14.5	46,0	3,1
„ 5 „ . . .	9,039	22,6	34,1	3,8
„ 10 „	15.364	26.4	26.6	4,9
„ 20 „ . . .	11,871	34,9	25,9	7,2
Бол. 20 „ . .	3,136	50,1	32,0	12,4
Итого . .	45,190	24.7	29.3	5,6

Такимъ образомъ, аренда надѣльной земли также находится въ зависимости отъ размѣровъ землевладѣнія, но по отношенію къ числу арендующихъ хозяйствъ эта зависимость иная, чѣмъ при арендѣ частновладѣльческой земли. Въ то время, какъ мы видѣли по той же Саратовской губерніи, что при арендѣ чужой земли число арендующихъ дворовъ уменьшается по мѣрѣ увеличенія надѣльной пашни на хозяйство, при арендѣ надѣльной земли число арендаторовъ увеличивается. Такъ общее число арендаторовъ составляетъ около $^1/_4$ всѣхъ хозяйствъ, но при размѣрѣ надѣльной пашни на дворъ болѣе 20 дес. число арендаторовъ составляетъ нѣсколько болѣе $^1/_2$ числа хозяйствъ этой группы. % арендованной надѣльной земли къ числу десятинъ подъ посѣвомъ уменьшается по мѣрѣ увеличенія размѣра надѣльной пашни на 1 дворъ, и только высшая по размѣрамъ группа хозяйствъ арендуетъ значительную часть надѣльной земли, что имѣетъ мѣсто и по Воронежской губ., какъ будетъ показано. Значительный % аренды надѣльной земли указываетъ на серьезное разстройство хозяйствъ съ незначительнымъ размѣромъ пашни въ хозяйствѣ и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми данными, которыя я приводилъ раньше, т. е. съ распредѣленіемъ рабочаго скота въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, со степенью самостоятельности при обработкѣ надѣла и съ данными объ арендѣ чужой земли. Наконецъ, при арендѣ надѣльной земли имѣетъ мѣсто такое же увеличеніе средняго размѣра арендованной земли, какъ и при арендѣ чужой земли. Тѣ же явленія повторяются и при арендѣ надѣльной земли по Воронежской губ., отличаясь лишь, такъ сказать, своимъ ростомъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблички:

Размѣръ надѣльной земли на 1 дворъ.	Число арендующихъ хозяйствъ.	%	% аренды къ надѣльной землѣ.	На 1 дворъ арендующій приходится десятинъ.
До 0 дес. (безземельн.).	251	8,8	—	2,9
„ 5 „	5,462	22,0	15,5	2,5

Размѣръ надѣльной земли на 1 дворъ.	Число арендующихъ хозяевъ.	%	% аренды къ надѣльной землѣ.	На 1 дворъ арендующій приходится десятинъ.
До 15 дес. (безземельн.	16,748	27.7	9.7	3,1
„ 25 „ . . .	6,516	29,9	7.4	4,8
Бол. 25 „	2.070	36.3	7.8	6,8
Итого . . .	31.047	26.9	9.1	3,8

И по Саратовской, и по Воронежской губерніи безземельные, безнадѣльные нарушаютъ зависимость, которая существуетъ между увеличеніемъ средняго размѣра арендованнаго участка и размѣромъ надѣла. И по той, и по другой губерніи средній размѣръ арендованнаго безземельными участка надѣльной земли больше, нежели соотвѣтствующій размѣръ у той группы крестьянъ, которая имѣетъ до 2,5 дес. пашни на дворъ по Саратовской губерніи и до 5 дес. надѣльной земли на дворъ по Воронежской губерніи.

Разсмотрѣніе аренды чужой земли показало, что самостоятельное занятіе земледѣліемъ для той части крестьянъ, которая получила небольшіе надѣлы, находится въ прямой зависимости отъ класса землевладѣльцевъ, отъ воли этого класса, т. е. получается какая-то странная, домашняя, самобытная самостоятельность, зависящая отъ воли землевладѣльцевъ. Ускоритъ ли сельско-хозяйственный прогрессъ отдѣленіе производителя отъ средствъ производства и существованія, или же оно будетъ совершаться подъ вліяніемъ однихъ тѣхъ условій, въ которыя поставлена самостоятельная жизнь крестьянства Положеніемъ 19 февраля 1861 г., но одно несомнѣнно, что вслѣдствіе аренды чужой и надѣльной земли положеніе арендующихъ дворовъ рѣзко отличается отъ положенія тѣхъ дворовъ, которые въ настоящее время не занимаются самостоятельно земледѣліемъ; подняться имъ даже до такой самобытной самостоятельности нѣтъ возможности.

Въ настоящихъ итогахъ я не разсматриваю ни распредѣленія поземельной собственности среди крестьянъ, ни вліянія платежей на отдѣленіе производителя отъ средствъ производства и существованія, данныхъ исторически,— но отмѣчу лишь тотъ общій фактъ, что, не смотря на артельный духъ и общину, крестьяне владѣютъ тѣмъ количествомъ надѣльной земли, какое сочтено было нужнымъ по мѣстнымъ удобствомъ дать имъ при введеніи положенія 19 февраля 1861 г. и платятъ такое количество платежей, какимъ сочтено было нужнымъ обложить ихъ за эту землю, а въ какомъ отношеніи стоятъ эти платежи къ землѣ, намъ скажетъ, напр., г. Янсонъ. Платежи и повинности за землю, говоритъ онъ въ своемъ извѣстномъ опытѣ, не находятся вовсе въ соотвѣтствіи, не го-

воримъ уже, съ доходами, отъ надѣловъ получаемыми, но и со всей совокупностью условій, обезпечивающихъ бытъ крестьянъ, — напротивъ, они находятся въ обратномъ отношеніи со степенью обезпеченности этого быта земельными надѣлами. Пониженіе выкупныхъ платежей по закону 28 декабря 1881 г. не измѣнило этого обратнаго отношенія между величиною надѣла и величиною платежа: оно только нѣсколько уменьшило величину платежа, т. е. регулированіе отношеній между крестьяниномъ и землею, выразившееся въ Положеніи, заключало въ себѣ возможность отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія. Эта возможность и объективировалась по истеченіи 25 — 30 лѣтъ въ видѣ 30% населенія въ южномъ трехпольномъ черноземѣ, не занимающагося самостоятельно земледѣліемъ.

Для надлежащаго пониманія приведенныхъ раньше табличекъ объ арендѣ чужой и надѣльной земли необходимо замѣтить слѣдующее. Истинное число дворовъ, арендующихъ и чужую и надѣльную землю, не выражается суммою числа дворовъ, или % арендующихъ и ту и другую, а нѣсколько меньше этой суммы, что я могу иллюстрировать, на примѣрѣ Саратовской губерніи.

Размѣръ надѣльной пашни на 1 дворъ.	Хозяйствъ. Арендующихъ чужую землю %	Арендующихъ надѣлъ.	Истинный %.
До 0 дес. (безнадѣльн.) . . .	25,7	10,2	29,3
„ 2,3 „ . . .	73,3	14,5	72,4
„ 5 „ . .	39,9	22,6	50,5
„ 10 „ . .	37,9	26,4	52,9
„ 20 „ .	32,0	34,9	53,9
Бол. 20 „ .	21,3	50,1	57,4
Средн. .	41,2	24,7	53,7

Т. е. истинный или дѣйствительный % хозяйствъ, арендующихъ и чужую и надѣльную землю, очень высокъ: болѣе ½ всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ арендуютъ землю; этотъ % въ дѣйствительности будетъ еще выше, если мы отнесемъ число арендующихъ дворовъ не къ общему числу всѣхъ хозяйствъ, а только къ тѣмъ, которые дѣйствительно занимаются земледѣліемъ, самостоятельно или нѣтъ, безразлично. % дворовъ, арендующихъ землю, не находится въ соотвѣтствіи съ размѣромъ надѣльной пашни на 1 дворъ. Во-первыхъ, бросается въ глаза высокій % безземельныхъ дворовъ, арендующихъ землю; онъ тѣмъ поучительнѣе, что среди разныхъ земельныхъ разрядовъ крестьянъ находится много такихъ, которые забросили землю. Во-вторыхъ, громадный % арендаторовъ среди

той группы, которая менѣе другихъ обезпечена землею. За этими двумя или вѣрнѣе однимъ исключеніемъ (группа съ 2,5 дес. пашни), число арендаторовъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія размѣровъ пашни на дворъ. Такъ какъ и участныхъ владѣльцевъ, и у надѣльныхъ арендуется только пашня,—по крайней мѣрѣ только она зарегистрирована по тѣмъ уѣздамъ, по коимъ статистическій матеріалъ проведенъ по размѣрамъ земли,—и такъ какъ % отношенія сдѣланы къ числу надѣльной земли подъ посѣвомъ, то, сложивъ % отношенія аренды у чужихъ и у своихъ, получимъ дѣйствительное выраженіе нужды въ арендной землѣ для арендующихъ дворовъ. Такъ оказывается, что 1-я группа (до 2,5 дес.) арендуетъ 437,3% по отношенію къ надѣлу подъ посѣвомъ, т. е. нуждается въ четыре раза большемъ количествѣ пашни, нежели сколько ея находится у всѣхъ крестьянъ группы, т. е. считая въ томъ числѣ и землю арендаторовъ; 2-я группа (до 5 дес.) нуждается почти въ такомъ же количествѣ пашни, какое находится также у всѣхъ крестьянъ этой группы—она арендуетъ 96,9%; 3-я группа арендаторовъ (до 10 дес.) нуждается болѣе, чѣмъ въ половинѣ той пашни, которая находится подъ посѣвомъ—именно въ 62,1%; 4 и 5 группы арендуютъ нѣсколько больше $^1/_2$ надѣльной пашни, находящейся подъ посѣвомъ, именно 51,3% и 51,1%.

IV.

Мѣстные и отхожіе промыслы суть та сторона въ жизни стараго, крѣпостнаго общества, основаннаго на земледѣліи съ подсобными промыслами, сторона, которою старое общество связывается съ новымъ, основаннымъ на наемномъ трудѣ, точно также, какъ кустарные промыслы служатъ естественною связью съ фабричнымъ производствомъ. Черезъ посредство мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ капиталистическое производство овладѣваетъ мало-по малу свободнымъ работникомъ-земледѣльцемъ, превращая его въ наемнаго работника. Съ другой стороны, овладѣвая кустарнымъ производствомъ, капиталистическое производство овладѣваетъ и кустаремъ, также превращая его въ наемнаго работника. Въ первомъ случаѣ, оно овладѣваетъ тѣми работниками, которыхъ такъ сказать выбрасываетъ на улицу земледѣльское хозяйство, а во второмъ—оно подкапывается подъ экономическіе основаніе мелкаго производителя.

Мы уже видѣли, что съ точки зрѣнія самостоятельнаго занятія земледѣліемъ крестьяне южнаго трехпольнаго чернозема находятся въ различномъ положеніи и представляютъ постепенные переходы отъ самостоятельнаго занятія земледѣліемъ до полнаго разрыва съ нимъ; точно также самостоятельное занятіе земледѣліемъ однихъ находится въ зависимости между другими факторами и отъ промысловъ.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ показано число лицъ, занимающихся промыслами; число женщинъ въ ней не выдѣлено, такъ какъ, съ одной

стороны, оно не выдѣлено, напр. по таблицамъ Черниговской губерніи [11]), а съ другой стороны потому, что насколько произведено такое выдѣленіе, то число женщинъ занимающихся промыслами, не представляется значительнымъ.

	Число лицъ, занятыхъ мѣстнымъ промысломъ.	% ко всему населенію.	Число лицъ, занятыхъ отхожими промыслами.	% ко всему населенію.	% ко всему населенію и тѣхъ, и другихъ.
Черниговская губ. . . .	38,372	7,3	11,972	2,3	9,6
Воронежская „ . . .	55,213	5,6	81,412	8,3	13,9
Полтавская „ . . .	24,328	3,3	85,726	11,6	14,9
Саратовская „ . . .	24,033	1,4	61,672	3,5	4,9
Курская „ . . .	115,591	7,1	115,904	7,1	14,2
	257,537	4,6	356,686	6,4	11,0 [12]).

Такъ какъ дѣленіе промысловъ на мѣстные и отхожіе не можетъ быть строго разграничено, то я ограничусь разсмотрѣніемъ общаго числа лицъ, занимающихся промыслами, безъ отношенія къ мѣсту. Изъ таблички видно, что промыслы наиболѣе развиты въ Полтавской губерніи, Курской и Воронежской, наименѣе же въ Черниговской и Саратовской губерніяхъ. % отношенія не поражаютъ своею величиною, такъ какъ отношенія сдѣланы ко *всему* населенію. Я сдѣлалъ бы надлежащія отношенія, если бы находящійся въ таблицахъ матеріалъ былъ точнѣе опредѣленъ, т. е. если бы лица, занимающіяся промыслами были сгруппированы по возрастному составу, но такъ какъ этого нѣтъ, то приходится довольствоваться такими общими выводами, какіе и сдѣланы.

Но если мы обратимся къ разсмотрѣнію промысловъ въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, то картина значительно измѣняется, получаются опредѣленные выводы.

По Саратовской губерніи, по тѣмъ уѣздамъ,—они названы выше,—по которымъ проведены свѣдѣнія о крестьянскихъ хозяйствахъ въ зависимости отъ размѣровъ надѣльной пашни, въ *Сводѣ* показаны хозяйства, отпускающія работниковъ мужск. пола внаймы; хозяйства я оставлю въ сторонѣ, а воспользуюсь числомъ работниковъ, отнеся ихъ ко всему числу работниковъ, въ числѣ которыхъ не значатся ни калѣки, ни солдаты на службѣ, и получимъ слѣдующую табличку.

Размѣръ надѣльной пашни на 1 дворъ.	Число работниковъ м. п., которые нанимаются.	%	Всего работниковъ.
До 0 дес. (безнадѣльн.). . . .	5,150	42,1	12,235
„ 2,5 „ . . .	8,185	22,0	37,179

Размѣръ надѣльной пашни на 1 дворъ.	Число работниковъ м. п., которые нанимаются.	%	Всего работниковъ.
До 5 дес. . . .	11,777	24,7	47,664
„ 10 „ . . .	14,986	17,5	85,788
„ 20 „ . . .	8,330	12,1	68,639
Бол. 20 „ . .	1,742	10,0	17,467
Итого. . .	50,170	18,7	268,992

Общее число работниковъ, которое нанимается, не достигаетъ $^1/_5$ всего числа дѣйствительныхъ работниковъ, но распредѣленіе ихъ въ зависимости отъ размѣра надѣльной земли стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Изъ безнадѣльныхъ чуть не половина работниковъ идетъ наниматься, продавать свою рабочую силу, но имѣющіе надѣльной пашни болѣе 20 дес. на дворъ, отпускаютъ только десятую часть своихъ работниковъ. Остальные земельные разряды отпускаютъ такое число работниковъ, которое заключается между этими двумя крайними группами. При размѣрѣ пашни до 2,5 и до 5 дес. на дворъ произошла какъ бы перестановка въ числахъ; на эту перестановку я уже́ указывалъ: она отражается на всѣхъ другихъ раньше разсмотрѣнныхъ сторонахъ крестьянской жизни въ данныхъ уѣздахъ Саратовской губ., и къ ней я потомъ возвращусь. По Воронежской губерніи, какъ видно изъ предстоящей таблички, зависимость числа лицъ, занимающихся промыслами, отъ размѣровъ надѣльной земли, ничѣмъ не затемняется.

Размѣръ надѣльной земли на 1 дворъ.	Дворовъ, взявшихъ сдѣльныя работы.	Промыслы. Мѣстн. Лицъ (мужчинъ и женщинъ).	Отхож. Лицъ (мужчинъ и женщинъ).	% ко всему населенію. Мѣстныхъ.	Отхожихъ.
До 0 дес. (безземельн.) .	13	2,115	1,509	21,5	15,3
„ 5 „ .	1,980	8,450	16,309	7,1	13,6
„ 15 „ .	4,603	15,893	39,791	4,0	9,9
„ 25 „ .	1,498	4,985	15,546	2,4	7,6
Бол. 25 „ .	477	947	5.631	1,2	7,0
Итого .	8,571	32,390	78,786	4,0	9,6

Въ первой графѣ показано число дворовъ, взявшихъ сдѣльныя работы, но по таблицамъ не показано числа лицъ, и потому я ограничился приведеніемъ этихъ чиселъ для полноты. Такъ какъ мѣстными и отхожими промыслами заняты и женщины, то абсолютныя числа лицъ я отнесъ ко всему населенію,—женщинъ-работницъ, съ одной стороны я не вы-

дѣлилъ, а съ другой — возрастный составъ занимающихся промыслами не извѣстенъ, — и потому % лицъ, занимающихся промыслами, ниже дѣйствительнаго, не говоря уже о томъ, что онъ не показываетъ лицъ, взявшихъ сдѣльныя работы, но онъ хорошо поясняетъ зависимость между размѣромъ надѣла и числомъ лицъ, занятыхъ промыслами. Изъ таблички видно, что по мѣрѣ увеличенія надѣла уменьшается число лицъ, занятыхъ посторонними самостоятельному земледѣлію промыслами. Далѣе, число лицъ, занятыхъ отхожими промыслами изъ безземельныхъ, меньше числа лицъ, занятыхъ мѣстными промыслами. Но у имѣющихъ землю существуетъ совсѣмъ обратное отношеніе: число лицъ, занятыхъ отхожими промыслами, больше числа лицъ, занятыхъ мѣстными промыслами. Особенно это замѣтно у двухъ послѣднихъ разрядовъ. При надѣлѣ до 25 дес. число отходящихъ на промыслы слишкомъ въ три раза больше числа лицъ, занятыхъ мѣстными промыслами, а у послѣдняго разряда даже почти въ шесть разъ. Различеніе между лицами, занятыми мѣстными промыслами, и лицами, которыя заняты отхожими промыслами, имѣетъ громадное значеніе. Занятый мѣстными промыслами остается подъ вліяніемъ той же самой деревенской обстановки, или, выражаясь языкомъ извѣстнаго писателя, подъ «властью земли». Тогда какъ, напротивъ, занимающійся отхожими промыслами разрываетъ съ этою «властью»... Подъ вліяніемъ новыхъ условій труда, у отходящаго на работы измѣняется привычное міропониманіе, выдвигается на первый планъ его *я*, самостоятельность. Правда, стремленіе къ самостоятельности, къ критикѣ существующихъ отношеній принимаетъ грубыя формы, но это уже зависитъ отъ общихъ условій труда, отъ той исторической ступени развитія, на которой находится въ данное время русское общество. Ходъ идей въ головѣ такого работника только соотвѣтствуетъ ходу вещей, а ходъ вещей, — особенно при такомъ переходномъ состояніи общества отъ стараго, крѣпостнаго способа производства, къ новому, капиталистическому, — отражается въ грубыхъ формахъ въ головѣ не только мелкаго производителя.

V.

Изъ другихъ сторонъ крестьянскаго хозяйства на южномъ трехпольномъ черноземѣ я отмѣчу кратко слѣдующія: о землѣ, купленной крестьянами, и о хозяйствахъ съ наемными работниками.

Купленныя земли не зарегистрированы по Черниговской и Полтавской губерніямъ. Онѣ, какъ было сказано, не имѣютъ того значенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какое имъ обыкновенно придается. Такъ, крестьянами всего южнаго трехпольнаго чернозема куплено, по крайней мѣрѣ при помощи крестьянскаго банка, всего 1,9% по отношенію къ надѣльной землѣ, и это по 1 января 1889 года. Распредѣленіе купленной земли среди крестьянъ находится въ зависимости отъ размѣровъ надѣла и при-

томъ такъ, что чѣмъ больше размѣръ надѣла, тѣмъ и большимъ % по отношенію къ надѣльной землѣ выражается купленная земля. Такъ, по Воронежской губерніи, за исключеніемъ безземельныхъ, крестьянскія хозяйства пріобрѣли покупкою земли при размѣрѣ надѣла: до 5 дес. $1,_4$% по отношенію къ надѣльной землѣ, до 15 дес.—$1,_2$%, до 25 дес.—$1,_3$%, болѣе 25 дес.—$9,_4$%; % же купленной земли по отношенію къ надѣльной у всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ равенъ $2,_5$. Далѣе, само собою разумѣется, что среди разныхъ земельныхъ группъ покупаютъ землю тѣ крестьянскіе хозяйства, которыя самостоятельно занимаются земледѣліемъ.

Другая сторона въ жизни крестьянства, на которую я указываю мимоходомъ, это существованіе хозяйствъ съ наемными работниками. И здѣсь опять существуетъ прямая зависимость между размѣромъ надѣла и числомъ хозяйствъ, пользующихся наемнымъ трудомъ такого же крестьянина: по мѣрѣ увеличенія размѣра надѣла увеличивается и число хозяйствъ, пользующихся наемнымъ трудомъ. При этомъ оказывается, что даже безземельные—и тѣ пользуются наемнымъ трудомъ. Такъ, по Саратовской губ. $1,_8$% безземельныхъ дворовъ пользуются наемнымъ трудомъ, а по Воронежской губ. такихъ дворовъ $1,_1$%. По Саратовской губ., при размѣрѣ надѣльной пашни до $2,_5$ дес. на дворъ, $4,_2$% хозяйствъ пользуются чужимъ трудомъ, а при размѣрѣ пашни болѣе 20 дес.—уже $16,_4$% такихъ дворовъ. По Воронежской губерніи, при размѣрѣ надѣла до 5 дес., $2,_8$% эксплоатируютъ чужой трудъ, а при размѣрѣ болѣе 25 дес.—$12,_6$% крестьянскихъ хозяйствъ пользуются наемнымъ трудомъ крестьянъ же. Такимъ образомъ наше крестьянство не только находится на различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія, но въ немъ уже существуютъ и эксплоатирующіе, и эксплоатируемые.

VI.

Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь еще на одной сторонѣ крестьянской жизни. Предстоящая табличка показываетъ число грамотныхъ и учащихся обоего пола.

	Число грамотныхъ и учащихся.		% грамотныхъ и учащихся мужского пола къ мужскому населенію.	% грамотныхъ и учащихся женского пола къ женскому населенію.
	Мужскаго пола.	Женскаго пола.		
Черниговская губ. .	20,599	729	$7,_9$	$0,_3$
Воронежская „ .	53,199	4,294	$5,_4$	$0,_4$
Полтавская „ .	30,303	748	$8,_1$	$0,_2$
Саратовская „ .	166,041	54,765	$19,_2$	$6,_2$
Курская „ .	99,513	4,724	$12,_1$	$0,_6$
	369,655	65,260	$6,_6$	$1,_2$[13]).

Какъ видно изъ таблички, средній % грамотности очень и очень низокъ: грамотные и учащіеся обоего пола составляютъ менѣе $^1/_{10}$ части всего населенія (7,8%). Далѣе, грамотные и учащіеся распредѣляются крайне неравномѣрно. Больше всего грамотныхъ и учащихся обоего пола въ Саратовской губерніи и меньше всего—въ Воронежской. По Саратовской губерніи женское населеніе менѣе грамотно мужскаго только раза въ три, тогда какъ въ Полтавской губерніи—разъ въ сорокъ. Если же мы посмотримъ на распредѣленіе грамотности среди населенія въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, то по Саратовской губ. получимъ слѣдующую табличку:

Размѣръ надѣльной пашни на 1 дворъ.	Число грамотныхъ и учащихся. Мужскаго пола.	Женскаго пола.	% грамотныхъ и учащихся мужскаго пола къ мужскому населенію.	% грамотныхъ и учащихся женскаго пола къ женскому населенію.
До 0 дес. (безнад.) .	4,665	930	18,0	2,9
» 2,5 » .	10,697	1,544	14,5	2,0
» 5 » .	15,353	4,497	16,7	4,4
» 10 » .	32,337	11,908	18,6	6,6
» 20 » .	38,085	17,053	25,7	12,3
Бол. 20 » .	17,901	10,834	44,9	31,5
Итого .	119,038	46,766	21.5	8,3

Число грамотныхъ и учащихся по Саратовской губ., за исключеніемъ безнадѣльныхъ, находится въ прямой зависимости отъ увеличенія размѣра пашни на хозяйство: при увеличеніи числа десятинъ пашни увеличивается и % грамотныхъ и учащихся. При размѣрѣ надѣльной пашни до 2,5 дес. на дворъ величина семьи больше величины семьи при размѣрѣ пашни до 5 дес. Это обстоятельство отражалось на многихъ сторонахъ крестьянской жизни, какъ это было показано, но по отношенію къ грамотности значеніе величины надѣла не зависитъ отъ величины семьи и поэтому % грамотныхъ и учащихся находится въ правильной зависимости отъ величины надѣла. Но и при самомъ высшемъ размѣрѣ надѣльной пашни, болѣе 20 дес. на хозяйство, оказывается, что по Саратовской губ. менѣе половины мужскаго населенія и менѣе трети женскаго являются грамотными и учащимися. Допустить же, что при увеличеніи надѣльной пашни за предѣлы указаннаго высшаго размѣра будетъ увеличиваться и % грамотнаго населенія—не представляется возможнымъ, потому что, какъ это будетъ показано, размѣръ надѣла находится въ зависимости отъ величины семьи, а такъ какъ увеличенія послѣдней уже совсѣмъ нельзя допустить,—то приходится сдѣлать тотъ выводъ, что при наличныхъ условіяхъ существованія крестьянства оно никогда не будетъ все грамотно, такъ какъ не представляется возможнымъ какимъ бы ни

было образомъ увеличить размѣры надѣла всѣхъ остальныхъ группъ, предшествующихъ группѣ съ размѣромъ надѣльной пашни болѣе 20 дес. на хозяйство. Выходъ изъ такого противорѣчія заключается лишь въ обязательномъ и безплатномъ обученіи грамотѣ крестьянскаго населенія. На принудительное обученіе грамотѣ намекаетъ и высокій по сравненію съ первыми двумя земельными группами % грамотныхъ и учащихся среди безнадѣльныхъ. Для крестьянина, обезпеченнаго хотя небольшимъ земельнымъ надѣломъ, нѣтъ такой настоятельной необходимости посылать дѣтей въ школу, такой рѣшающей необходимости, которая, напр., гонитъ его самого на мѣстные и отхожіе промыслы. Для безземельнаго же крестьянина грамотность составляетъ положительную необходимость, такъ какъ съ нею связано полученіе болѣе выгоднаго заработка. Что, по моему мнѣнію, относительно высокій % грамотныхъ и учащихся среди безземельныхъ не зависитъ отъ занятія земледѣліемъ на арендованной землѣ,—на это указываетъ то обстоятельство, что среди безземельныхъ Воронежской губерніи мы встрѣчаемъ наибольшій % грамотныхъ и учащихся,—больше, чѣмъ % для самой высшей по размѣру земли группы крестьянъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблички:

Размѣръ надѣла на 1 хозяйство.	Число грамотныхъ и учащихся мужскаго пола.	% ко всему населенію.	Число грамотныхъ и учащихся женскаго пола.	% ко всему населенію.	Всего населенія.
До 0 дес. (беззем.). . .	800	8,1	593	6,0	9,859
„ 5 „ .	5,624	4,7	478	0,4	119,603
„ 15 „ . .	19,825	4,9	1,486	0,4	401,817
„ 25 „ . .	12,691	6,2	825	0,4	205,613
Бол. 25 „ . .	5,360	6,7	315	0,4	80,342
Итого .	44,300	5,4	3,697	0,5	817,314

% грамотныхъ и учащихся мужскаго пола увеличивается въ зависимости отъ величины надѣла; % же грамотныхъ и учащихся женскаго пола не увеличивается съ увеличеніемъ размѣра надѣла и оказывается одинаковымъ какъ среди богатаго земледѣльческаго населенія, такъ и среди бѣднаго. Но % грамотныхъ и учащихся обоего пола среди безземельныхъ выше таковаго же % самой высшей земельной группы. Въ частности % грамотныхъ и учащихся женскаго пола у безземельныхъ больше таковаго же % каждой изъ остальныхъ земельныхъ группъ въ пятнадцать разъ.

VII.

Было показано, что самыя существенныя стороны крестьянскаго хозяйства на южномъ трехпольномъ черноземѣ, стороны, выражающія само-

стоятельное занятіе земледѣліемъ, связаны съ размѣромъ надѣла. Посмотримъ теперь, въ какой зависимости отъ размѣровъ семьи и ея рабочаго состава находится размѣръ надѣла. Такъ какъ данныя о размѣрахъ семьи по размѣрамъ земельнаго надѣла проведены только по Саратовской и Воронежской губерніи, то я ограничусь приведеніемъ соотвѣтствующихъ данныхъ по этимъ губерніямъ.

Такъ, по Саратовской губерніи слѣдующая табличка показываетъ при данномъ размѣрѣ надѣла число мужскаго и женскаго населенія, приходящагося на одно хозяйство, а также и число работниковъ.

Размѣръ надѣльной пашни на 1 хозяйство.	Число м. муж. и жен. пола въ одномъ хозяйствѣ.	Число работниковъ въ одномъ хозяйствѣ.
До 0 дес. (безнадѣльн.)	3,7	0,7
„ 2,5 „	5,3	1,3
„ 5 „	4,9	1,2
„ 10 „	6,1	1,3
„ 20 „	8,4	2,0
Бол. 20 „	11,9	1,8
Сред. . .	6,1	1,5

Средній составъ семьи или хозяйства по Саратовской губерніи равняется $6_{,1}$ членамъ обоего пола, но при различныхъ размѣрахъ пашни онъ различенъ, и въ общемъ находится въ зависимости отъ размѣра надѣльной пашни на хозяйство: съ увеличеніемъ послѣдней увеличивается и величина семьи. То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ числу работниковъ на одно хозяйство. Исключеніе составляютъ хозяйства съ размѣромъ пашни до $2_{,5}$ и до 5 дес. на дворъ.

По Воронежской губ. тѣ же данныя представлены въ слѣдующей табличкѣ.

Размѣръ надѣла на 1 хозяйство.	Число л. муж. и жен. пола въ одномъ хозяйствѣ.	Число работниковъ въ одномъ хозяйствѣ.
До 0 дес. (безземельн.)	3,3	0,7
„ 5 „	4,8	1,2
„ 15 „	6,7	1,5
„ 25 „	9,4	2,2
Бол. 25 „	14,1	3,2
Средн. . .	7,1	1,6

По Воронежской губ. уже нѣтъ такого исключенія, какое существуетъ для Саратовской губ. Семьи безземельныхъ являются небольшими, какъ

по числу членовъ обоего пола, такъ и по числу работниковъ. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія надѣла, увеличивается какъ число членовъ семьи, такъ и число работниковъ.

Было бы крайне важно опредѣлить, большія семьи при большомъ размѣрѣ надѣла являются ли послѣдствіемъ лучшаго обезпеченія средствами производства и существованія въ видѣ большаго надѣла землею, или же при полученіи надѣла каждою земельною группою и количественный составъ каждой такой группы былъ различенъ,—на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ статистическихъ сборникахъ. Можетъ быть при разсмотрѣніи итоговъ крестьянскаго хозяйства по другимъ полосамъ и придется натолкнуться на соотвѣтствующій матеріалъ для рѣшенія этого важнаго вопроса.

---

1) Какъ я показалъ, крестьянами всего южнаго трехпольнаго чернозема куплено при помощи крестьянскаго банка по 1-е января 1889 г. 1,9% по отношенію къ землѣ, поступившей въ надѣлъ. („Юрид. Вѣсти." 1890 г., № 2: „Цѣны на землю").

2) Въ послѣднюю группу вошли 7,059 хозяйствъ Саратовской губерніи, о количествѣ скота у которыхъ нѣтъ данныхъ, но они составляютъ ничтожный % общаго числа хозяйствъ.

3) % отношенія сдѣланы къ итогу каждой губерніи.

4) В. В. „Судьбы капитализма въ Россіи". Стр. 197—198 и 163.

5) Цитировано выше.

6) Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой таблички, необходимо указать на нѣкоторые искусственные пріемы для вычисленія суммы аренды. По Воронежской губ. въ числѣ 223,143 арендуемыхъ десятинъ значится 10,791 дес. пашни и 12,502 дес. покоса, арендуемыхъ испольно; сумма аренды за эти угодья не показана въ статистическихъ сборникахъ. Для опредѣленія таковой я бралъ среднюю цѣну десятины пашни и сѣнокоса, арендуемыхъ тою или другою земельною группою хозяйствъ съ тѣмъ или другимъ размѣромъ надѣла, и помножилъ на соотвѣтствующее число десятинъ, арендуемыхъ тою или другою группою хозяйствъ. Такъ, напр., группа хозяйствъ съ размѣромъ надѣла отъ 5 до 15 дес. (12,776 хозяйствъ) арендуетъ погодно 38,499 дес. пашни за 427,587 руб.; среднюю цѣну одной десятины пашни я помножилъ на 3,970 дес. пашни же, но арендуемой испольно. Такимъ образомъ, у меня получилась сумма аренды за испольную землю, что, разумѣется, представляется минимальною цѣною за десятину пашни при этой формѣ аренды,—это я могу подтвердить ссылками на статистическіе сборники, но считаю лишнимъ, такъ какъ такого рода явленіе достаточно извѣстно. Точно также я поступалъ и при вычисленіи суммы аренды за покосъ, снимаемый испольно. По Полтавской губерніи искусственности значительно больше, такъ какъ по этой губерніи сумма аренды не занесена въ таблицы. При съемкѣ пахатной земли на одинъ урожай часть арендуется испольно и часть за деньги. Сумма аренды за испольную пашню вы-

числена по денежной арендной платѣ за десятину пашни, взятой изъ соотвѣтствующихъ таблицъ каждаго изъ уѣздовъ. Средняя арендная плата за десятину при арендѣ на года вычислена по средней для уѣзда арендной платѣ за пахатную десятину. Арендная плата за покосъ вычислена для каждаго уѣзда по денежной арендной платѣ за тотъ видъ сѣнокоса, который главнымъ образомъ сдается въ аренду; денежная арендная плата взята изъ таблицъ соотвѣтствующаго сборника. Такъ, для примѣра возьму Золотоношскій уѣздъ. Въ текстѣ (Золотон. у., II-й отдѣлъ, 5-я глава, земледѣліе, стр. 104) значится, что за 36,959 дес. пашни, снимаемой на одинъ урожай, крестьяне Золот. у. платятъ 342,451 р. Эта цифра и взята мною, и по ней вычислена плата за землю при арендѣ на года. При опредѣленіи суммы аренды за покосъ я беру число арендуемыхъ десятинъ,—оно извѣстно изъ таблицъ,—смотрю III отдѣлъ, таблицу № 4, съемныя цѣны сѣнокосовъ, и на 53 стр. нахожу, что въ итогѣ по уѣзду главнымъ образомъ сдается: при денежной формѣ платы — болотный лугъ съ зарослью. Затѣмъ, беру арендную плату за этотъ болотный лугъ съ зарослью и умножаю ее на число десятинъ арендованнаго покоса, получается нѣкоторая величина. Такимъ то способомъ выведена сумма аренды по Полтавской губерніи. По 4 уѣздамъ Саратовской губерніи (Аткарскій, Петровскій, Саратовскій и Царицынскій) крестьяне арендуютъ испольно 25,417 дес., арендная плата за которыя вычислена по средней платѣ за пахатную арендную десятину. Крестьяне остальныхъ уѣздовъ арендуютъ 124 дес. за отработки, 5,410 дес. по неизвѣстной цѣнѣ, и 31,396 дес. испольно. По Курской губерніи крестьянами арендуется 69,847 дес. пашни и покоса за отработки, и за деньги и отработки. Арендная плата за эти десятины вычислена по соотвѣтствующей средней платѣ въ тѣхъ арендахъ, которыя извѣстны. По всѣмъ губерніямъ искусственно вычисленныя цѣны во всякомъ случаѣ ниже денежныхъ арендныхъ цѣнъ, какъ это имѣетъ мѣсто при арендѣ исполу и за отработки, а затѣмъ относятся къ относительно незначительному числу десятинъ. Необходимо замѣтить, что безъ искуственнаго вычисленія нѣтъ никакой возможности сгруппировать статистическій матеріалъ, которымъ я располагалъ, и только при этомъ условіи возможно представить сколько нибудь полную картину крестьянскихъ арендъ.

7) Das Kapital von Karl Marx, Hamburg, 1883, стр. 758—759.

8) Тамъ же, стр. 740—741.

9) Тамъ же, стр. 741, прим. 190.

10) Число десятинъ не могло быть выведено по неимѣнію по нѣкоторымъ уѣздамъ (Мглинскому и Суражскому) цифровыхъ данныхъ. Но изъ объясненій къ таблицамъ по Козелецкому у. (стр. XXI) и Суражскому (стр. 4) я не могъ понять, относится ли сдача къ надѣльной землѣ или къ арендованной чужой,—таблицы по остальнымъ 3-мъ уѣздамъ также составлены, какъ и таблицы по Козелецкому и Суражскому у.,—и потому мнѣ не приходится воспользоваться этими 7,700 хозяйствами, сдающими какую-то землю.

11) Точнѣе — неизвѣстно подъ терминомъ: „лицо“ понимаются одни лица муж. пола или также и женск. пола?

12) Прежде, чѣмъ обратится къ разсмотрѣнію таблички, необходимо слѣдующее поясненіе. По Черниговской губерніи не показаны лица, занимающіяся промыслами по Козелецкому у., такъ какъ въ таблицахъ Козелецкаго у. нѣтъ соотвѣтствующей графы; точно также по Саратовской губерній показано число промышленныхъ лицъ, но безъ данныхъ по Аткарскому у. По Воронежской губ.

въ числѣ 55,213 лицъ, занятыхъ мѣстными промыслами, показано 8,571 дворъ, взявшіе сдѣльныя работы, т. е. принято, что изъ каждаго такого двора только одно лицо занимается мѣстными промыслами. По Полтавской губерніи мѣстными промыслами занято собственно 24,328 семей, но по неимѣнію данныхъ принято, что каждая семья отпускаетъ только одно лицо на мѣстные промыслы. По Саратовской губерніи принято то же самое; и здѣсь мѣстными промыслами занято 24,033 семьи. Кромѣ того, здѣсь о 50,170 работникахъ изъ 61,672 лицъ, занятыхъ отхожими промыслами, извѣстно только то, что эти 50,170 работниковъ принадлежатъ къ хозяйствамъ, отпускающимъ работниковъ м. п. въ наймы; мною они отнесены къ отхожимъ промысламъ.

[13]) По Воронежской губерніи % отношенія грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, равно какъ и среднія для всѣхъ этихъ губерній, сдѣланы ко всему населенію, тогда какъ по остальнымъ губерніямъ число грамотныхъ и учащихся мужскаго пола отнесено къ мужскому населенію, а число тѣхъ и другихъ женскаго пола—къ женскому населенію. Произошло это потому, что по Воронежской губ., при проведеніи данныхъ о грамотности по размѣрамъ надѣла, мужское населеніе не отдѣлено отъ женскаго.

П. Скворцовъ.

ПОРЯДОКЪ ОБЖАЛОВАНІЯ РѢШЕНІЙ ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ И УѢЗДНЫХЪ СЪѢЗДОВЪ.

По законамъ 12 іюля и 29 декабря 1889 года.

Наступилъ уже второй годъ со времени введенія положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ въ губерніяхъ первой очереди, а между тѣмъ многіе пункты этого положенія и другихъ узаконеній, вступившихъ вмѣстѣ съ нимъ въ дѣйствіе, примѣняются въ разныхъ мѣстностяхъ совершенно различно. Можетъ быть по мѣрѣ того, какъ отдѣльные случаи, затрогивающіе общіе вопросы, будутъ доходить до кассаціонной инстанціи, губернскаго присутствія, это послѣднее будетъ издавать циркуляры, обязательные для всѣхъ уѣздовъ данной губерніи. Гораздо труднѣе согласовать между собою эти циркуляры губернскихъ присутствій разныхъ губерній, установить единообразное примѣненіе нормъ при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ не по уѣздамъ только, а по всѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ введено новое положеніе. Одна изъ причинъ этого заключается, конечно, въ отсутствіи такого постояннаго, единаго на всю Имперію истолкователя законовъ, какимъ поставленъ правительствующій сенатъ въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда по судебнымъ уставамъ Императора Александра II; по новому положенію установленіе правильнаго и единообразнаго примѣненія смысла закона сенатомъ можетъ послѣдовать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда министръ юстиціи изъ дошедшихъ до него свѣдѣній усмотритъ, что губернское присутствіе при рѣшеніи судебнаго дѣла допустило явное отступленіе отъ истиннаго смысла закона (собр. узак. 6 января 1890 г. № 3). Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, не вездѣ возможно установленіе единообразія даже въ предѣлахъ губерніи путемъ общаго разъясненія вопросовъ при разсмотрѣніи рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ.

Чтобы показать, какъ разнообразно примѣненіе новаго закона, я приведу нѣсколько извѣстныхъ мнѣ примѣровъ и остановлюсь для этого на временныхъ правилахъ для волостнаго суда, такъ какъ всего болѣе противорѣчій замѣчается въ толкованіи этого отдѣла и особенно главы IV: «обжалованіе рѣшеній волостнаго суда». Если неправильность толкованія другихъ статей такъ или иначе можетъ еще быть несомнѣнно доказана, то различныя мнѣнія о точномъ смыслѣ положеній главы IV временныхъ правилъ имѣютъ каждое столько основаній, что опровергнуть одно и доказать правильность другаго возможно лишь или законодательнымъ порядкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, обязательнымъ толкованіемъ сената.

Къ первой категоріи статей относится ст. 29 врем. прав.; она опредѣляетъ, что рѣшеніе волостнаго суда вступаетъ въ законную силу: 1) если не было обжаловано въ установленный срокъ и 2) если оставлено въ силѣ при разрѣшеніи принесенной на него жалобы. Вступившее въ законную силу рѣшеніе приводится немедленно въ исполненіе. Рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію, исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который въ правѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ соотвѣтственнымъ наказаніемъ по правиламъ, означеннымъ въ ст. 41. Многіе земскіе начальники, толкуя буквально эту статью, признаютъ за собою право замѣны тѣлеснаго наказанія не только въ случаѣ необжалованія рѣшенія волостнаго суда, но и послѣ утвержденія этого рѣшенія съѣздомъ; они говорятъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по точному выраженію закона, нѣтъ самостоятельнаго рѣшенія съѣзда, а есть только то же самое рѣшеніе волостнаго суда и утвержденіе его съѣздомъ признается закономъ лишь за одно изъ двухъ условій, при которыхъ оно вступаетъ въ законную силу. Неосновательность подобнаго толкованія выясняется, какъ изъ общаго смысла законовъ о порядкѣ разрѣшенія судомъ дѣлъ по существу, о подчиненности низшаго суда высшему, такъ особенно изъ разсмотрѣнія соображеній государственнаго совѣта (журналъ соединенныхъ департаментовъ 1889 года № 44): по проэкту статьи 29, приговоры волостнаго суда о тѣлесномъ наказаніи исполняются всегда съ вѣдома земскаго начальника; государственный совѣтъ нашелъ нужнымъ дополнить это правило постановленіемъ, что рѣшеніе суда, присуждающее виновнаго къ наказанію розгами и *своевременно не обжалованное*, приводится въ исполненіе не иначе, какъ по утвержденіи его земскимъ начальникомъ; при этомъ — въ случаѣ неутвержденія рѣшенія, земскому начальнику должно принадлежать право замѣнять это наказаніе другимъ... Такимъ образомъ, изъ всего изложеннаго видно, что вышеприведенное неправильное пониманіе статьи 29 врем. прав. не трудно опровергнуть.

Совершенно другой характеръ представляютъ намъ разнообразныя толкованія главы объ обжалованіи рѣшеній волостнаго суда; здѣсь противо-

рѣчивыя мнѣнія, если не одинаково сильны по числу сторонниковъ, то съ успѣхомъ могутъ бороться между собою по серьозности своихъ основаній.

Статья 31 врем. прав. опредѣляетъ: «Земскій начальникъ представляетъ уѣздному съѣзду жалобы по дѣламъ о тѣхъ проступкахъ, за которые виновный приговоренъ къ аресту на время свыше трехъ дней, либо къ тѣлесному наказанію, либо къ денежному взысканію свыше пяти руб., а также по спорамъ и тяжбамъ, по которымъ присуждено болѣе 30 рублей». Какъ видно, редакція этой статьи не похожа на редакціи соотвѣтственныхъ ей статей 124 уст. уг. суд. и 162 уст. гр. суд. Статья 124 уст. уг. суд. опредѣляетъ, что приговоръ мироваго судьи считается окончательнымъ, когда имъ назначено наказаніе до извѣстнаго предѣла; если это довольно точное опредѣленіе возбудило въ свое время много недоразумѣній, потребовавшихъ разъясненія отъ верховнаго кассаціоннаго суда объ оправдательныхъ приговорахъ и такихъ обвинительныхъ, коими присуждено вознагражденіе менѣе 30 руб. при искѣ болѣе этой суммы (р. у. к. д. 1869 г. № 80, 356, 706 и мн. др.), то не мудрено, что ст. 31 врем. прав. примѣняется весьма различно. Логическимъ выводомъ изъ содержанія ст. 124 уст. уг. суд. необходимо придти къ тому, что всякій приговоръ, въ которомъ нѣтъ одного изъ перечисленныхъ въ статьѣ наказаній, будетъ неокончательнымъ; сюда, слѣдовательно, подходятъ сами собой и приговоры оправдательные. Совершенно обратное мы видимъ въ статьѣ 31 вр. прав.: жалобы подлежатъ разсмотрѣнію лишь въ случаѣ назначенія наказанія свыше извѣстнаго предѣла; оправдательные приговоры, конечно, не могутъ быть отнесены къ этой рубрикѣ и, слѣдовательно, тѣмъ же логическимъ выводомъ мы придемъ къ обратному положенію, что оправдательные приговоры считаются окончательными, даже болѣе чѣмъ окончательными, такъ какъ не подлежатъ обжалованію и въ кассаціонномъ порядкѣ. Едва ли таково было намѣреніе законодателя при изданіи этого закона, ибо такого рода толкованіе кореннымъ образомъ и безъ видимаго основанія нарушаетъ равноправность сторонъ; а между тѣмъ многіе земскіе начальники и уѣздные съѣзды именно такъ толкуютъ эту часть статьи 31 и нельзя сказать, чтобъ они не имѣли подъ собою твердой почвы; напротивъ, съ сожалѣніемъ должно признаться, что противоположный взглядъ не согласенъ съ буквальнымъ содержаніемъ статьи закона и основанъ лишь на общемъ духѣ его, на широкой аналогіи съ статьями 124 уст. уг. суд. и 206 правилъ о производ. судебн. дѣлъ у земск. нач., установленными не для волостнаго суда.

По отношенію къ гражданскимъ дѣламъ 31-я статья возбуждаетъ такія же противорѣчивыя толкованія. Многіе уѣздные съѣзды примѣняютъ ее въ духѣ устава гражданскаго судопроизводства и сообразно съ ст. 111 прав. о произв. суд. дѣлъ, по коей допущеніе апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ поставлено въ зависимость отъ за-

явленной цѣны иска; другіе держатся буквальнаго смысла статьи, и мнѣ приходилось видѣть объявленія земскихъ начальниковъ съ возвращеніемъ жалобы на рѣшеніе волостнаго суда и признаніемъ рѣшенія неподлежащимъ обжалованію на томъ только основаніи, что въ искѣ болѣе 30 р. было отказано. Точно такъ же, какъ въ уголовныхъ дѣлахъ, болѣе широкое признаніе права апелляціи по цѣнѣ иска, а не по присужденной суммѣ, имѣетъ за собою лишь общій смыслъ законовъ о судопроизводствѣ и необходимую для правильнаго рѣшенія дѣлъ равноправность сторонъ; какъ бы ни было вѣско это послѣднее основаніе и какъ бы вслѣдствіе сего ни было желательно примѣненіе 31-й статьи въ духѣ судебныхъ уставовъ, все же таки не подлежитъ сомнѣнію, что такое примѣненіе ея противно буквальному выраженію спеціальнаго закона.

Разсмотрѣніе слѣдующей 32-й статьи врем. прав. возбуждаетъ еще болѣе общій и болѣе важный вопросъ о порядкѣ обжалованія рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ по дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами. Вопросъ этотъ подробно обсуждается въ циркулярѣ одного губернскаго присутствія, разосланномъ къ руководству во всѣ уѣздные съѣзды губерніи. Циркуляръ объясняетъ, что ст. 99 пол. о зем. нач., выдѣляя дѣла волостныхъ судовъ изъ общей группы судебныхъ дѣлъ, предписываетъ съѣзду при разсмотрѣніи ихъ руководствоваться временными правилами о волостномъ судѣ. Послѣдними подробно опредѣленъ порядокъ обжалованія съѣзду рѣшеній волостныхъ судовъ, но ничего не сказано ни о порядкѣ, ни о срокѣ обжалованія рѣшеній съѣздовъ по симъ дѣламъ; а въ силу ст. 98 пол. о зем. нач. постановленія уѣзднаго съѣзда по жалобамъ на рѣшенія волостныхъ судовъ почитаются окончательными и подлежатъ исполненію, обжалованы же въ тридцатидневный срокъ могутъ быть лишь постановленія по дѣламъ, не поименованнымъ въ пяти пунктахъ сей статьи. Помѣстивъ постановленія съѣздовъ по дѣламъ волостныхъ судовъ въ группу постановленій окончательныхъ, не установивъ для подачи жалобъ на нихъ сроковъ и противопоставивъ ихъ другимъ постановленіямъ, по коимъ могутъ быть приносимы жалобы въ мѣсячный срокъ, законодатель ясно установилъ, что на эти постановленія съѣздовъ не могутъ быть приносимы ни апелляціонныя, ни кассаціонныя жалобы. Хотя статьи 129—137, 237—243 прав. о произв. суд. дѣлъ установляютъ порядокъ обжалованія окончательныхъ рѣшеній и приговоровъ съѣздовъ, но къ таковымъ за силою приведенныхъ выше статей 98 и 99 пол. о зем. нач. и на основаніи врем. правилъ о вол. судѣ не могутъ быть отнесены рѣшенія съѣздовъ по дѣламъ, бывшимъ въ разсмотрѣніи волостнаго суда. Посему уѣздные съѣзды, объявляя постановленія свои по дѣламъ волостныхъ судовъ, должны пояснять, что рѣшенія ихъ обжалованію не подлежатъ.

Изъ этого циркуляра видно, что губернское присутствіе не признаетъ третьей кассаціонной инстанціи по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ. Врядъ ли можно признать такой взглядъ губернскаго

присутствія правильнымъ, а порядокъ, установленный имъ, желательнымъ. Мы уже видѣли, до какой степени различно толкуется и примѣняется новый законъ по уѣздамъ; если нѣкоторыми справедливо указывалось на неудобство въ учрежденіи 36 кассаціонныхъ судовъ (губернскихъ присутствій), могущихъ разъяснять смыслъ закона на 36 ладовъ, то насколько же увеличится это неудобство, если по громадному большинству дѣлъ (изъ волостныхъ судовъ) не будетъ руководящей кассаціонной инстанціи даже на предѣлы губерніи; тогда не будетъ возможности согласовать между собою взгляды даже уѣздныхъ съѣздовъ одной губерніи, и явленіе, которое теперь считаемъ мы временнымъ, будетъ постояннымъ: въ двухъ смежныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи законъ будетъ примѣняться діаметрально противоположно (достаточно вспомнить вышеприведенные примѣры по вопросу объ обжалованіи рѣшеній въ зависимости отъ цѣны иска или отъ присужденной суммы). По общему духу нашихъ законовъ о судопроизводствѣ, каждое дѣло, разсмотрѣнное по существу въ двухъ инстанціяхъ, можетъ быть перенесено въ третью кассаціонную. По общему положенію о крестьянахъ, по правиламъ о волостныхъ судахъ прежняго устройства, было установлено лишь двѣ инстанціи; но тамъ эта особенность обусловливалась маловажностью подсудныхъ волостному суду дѣлъ и опасеніемъ законодателя строго нормировать, вмѣшиваться въ существо дѣлъ, своеобразно разрѣшаемыхъ сословнымъ крестьянскимъ судомъ на основаніи обычая, а не закона; и потому тамъ не было апелляціонной инстанціи: вторая инстанція, уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, была непосредственно кассаціонной; и за всѣмъ тѣмъ жизнь брала свое, достаточно выясняла недостатки такого порядка и весьма часто вызывала пересмотры рѣшеній уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія губернскимъ присутствіемъ «въ порядкѣ надзора»; теперь недостатки эти признаны закономъ, установлено одинаково съ общими судами двѣ инстанціи для разсмотрѣнія дѣла по существу, и потому отсутствіе третьей, кассаціонной, будетъ противорѣчить общему духу нашихъ законовъ о судопроизводствѣ. На это можно возразить, что самый порядокъ (апелляціонный или кассаціонный) разсмотрѣнія дѣлъ волостныхъ судовъ въ съѣздѣ не опредѣленъ закономъ; статья 32 врем. прав., относящаяся къ этому вопросу, говоритъ, что уѣздный съѣздъ *или* оставляетъ въ силѣ рѣшеніе волостнаго суда, *или* постановляетъ новое рѣшеніе по существу, *или* передаетъ дѣло въ другой волостной судъ для новаго рѣшенія; такимъ образомъ, какъ будто отъ усмотрѣнія съѣзда зависитъ, въ какомъ порядкѣ разсмотрѣть дѣло; но изъ содержанія статей 128 и 236 прав. о произв. суд. дѣлъ несомнѣнно явствуетъ, что всѣ дѣла волостныхъ судовъ разсматриваются въ уѣздномъ съѣздѣ апелляціоннымъ порядкомъ, такъ какъ этими статьями положительно выражено, что при разрѣшеніи дѣлъ волостныхъ судовъ уѣздные съѣзды дѣйствуютъ примѣнительно къ правиламъ, изложеннымъ въ главахъ о порядкѣ апелляціоннаго разбирательства гражданскихъ и

уголовныхъ дѣлъ въ съѣздѣ; слѣдовательно, самая отмѣна рѣшенія волостнаго суда и передача дѣла въ другой волостной судъ можетъ послѣдовать не въ кассаціонномъ порядкѣ и не по кассаціоннымъ только поводамъ, но по разсмотрѣніи дѣла по существу. Основываясь опять таки на общемъ духѣ законовъ о судопроизводствѣ, слѣдуетъ признать, что обжалованію въ губернское присутствіе подлежатъ лишь такія рѣшенія съѣзда, которыя заканчиваютъ судебное производство по дѣлу, и потому опредѣленіе съѣзда о передачѣ дѣла въ другой судъ не можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ за такимъ опредѣленіемъ будетъ слѣдовать вновь разсмотрѣніе дѣла по существу въ двухъ инстанціяхъ и проситель будетъ имѣть возможность въ свое время обжаловать окончательное рѣшеніе съѣзда.

Разсмотримъ тѣ статьи закона, на которыхъ основанъ вышеприведенный циркуляръ губернскаго присутствія.

Статья 99 пол. о зем. нач. указываетъ, что съѣздъ при разрѣшеніи дѣлъ волостныхъ судовъ руководствуется временными правилами о волостномъ судѣ, въ которыхъ ничего не сказано о порядкѣ обжалованія рѣшеній съѣздовъ по симъ дѣламъ. Но съ другой стороны, какъ мною уже указано, статьи 128 и 236 прав. о произв. суд. дѣлъ подчиняютъ порядокъ разсмотрѣнія съѣздомъ дѣлъ волостныхъ судовъ общимъ правиламъ апелляціоннаго разбирательства дѣлъ земскихъ начальниковъ. Въ виду сего ссылка на ст. 99 положенія не имѣетъ особаго значенія.

Въ силу 4 пункта 98 статьи полож. о зем. нач. постановленія уѣзднаго съѣзда по жалобамъ на рѣшенія волостныхъ судовъ почитаются окончательными и подлежатъ исполненію. Но извѣстно, что рѣшенія съѣзда и по дѣламъ земскихъ начальниковъ также почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію (ст. 127 прав. о произв. суд. дѣлъ); приговоры съѣзда также окончательны и апелляціи не подлежатъ (ст. 235 тѣхъ же правилъ); а между тѣмъ означенныя рѣшенія и приговоры подлежатъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ (ст. 129, 137, 237 и 243 тѣхъ же правилъ). Слѣдовательно, ссылка на ст. 98 положенія не есть еще неопровержимое доказательство правильности вывода губернскаго присутствія.

Совершенно вѣрно указано въ циркулярѣ, что во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ, подробно трактующихъ о порядкѣ обжалованія рѣшеній волостнаго суда, ничего не сказано ни о порядкѣ, ни о срокѣ обжалованія рѣшеній съѣзда по симъ дѣламъ. Къ этому можно еще добавить, что по ст. 29 врем. прав. рѣшеніе волостнаго суда, утвержденное по обсужденіи принесенной на него жалобы, вступаетъ въ законную силу; этимъ какъ бы указывается, что весь порядокъ обжалованія заканчивается разсмотрѣніемъ дѣла въ съѣздѣ, разсмотрѣніемъ жалобы на рѣшеніе волостнаго суда. Основанія, конечно, весьма вѣскія; но противъ нихъ можно указать на статью 123 пол. о земск. нач., по которой «по судебнымъ дѣламъ губернскому присутствію принадлежитъ разрѣшеніе

протестовъ и просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ»; здѣсь нѣтъ разграниченія по какимъ дѣламъ (волостныхъ судовъ или земскихъ начальниковъ) постановлены эти приговоры и рѣшенія, а потому мы въ правѣ заключить, что всѣ они безъ изъятія могутъ подлежать обжалованію.

Во всякомъ случаѣ вопросъ, разъясненный въ циркулярѣ губернскаго присутствія, далеко не простой, и разрѣшеніе его согласно съ истиннымъ смысломъ закона представляется не настолько легкимъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Слѣдуетъ желать, чтобъ одинаковое для всѣхъ губерній разъясненіе этого вопроса послѣдовало отъ надлежащей власти въ возможно близкомъ будущемъ, и чтобъ, въ виду сильно расширенной юрисдикціи волостнаго суда, порядокъ, установленный для разсмотрѣнія подсудныхъ этому суду дѣлъ, надежнѣе гарантировалъ бы правильность ихъ разрѣшенія.

Б. Филатовъ.

МОСКОВСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Московская военная для одиночнаго заключенія тюрьма находится неподалеку отъ кадетскихъ корпусовъ; фасадомъ своимъ она обращена къ городу, а противоположною частью примыкаетъ къ сосновой рощѣ.

Выборъ мѣста для тюрьмы не оставляетъ желать ничего лучшаго: отдаленность отъ шумнаго городского центра, чистый воздухъ, близость воды хорошаго качества—все это ставитъ тюрьму въ весьма выгодныя условія.

Московская военная тюрьма устроена въ 1880 году. Образцомъ для ея устройства послужили одиночныя тюрьмы въ Западной Европѣ и Америкѣ, а также и петербургская военная тюрьма. Есть у насъ въ Россіи еще третья военная тюрьма для одиночнаго заключенія—въ Варшавѣ, но она перестроена изъ старыхъ литовскихъ казармъ, а потому не можетъ идти въ сравненіе съ первыми двумя. Изъ трехъ, учрежденныхъ у насъ военныхъ тюремъ, лучшею по своему устройству является несомнѣнно московская.

По внѣшнему виду эта тюрьма представляетъ большое въ четыре этажа зданіе, окруженное высокой каменной стѣной. Внутри же она устроена такимъ образомъ, что, находясь на средней площадкѣ, можно видѣть все ея внутреннее расположеніе. Отъ этой площадки, какъ отъ центра, идутъ радіусами четыре корридора; по обѣимъ сторонамъ каждаго изъ нихъ расположены въ четыре яруса камеры, двери которыхъ выходятъ на висячія терассы.

Всѣхъ камеръ 205; каждая изъ нихъ представляетъ собою продолговатую комнату съ небольшимъ окномъ и прекрасно устроенной вентиляціей. Въ каждой камерѣ имѣются: водопроводный кранъ, снабжающій заключеннаго водою какъ для питья, такъ и для умыванья; столъ, стулъ, небольшая этажерка, на которой кладется ложка, стаканъ и солонка; желѣзная кровать, прикрѣпленная къ стѣнѣ на шарнирахъ, такъ что днемъ она подымается къ верху, чтобы лишить заключеннаго возможности лежать въ неуказанное время, а на ночь опускается. На кроватяхъ

имѣются соломенные тюфяки, подушки и одѣяла изъ сѣраго солдатскаго сукна. Ватеръ-клозеты помѣщаются въ самыхъ камерахъ, но, благодаря своему устройству, они совсѣмъ не портятъ воздуха. При каждой камерѣ есть звонокъ, посредствомъ котораго заключенный въ случаѣ надобности можетъ позвать караульнаго унтеръ-офицера. Вечеромъ камеры освѣщаются газовыми рожками.

Кромѣ описанныхъ камеръ въ тюрьмѣ есть еще карцеры, которые отъ первыхъ отличаются только тѣмъ, что лишены оконъ, такъ что въ нихъ царитъ постоянный мракъ.

Военная тюрьма служитъ мѣстомъ заключенія исключительно для лицъ военнаго званія и, притомъ, только для нижнихъ чиновъ, которые опредѣляются сюда по приговорамъ полковыхъ и военно-окружныхъ судовъ. При этомъ замѣчено, что военно-окружные суды за одинаковыя по существу преступленія и проступки назначаютъ меньшіе сроки заключенія, чѣмъ суды полковые, т. е. если, напр., за извѣстное преступленіе законъ назначаетъ заключеніе въ тюрьмѣ, положимъ, отъ 30 до 45 дней, то въ этихъ предѣлахъ военно-окружные суды избираютъ меньшій срокъ, чѣмъ полковые. Такое явленіе, по моему мнѣнію, можно объяснить слѣдующимъ образомъ: въ составѣ военно-окружныхъ судовъ всегда, или почти всегда есть люди спеціально подготовленные, военные юристы, которые болѣе или менѣе знакомы съ системой одиночнаго заключенія и которые, слѣдовательно, понимаютъ, что значитъ для заключеннаго пробыть въ такой тюрьмѣ хотя бы только нѣсколько дней лишнихъ; поэтому, при опредѣленіи срока заключенія они дѣйствуютъ, насколько возможно, осторожно. Что же касается полковыхъ судовъ, то они, будучи составлены изъ офицеровъ, не имѣющихъ, большею частью, никакого понятія о томъ, что такое одиночная тюрьма, не стѣсняются при назначеніи срока заключенія, что, конечно, тяжело отзывается на подпавшихъ подъ такого рода приговоры. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что было бы весьма полезно и даже необходимо офицерамъ вообще, а принадлежащимъ къ составу полковыхъ судовъ въ особенности, поближе ознакомиться съ положеніемъ заключенныхъ въ военной тюрьмѣ.

Заключеніе въ военной тюрьмѣ назначается за маловажныя преступленія и проступки, преимущественно за незначительныя нарушенія военной дисциплины, а также за мелкія кражи. Срокъ заключенія полагается отъ 30 дней до 4-хъ мѣсяцевъ; только за оскорбленіе суда этотъ срокъ увеличивается до 1 года. Впрочемъ, случаи подобнаго преступленія бываютъ очень рѣдко.

Въ московской военной тюрьмѣ, какъ я уже выше сказалъ, имѣется 205 камеръ; слѣдовательно, полный комплектъ заключенныхъ опредѣляется въ 205 человѣкъ. Во время моего посѣщенія въ тюрьмѣ было 138 человѣкъ, а вообще число заключенныхъ не бываетъ менѣе 100 человѣкъ.

Что касается системы заключенія, то въ московской тюрьмѣ къ оди-

ночному заключенію присоединяется и обязательное молчаніе. Между собою заключенные не могутъ разговаривать ни въ какомъ случаѣ. Единственная дозволенная форма разговора—это отвѣты на вопросы, предлагаемые начальствомъ, врачемъ и тюремнымъ священникомъ.

За несоблюденіе правила молчанія, а равно и за другія нарушенія тюремной дисциплины виновные въ томъ подвергаются въ самой тюрьмѣ наказаніямъ, которыя раздѣляются на нѣсколько степеней. Первая степень наказанія состоитъ въ томъ, что оставляя заключеннаго въ свѣтлой камерѣ, лишаютъ его соломеннаго тюфяка, такъ что ему приходится спать на голыхъ доскахъ; второю степенью наказанія служитъ лишеніе горячей пищи, которая въ такомъ случаѣ дается заключенному только черезъ два дня въ третій; третья степень—заключеніе въ темный карцеръ на срокъ отъ одного до восьми дней; наконецъ, четвертая степень—наказаніе розгами не свыше 50 ударовъ.

Перехожу теперь къ описанію внутренняго быта тюрьмы.

День заключенныхъ начинается лѣтомъ съ 5-ти, а зимой съ 6-ти часовъ утра. Время до 7 часовъ полагается на совершеніе утренней молитвы, повѣрку заключенныхъ и на уборку ими своихъ камеръ. Отъ 7 час. до 12 происходятъ занятія заключенныхъ, которыя состоятъ въ строевомъ ученіи, гимнастикѣ и различныхъ хозяйственныхъ работахъ. Въ такого рода занятіяхъ заключенные участвуютъ не всѣ сразу, а группами, съ соблюденіемъ извѣстной очереди, причемъ незанятые остаются въ своихъ камерахъ, гдѣ имъ также дается работа, состоящая, главнымъ образомъ, въ разматываніи нитокъ при помощи обыкновенной мотальной машинки.

Каждому заключенному дается нѣсколько бумажныхъ ленточекъ, помѣченныхъ нумеромъ его камеры. Эти ленточки наклеиваются заключенными на всякую приготовленную ими катушку, что нужно для того, чтобы можно было сразу узнать, кѣмъ она сработана: тотъ, чья работа окажется неудовлетворительной, подвергается наказанію.

Разматываніе нитокъ есть главный, можно даже сказать единственный родъ камерной работы, потому что, хотя нѣкоторые изъ заключенныхъ и занимаются другими работами, но это уже является исключеніемъ, о чемъ приходится только пожалѣть: при разнообразіи камерныхъ работъ всегда есть возможность выбрать для каждаго изъ заключенныхъ такую, которая наиболѣе соотвѣтствовала бы его характеру и наклонностямъ.

Деньги, заработанныя заключенными, полностью поступаютъ въ тюремный капиталъ, такъ что въ пользу самихъ заключенныхъ изъ этихъ денегъ не оставляется ничего. Такой порядокъ кажется совершенно неправильнымъ. Хотя деньги на содержаніе заключенныхъ и отпускаются отъ казны, но ихъ хватаетъ не на всѣ нужды. Такъ, наприм., если кто нибудь изъ заключенныхъ заболѣетъ, но не настолько серьозно, чтобы отправляться въ госпиталь, то его лечатъ въ самой тюрьмѣ, при чемъ можетъ случиться, что докторъ найдетъ нужнымъ улучшить его содержаніе,

наприм., увеличить порцію пищи и т. п.; на такія нужды отъ казны не отпускается ничего и ихъ приходится удовлетворять изъ экономическихъ суммъ; изъ этихъ же суммъ расходуютъ на тюремную библіотеку.

Экономическія суммы составляются изъ остатковъ денегъ, отпущенныхъ на продовольствіе заключенныхъ. Если принять во вниманіе, что казна обыкновенно отпускаетъ на содержаніе заключенныхъ такія суммы, которыхъ только достаточно для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ нуждъ, то будетъ ясно, что дѣйствительныхъ остатковъ отъ такихъ суммъ быть и не можетъ, а поэтому экономическія суммы могутъ составляться только посредствомъ урѣзыванія содержанія заключенныхъ. Не лучше ли было бы употреблять на удовлетвореніе непредвидѣнныхъ нуждъ, вмѣсто экономическихъ суммъ,—деньги, заработанныя заключенными?

Время отъ 12 до 1 часу дня употребляется на обѣдъ и отдыхъ. Обѣдаютъ заключенные въ своихъ камерахъ; каждому изъ нихъ дается миска щей съ $^1/_4$ фунта мяса и три фунта чернаго хлѣба — и это на цѣлыя сутки, такъ какъ ни завтрака, ни ужина—не полагается. Впрочемъ, нѣкоторые изъ заключенныхъ не съѣдаютъ своей порціи хлѣба, что объясняется, какъ я думаю, не величиной этой порціи, а тѣмъ угнетеннымъ душевнымъ состояніемъ, которое испытываютъ, если не всѣ, то многіе изъ заключенныхъ. Остающійся, такимъ образомъ, хлѣбъ сушится и сухари раздаются тѣмъ изъ заключенныхъ, которые не удовлетворяются своей дневной порціей. Что касается качества пищи, то въ этомъ отношеніи не остается желать ничего лучшаго.

Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о способѣ раздачи горячей пищи заключеннымъ. Горячее приготовляется въ кухнѣ, помѣщающейся въ нижнемъ этажѣ тюрьмы, и оттуда въ большомъ котлѣ приносится въ тюремный корридоръ; здѣсь оно разливается въ котлы меньшаго размѣра, которыхъ полагается по два на всякій этажъ каждаго изъ четырехъ корридоровъ. Въ верхніе этажи котлы эти доставляются посредствомъ подъемной машины. Каждый котелъ снабженъ желѣзнымъ прутомъ, къ верхнему концу котораго прикрѣплено могущее вращаться колесо; это послѣднее устанавливается на рельсъ, проложенный по краю висячей террассы и такимъ образомъ котлы могутъ быть передвигаемы вдоль корридора. Унтеръ-офицеры, разливъ горячее въ котлы, передвигаютъ ихъ отъ одной камеры до другой, наливаютъ пищу въ миски и подаютъ ее заключеннымъ черезъ окно, имѣющееся въ двери каждой камеры. Такой способъ раздачи пищи хорошъ въ томъ отношеніи, что онъ, съ одной стороны, облегчаетъ трудъ раздающихъ, а съ другой—ускоряетъ самый процессъ раздачи, вслѣдствіе чего заключенные имѣютъ возможность получать пищу неостывшею.—Съѣвъ свой обѣдъ, заключенные сами вымываютъ миски, которыя затѣмъ у нихъ отбираются.

Послѣобѣденное время до 6 ч. вечера предназначается для продолженія прерванныхъ обѣдомъ занятій и для прогулки, которая совершается на тюремномъ дворѣ. Этотъ дворъ дорожкою, ведущею отъ воротъ тюрьмы

къ ея входнымъ дверямъ, раздѣленъ на двѣ прямоугольныя площадки; вокругъ каждой изъ этихъ площадокъ и прогуливаются заключенные, идя всѣ по одному направленію въ разстояніи пяти шаговъ одинъ отъ другого и не иначе, какъ смотря другъ другу въ затылокъ. Въ тюрьмѣ мнѣ говорили, что заключенные гуляютъ также и до обѣда, именно лѣтомъ отъ 9 до 10 часовъ, а зимой отъ 10 до 11 - ти, но въ распредѣленіи занятій заключенныхъ, вывѣшенномъ въ тюремной канцеляріи, объ этомъ ничего не упоминается.

Отъ 6 до 7 - ми часовъ вечера заключенные бываютъ свободны отъ всякихъ обязательныхъ занятій. Въ этотъ часъ, равно какъ и во всякое, вообще, свободное время, имъ позволяется читать книги, выдаваемыя для этой цѣли изъ тюремной библіотеки. Эта библіотека по составу своему довольно хороша. Ежегодно она пополняется на деньги изъ экономическихъ суммъ, о которыхъ упомянуто выше. Процвѣтанію тюремной библіотеки мѣшаетъ то обстоятельство, что много книгъ погибаетъ отъ рукъ самихъ читателей. Дѣло въ томъ, что заключеннымъ безусловно запрещается курить табакъ, а между тѣмъ большинство изъ нихъ, если только не всѣ,—люди, уже привыкшіе къ куренію. И вотъ они рвутъ книги, дѣлаютъ изъ бумаги сигарки и курятъ ихъ. Конечно, попавшимся за такимъ занятіемъ—это не проходитъ даромъ.

Читаютъ заключенные каждый въ своей камерѣ. Такая организація чтенія, кажется, не можетъ принести надлежащей пользы заключеннымъ. Главный контингентъ нашихъ войскъ составляютъ крестьяне—люди, за малыми исключеніями, неграмотные. Хотя въ полкахъ они и обучаются грамотѣ, но эта грамотность ихъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ сомнительнаго качества. Наконецъ, есть между заключенными и совершенно неграмотные или настолько малограмотные, что для нихъ самостоятельное чтеніе является уже окончательно невозможнымъ. А между тѣмъ, чтеніе для заключенныхъ необходимо уже потому, что оно даетъ имъ возможность, хотя на короткое время, забыть окружающую ихъ дѣйствительность и отдохнуть душой. Во время чтенія заключенный отвлекается отъ сосредоточеннаго самосозерцанія и размышленія о своемъ настоящемъ положеніи, чѣмъ избавляется отъ тоски, доводящей даже до умопомѣшательства. Кромѣ того, чтеніе необходимо и по слѣдующей причинѣ: назначеніе одиночнаго заключенія не исчерпывается отклоненіемъ отъ совершенія преступленій путемъ устрашенія; есть другая и, притомъ, болѣе важная цѣль такого заключенія—исправленіе виновныхъ, а для достиженія этой послѣдней цѣли необходимо заботиться о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня заключенныхъ, весьма раціональнымъ средствомъ къ чему можетъ служить толковое чтеніе хорошихъ книгъ. Поэтому, необходимо, во первыхъ, чтобы чтеніемъ пользовались всѣ заключенные, и во вторыхъ, чтобы имъ было понятно все прочитанное. Эти два требованія не могутъ быть выполнены при той организаціи чтенія, какая практикуется въ военной тюрьмѣ въ настоящее время.

Основываясь на высказанныхъ сейчасъ соображеніяхъ, я полагаю, что было бы полезно ввести въ военной тюрьмѣ общія чтенія, организованныя по образцу, такъ называемыхъ, «народныхъ чтеній», а именно слѣдующимъ образомъ: ежедневно собирать заключенныхъ въ какое нибудь одно помѣщеніе, приспособленное къ одиночному заключенію, хотя бы, напримѣръ, въ тюремную церковь, и здѣсь читать имъ, объясняя все то, что можетъ быть для нихъ непонятно; затѣмъ можно предлагать заключеннымъ вопросы, отвѣтами на которые они обнаружатъ какъ степень своей внимательности во время чтенія, такъ и то, насколько прочитанное понято ими. Предметомъ чтеній должны быть разсказы изъ священной и русской исторіи, изъ географіи и вообще все то, что обыкновенно предназначается для народныхъ чтеній. Объясненіе читаемаго можетъ даваться тюремнымъ священникомъ или діакономъ, а также могутъ быть назначаемы для этой цѣли офицеры московскихъ полковъ, для которыхъ это было бы не обременительно, потому что ихъ такъ много, что каждому изъ нихъ пришлось бы потрудиться всего нѣсколько разъ въ годъ, а между тѣмъ, это было бы для нихъ и полезно, потому что такимъ путемъ они какъ слѣдуетъ ознакомились бы съ военной тюрьмой, о которой многіе изъ нихъ не имѣютъ понятія.

Кромѣ чтенія, имѣющаго въ настоящее время случайный характеръ, источникомъ духовной пищи заключенныхъ служатъ бесѣды и поученія тюремнаго священника, съ которыми онъ обращается къ заключеннымъ какъ въ камерахъ, такъ и въ церкви; эти собесѣдованія носятъ чисто религіозно-нравственный характеръ. Сказавъ поученіе, священникъ предлагаетъ заключеннымъ вопросы, отвѣтами на которые они должны обнаружить, насколько понято ими слышанное. Бесѣды въ церкви происходятъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю и пользуются ими заключенные только православнаго вѣроисповѣданія, да и то не каждый разъ, потому что тюремная церковь устроена такъ, что каждый заключенный помѣщается въ ней въ отдѣльной кельѣ и слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ въ церкви черезъ маленькое окошко, а такихъ келій только 109. Кельи въ церкви расположены амфитеатромъ въ четыре яруса, соотвѣтственно четыремъ этажамъ тюрьмы. Алтарь помѣщается на возвышеніи.

Богослуженіе въ тюремной церкви совершается во всѣ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни, при чемъ нѣкоторыя молитвы, какъ то: «Отче нашъ», «Вѣрую», «Достойно» поются самими заключенными, а остальное пѣніе исполняется хоромъ пѣвчихъ военно-фельдшерской школы.

Посѣщеніе заключенныхъ посторонними лицами безусловно не дозволяется. Но не слѣдовало ли бы сдѣлать исключеніе хотя бы въ пользу членовъ филантропическихъ обществъ, дозволивъ имъ посѣщать заключенныхъ, бесѣдовать съ ними, направлять ихъ мысли въ хорошую сторону и слѣдить, по возможности, за ихъ нравственнымъ состояніемъ?

Посылать письма заключенные могутъ только къ ближайшимъ род-

ственникамъ, да и то съ особаго каждый разъ разрѣшенія тюремнаго начальства. Въ заключеніе къ описанію внутренняго быта тюрьмы добавлю, что съ 7 до $8^1/_2$ часовъ вечера заключенные повѣряются и убираютъ свои камеры, затѣмъ въ $8^1/_2$ часовъ бываетъ вечерняя молитва, а въ 9 часовъ заключенные ложатся спать.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о состояніи здоровья заключенныхъ въ военной тюрьмѣ.

Одиночное заключеніе, соединенное съ обязательнымъ молчаніемъ, тяжело отзывается на заключенныхъ, которые страдаютъ какъ физическими, такъ и психическими недугами, переходящими иногда въ полное умопомѣшательство. Случаевъ помѣшательства въ московской военной тюрьмѣ за послѣднія восемь лѣтъ было 21, при чемъ самое большое число помѣшанныхъ, именно 6 человѣкъ, приходится на 1888 годъ. Замѣчено, что одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ сравнительно легче переносится флегматиками и особенно тяжело дѣйствуетъ на людей, обладающихъ горячимъ темпераментомъ, изъ которыхъ многіе или подвергаются психическому разстройству или же рѣшаются на самоубійство. Случаевъ покушенія на самоубійство, главнымъ образомъ, посредствомъ самоудушенія, въ московской военной тюрьмѣ было нѣсколько, но эти попытки лишить себя жизни, большею частью, не удавались заключеннымъ, благодаря надзору за ними; такъ, напр., нѣкто В. два раза покушался повѣситься и оба раза былъ во время замѣченъ дежурнымъ унтеръ-офицеромъ.

Попадаются между заключенными и такіе, которые, желая избавиться отъ одиночнаго заключенія, совершаютъ въ самой тюрьмѣ такого рода преступленія, за которыя имъ приходится отправляться на каторгу. Слѣдовательно, въ глазахъ подобныхъ людей каторга является наказаніемъ лучшимъ, чѣмъ заключеніе въ военной тюрьмѣ.

Что касается физическихъ болѣзней, то сильному ихъ распространенію препятствуютъ хорошія гигіеническія условія, которыми московская военная тюрьма можетъ похвалиться. Дѣйствительно, благодаря прекрасному устройству вентиляціи, воздухъ въ камерахъ всегда хорошій, чистота вездѣ, можно сказать, образцовая. Два раза въ мѣсяцъ заключенные купаются, для чего въ тюрьмѣ имѣется 9 ванныхъ комнатъ. Бѣлье на заключенныхъ мѣняется каждую недѣлю, а въ случаѣ особой надобности и чаще. Наконецъ, качество пищи, какъ я уже выше сказалъ, вполнѣ удовлетворительно.

Страдаютъ заключенные, главнымъ образомъ, отъ неизбѣжнаго при одиночномъ заключеніи недостатка движенія и малаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, послѣдствіемъ чего являются извѣстныя болѣзни, какъ, напримѣръ, малокровіе, скорбутъ и т. п., и чѣмъ дольше срокъ заключенія, тѣмъ чаще болѣетъ заключенный. Легкіе больные лѣчатся въ своихъ камерахъ, а заболѣвшіе болѣе или менѣе серьозно отправляются въ военный госпиталь, при чемъ время, проведенное тамъ, вычитается изъ

срока заключенія; вслѣдствіе этого случается, что заключенные на болѣе продолжительные сроки выходятъ изъ тюрьмы черезъ полтора и даже два года, такъ какъ много времени уходитъ на пребываніе въ госпиталѣ.

Надо упомянуть о рецидивистахъ военной тюрьмы, т. е. о лицахъ, попадающихъ въ нее во второй, третій и т. д. разъ.

Въ этой тюрьмѣ въ теченіе года перебываетъ, приблизительно, около 1,000 человѣкъ заключенныхъ, изъ коихъ рецидивистовъ бываетъ среднимъ числомъ до 150 человѣкъ, что составляетъ 15%. При обсужденіи этого числа рецидивистовъ нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что въ военную тюрьму заключаются виновные въ совершеніи незначительныхъ преступленій и проступковъ, провиниться въ которыхъ и вообще то гораздо легче, чѣмъ въ болѣе важныхъ преступленіяхъ; но тому, кто разъ побывалъ въ военной тюрьмѣ, уже совсѣмъ легко попасть въ нее вторично, потому что такой субъектъ считается штрафованнымъ и каждый, даже самый незначительный проступокъ, за который другому назначатъ самое легкое наказаніе, его можетъ привести въ тюрьму. Поэтому о рецидивистахъ военной тюрьмы отнюдь нельзя судить, какъ о людяхъ, не поддающихся никакому исправленію: большинство изъ нихъ попадаетъ въ тюрьму чисто случайно.

Заключенные, отбывшіе полностью свой срокъ, выпускаются изъ тюрьмы, при чемъ этотъ выпускъ сопровождается для нихъ различными послѣдствіями въ зависимости отъ продолжительности заключенія. Тѣ лица, которыя пробыли въ тюрьмѣ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, возвращаются къ своимъ частямъ и здѣсь въ продолженіе извѣстнаго времени числятся въ разрядѣ штрафованныхъ.

Осужденные же на болѣе продолжительный срокъ, по отбытіи его, уже не отправляются въ полкъ, а исключаются изъ военнаго званія и отсылаются на опредѣленный срокъ въ арестантскія роты, послѣ чего они или возвращаются на родину, или же, если общество не пожелаетъ ихъ принять, ссылаются на поселеніе.

Что касается, наконецъ, до организаціи управленія и надзора въ военной тюрьмѣ, то управленіе этой тюрьмой находится въ рукахъ начальника тюрьмы и двухъ его помощниковъ. Этимъ же лицамъ принадлежитъ и главный надзоръ за заключенными. Что же касается непосредственнаго надзора, то для этой цѣли при тюрьмѣ состоятъ 16 унтеръ-офицеровъ, которые назначаются изъ нижнихъ чиновъ, зарекомендовавшихъ себя безукоризненнымъ поведеніемъ. Они караулятъ заключенныхъ во время работъ на дворѣ, во время прогулки и т. д., а также слѣдятъ и затѣмъ, чѣмъ занимаются заключенные въ своихъ камерахъ, для чего въ двери каждой камеры сдѣлано маленькое отверстіе, открывающееся изъ коридора; черезъ это отверстіе наблюдающій можетъ видѣть заключеннаго незамѣтно для этого послѣдняго. Для занятій текущими дѣлами при тюрьмѣ имѣется канцелярія, а общее обсужденіе тѣхъ или другихъ во-

просовъ происходитъ въ комитетѣ, состоящемъ изъ начальника тюрьмы, его помощниковъ, священника и доктора.

Въ заключеніе упомянемъ о выдающихся происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ московской военной тюрьмѣ и такъ или иначе нарушившихъ обычное теченіе тюремной жизни.

Такими происшествіями эта тюрьма не богата. За все время ея существованія въ ней былъ одинъ случай побѣга заключенныхъ, или, вѣрнѣе сказать, покушенія на побѣгъ. Двое заключенныхъ, работавшіе на тюремномъ дворѣ, воспользовались недосмотромъ караульнаго и вздумали убѣжать черезъ ограду задняго двора. Одинъ изъ нихъ, дѣйствительно, успѣлъ перебраться черезъ ограду и хотѣлъ было укрыться въ примыкающей къ тюрьмѣ рощѣ, но скоро былъ пойманъ; другой же былъ схваченъ еще на тюремномъ дворѣ. Этотъ послѣдній былъ наказанъ пятидесятью ударами розогъ, а первый по новому суду былъ приговоренъ къ продленію срока заключенія на одинъ мѣсяцъ.

Другой случай состоялъ въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ тюрьмѣ однимъ изъ заключенныхъ былъ убитъ караульный унтеръ-офицеръ. Произошло это такимъ образомъ: унтеръ-офицеръ вошелъ вечеромъ въ камеру, чтобы зажечь въ ней огонь; въ это время заключенный ударилъ его по головѣ заранѣе отломанною отъ кровати желѣзною ножкою; ударъ былъ настолько силенъ, что караульный упалъ и лишился сознанія; тогда заключенный окончательно добилъ его, а затѣмъ вызвавъ звонкомъ другого унтеръ-офицера, указалъ ему на убитаго и сказалъ: «уберите его отсюда». Спрошенный о мотивѣ такого убійства, заключенный отвѣтилъ, что думалъ этимъ путемъ избавиться отъ одиночнаго заключенія, а потому рѣшилъ убить перваго, вошедшаго къ нему въ камеру, собственно же противъ убитаго онъ ничего не имѣлъ. Въ самое недавнее время въ тюрьмѣ имѣлъ мѣсто случай, вполнѣ аналогичный съ только что приведеннымъ; именно, 5 февраля текущаго года, во время вечерней повѣрки, заключенный Бурдасовъ ударилъ по головѣ унтеръ-офицера Акимова деревянною подставкой, отчего послѣдній черезъ короткій промежутокъ времени умеръ въ военномъ госпиталѣ.

Вообще, осмотръ московской военной тюрьмы приводитъ къ тому убѣжденію, что система одиночнаго заключенія въ томъ видѣ, въ какомъ она примѣняется въ настоящее время въ военной тюрьмѣ, является наказаніемъ слишкомъ тяжелымъ вообще, а главнымъ образомъ потому, что такому наказанію подвергаются люди, виновные въ незначительныхъ преступленіяхъ и проступкахъ. Этимъ нарушается одно изъ главныхъ правилъ уголовно-правовой теоріи, по которому наказаніе должно быть соразмѣрно съ преступленіемъ и никогда не должно соединять въ себѣ больше страданія, чѣмъ сколько нужно для достиженія положенной закономъ цѣли.

Поэтому, если и считать одиночное заключеніе необходимымъ для военныхъ арестантовъ, то, во всякомъ случаѣ, нужно стараться, насколько

возможно, облегчить участь этихъ послѣднихъ посредствомъ принятія соотвѣтствующихъ мѣръ.

Такими мѣрами могутъ быть: хорошая организація чтеній, введеніе разнообразныхъ камерныхъ работъ, учрежденіе патронатства, члены котораго посѣщали бы заключенныхъ и т. д. Подобныя мѣропріятія могутъ вліять благодѣтельно какъ на состояніе здоровья заключенныхъ, такъ и на ихъ нравственность.

К. Таптыковскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ЗЕМСКО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1890 ГОДУ.

Земская хозяйственная статистика вступила уже въ третье десятилѣтіе своего существованія. Матеріалъ, добываемый съ помощью мѣстныхъ изслѣдованій, разростается до громадныхъ размѣровъ; съ каждымъ годомъ для новичковъ все труднѣе и труднѣе становится ориентироваться въ этомъ обширномъ матеріалѣ. Между тѣмъ, кромѣ общихъ библіографическихъ изданій, никакой органъ печати не даетъ хотя бы систематическаго списка многочисленныхъ хозяйственно-статистическихъ публикацій, печатаемыхъ на средства земскихъ учрежденій. Опытъ общаго обзора земско-статистическихъ работъ сдѣланъ былъ четыре года тому назадъ В. Н. Григорьевымъ и доведенъ до 1887 года [1]). Желая облегчить интересующимся знакомство съ земско-статистическою литературою, я предполагалъ сначала дать непосредственное продолженіе работы В. Н. Григорьева за четыре послѣдующіе года, по совершенный недостатокъ времени заставилъ меня отказаться отъ этого намѣренія и ограничиться въ предлагаемомъ краткомъ обзорѣ только литературою за 1890 годъ [2]).

Въ 1890 году земскія хозяйственно-статистическія учрежденія дѣйствовали въ 16 губерніяхъ; изъ числа этихъ учрежденій, кажется, одно только Саратовское бюро не выпустило въ свѣтъ никакихъ изданій. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ земско-статистическая литература, помѣченная 1890 годомъ, составляется 46 отдѣльными изданіями, изъ которыхъ 28 относятся къ основной хозяйственной статистикѣ и 18 къ

---

[1]) Въ январьской книгѣ „Русской Мысли“ за 1887 г. Напомнимъ еще о работѣ покойнаго В. И. Орлова, помѣщенной въ газетѣ „Земскій Обзоръ“ 1884 г. и о четырехъ статьяхъ г. В. В., напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1885 г. (№ 7), 1886. (№ 8) и 1887 (№ 8) и въ „Русской Мысли“ 1888 г. (№ 6).

[2]) Надѣюсь, что 1887, 1888 и 1889 годы найдутъ все-таки своихъ обозрѣвателей.

текущей. Объемъ 44 доступныхъ намъ изданій [3]) достигаетъ внушительной цифры—936 печатныхъ листовъ, изъ которыхъ 748 принадлежатъ основной статистикѣ и 188 текущимъ обозрѣніямъ. Основныя изслѣдованія хозяйственной жизни, опубликованныя въ 1890 году русскими земствами, коснулись 31 уѣзда; текущія земско-статистическія изданія относятся къ 101 уѣзду. Въ числѣ основныхъ изслѣдованій по десяти уѣздамъ произведено сплошное описаніе всей территоріи. Для 9 уѣздовъ [4]) мы имѣемъ возможность сличить итоги подробнаго учета земель, исполненнаго земскими статистиками, съ тѣми величинами, которыя опредѣлилъ Стрѣльбицкій при измѣреніи 10 верстной карты Россіи. По исчисленію Стрѣльбицкаго, площадь этихъ 9 уѣздовъ составляетъ 5,181,937 десятинъ, по послѣднимъ учетамъ земскихъ статистиковъ та же площадь опредѣлена въ 5,115,460 десятинъ; иными словами, земскіе статистики не досчитали противъ цифръ Стрѣльбицкаго $1{,}_{28}\%$ общаго количества земли, значащагося по картамъ. Чтобы понять значеніе такого сравнительно небольшаго недочета, укажемъ, что для тѣхъ же 9 уѣздовъ правительственная регистрація поземельной собственности въ 1878 году нашла общее количество земли 4.792,602 десятины [5]), иначе не досчитывалась $7{,}_{30}\%$ площади по сравненію съ измѣреніемъ Стрѣльбицкаго. Сплошное подворное изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства съ вновь напечатанными табличными результатами дано въ 1890 году для восьми цѣлыхъ уѣздовъ и для части одного уѣзда—Красноуфимскаго (Пермской губерніи). Въ этихъ $8^1/_4$ уѣздахъ [6]) подверглись изслѣдованію 3417 крестьянскихъ селеній съ 232,724 дворами, съ населеніемъ въ 1,365,182 душъ обоего пола и съ общимъ количествомъ надѣльной земли въ 3,813,001 десятинъ. Средняя величина крестьянской семьи въ обслѣдованныхъ недавно мѣстностяхъ $5{,}_{87}$ человѣкъ весьма близка къ той величинѣ, которая получается въ среднемъ выводѣ для всѣхъ уѣздовъ, подвергшихся земскимъ переписямъ. Размѣръ надѣла превышаетъ среднерусскій размѣръ вслѣдствіе того, что въ числѣ вновь изслѣдованныхъ уѣздовъ находится совершенно исключительный Новоузенскій уѣздъ. Если откинуть не вполнѣ изслѣдованный Красноуфимскій уѣздъ и для 8 цѣлыхъ уѣздовъ сравнить итоги земскихъ переписей съ цифрами правительственной статистики, то окажется, что земская цифра крестьянскаго населенія на 7% выше той цифры, которая значилась въ 1881 году по «статистикѣ мірскихъ расходовъ» [7]); этого и слѣдовало ожидать вслѣдствіе того, что

[3]) До сихъ поръ мы не имѣемъ подъ руками изданій Вятскаго земства за 1890 годъ: текста по Елабужскому уѣзду и описанія промысловъ.

[4]) Валдайскаго, Васильскаго, Вышневолоцкаго, Калязинскаго, Петергофскаго, Старицкаго, Херсонскаго, Чебоксарскаго и Ядринскаго.

[5]) Статистическій Временникъ Ц. Ст. Комит. Серія III. Вып. 10. 1886.

[6]) Богучарскомъ, Васильскомъ, Валдайскомъ, Вышневолоцкомъ, Калязинскомъ, Новоузенскомъ, Переяславскомъ, Старицкомъ и части Красноуфимскаго.

[7]) Ст. Времен. Серія III. Вып. 13. 1886.

земскія изслѣдованія относятся къ болѣе позднему періоду (1886—1889 годамъ). Можно еще сравнить по тѣмъ же 8 уѣздамъ земскій итогъ крестьянскаго населенія съ послѣдними правительственными итогами сельскаго населенія, относящимися къ 1885 году [8]); здѣсь земская цифра даетъ ровно 6% недочета, который долженъ приходиться на долю не крестьянскаго населенія, не подвергающагося переписи. Для крестьянской надѣльной земли итогъ переписей по 8 уѣздамъ даетъ цифру, на 0,46% превышающую то количество, которое значится въ правительственной «статистикѣ мірскихъ расходовъ».

Частновладѣльческое хозяйство съ табличными результатами изслѣдованія отдѣльныхъ имѣній представлено въ литературѣ 1890 года по 7 уѣздамъ [9]); кромѣ того многочисленныя свѣдѣнія о частновладѣльческихъ хозяйствахъ встрѣчаются еще въ сборникахъ по 5 уѣздамъ [10]).

Земскіе статистики, выпуская въ свѣтъ результаты своихъ долгихъ и трудныхъ работъ, нерѣдко съ нетерпѣніемъ ждутъ критики этихъ работъ въ литературѣ; но ожиданіе это въ большинствѣ случаевъ остается тщетнымъ. Хозяйственная статистика Россіи привлекаетъ къ научной обработкѣ своихъ данныхъ еще слишкомъ мало силъ, а потому и хозяйственно-статистическая критика находится у насъ, можно сказать, въ пеленкахъ [11]). За отсутствіемъ обстоятельной критики приходится довольствоваться сухою и отрывочною библіографіею, къ области которой относится и предлагаемый обзоръ.

Вышедшія въ 1890 году земско-статистическія работы мы располагаемъ въ алфавитномъ порядкѣ губерній.

I. Статистическое отдѣленіе *Воронежскаго* губернскаго земства, напечатавшее въ прежніе годы таблицы по 6 уѣздамъ, представило въ 1890 году таблицы еще по одному уѣзду Богучарскому [12]). Первый рядъ таблицъ (таблицы *А*) даетъ поселенныя свѣдѣнія о населеніи по 45 графамъ; здѣсь между прочимъ мы имѣемъ отмѣтки о смертности, но не за 10 лѣтъ (какъ въ 3 предыдущихъ сборникахъ), а за 3 года и отдѣльно за послѣдній годъ. Второй рядъ таблицъ (таблицы *Б*) въ 153

---

8) Къ сожалѣнію, послѣдняя публикація Центр. Комитета (1890 г.) не даетъ раздѣльныхъ свѣдѣній о городскомъ и сельскомъ населеніи.

9) Валдайскому, Вышневолоцкому, Миргородскому, Моршанскому, Переяславскому, Петергофскому и Старицкому.

10) Васильскому, Херсонскому, Хорольскому, Чебоксарскому и Ядринскому.

11) Г. Филимоновъ, въ предисловіи къ Сборнику по Нолинскому уѣзду, пишетъ: „Сельско-хозяйственная статистика нерѣдко представляетъ изъ себя Эдипа, тщетно ищущаго указанія Антигоны, которая привела бы къ свѣту, къ истинѣ. Мы были бы очень благодарны, если бы критика явилась этою Антигоною“. Мы съ своей стороны полагаемъ, что такая взрослая Антигона явится въ Россіи не скоро.

12) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губерніи. Томъ VIII. Вып. 1. Богучарскій уѣздъ. Воронежъ. 1890. Цѣна 1 рубль.

графахъ даетъ разнообразныя свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ, пріуроченныя въ каждомъ селеніи къ шести хозяйственнымъ группамъ, установленнымъ по размѣру землевладѣнія (въ прежнихъ сборникахъ такихъ группъ было пять). Изъ числа новыхъ графъ встрѣчается регистрація супряги и регистрація убытковъ за 10 лѣтъ. Далѣе слѣдуютъ особыя групповыя таблицы по отношенію къ батрачеству и по снабженію населенія жилыми домами; затѣмъ арендныя таблицы (въ 54 графы) и наконецъ, алфавитный списокъ селеній. Земская перепись, исполненная въ августѣ и сентябрѣ 1888 года, насчитала въ Богучарскомъ уѣздѣ около 54.000 хозяйствъ; такимъ громаднымъ числомъ дворовъ обладали лишь немногіе уѣзды, прежде переписанные земскими статистиками (бо́льшія цифры найдены были по уѣздамъ Бузулукскому, Екатеринбургскому, Елисаветградскому, Николаевскому). Групповыя таблицы обнаруживаютъ при первомъ прикосновеніи множество правильностей, представляющихъ неизъяснимую прелесть для статистически настроеннаго ума. Позволяемъ себѣ привести нижеслѣдующую вычисленную нами табличку относительныхъ чиселъ, иллюстрирующую «власть земли» надъ крестьянскимъ хозяйствомъ Богучарскаго уѣзда.

Группы крестьянъ.	Величина семьи (въ числѣ душъ).	Женщинъ на 100 мужчинъ.	Въ мужскомъ населеніи.			Смертность мужскаго населенія на 1000.	Въ общемъ числѣ головъ рогат. скота.		
			До 7 лѣтъ %.	18—60 лѣтъ %.	Свыше 60 л. %.		Волы %.	Коровы %.	Телята до 1 года %.
Безземельные .	3,27	112,0	15,9	48,9	9,9	36,7	10,2	42,9	34,0
Имѣющ. до 5 дес.	5,19	104,2	20,8	50,9	5,2	36,3	31,6	27,2	23,6
5—15 десят. .	5,29	102,8	21,5	51,1	4,3	34,9	35,1	26,2	21,8
15—25 „ .	7,17	94,4	21,7	49,0	5,3	31,1	45,7	20,4	17,1
25—50 „ .	10,13	91,9	22,8	47,7	5,5	29,1	48,6	17,8	15,4
Болѣе 50 десят. .	15,50	90,6	25,2	44,6	5,5	?	44,3	16,6	14,6

Параллельно съ возрастаніемъ размѣровъ землевладѣнія возрастаютъ величина семьи, процентъ малолѣтнихъ мальчиковъ и процентъ воловъ въ составѣ стадъ рогатаго скота; въ обратномъ направленіи измѣняются относительное количество женщинъ, смертность мужскаго населенія, проценты коровъ и телятъ въ общей массѣ скота; процентъ мужчинъ рабочаго возраста сначала увеличивается, потомъ падаетъ; процентъ стариковъ сначала падаетъ, затѣмъ держится неизмѣннымъ.

По текущей статистикѣ Воронежское Статистическое Отдѣленіе издало въ декабрѣ мѣсяцѣ обычный годовой обзоръ [13]), пятый по счету. Весною 1890 года земство имѣло 129 корреспонденцій (весною 1889 года ихъ было 154); Департаментъ Земледѣлія за послѣднюю весну получилъ 82 корреспонденціи изъ Воронежской губерніи. Осеннее число земскихъ

[13]) Сельско-хозяйственный обзоръ по Воронежской губерніи за 1890 годъ. Воронежъ. 1890. Цѣна 60 коп.

корреспонденцій—109 почти такое же, какъ въ 1889 году (116); у Департамента лѣтомъ 1890 года было 54 корреспондента. По земскимъ свѣдѣніямъ средній урожай ржи въ 1890 году выведенъ для владѣльческихъ земель въ 8,6 четвертей, для крестьянскихъ въ 7,1 четвертей; по предварительнымъ свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія урожай ржи въ Воронежской губерніи за 1890 годъ опредѣленъ въ 8 четвертей [14]). Состояніе озимыхъ хлѣбовъ Воронежской губерніи на 1891 годъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Въ видѣ приложенія къ осеннему обзору помѣщена замѣтка о сборщикахъ куръ и яицъ, оцѣнка города Валуекъ и свѣдѣнія о градобитіяхъ въ губерніи за семь лѣтъ (1883—89 г.).

II. Статистическое бюро *Казанскаго* земства не производитъ подворныхъ переписей крестьянскаго хозяйства, но продолжаетъ мѣстныя оцѣночныя изслѣдованія; въ 1890 году напечатаны результаты такихъ изслѣдованій по уѣздамъ Чебоксарскому и Ядринскому; остается не напечатаннымъ матеріалъ по тремъ уѣздамъ (Козьмодемьянскому, Спасскому и Чистопольскому). Въ сборникѣ по Чебоксарскому уѣзду [15]) многіе подсчеты сдѣланы отдѣльно для двухъ естественныхъ частей уѣзда, раздѣляемыхъ теченіемъ Волги. Къ сборнику приложены двѣ карты: почвенная и урожайная; почвенная карта далеко не такая дробная, какъ по Мамадышскому уѣзду. Въ населеніи Чебоксарскаго уѣзда преобладаютъ чуваши (72%); за ними слѣдуютъ черемисы (13%). Семья маленькая въ 5,25 душъ; и во время X ревизіи она была лишь немногимъ больше (5,82). Въ движеніи населенія заслуживаетъ вниманія меньшая смертность дѣтей у магометанъ, чѣмъ у православныхъ. Казнѣ и крестьянскимъ надѣламъ принадлежатъ почти одинаковыя количества земель въ Чебоксарскомъ уѣздѣ (по 48% общей площади удобной земли); у частныхъ собственниковъ, которыхъ всего 81, только 3% общей площади. Безхозяйныхъ крестьянскихъ дворовъ очень немного — 1,8%, безлошадныхъ дворовъ 15,5%. По сравненію съ 1882 годомъ въ 1889 году обнаружена абсолютная убыль лошадей. Замѣчательнымъ постоянствомъ отличается отношеніе числа лошадей къ площади пахатныхъ земель: на 100 десятинъ пашни въ 1858 г. приходилось 20,7 лошадей, въ 1889 году 20,1 [16]). Пашня разбита статистиками на 11 районовъ; урожайныя показанія пріурочены къ почвамъ. Средній чистый сборъ ржи по современнымъ записямъ оказывается меньше, чѣмъ по свѣдѣніямъ кадастровыхъ отрядовъ.

Сборникъ по Ядринскому уѣзду [17]) объемистѣе, чѣмъ по Чебоксар-

---

[14]) 1890 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Періодъ II, стр. 6.

[15]) Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губерніи. Выпускъ VIII. Уѣздъ Чебоксарскій. Казань. 1890. Ц. 1 р. 50 к.

[16]) Тотъ-же фактъ замѣченъ г. Сѣвернымъ для государственныхъ крестьянъ Тамбовской губ. („Краткіе очерки по статистикѣ земледѣлія и скотоводства“ въ „Извѣстіяхъ Петров. Акад.“ 1890. I).

[17]) Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губерніи. Выпускъ IX. Уѣздъ Ядринскій. Казань. 1890. Цѣна 1 р. 50 к

скому. Ядринскій уѣздъ еще болѣе крестьянскій, ибо въ немъ крестьянскимъ надѣламъ принадлежатъ 78,3% общаго количества удобной земли. Форма уѣзда остроумно сравнена съ фигурою Африки. Интересно, что вопреки большинству случаевъ площадь уѣзда, по вычисленіямъ казанскихъ статистиковъ, оказалась больше (на 0,43%) цифры Стрѣльбицкаго. По племенному составу Ядринскій уѣздъ оказался еще болѣе чувашскимъ, чѣмъ Чебоксарскій: въ крестьянскомъ населеніи Ядринскаго уѣзда чуваши составляютъ 95,2%. Семья еще меньше, чѣмъ Чебоксарская (4,99). Относительное количество безхозяйныхъ дворовъ такое же, какъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ (1,8%), но безлошадныхъ гораздо меньше, именно 9,2%. Послѣ 1882 года произошла также убыль въ абсолютномъ числѣ лошадей.

Текущая сельско-хозяйственная статистика учреждена въ казанскомъ земствѣ съ 1885 года (на годъ позднѣе московскаго земства); въ 1890 г. появился обзоръ, относящійся къ предшествовавшему году [18]). Корреспондентовъ у казанскаго земства было весною 1889 г. 242, осенью 212 (въ 1888 году ихъ было 213 и 280); Департаментъ Земледѣлія имѣлъ по Казанской губерніи 90 корреспондентовъ за весенній періодъ и 58 за лѣтній. Какъ и въ прежнихъ казанскихъ изданіяхъ, общій обзоръ губерніи предпосланъ обозрѣніямъ отдѣльныхъ уѣздовъ. Въ приложеніи помѣщена статья г. Попова о содержаніи рогатаго скота въ Чебоксарскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ и результаты механическаго и химическаго анализа 8 почвенныхъ образцовъ изъ Мамадышскаго уѣзда; анализы исполнены г. Вильямсомъ въ Петровской академіи и показали значительное разнообразіе мамадышскихъ почвъ: процентъ мелкаго песка колебался отъ 0,6% до 33,8%, песчаной пыли отъ 34,4% до 58,2%, грубаго ила отъ 16,2 до 39,2; содержаніе перегноя измѣнялось отъ 2,41% до 5,42%, фосфорной кислоты отъ 0,05% до 0,12%. 1889 годъ былъ самымъ тяжелымъ для Казанской губерніи годомъ за цѣлое пятилѣтіе: корреспонденты отмѣчаютъ возрастаніе числа безлошадныхъ, недостатокъ въ посѣвныхъ сѣменахъ и паденіе арендныхъ цѣнъ.

III. Въ *Московской* земской статистикѣ уже пять лѣтъ не было издаваемо особыхъ основныхъ изслѣдованій [19]). Въ декабрѣ 1890 года статистическое отдѣленіе Московской губернской управы въ седьмой разъ выпустило годовую работу по текущей статистикѣ [20]). Послѣдній «Ежегодникъ», какъ и прежніе, начинается сельско-хозяйственными обзорами. За весенній періодъ 1890 г. у Московскаго земства было 172 корреспондента, почти столько же, какъ и въ предыдущемъ году (173); Департаментъ Земледѣлія весною 1890 года имѣлъ по Московской губерніи 93

---

18) Казанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ корреспондентовъ за 1889 годъ. Казань. 1890. Цѣна 1 р. 25 к.

19) Впрочемъ, нѣкоторыя основныя изслѣдованія входили въ составъ „Ежегодниковъ".

20) Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1890 годъ. Москва. 1890. Цѣна 1 рубль.

корреспондентовъ; осенью 1890 года земство получило 104 корреспонденціи (въ 1889 г.—110); Департаментъ Земледѣлія за лѣтній періодъ 1890 года имѣлъ 60 корреспонденцій. Урожай ржи на владѣльческихъ земляхъ въ 1890 году, по земскимъ даннымъ, $8,_5$ четвертей съ десятины; ту же цифру сообщаетъ и Департаментъ Земледѣлія въ своихъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ. Въ техникѣ крестьянскаго хозяйства Московской губерніи по прежнему заслуживаютъ вниманія распространеніе травосѣянія и плуговъ; травосѣянію въ Рузскомъ уѣздѣ помогли общественныя запашки; по числу крестьянскихъ плуговъ Московскій уѣздъ скоро сдѣлается соперникомъ Волоколамскаго. Особые обзоры посвящены цѣнамъ и положенію промысловъ въ губерніи. Для Богородскаго уѣзда дана обстоятельная монографія по кустарнымъ промысламъ, составленная К. А. Вернеромъ на основаніи новыхъ мѣстныхъ изслѣдованій; монографія эта снабжена картою. Далѣе слѣдуетъ статистика окладовъ, поступленій и недоимокъ крестьянъ за 1889 г., потомъ статистика страхованія и пожаровъ, нотаріальныя данныя объ отчужденіи земель и обзоръ училищъ за $1889/_{90}$ г., сводъ земскихъ смѣтъ и наконецъ краткое извлеченіе изъ дѣлъ крестьянскаго банка, откуда мы узнаемъ о поразительно маломъ числѣ сдѣлокъ банка въ Московской губерніи за 1890 годъ (только 4 сдѣлки).

IV. Въ *Нижегородской* земской статистикѣ къ концу 1890 года отпечатанъ третій поуѣздный сборникъ, относящійся къ Васильскому уѣзду [21]). Подобно сборникамъ по Княгининскому и Макарьевскому уѣздамъ это изданіе даетъ тщательный учетъ земель и детальное опредѣленіе урожайности, согласованное съ подробнымъ описаніемъ почвъ. Можно смѣло сказать, что русская почвенная географія не имѣла еще ничего подобнаго теперешнимъ работамъ Нижегородскаго земства. По Васильскому уѣзду крестьянскія пахатныя земли въ почвенномъ отношеніи разбиты на 83 района. Къ сожалѣнію, надѣясь получить со временемъ двухъ-верстную почвенную карту уѣзда, сейчасъ мы не имѣемъ даже схематической карты, чѣмъ сильно затрудняется знакомство съ распредѣленіемъ почвъ. Сравнительно съ окладными книгами статистики нашли излишекъ земли въ 9465 десятинъ, что составляетъ $3,_5\%$ общей площади уѣзда. Половина уѣзда принадлежитъ крестьянскимъ надѣламъ (въ сосѣднемъ Макарьевскомъ уѣздѣ, который богатъ казенною землею, крестьянскія общества владѣютъ только четвертью уѣзда). Имѣются свѣдѣнія объ общинномъ землевладѣніи. Въ частномъ землевладѣніи, которому принадлежитъ 41%, за послѣднія 20 лѣтъ средній годовой процентъ мобилизаціи былъ $1,_{52}\%$;

---

[21]) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Выпускъ IX. Васильскій уѣздъ. Нижній-Новгородъ. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к. Нумерація поуѣздныхъ сборниковъ согласована съ нумерацією выпусковъ прежде изданнаго естественно-историческаго описанія (составленнаго подъ руководствомъ г. Докучаева).

за эти 20 лѣтъ дворяне потеряли $10,_8\%$ принадлежавшей имъ земли, купцы увеличили площадь своего владѣнія на $21,_4\%$, крестьяне на 141%. Въ сельскомъ хозяйствѣ Васильскаго уѣзда преобладаетъ мелкое хозяйство крестьянскаго типа. Главный хлѣбъ—рожь; за нею слѣдуютъ яровая пшеница и овесъ. Болѣе четверти крестьянскихъ дворовъ Васильскаго уѣзда принадлежатъ къ безлошаднымъ ($26,_2\%$). Средній урожай ржи, по мѣстному изслѣдованію, опредѣленъ въ 52 мѣры, гораздо выше, чѣмъ средніе выводы изъ погодныхъ отмѣтокъ Департамента Земледѣлія ($40,_8$ мѣръ) и Центральнаго Комитета ($41,_6$ мѣръ). Къ тексту приложены обширныя таблицы оцѣночныхъ матеріаловъ и поволостныхъ итоговъ подворной переписи (126 графъ съ абсолютными цифрами и 51 графа съ относительными); въ групповыхъ таблицахъ основаніемъ группировки сдѣлано число лошадей.

V. *Новгородское* земство, подобно Нижегородскому, ведетъ совмѣстно работы по сплошному изслѣдованію территоріи и по перечету хозяйственныхъ единицъ; но здѣсь отсутствуетъ детальное почвенное описаніе. Къ сожалѣнію, Новгородскіе матеріалы не сопровождаются никакими указаніями на способы собиранія свѣдѣній. Послѣдній сборникъ (третій по счету) относится къ Валдайскому уѣзду [22]); онъ начинается алфавитными указателями дачъ генеральнаго межеванія и владѣльцевъ; затѣмъ слѣдуютъ подробныя таблицы «земельнаго инвентаря» съ 14 графами и сводныя таблицы, выясняющія распредѣленіе угодій по разнымъ категоріямъ владѣнія. Поселенныя таблицы крестьянскаго хозяйства состоятъ изъ 92 графъ; значительно болѣе краткими представляются таблицы по отдѣльнымъ частнымъ хозяйствамъ (въ 32 графы). Въ концѣ сборника помѣщены особыя оцѣночныя таблицы, гдѣ сведено распредѣленіе угодій и показаны посѣвы и урожаи трехъ хлѣбовъ и укосы сѣна; сборникъ заключается свѣдѣніями о продажныхъ и арендныхъ цѣнахъ на землю. Пашни въ Валдайскомъ уѣздѣ оказалось очень немного—73,619 десятинъ или $12,_1\%$ площади; по даннымъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія пашни было вдвое больше—138,341 дес.; цифра Центральнаго Комитета, отмѣченная въ 1881 г.—103,155 десятинъ [23]) занимаетъ почти средину между вышеприведенными.

Изданіе Новгородскаго земства по текущей статистикѣ [24]) состоитъ изъ четырехъ частей. Сначала помѣщены страховые отчеты (болѣе подробный по обязательному и болѣе краткій по добровольному страхованію, затѣмъ поволостныя данныя о движеніи населенія въ 1888 г. съ распредѣленіемъ умершихъ по возрасту и по причинамъ смерти; далѣе

---

22) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Новгородской губерніи. Валдайскій уѣздъ. Новгородъ. 1890.

23) Стат. Временникъ. Серія III. Выпускъ 4. 1884.

24) Статистическій сборникъ Новгородскаго губернскаго земства за 1889 годъ. Новгородъ. 1890.

общія свѣдѣнія о земскихъ учрежденіяхъ (по 30 рубрикамъ), и наконецъ обзоръ земскихъ расходовъ въ губерніи за 1885 годъ.

VI. Въ *Орловской* земской статистикѣ за 1890 годъ появился только краткій текущій сельско-хозяйственный обзоръ [25]). Обзоръ этотъ, хотя онъ вышелъ въ самомъ концѣ года, относится лишь къ весеннему періоду. Корреспондентовъ, сообщавшихъ о сельскомъ хозяйствѣ, было 126 (въ 1889 году у земства ихъ было 111, весною 1890 года у Департамента Земледѣлія 56); въ составѣ корреспондентовъ попадается слишкомъ много волостныхъ правленій. Кромѣ того, получено 37 сообщеній о погодѣ (въ 1889 г. ихъ было 81); метеорологическія записи подвергнуты подробной разработкѣ (на 70 страницахъ). Текстъ орловскаго обзора изобилуетъ странными помарками, вѣроятно, представляющими слѣдъ какой нибудь цензуры.

VII. Въ *Пермской* губерніи въ 1890 году дѣйствовали губернское земское бюро и бюро Красноуфимскаго уѣзднаго земства. Губернское бюро, приступившее съ 1890 года къ сплошному подворному изслѣдованію губерніи, издало въ 1890 году только краткое обозрѣніе промысловъ Пермской губерніи въ видѣ каталога губернскихъ экспонатовъ на казанской выставкѣ [26]). Здѣсь мы находимъ общую характеристику положенія разныхъ промысловъ. Любопытны, между прочимъ, свѣдѣнія о кустарномъ производствѣ земледѣльческихъ орудій и машинъ: пермскими кустарями изготовляются не только орудія обработки, но также молотилки, приводы, сѣялки, а въ послѣднее время и жнейки. Въ Курашимѣ въ 1887 году было изготовлено 7,500 извѣстныхъ сохъ-курашимокъ.

Красноуфимская уѣздная земская управа издала часть матеріаловъ по основному хозяйственно - статистическому изслѣдованію уѣзда [27]). Пока появились групповыя таблицы и краткія описанія селеній по одному раіону уѣзда (въ 6,399 дворовъ). Таблицамъ предпослано весьма интересное предисловіе, въ которомъ съ рѣдкою подробностью изложены процессъ выработки программъ, пріемы подворнаго изслѣдованія, отношеніе крестьянъ къ переписи и наконецъ пріемы подсчета и группировки матеріаловъ. Весьма желательно, чтобы примѣръ Н. Л. Скалозубова (иниціатора красноуфимской статистики) нашелъ себѣ побольше подражателей въ средѣ земскихъ статистиковъ. Описаніе обошлось уѣздному земству въ $5_{,03}$ коп. на дворъ, счетная обработка въ $4_{,31}$ коп.;

---

25) Орловская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. 1890 г. Орелъ. 1890. Цѣна 50 к.

26) Каталогъ съ объяснительнымъ текстомъ кустарно-промышленныхъ издѣлій экспонентовъ Пермской губерніи на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Пермь. 1890. По тому же вопросу въ текущемъ 1891 г. напечатанъ очеркъ Е. И. Красноперова: „Кустарные промыслы и ремесла на Казанской выставкѣ".

27) Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи. Выпускъ I. Казань. 1890.

въ день среднимъ числомъ описывались 27 дворовъ. Групповыя таблицы для каждаго селенія построзны по количеству обрабатываемой земли; волостныя таблицы и итоги по раіону имѣютъ 216 графъ. Не смотря на сравнительную малочисленность наблюденій, данныя по 1-му району Красноуфимскаго уѣзда позволяютъ подмѣтить зависимость хозяйства отъ количества обрабатываемой земли. Напримѣръ, у не обрабатывающихъ землю дворовъ оказывается $16_{,2}$ коровъ на 100 человѣкъ, у обрабатывающихъ до 5 десятинъ—$29_{,9}$, у обрабатывающихъ 5—10 дес.—$40_{,7}$, 10—20 десятинъ—$56_{,8}$, 20—50 десятинъ $63_{,9}$, наконецъ у обрабатывающихъ свыше 50 дес. — $155_{,6}$. По текущей статистикѣ Красноуфимское бюро отпечатало второе годичное обозрѣніе сельскаго хозяйства [28]). За весенній періодъ 1889 года у Красноуфимскаго земства было въ распоряженіи 54 корреспонденціи, за осенній 130, въ томъ числѣ 76 подробныхъ (осенью 1888 было всего 60 корреспондентовъ). Здѣсь уже не можетъ быть никакого сравненія съ числомъ корреспондентовъ Департамента Земледѣлія, ибо департаментъ получилъ изъ Красноуфимскаго уѣзда весною 1889 г. 2 корреспонденціи, а лѣтомъ 1889 г. только одну. Въ періодическомъ изданіи, какъ и въ основномъ, много мѣста отведено критикѣ матеріаловъ; особое вниманіе обращено на урожайныя свѣдѣнія, пріемы полученія которыхъ подвергнуты тщательному анализу. Интересны свѣдѣнія о площади посѣвовъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ [29]).

VIII. Статистическое бюро *Полтавскаго* губернскаго земства представило въ 1890 году 3 изданія по основной хозяйственной статистикѣ. Это во первыхъ описаніе частновладѣльческихъ хозяйствъ по Миргородскому уѣзду [30]), для котораго крестьянское хозяйство было описано еще семь лѣтъ тому назадъ (въ III томѣ Полтавскаго Сборника). Для хозяйствъ свыше 50 десятинъ даны таблицы по отдѣльнымъ имѣніямъ, о мелкихъ имѣніяхъ приведены лишь нѣкоторыя данныя по группамъ (черезъ 10 десятинъ). Имѣнія, подобно крестьянскимъ хозяйствамъ, распредѣлены по четыремъ районамъ уѣзда. Почти $^2/_3$ миргородскихъ имѣній обладаютъ собственною экономическою запашкою. О владѣльческихъ урожаяхъ мы не находимъ въ очеркѣ никакихъ свѣдѣній. Второе изданіе даетъ текстъ по Хорольскому уѣзду [31]), для котораго таблицы были изданы въ 1888 году; кромѣ текста представлены таблицы по мелкимъ имѣніямъ, составъ межевыхъ дачъ по межевымъ планамъ и списокъ населенныхъ мѣстъ. Межевыя свѣдѣнія не досчита-

28) Обзоръ Красноуфимскаго уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1889 годъ. Составилъ Н. Скалозубовъ. Пермь. 1890.

29) Кромѣ книжки за 1889 годъ, Красноуфимская статистика выпустила на отдѣльныхъ листочкахъ нѣсколько бюллетеней, характеризующихъ сельское хозяйство въ 1890 году.

30) Очеркъ помѣщичьяго хозяйства въ Миргородскомъ уѣздѣ. Полтава. 1890.

31) Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Томъ VIII. Хорольскій уѣздъ. Выпускъ 2. Полтава. 1890. (Цѣна вмѣстѣ съ 1 вып. 2 р.).

лись въ Хорольскомъ уѣздѣ $2_{,2}\%$ площади противъ измѣренія Стрѣльбицкаго. Перепись населенія, обнявшая не всѣ сословія, дала цифру на $10_{,4}\%$ меньшую сравнительно съ административнымъ исчисленіемъ всего сельскаго населенія. Въ текстѣ приведено много примѣровъ, характеризующихъ мѣстное обычное право. Хорольскій уѣздъ принадлежитъ къ малоземельнымъ и имѣетъ только по $5_{,6}$ десятинъ на крестьянское хозяйство. Въ мѣстномъ земледѣліи поражаетъ разнообразіе системъ: трехпольное хозяйство отмѣчено только въ $14_{,6}\%$ общаго числа случаевъ, въ $65_{,3}\%$ встрѣчается такъ называемое «безтолочье» (хозяйство, лишенное пара), въ $9_{,7}\%$ имѣется трехполье съ особымъ запольнымъ участкомъ. Третьимъ изданіемъ полтавскаго бюро является объемистый томъ, относящійся къ Переяславскому уѣзду [32]). Здѣсь помѣщены какъ текстъ, такъ и таблицы для крестьянскаго и частно-владѣльческаго хозяйства. Межевыя данныя по Переяславскому уѣзду (374,343 дес.) даютъ итогъ замѣчательно близкій къ цифрѣ Стрѣльбицкаго (374,500 д.). Процентъ пахатной земли для Полтавской губерніи является сравнительно низкимъ ($56_{,1}\%$), за то процентъ сѣнокосовъ относительно высокъ ($16_{,3}\%$). Въ распредѣленіи землевладѣнія встрѣчается значительное преобладаніе крестьянской земли надъ владѣльческой (въ суммахъ по губерніи владѣльческая земля преобладаетъ); впрочемъ, полтавскіе статистики не причисляютъ къ помѣщичьему хозяйству внѣнадѣльную собственность крестьянъ. Навозное удобреніе отмѣчено только въ 73% числа имѣній, хотя результаты удобренія въ уѣздѣ рѣзко замѣтны: за три года урожай ржи на удобренной пашнѣ составлялъ 54 пуда, на неудобренной 29 пудовъ. Въ нотаріальныхъ выборкахъ приведены за 1887 годъ цифры много меньшія, чѣмъ тѣ, которыя сообщены для Переяславскаго уѣзда въ недавно опубликованной работѣ Центральнаго Статистическаго Комитета [33]). По текущей статистикѣ Полтавскимъ земствомъ въ 1890 году изданы двѣ публикаціи: одна [34]) заканчиваетъ собою сельско-хозяйственное обозрѣніе за 1889 годъ, другая [35]) изображаетъ виды на урожай въ 1890 году. Въ первой брошюрѣ находимъ главы о рабочихъ рукахъ, о сбытѣ продуктовъ, о зимнихъ заработкахъ населенія, объ измѣненіяхъ въ хозяйствѣ и объясненія къ подробнымъ метеорологическимъ записямъ, которыя затѣмъ помѣщены въ подлинномъ видѣ. Записи о температурѣ приведены по 9 пунктамъ, записи о формѣ осадковъ—по 15 пунктамъ. Различныя метеорологическія наблюденія ведутся сейчасъ въ 30 пунктахъ губерніи.

---

32) Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Томъ X. Переяславскій уѣздъ. Полтава. 1890. Цѣна 2 р.

33) Временникъ Ц. Ст. Комитета. № 11. 1889 г.

34) Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1890 годъ. Выпускъ II. Полтава. 1890. Цѣна 25 к.

35) Виды на урожай въ Полтавской губерніи (въ началѣ іюня). Полтава. 1890. Цѣна 25 к.

(къ сожалѣнію, нѣкоторые наблюдатели дѣлаютъ записи не въ обычные часы). За осенній періодъ 1889 года у Полтавскаго земства было 419 корреспондентовъ, Департаментъ Земледѣлія имѣлъ лѣтомъ того же года года 95 корреспонденцій по губерніи, весною 1890 года получено земствомъ 365 корреспонденцій, а Департаментомъ Земледѣлія—184 (весною предшествовавшаго года у земства было 282 корреспондента). Обѣ брошюры по полтавской текущей статистикѣ снабжены примѣчаніями П. М. Дубровскаго, правительственнаго агронома.

IX. *Рязанское* земство по объему матеріаловъ, напечатанныхъ въ 1890 году стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ Тверскаго. По основной статистикѣ выпущены три тома, относящіеся къ Касимовскому [36]), Спасскому [37]) и Сапожковскому уѣздамъ [38]). Таблицы по крестьянскому хозяйству этихъ уѣздовъ были опубликованы ранѣе въ первыхъ выпускахъ томовъ соотвѣтствующей нумераціи. Теперь печатаются поселенные бланки съ небольшими предисловіями, въ которыхъ сообщены важнѣйшіе цифровые итоги по крестьянскому хозяйству трехъ уѣздовъ; кромѣ того, помѣщены таблицы о посторонникъ лицахъ и о сельскихъ расходахъ, а для Сапожковскаго уѣзда перепечатана часть поразрядныхъ таблицъ. Сравнительно съ предыдущими выпусками (Михайловскимъ, Егорьевскимъ) въ новыхъ выпускахъ введено облегченіе для справокъ — выставлены однообразныя римскія цифры по соотвѣтствующимъ отдѣламъ каждаго поселеннаго описанія. Для характеристики хозяйственныхъ условій восточной части Рязанской губерніи приводимъ нѣкоторые поуѣздные итоги въ нижеслѣдующей табличкѣ:

УѢЗДЫ.	Велич. семьи (въ числѣ д.).	Надѣлын. земли на дворъ (въ десят.)	Купчей земли надворъ (въд.)	Приростъ населенія послѣ X ревизіи.	Процентъ пашни.	Процентъ безхозяйн.	Процентъ бездомныхъ.	Процентъ безлошади.	Процентъ безкоровн.	Платежи на десятину.
Касимовскій .	6,0	9,9	5,3	33%	55,5	8,2	5,3	36,9	25,4	2 р. — к.
Спасскій .	6,2	7,2	5,1	32%	47,5	10,4	16,1	41,4	34,3	2 „ 50 „
Сапожковскій.	6,3	5,5	8,5	40%	76,7	12,2	10,3	33,8	37,2	2 „ 40 „

По текущей хозяйственной статистикѣ Рязанское земство выпустило въ 1890 году два изданія. Это, во первыхъ, сельскохозяйственный обзоръ, относящійся къ 1889 году [39]); во вторыхъ, Ежегодникъ за 1890 годъ [40]);

---

[36]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи. Томъ VII. Выпускъ II. Касимовскій уѣздъ. Рязань. 1890.

[37]) Тоже. Томъ VIII. Выпускъ II. Спасскій уѣздъ. Скопинъ. 1890.

[38]) Тоже. Томъ IX. Выпускъ II. Сапожковскій уѣздъ. Рязань. 1890.

[39]) Рязанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ корреспондентовъ за 1889 г. Выпускъ II. Осенній обзоръ. Рязань. 1890.

[40]) Ежегодникъ Рязанскаго губернскаго земства за 1890 г. Годъ первый. Рязань. 1890.

часть послѣдняго изданія появилась лѣтомъ въ видѣ особой брошюры. Въ 1889 году осенью Рязанское земство имѣло 176 корреспондентовъ, а Департаменту Земледѣлія лѣтомъ того же года Рязанская губернія дала 71 корреспондента. Поуѣзднымъ сельско-хозяйственнымъ обозрѣніямъ предшествуетъ погубернское. Цифры распредѣленія культуръ заимствованы, вѣроятно, изъ данныхъ Губернскаго Комитета; по этимъ свѣдѣніямъ главными культурами въ губерніи являются рожь, овесъ и просо; гречиха, занимавшая третье мѣсто въ 1881 году, теперь уступаетъ по площади даже картофелю. Урожай ржи въ 1889 году у владѣльцевъ былъ по земскимъ свѣдѣніямъ $7_{,9}$ четвертей, по свѣдѣніямъ Центральнаго Комитета $7_{,1}$ четв., по корреспонденціямъ Департамента Земледѣлія $7_{,0}$ четвертей. Многія свѣдѣнія приведены по волостямъ.

Рязанскій Ежегодникъ построенъ по образцу московскаго. Существенную часть его составляютъ сельско-хозяйственные обзоры. Весною 1890 года Рязанская губернія дала земству 110 корреспонденцій, а Департаменту Земледѣлія лишь немногимъ менѣе — 96. За осенній періодъ не помѣщено ни списка, ни итога корреспондентовъ. Рожь въ 1890 году дала по земскимъ свѣдѣніямъ, $6_{,9}$ четвертей, по предварительнымъ свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія $7_{,25}$ четвертей. Кромѣ регистраціи цѣнъ, регистраціи пожаровъ за 3 года и народнаго образованія за 1889 годъ, рязанскій Ежегодникъ даетъ интересныя свѣдѣнія о лицахъ, нуждающихся въ призрѣніи; такія лица составляютъ $1_{,34}\%$ всего населенія губерніи ($1_{,50}\%$ среди мужчинъ, $1_{,15}\%$ среди женщинъ); нищихъ и бродягъ оказалось всего больше въ Михайловскомъ уѣздѣ, слѣпыхъ въ Егорьевскомъ и Касимовскомъ.

X. Статистическое отдѣленіе *Самарскаго* губернскаго земства закончило въ 1890 году изданіе результатовъ подворной переписи крестьянскаго хозяйства; послѣдній томъ относится къ громадному Новоузенскому уѣзду [1]), который почти достигаетъ размѣровъ Голландіи и уступаетъ по величинѣ лишь немногимъ уѣздамъ въ Европейской Россіи. Хотя приволжская часть Новоузенскаго уѣзда страдаетъ отъ воды, такъ какъ Волга подмываетъ берега, но вообще уѣздъ бѣдствуетъ отъ недостатка воды; для борьбы съ этимъ недостаткомъ крестьянами устроено болѣе 1000 запрудныхъ плотинъ. Въ послѣднее время укрѣпляются пески коллективнымъ трудомъ. Переселенія въ Новоузенскій уѣздъ не сопровождались по большей части удачею, но то же можно сказать и о выселеніяхъ изъ уѣзда: изъ числа 2,082 выселившихся семействъ 467 вернулись обратно. Средній размѣръ семьи — $5_{,7}$ душъ. Женщины уступаютъ въ численности мужчинамъ ($98_{,3}:100$). Преобладающая племенная группа—нѣмцы ($42_{,6}\%$), затѣмъ слѣдуютъ великороссы ($35_{,3}$) и малороссы (18%). Надѣлъ по количеству земли громад-

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Самарской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Новоузенскій уѣздъ. Томъ седьмой. Самара. 1890.

ный—10 десятинъ на ревизскую душу. Въ рабочемъ скотѣ заслуживаютъ вниманія верблюды (5371), въ мертвомъ инвентарѣ желѣзные плуги и вѣялки. Кромѣ текста и поселенныхъ таблицъ сборникъ даетъ сводныя таблицы по народностямъ, разрядамъ, волостямъ и групповыя таблицы по числу головъ рабочаго скота. Для хозяйства хуторянъ помѣщены отдѣльныя таблицы.

Текущая сельско-хозяйственная статистика завелась въ Самарской губерніи только съ 1890 года; результатомъ ея явились двѣ брошюры [42]), составленныя по свѣдѣніямъ добровольныхъ корреспондентовъ. Весною у земства было 145 корреспондентовъ, осенью 160 (Департаментъ Земледѣлія получилъ изъ Самарской губерніи весною 78, лѣтомъ 37 корреспонденцій). Въ составѣ весеннихъ земскихъ корреспондентовъ 40% дали учителя, 30% землевладѣльцы и управляющіе. Сборъ ржи у землевладѣльцевъ по земскимъ свѣдѣніямъ $32^1/_4$ пудовъ; по предварительнымъ свѣдѣніямъ Департ. Землед. 4 четверти (около 34 пудовъ). Изъ хозяйственныхъ бѣдствій, постигшихъ Самарскую губернію въ 1890 году, заслуживаетъ вниманія необычайное распространеніе сибирской язвы.

XI. Въ *Санктпетербургской* земской статистикѣ появился новый выпускъ матеріаловъ по частно-владѣльческому хозяйству. Это таблицы имѣній Петергофскаго уѣзда [43]), сопровождаемыя очеркомъ территоріи и подробнымъ анализомъ нотаріальныхъ данныхъ о переходахъ земель. Свѣдѣнія по отдѣльнымъ имѣніямъ состоятъ изъ 98 графъ. Сводныя таблицы сгруппированы по волостямъ, по размѣру имѣній, по разстоянію отъ С.-Петербурга и желѣзныхъ дорогъ, по почвѣ и подпочвѣ. Для Петергофскаго уѣзда измѣреніе Стрѣльбицкаго не можетъ назваться лучшимъ источникомъ; военнотопографическая съемка дала результатъ больній на $1,_1$% и почти совпадающій съ земскимъ исчисленіемъ (разница только на 19 десятинъ). Замѣчательною точностью обладала Ингерманландская съемка, произведенная въ 1746 — 48 гг.; ея цифра лишь на $0,6^0{}_0$ меньше современной. Число петергофскихъ частныхъ землевладѣльцевъ съ 1864 года утроилось; дворянское землевладѣніе въ уѣздѣ уменьшилось на 14%. Сборникъ заканчивается алфавитомъ владѣльцевъ.

XII. Для *Тамбовской* губерніи земская статистика опубликовала въ 1890 году сводъ свѣдѣній о крестьянскомъ населеніи, землевладѣніи и хозяйствѣ по цѣлой губерніи [44]). Существенную часть этого сборника со-

---

42) Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губерніи за 1890 годъ. Зима и весна. Выпускъ I. Самара. 1890. Тоже. Лѣто и осень. Выпускъ II. Самара. 1890.

43) Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Выпускъ XI. Частновладѣльческое хозяйство въ Петергофскомъ уѣздѣ. Спб. 1890. Цѣна 50 к.

44) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи. Томъ XIV. Краткій сводъ данныхъ о крестьянскомъ населеніи, землевладѣніи и хозяйствѣ по всей губерніи. Тамбовъ. 1890. Цѣна 2 р.

ставляютъ шесть сводныхъ таблицъ: 1) общія данныя по 48 графамъ, сгруппированныя по размѣрамъ надѣла, 2) группировка по приросту населенія 3) урожаи ржи, 4) пчеловодство и скотоводство 5) грамотность, 6) промыслы и занятія. Въ видѣ дополненія помѣщены распредѣленіе волостей по урожаямъ и табличка о молодомъ скотѣ. Форма таблицъ, по сравненію съ поуѣздными сборниками, измѣнена. Текстовой разработкѣ со стороны Н. Н. Романова подвергнуты пока только статьи о территоріи и населеніи. Губернія раздѣлена на 30 естественныхъ районовъ. Между цифрою крестьянскаго населенія по земской переписи и оффиціальною цифрою всего сельскаго населенія оказывается разница въ $10,_2\%$. Средняя величина семьи въ Тамбовской губерніи $6,_6$ человѣкъ. Средній годовой приростъ населенія $1,_{52}\%$. Грамотныхъ между мужчинами $8,_9\%$, между женщинами только $0,4\%$. Съ возрастаніемъ основнаго признака группировки—размѣра надѣла—увеличиваются приростъ населенія и размѣръ крестьянской семьи,—увеличивается также среднее число овецъ, приходящееся на одинъ дворъ. Въ обратномъ направленіи съ размѣрами землевладѣнія измѣняются, напримѣръ, процентъ грамотныхъ и процентъ арендующихъ дворовъ. Абсолютная величина арендуемаго участка оказывается довольно постоянною при различныхъ величинахъ надѣла. Для географическихъ сравненій тамбовская сводная работа представляетъ весьма обильный матеріалъ.

Второю работою, которую опубликовало Тамбовское статистическое отдѣленіе въ 1890 году, является сборникъ свѣдѣній, собранныхъ еще въ 1887 году о владѣльческомъ хозяйствѣ Моршанскаго уѣзда [45]). Насколько намъ извѣстно, это самый объемистый изъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ поуѣздныхъ обзоровъ владѣльческаго хозяйства, хотя, къ сожалѣнію, текстъ не законченъ и не разсматриваетъ результатовъ хозяйства. Таблицы свѣдѣній о 116 имѣніяхъ съ экономическою запашкою и съ размѣромъ выше 50 десятинъ заключаютъ 97 графъ; для 14 имѣній, сдаваемыхъ цѣликомъ въ аренду, свѣдѣнія даны по 70 графамъ, для 19 имѣній безъ экономической запашки по 58 графамъ; мелкія имѣнія приведены только по группамъ. Сводныя таблицы составлены по сословіямъ владѣльцевъ и по размѣрамъ владѣнія. Особыя табличныя свѣдѣнія относятся къ городскимъ и казеннымъ землямъ. Въ приложеніи помѣщены крайне цѣнныя конкретныя урожайныя записи (для ржи по 24 хозяйствамъ) и отдѣльная таблица построекъ. Въ началѣ текста помѣщены очеркъ территоріи, довольно подробная почвенная характеристика (подкрѣпленная тремя анализами) и обзоръ метеорологическихъ записей. 57% современныхъ моршанскихъ имѣній достались владѣльцамъ по

---

45) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи. Томъ XV. Частное землевладѣніе Моршанскаго уѣзда. Тамбовъ. 1890. Цѣна 2 рубля. Въ текущемъ 1891 г. появился XVI-й томъ Тамбовской статистики съ таблицами и текстомъ по частнымъ хозяйствамъ Кирсановскаго уѣзда.

наслѣдству, 43% покупкою. Ежегодный процентъ потери земель дворянами не великъ—0,64%. Въ аренду сдается 36,7% владѣльческой пашни, 64% сѣнокосовъ. При долгосрочной арендѣ средняя плата 6 р. 55 к. Средняя продажная цѣна десятины по мѣстному изслѣдованію 103 р. 90 к. (по нотаріальнымъ даннымъ восьмидесятыхъ годовъ 63 р. 60 к.). Среднее обложеніе десятины владѣльческой земли 35,3 коп.; у дворянъ еще 3,1 коп. сословнаго сбора. Управленіе хозяйствами со стороны самихъ владѣльцевъ встрѣчается въ 31% числа дворянскихъ имѣній, въ 73% купеческихъ и въ 90% крестьянскихъ. Административные расходы составляютъ 90 к. на дес. удобной земли. На десятину пашни приходится капитала въ постройкахъ 15 р. 50 к., въ живомъ инвентарѣ 6 р. 20 к., въ мертвомъ инвентарѣ 2 р. 52 к. Издержки гужеваго транспорта составляютъ 0,116 копеекъ съ пудоверсты. Эти и подобныя имъ отношенія, приведенныя въ Моршанскомъ Сборникѣ, составятъ важный матеріалъ для русской сельско-хозяйственной таксаціи.

Третьимъ изданіемъ Тамбовской статистики въ 1890 году являются справочныя таблицы о цѣнахъ, составляющія приложеніе къ работѣ Н. Н. Романова, напечатанной въ предыдущемъ 1889 году. Эти таблицы [46]) даютъ цѣну съѣстныхъ припасовъ по 34 рубрикамъ, матеріаловъ одежды по 32 рубрикамъ, готовыхъ предметовъ, шитья, матеріаловъ отопленія и освѣщенія, овса и сѣна. Нѣкоторыя цѣны мы можемъ сопоставить съ интендантскими [47]) и узнаемъ, напримѣръ, что за 13 лѣтъ (1875—87) средняя цѣна сѣна въ Тамбовѣ была по интендантскимъ свѣдѣніямъ 26,5 коп., по земскимъ 23,3 коп. за пудъ.

XIII. Наибольшій объемъ въ 1890 году имѣли статистическія изданія *Тверскаго* земства, которое выпустило въ свѣтъ 3 большихъ поуѣздныхъ сборника. Каждый изъ этихъ сборниковъ снабженъ картою пятиверстнаго масштаба. Вышневолоцкій сборникъ [48]) снабженъ 14 картограммами оригинальной политипажной работы. Таблицы раздѣлены на пять отдѣловъ: 1) народонаселеніе, 2) крестьянское землевладѣніе и скотоводство, 3) крестьянское хозяйство, 4) частно-владѣльческія хозяйства, 5) селенія, не принадлежащія къ сельскимъ обществамъ. Въ текстѣ тоже пять отдѣловъ съ нѣсколько инымъ распредѣленіемъ матеріала. Сборникъ заканчивается спискомъ населенныхъ мѣстъ. Для трехъ владѣльческихъ имѣній даны подробныя описанія. Для хозяйствъ съ запашкою таблицы свѣдѣній по имѣніямъ состоятъ изъ 61 графы. Съ 1877 по 1886 внѣ-

---

46) Справочныя таблицы о количествѣ и цѣнахъ разныхъ припасовъ и матеріаловъ, израсходованныхъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ Тамбовскаго губ. земства. 1869—87. Тамбовъ. 1890.

47) Временникъ Центр. Стат. Комитета. 1889. № 4.

48) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Тверской губ. Томъ III. Вышневолоцкій уѣздъ. Тверь. 1889. Цѣна 2 руб.—Хотя на сборникѣ выставленъ 1889 г., но предисловіе помѣчено декабремъ 1890 года.

надѣльная собственность крестьянъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ увеличилась на 91 %. Приблизительно, по такому же плану построенъ сборникъ свѣдѣній о крестьянскомъ и владѣльческомъ хозяйствѣ Старицкаго уѣзда [49]). Въ немъ такія же картограммы. Частно-владѣльческимъ хозяйствамъ съ запашкою и инвентаремъ посвящены здѣсь таблицы въ 43 графы. Сборникъ по Калязинскому уѣзду [50]) имѣетъ нѣсколько иной составъ; здѣсь не помѣщены пока ни таблицы, ни текстъ по владѣльческимъ хозяйствамъ, за то крестьянское хозяйство подвергнуто еще болѣе текстовой разработкѣ; данъ, напримѣръ, довольно подробный анализъ общиннаго землевладѣнія. 11 картограммъ Калязинскаго Сборника имѣютъ обычную наружность, и исполненіе ихъ, стало быть, стоитъ дороже новоторжскихъ и вышневолоцкихъ; статья объ естественномъ движеніи населенія снабжена діаграммами. Для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ тверскаго крестьянскаго хозяйства и населенія сообщаемъ кое-какія отношенія, выведенныя для трехъ уѣздовъ.

УѢЗДЫ.	Надѣлъ на дворъ (въ д.).	Величина семьи (въ душахъ).	Женщинъ на 100 мужчинъ.	Процентъ мужчинъ рабочаго возр.	% безлошадныхъ крест. дворовъ.	Урожай ржи у крестьянъ (мѣры).	Общій процентъ пашни въ уѣздѣ.
Вышневолоцкій .	$12_{,6}$	$5_{,32}$	$107_{,9}$	$49_{,1}$	8	$36_{,01}$	$21_{,0}$
Старицкій	$11_{,3}$	$6_{,10}$	$108_{,3}$	$48_{,9}$	$11_{,2}$	$44_{,36}$	$30_{,7}$
Калязинскій. . .	$9_{,7}$	$5_{,80}$	$110_{,3}$	$28_{,1}$	$28_{,1}$	$48_{,00}$ [51])	$29_{,1}$

XIV. Въ *Херсонскомъ* земствѣ за 1890 годъ встрѣчается наибольшее, по сравненію съ другими земствами, число хозяйственно-статистическихъ публикацій. Изданное въ этомъ году описаніе Херсонскаго уѣзда [52]) отличается особенною подробностью текста. Въ предисловіи подчеркнутъ географическій характеръ работъ херсонской земской статистики. Херсонское уѣздное земство не пожелало послѣдовать примѣру земствъ Елизаветградского и Александрійскаго и не отпустило средствъ на производство подворной переписи, поэтому въ Херсонскомъ уѣздѣ было произведено лишь подробное сплошное оцѣночное описаніе территоріи на средства губернскаго земства. Въ характеристикѣ естественныхъ условій Херсонскаго уѣзда мы встрѣчаемъ такія же указанія на хозяйственное значеніе воды, какъ и въ Новоузенскомъ Сборникѣ; населеніе стремится бороться съ недостаткомъ воды помощью устройства колодцевъ; сажень колодца со всѣми

---

[49]) Тоже. Томъ IV. Старицкій уѣздъ. Тверь. 1890. Цѣна 2 р.

[50]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губерніи. Томъ V. Калязинскій уѣздъ. Тверь. 1890. Цѣна 2 р.

[51]) Въ Калязин. уѣздѣ взятъ чистый сборъ и прибавлена густота посѣва.

[52]) Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи. Томъ VI. Херсонскій уѣздъ. Херсонъ. 1890.

расходами обходится отъ 40 до 100 руб. (стр. 41). Въ поземельной собственности главная категорія—частное землевладѣніе, которому принадлежитъ 55% площади уѣзда. Процентъ пашни, составлявшій въ 1801 году только $8_{,5}$, достигшій къ 1851 году $36_{,3}$, имѣлъ въ 1887 году величину $48_{,6}$. Площадь подъ рожью (34% площади посѣвовъ) въ Херсонскомъ уѣздѣ почти равняется пшеничной площади (28% подъ яровою, 7% подъ озимою). Третье по значенію растеніе—ячмень. Средній урожай ржи «какъ ариѳметическій выводъ изъ мнѣній хозяевъ» опредѣленъ въ 30 пудовъ съ десятины; семилѣтнія свѣдѣнія Центр. Стат. Комитета даютъ въ Херсонскомъ уѣздѣ близкую цифру для владѣльческихъ земель ($3_{,34}$ четверти).

Херсонскіе статистики выпустили въ 1890 году еще двѣ брошюры: одну по хозяйственной исторіи края [53]), другую по исторіи земской статистики въ Херсонской губерніи [54]). Первая брошюра заканчивается указаніемъ необходимости высшаго сельско-хозяйственнаго училища для Херсонской губерніи. Вторая брошюра отмѣчаетъ главнѣйшія черты въ разнообразныхъ судьбахъ херсонской статистики, мысль о которой возникла еще въ 1870 г. Херсонское бюро въ первый разъ существовало съ 1873 г. по 1876 г., потомъ было вновь открыто въ 1882 году. Въ ближайшей связи съ статистическими изданіями стоитъ напечатанный на земскія средства полезный каталогъ г. Леонтьева [55]), обнимающій 3625 заглавій книгъ и статей. При участіи статистиковъ напечатана интересная монографія свящ. Сорокина [56]), характеризующая бытъ и хозяйство въ одномъ мѣстечкѣ.

По текущей статистикѣ Херсонскимъ земствомъ напечатанъ, во первыхъ, обзоръ губерніи относящійся къ 1889 году [57]). Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о населеніи, сельскомъ хозяйствѣ, продовольствіи, повинностяхъ и недоимкахъ, о промышленности и торговлѣ, о народномъ образованіи, народномъ здравіи, страхованіи и о земскомъ имуществѣ. Въ приложеніи даны подробныя урожайныя записи по отдѣльнымъ мѣстностямъ. О сельскомъ хозяйствѣ земству корреспондировали 252 лица; у Департамента Земледѣлія было въ Херсонской губерніи весною 1889 года 78, лѣтомъ 53 корреспондента. Для урожая ржи на владѣльческихъ земляхъ за 1889 годъ, цифра земской статистики ($1_{,9}$ четвер.) стоитъ на срединѣ между показаніями Деп. Земледѣлія ($2_{,0}$) и Центр. Комитета ($1_{,7}$ четв.).

---

53) Главные моменты въ хозяйственномъ развитіи Херсонскаго края. Херсонъ. 1890. Цѣна 20 коп.

54) Историческій очеркъ развитія Херсонской земской сельско-хозяйственной статистики. Херсонъ. 1890. Цѣна 30 к.

55) Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ Херсонской губерніи. Составилъ А. Н. Леонтьевъ. Херсонъ. 1890. Ц. 2 р.

56) Мѣстечко Дмитровка.

57) Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губерніи за 1889 годъ Херсонъ. 1890 г.

Затѣмъ, въ теченіе 1890 г. Херсонскою управою издавались краткіе мѣсячные летучіе бюллетени, изображавшіе положеніе сельскаго хозяйства въ разные моменты [58]).

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ изданіи, которое внѣшнимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ земско-статистической литературѣ, но имѣетъ съ этою литературою тѣсную внутреннюю связь какъ по замыслу и построенію работъ, такъ и по составу участниковъ. Мы разумѣемъ капитальную работу по Иркутской губерніи [59]), исполненную подъ руководствомъ и при участіи бывшихъ земскихъ статистиковъ Н. М. Астырева, Л. С. Личкова и Е. А. Смирнова. Введеніе къ тексту описываетъ пріемы изслѣдованія, примѣненные къ тремъ округамъ Иркутской губерніи; въ мѣстномъ изслѣдованіи участвовали 15 человѣкъ, въ обработкѣ матеріаловъ—10 статистиковъ и 5 спеціалистовъ по разнымъ предметамъ. Площадь трехъ изслѣдованныхъ округовъ равняется $22^1/_2$ милліонамъ десятинъ. Интересный почвенный очеркъ какъ-бы отрицаетъ существованіе настоящаго чернозема въ Иркутской губерніи, но въ тоже время приводитъ химическіе анализы, указывающіе содержаніе перегноя въ почвахъ до $15{,}_7\%$ (минимумъ $4{,}_{38}\%$) и фосфорной кислоты до $0{,}_{163}\%$ (минимумъ $0{,}_{069}$). Главныя группы населенія: крестьяне—старожилы ($47{,}_4\%$) и кочевые инородцы ($27{,}_2$). За 30 лѣтъ послѣ ревизіи мужское населеніе увеличилось только на $27{,}_1\%$; женщины уступаютъ въ численности мужчинамъ (95:100). Средняя величина семьи—$5{,}_7$ душъ. Изъ числа мальчиковъ—17%, изъ числа дѣвочекъ—3% учатся грамотѣ. Въ трехъ округахъ насчитывается 81% пустопорожнихъ земель. Около 96% удобныхъ земель принадлежитъ крестьянамъ, инородцамъ и казакамъ. На приписную крестьянскую душу приходится около 24 десятинъ удобной земли. Форма владѣнія вообще захватно - родовая, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были уже душевыя поравненія покосовъ и пахатныхъ земель. Аренда пашни въ общемъ не имѣетъ промышленнаго характера. На $^9/_{10}$ запашки ведется двупольный сѣвооборотъ. Главный хлѣбъ—озимая рожь ($32{,}_6\%$), потомъ ярица ($27{,}_7\%$), затѣмъ овесъ ($17{,}_3\%$) и пшеница ($15{,}_2\%$). Громадный—сравнительно съ Европейской Россіей—процентъ хозяйствъ (21%) нанимаетъ сроковыхъ работниковъ, въ средѣ которыхъ видную роль играютъ поселенцы. Средняя плата годовому ра-

---

[58]) Сельско-хозяйственная хроника Херсонской губерніи. (По сообщеніямъ изъ уѣздовъ). Май. 1890. Тоже. Іюнь. Тоже. Іюль. Тоже. Августъ. Тоже. Ноябрь. 1890 г. Въ текущемъ 1891 году Херсонское бюро издало описаніе выставки 1890 г. и обзоры по Аланьевскому, Тираспольскому и Херсонскому уѣздамъ.

[59]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія. Томъ II. Выпуски 1, 2, 3, 4 и 5. Москва. 1890 года. Первый томъ этого изданія, заключающій въ себѣ таблицы, отпечатанъ въ Иркутскѣ въ 1889 году.

ботнику 74 рубля. На десятинѣ удобной земли у русскихъ крестьянъ лежитъ сумма платежей въ 52 коп.

Всѣ пять выпусковъ текста восточно-сибирскихъ «Матеріаловъ» изобилуютъ крайне интересными свѣдѣніями, во многихъ случаяхъ легко сравнимыми съ тѣмъ хозяйственно-статистическимъ запасомъ, который накопился для земской Россіи.

А. Фортунатовъ.

Русскіе журналы за 1891 годъ.

Изъ статей по *исторіи права* прежде всего приходится остановиться на работѣ *проф. В. О. Ключевскаго*, начатой еще въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» прошлаго года и только въ нынѣшнемъ году продолженной на страницахъ того же журнала. Имѣя въ виду не перерѣшать вопросъ о земскихъ соборахъ («составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси»), а лишь продолжить его рѣшеніе, начатое въ русской историко-юридической литературѣ, авторъ старается изучить положительныя свойства указаннаго учрежденія, такъ какъ «полная характеристика явленія не можетъ состоять изъ однихъ отрицаній» (I,146). Это изученіе возможно лишь при помощи уясненія связи «древне-русскихъ земскихъ соборовъ съ выростившей ихъ почвой, съ туземными учрежденіями»; значитъ, необходимо ясное представленіе о составѣ представительства на земскихъ соборахъ (о составѣ избирательныхъ обществъ и объ отношеніи ихъ къ своимъ представителямъ). Отказываясь отъ сопоставленія древне-русскихъ земскихъ соборовъ съ представительными собраніями Западной Европы, что было отчетливо уже сдѣлано Б. Н. Чичеринымъ, авторъ свою точку зрѣнія формулируетъ словами: «*связь соборнаго представительства съ устройствомъ древне-русскихъ земскихъ міровъ и общественныхъ классовъ*». Если въ русской историко-юридической литературѣ не находится отвѣта на вопросъ о составѣ, то напрасно мы стали бы искать тамъ отчетливаго отвѣта и на вопросъ объ историческомъ ростѣ, развитіи земскихъ соборовъ (различіе соборовъ по историческимъ моментамъ), ибо, прилагая къ нимъ довольно сложную политическую классификацію, имъ отказываютъ въ историческомъ движеніи, во внутреннемъ ростѣ соборнаго представительства. Не болѣе ясно поставленъ въ литературѣ и вопросъ о происхожденіи земскихъ соборовъ. Изученіе предмета съ такъ своеобразно поставленной точки зрѣнія В. О. Ключевскій начинаетъ обзоромъ состава собора 1566 года, приведшимъ его къ заключенію, что упомянутый соборъ былъ въ точномъ смыслѣ «совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами», тутъ было «отвѣтственное представительство по административному положенію, а не полномочное представительство по общественному довѣрію». Представительное значеніе дворянъ и дѣтей боярскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 г., авторъ выясняетъ при помощи сопоставленія такъ

называемой Тысячной книги 1550 г. съ соборнымъ актомъ 1566 г. въ связи съ указаніемъ на нѣкоторыя особенности московскаго военнаго строя. Причудливый составъ собора 1566 г. вообще представлялъ землю посредствомъ столицы и самую столицу представлялъ лишь настолько, насколько она представляла землю». На соборѣ сидѣли представители изъ столичныхъ дворянства и купечества, не потерявшіе связи съ областью; низшее тяглое населеніе столицы и областей равно было представлено высшимъ столичнымъ купечествомъ, не имѣя особыхъ представителей. На земскомъ соборѣ 1598 года, избиравшемъ царя Бориса, видимъ въ составѣ представителей присутствіе новаго элемента—выборныхъ представителей городоваго дворянства. Что же касается торгово-промышленнаго класса, то теперь еще съ большею рѣзкостью обнаружился основной принципъ представительства по должностному правительственному положенію. На соборѣ 1598 г., помимо всѣхъ московскихъ гостей, присутствовали лишь старосты гостинной и суконной сотенъ, да сотскіе черныхъ сотенъ и ихъ подраздѣленій. Составъ представительства на соборѣ 1598 г. сталъ сложнѣе, дробнѣе сравнительно съ соборомъ 1566 года. Эта сложность стояла въ зависимости отъ тѣхъ перемѣнъ, какія произошли къ концу XVI вѣка въ организаціи общественныхъ классовъ. Авторъ считаетъ возможнымъ при обсужденіи вопроса о происхожденіи земскихъ соборовъ разсматривать оба собора XVI вѣка (1566 и 1598 гг.), какъ однородныя явленія, ибо значеніе представителя и основанія представительства остались прежнія. На соборѣ 1598 года авторъ дѣлаетъ любопытное наблюденіе, которое необходимо отмѣтить: изъ сличенія текста соборной грамоты (отъ 1 августа) съ рукоприкладствами выборныхъ видно, что составъ собора не былъ окончательно опредѣленъ до его открытія и пополнялся постепенно въ продолженіе его дѣятельности. Признавая всю оригинальность взгляда на составъ представительства въ XVI вѣкѣ и глубину соображеній автора, его обусловившихъ, нельзя не замѣтить, что мысль о *полномъ* отсутствіи выборныхъ представителей отъ мѣстныхъ дворянскихъ корпорацій на соборѣ 1566 г. авторомъ не доказана такъ, чтобы не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея безусловной вѣрности: на соборѣ 1566 г. присутствовалъ дворянинъ Б. Зачесломскій; въ «коломенской десятнѣ» 1577 г., которая въ скоромъ времени появится въ печати, тотъ же Б. Зачесломскій записанъ, какъ служащій съ Коломны изъ выбора. Это фактъ пока одинокій, но, можетъ быть, при болѣе детальномъ изученіи источниковъ найдутся и другіе подобнаго же рода. Для этой цѣли очень важно было бы составить алфавиты къ писцовымъ книгамъ и десятнямъ XVI вѣка (также къ Тысячной книгѣ и соборнымъ актамъ). Если эту мысль автора считать вполнѣ доказанной, то какая надобность утверждать, что члены собора 1598 г., названные въ соборномъ спискѣ *выборомъ* [1]) *изъ городовъ*, были выборные депутаты про-

[1]) Для XVI в. «выборъ» это—порою просто отборные, лучшіе люди изъ провинціальнаго дворянства, взятые изъ области по приказанію правительства,

винціальнаго дворянства, а не провинціальные дворяне *выборнаго* чина, прямо призванные на соборъ по должностному положенію, какое они заняли въ минуту призыва? Не было ли гораздо послѣдовательнѣе склониться къ послѣднему объясненію, особливо въ силу справедливаго желанія автора считать соборы 1566 и 1598 гг. явленіями однородными? Думается, что ни тотъ, ни другой соборъ не зналъ выборныхъ представителей и что такая постановка вопроса гораздо послѣдовательнѣе въ виду невозможности сдѣлать строгое различіе между столичнымъ и уѣзднымъ дворянствомъ для половины XVI вѣка. Едва ли также можно вполнѣ согласиться съ авторомъ въ необходимости полнаго игнорированія цѣлей, ради которыхъ собирался тотъ и другой соборъ. Можно отказаться отъ искусственной политической классификаціи московскихъ земскихъ соборовъ, но стоитъ ли совсѣмъ забыть о цѣляхъ созванія каждаго изъ нихъ? Ничѣмъ другимъ, какъ кажется, нельзя объяснить неожиданнаго указанія автора этой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной работы на то, что составъ собора 1598 г. не былъ подтасованъ, какъ предвидѣніемъ указаннаго возраженія. Цѣль созванія собора, несомнѣнно, должна была до извѣстной степени вліять и на его составъ. Можно сдѣлать еще одно замѣчаніе по поводу изслѣдованія В. О. Ключевскаго: авторъ даетъ намъ, читателямъ, только результаты своихъ изслѣдованій, основанныхъ на глубокомъ знаніи источниковъ и совершенно скрываетъ всю черновую работу ихъ подбора и сопоставленій, которую необходимо было бы приложить если не въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Иногда это обстоятельство мѣшаетъ доказательности изложенныхъ наблюденій. Никогда еще намъ не приходилось читать такихъ тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній объ организаціи дворянства, какія читаемъ въ названномъ изслѣдованіи. Большинство ихъ основано на изученіи десятенъ; авторъ однако нигдѣ не старается подчеркнуть этого историческаго источника, предоставляя читателю только догадываться о нихъ.

Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» продолжались статьи *П. Н. Милюкова* «Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго», написанныя на основаніи изученія огромнаго запаса неизданнаго матеріала и составляющія какъ бы непосредственное продолженіе работы А. С. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямаго обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій», только съ болѣе широко поставленной темой. Изложенію государственнаго хозяйства при Петрѣ авторъ предпосылаетъ «Основныя черты государственнаго хозяйства Россіи XVII вѣка», гдѣ даетъ рядъ поправокъ и дополненій къ указанному труду, приходя къ слѣдующимъ основнымъ выводамъ относительно состоянія государственнаго хозяйства, которое сложилось къ моменту реформъ Петра I послѣ весьма многочи-

---

но отобранные самой военной корпораціей города. Особенно любопытна въ въ этомъ отношеніи ряжская десятня 1579 года.

сленныхъ перемѣнъ, совершавшихся въ теченіе всего XVII вѣка: 1) неразвитость прямой подати начала XVII в. къ концу его значительно приблизилась къ размѣрамъ косвенной, благодаря быстрому росту и окончательному закрѣпленію оклада стрѣлецкой подати и превращенію экстренныхъ прямыхъ сборовъ въ постоянную и важную статью бюджета, вмѣстѣ съ чѣмъ, благодаря переводу всѣхъ важнѣйшихъ видовъ прямой подати и всѣхъ новыхъ сборовъ на «дворовое число», а также уничтоженію архаическихъ остатковъ «данныхъ» доходовъ съ «сошнаго письма», послѣднее вышло изъ употребленія безъ всякаго особаго указа; 2) распредѣленіе всѣхъ сборовъ по территоріальнымъ финансовымъ округамъ къ концу вѣка заслонилось спеціальными учрежденіями (Большая казна—таможенные и кабацкіе сборы; Стрѣлецкій приказъ—стрѣлецкіе; Ямской—полоняничные и ямскіе) съ сохраненіемъ стариннаго управленія только въ области оброчныхъ сборовъ. Потребность правильнаго и постояннаго дохода на военныя нужды вызвала въ исторіи государственнаго хозяйства двѣ главныхъ тенденціи: а) стремленіе къ дифференціаціи финансоваго управленія и концентраціи сборовъ и в) стремленіе къ увеличенію постоянной прямой подати. Медленная эволюція старыхъ началъ не могла поспѣвать за событіями петровской эпохи, когда войны получили быстрый и разрушительный характеръ; финансовая реформа 1679—1681 г. оказалась недостаточною. Петровскія войны, по фигурному выраженію автора, какъ ураганъ, «съ трескомъ ниспровергли на землю самое зданіе, и при томъ сдѣлали это раньше, чѣмъ можно было подумать о построеніи новаго». Послѣ такого вступительнаго очерка авторъ переходитъ къ характеристикѣ «приказнаго хозяйства 1682—1709 годовъ», которая за время по 1701 годъ обнаруживаетъ два основные факты, обусловленные потребностью увеличить бюджетъ: 1) окончательное паденіе областныхъ финансовыхъ приказовъ XVII вѣка, и 2) появленіе цѣлаго ряда новыхъ военныхъ приказовъ съ финансовымъ значеніемъ. Финансовая политика слѣдутъ съ одной стороны пути, указанному еще исторіей XVII вѣка, а съ другой—создаетъ рядъ учрежденій, похожихъ на старыя по внѣшности, но съ новою внутреннею сущностью, свѣжею финансовою силой. Въ первомъ случаѣ доходность сборовъ стремятся увеличить путемъ сосредоточенія ихъ въ одномъ центральномъ учрежденіи и путемъ устраненія отъ взиманія ихъ приказнаго элемента. Такъ явилась Ратуша — «самое полное и грандіозное проявленіе фискальной политики XVII вѣка и, можно сказать, самый зрѣлый плодъ ея». Во второмъ случаѣ создаютъ на ряду съ новыми финансовыми учрежденіями и новые спеціальные налоги. На сторонѣ Ратуши, усовершенствовавшей приказную систему XVII в.,—«несомнѣнное преимущество формы организаціи»; на сторонѣ новыхъ военныхъ приказовъ—«связь ихъ съ дѣйствительною жизнью, которая въ старую, готовую организацію не укладывается». Ратуша и военные приказы принципіально мѣшаютъ другъ другу. Несомнѣнно, говоритъ авторъ, что «финансовая администрація

должна будетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ; старая система превратится въ хаосъ, на развалинахъ котораго уже очистится мѣсто для болѣе грандіозной постройки». Время за 1701—1709 г., разсматриваемое авторомъ подъ заголовкомъ «разрушеніе приказнаго строя», совсѣмъ не изучено, а между тѣмъ оно должно послѣдовательно ввести изслѣдователя въ шумный періодъ реформъ. За это время мы видимъ массу единичныхъ распоряженій съ временнымъ значеніемъ, появившихся подъ давленіемъ текущихъ потребностей. Третья глава и имѣетъ цѣлью чрезъ изученіе состоянія текущихъ потребностей и средствъ ихъ удовлетворенія за 1701—9 г. выяснить, насколько послѣдующая реформа была матеріально необходима и указать моментъ, въ который она сдѣлалась, наконецъ, неотложной. Постоянное увеличеніе арміи за это время обусловливаетъ ростъ военныхъ расходовъ, значеніе которыхъ съ поразительною яркостью выступаетъ при сравненіи этихъ расходовъ съ средствами ихъ удовлетворенія. «Государство уже находилось наканунѣ финансоваго кризиса, замѣчаетъ авторъ, тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ сопровождался кризисомъ экономическимъ». «Первое условіе финансоваго кризиса заключалось въ возрастаніи расходовъ; второе заключалось не только въ пріостановкѣ, но даже въ уменьшеніи доходовъ» (въ уменьшеніи самой доходности старыхъ сборовъ). Ратуша не могла выплачивать возложенный на нее окладъ вполнѣ. Значитъ, на удовлетвореніе текущихъ расходовъ не хватало главныхъ средствъ бюджета, таможенныхъ, кабацкихъ и нѣкоторыхъ другихъ сборовъ. Недостатокъ восполняли усиленной эксплоатаціей регалій, отсрочившей на нѣсколько лѣтъ финансовый кризисъ. Такъ, значительную услугу оказалъ правительству «денежный передѣлъ», неспособный однако приносить постояннаго дохода; правительство приступаетъ, затѣмъ, къ переоброчкѣ казенныхъ статей (Ингерманландская канцелярія) и другимъ мѣрамъ для увеличенія своихъ доходовъ. Но мѣры эти не стояли въ уровень съ возроставшими требованіями Петровскаго хозяйства. Послѣдній моментъ разрушенія приказнаго строя, послѣ того, какъ правительство открыто вышло изъ рамокъ существующей финансовой системы, состоитъ въ томъ, что вмѣсто приказовъ, централизовавшихъ доходъ, какъ, напр., Ратуша и Большая Казна, въ главѣ системы стали приказы, централизовавшіе расходъ, именно военные приказы Петра; прочіе приказы были расписаны своими приходами между военными, потерявъ послѣдніе остатки своего прежняго специфическаго значенія въ финансовой системѣ. Ближайшую оцѣнку этого разрушенія авторъ основываетъ на разсмотрѣніи хозяйства приказовъ, сохранившихъ финансовое значеніе послѣ учрежденія Ратуши. Смѣта 1710 г. дала первый крупный дефицитъ въ полмилліона рублей. Вслѣдъ за «разрушеніемъ приказнаго строя» авторъ слѣдитъ за «разореніемъ населенія», какъ оно вырисовывается переписью 1710 года, переходя затѣмъ уже къ характеристикѣ сущности реформы, начатой послѣ Полтавскаго боя. Состояніе платежной способности населенія за время до

1710 г. изучается авторомъ, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ для оцѣнки государственно-хозяйственнаго положенія. Приведеннаго, конечно, достаточно для того, чтобы дать понять читателямъ всю важность и цѣнность предпринятой П. Н. Милюковымъ работы, которая должна занять выдающееся мѣсто въ нашей историко-юридической литературѣ какъ по массѣ изученнаго матеріала, до сихъ поръ неизвѣстнаго, такъ и по тщательности, стройности и обдуманности его разработки. Многочисленныя таблицы, сопровождающія изслѣдованія, свидѣтельствуютъ о массѣ труда, потраченнаго на изученіе столь сложнаго предмета, а строго обоснованные, вполнѣ логическіе выводы — объ обширной общей и спеціальной эрудиціи указаннаго ученаго, являющагося во всеоружіи данныхъ, представляемыхъ современною наукою финансоваго права (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г., № 1, стр. 229—231 и № 2 стр. 430—431).

Статья *Ф. Ф. Мартенса* «Россія и Англія въ продолженіе XVI и XVII вв.» (Русская Мысль, №№ 1 и 2) доказываетъ то положеніе, что международныя сношенія Россіи съ Англіей въ XVI и XVII вѣкахъ начались и поддерживались исключительно ради торговыхъ оборотовъ при полномъ отсутствіи какихъ либо общихъ политическихъ интересовъ. Это основное положеніе проходитъ не только чрезъ всю исторію первоначальныхъ международныхъ отношеній Россіи съ Англіей, но даетъ себя чувствовать даже въ XVIII вѣкѣ; при этомъ «чѣмъ пассивнѣе было участіе московскаго народа въ международныхъ торговыхъ оборотахъ, чѣмъ больше предпріимчивости и умѣнія эксплоатировать чужіе неразвитые въ экономическомъ отношеніи народы показывали англичане, тѣмъ больше *Московія* должна была сдѣлаться предметомъ обогащенія и эксплоатаціи для англійскаго народа» (стр. 39). Въ инструкціи, данной англійскимъ правительствомъ экспедиціи Ченслера, отправлявшагося во второй разъ въ Московію, прямо сказано, что, въ случаѣ установленія, по желанію московскаго правительства, монопольной торговли (отъ имени царя или кого либо изъ москвитянъ), слѣдуетъ назначить «возможно высшую цѣну за англійскіе товары и, наоборотъ, возможно низшую цѣну на русскіе, въ виду того, что первоначально назначенныя цѣны будутъ служить руководствомъ на будущее время» (стр. 41). Экспедиціи, какъ извѣстно, удалось получить царскую грамоту, утвердившую право англичанъ на *безпошлинную* торговлю всякими товарами по всей Московіи. Путешествіе Дженкинсона въ Среднюю Азію, любезно одобренное царемъ Иваномъ, не повело къ открытію постоянной *свободной* торговли чрезъ Московію съ Персіей отнюдь не вслѣдствіе препятствій со стороны московскаго правительства, которое разрѣшило англичанамъ безпошлинно провозить товары въ Шемаху, Бухару, Самаркандъ и Китай, и запретило всякому, кто не состоитъ членомъ лондонскаго общества «Московія», пріѣзжать въ Холмогоры, къ устьямъ Двины, въ Колу, Мезень и Вардегдусъ. Если Англія смотрѣла на Московію только какъ на торговый рынокъ, то, наоборотъ, царь Иванъ, не получилъ въ

свою пользу никакихъ особенныхъ преимуществъ взамѣнъ дарованныхъ, пытался завести чисто политическія сношенія съ Англіей, предлагая послѣдней оборонительный союзъ противъ общихъ (?) враговъ, договоръ взаимнаго убѣжища на случай революціи («тайнаго заговора или по внѣшней враждѣ») въ той или другой странѣ и прося присылки въ Москву «архитектора, который можетъ строить крѣпости, башни и дворцы», также «доктора и аптекаря и другихъ мастеровъ такихъ, которые отыскиваютъ золото и серебро, строятъ корабли и умѣютъ управлять ими». Посольство Рандольфа 1568 г., обязанное обходить молчаніемъ всѣ подобныя предложенія со стороны московскаго правительства, должно было только получить «нѣкоторыя повольности въ пользу англійскихъ купцовъ», что и было достигнуто разрѣшеніемъ послѣднимъ вести торговлю съ Персіей, искать желѣзную руду въ Вычегдѣ, переплавлять монету въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, запрещеніемъ лицамъ, не состоящимъ членами лондонскаго общества «Московіи» торговать помимо береговъ Бѣлаго моря и черезъ Нарву. Мало того: англійскій дворъ въ Москвѣ переданъ былъ въ вѣдѣніе опричнины. Но всѣ эти льготы не помѣшали царю Ивану на отказъ Англіи заключить оборонительный союзъ (нужный царю для борьбы съ Польшей и Швеціей), написать королевѣ Елизаветѣ, что она сидитъ въ своемъ государствѣ, какъ «пошлая дѣвица», заправляемая «торговыми мужиками», ищущими лишь своихъ «торговыхъ прибытковъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести минутный погромъ всей англійской торговли въ Московіи. Характерны слова царя Ивана, сказанныя послѣ этого погрома англійскому посланнику Дженкинсону весною 1573 года: «мы знаемъ, что нужно выслушивать рѣчи о купеческихъ дѣлахъ, такъ какъ они опора нашей государской казны; но сперва нужно установить дѣла государей, а потомъ уже купцовъ» (стр. 50), дѣла государей, которые «наравнѣ съ нижайшими людьми, по признанію царя Ивана, подвержены переворотамъ». Прекратившіяся дипломатическія пересылки возобновляются вновь въ 1580 г. при посредствѣ одного изъ приказчиковъ лондонскаго общества Горсея, ибо царь Иванъ «опять принужденъ былъ получить изъ Англіи нѣкоторые военные припасы, въ которыхъ онъ очень нуждался для нескончаемыхъ войнъ противъ шведовъ и поляковъ». Позднѣе при царѣ Ѳедорѣ устами Бориса Годунова Москва заявляла Англіи, что ради однихъ англійскихъ гостей запрещать многимъ людямъ изъ многихъ государствъ приходить къ намъ было бы неразуміе» и «Божію дорогу, океанъ-море, какъ можно перенять, унять и затворить?» При царѣ Ѳедорѣ уже завязалось характерное для международныхъ торговыхъ оборотовъ въ XVI в. дѣло англичанина Антона Марша (посольства Бекмана въ Англію и Флетчера въ Московію), возбудившаго старый вопросъ о необходимости въ торговыхъ оборотахъ индивидуальной, а не коллективной отвѣтственности за неисполненіе обязательствъ или совершеніе преступленій. Въ любительной политикѣ по отношенію къ Англіи, царь Борисъ явился продолжателемъ «англійскаго царя», какъ назвалъ Грознаго

думный дьякъ Андрей Щелкаловъ—врагъ англичанъ. «Коммерческая эксплоатація московскаго народа» удавалась англичанамъ: «ихъ исключительныя права и льготы постоянно были подтверждаемы московскимъ правительствомъ, которое, однако, при случаѣ, не церемонилось произвольно отмѣнять эти права и конфисковать англійскіе товары и собственность безъ всякаго справедливаго основанія». Обширныя права и вольности англичанъ были оставлены за ними и послѣ Смутнаго Времени. Рѣзкая перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи начинается только съ царя Алексѣя, при чемъ она была вызвана тогда внутренними смутами въ Англіи, поведеніемъ англійскихъ посланниковъ и купцовъ и наконецъ ропотомъ русскаго народа на тягостныя монополіи англичанъ и на безпощадную эксплоатацію русской промышленности и торговли. Указомъ 1 іюня 1649 г. англійской торговлѣ въ Россіи нанесенъ былъ тяжелый ударъ; съ тѣхъ поръ вольности англійскихъ купцовъ болѣе не подтверждались.— Многія подробности авторъ группируетъ по С. М. Соловьеву.

Изъ другихъ работъ, касающихся международныхъ сношеній, упомянемъ о статьяхъ *Л. З. Слонимскаго* въ «Вѣстникѣ Европы» (№№ 2 и 3), «Франко-русская политика въ началѣ столѣтія. Поццо-ди-Борго и его дѣятельность во Франціи» и «Франко-русскія отношенія при Наполеонѣ I» и *П. В. Безобразова* въ «Русскомъ Обозрѣніи» (№ 1 и слѣд.) «О сношеніяхъ Россіи съ Франціей». Названныя статьи, впрочемъ, совершенно случайнаго характера. Болѣе спеціальный характеръ носитъ статья *Г. В. Форстена* «Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну» (отношенія къ Франціи), напечатанная въ первомъ томѣ вновь народившагося періодическаго сборника «Историческое Обозрѣніе», издаваемаго историческимъ обществомъ при с.-петербургскомъ университетѣ (см. о немъ въ нашемъ журналѣ замѣтку А. А. Кудрявцева въ № 3).

Въ первыхъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» находимъ продолженіе работы *А. Н. Петрова*, начатой еще въ прошломъ году (№№ 4, 5 и 6, «Русскіе дипломаты на Вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года»), подъ заглавіемъ «Русскіе дипломаты на парижскомъ конгрессѣ 1856 г. (№№ 1, 2, 3) [2]). Авторъ пользовался для своей работы дѣлами архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Статья представляетъ интересъ лишь въ виду эпохи и вопроса, ею затронутыхъ. Что касается статьи *А. В. Аксенова* «Политическія отношенія московскаго государства къ Югорской землѣ» (Жур. Мин. Нар. Просв., № 2), то она представляетъ спеціальный интересъ для изучающихъ вопросъ объ отношеніяхъ московскаго правительства къ инородцамъ, хотя авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, вопросъ о томъ, какой рядъ фактовъ предшествовалъ возникновенію русской колонизаціи въ Сибири и какое значеніе имѣли такіе предшествовавшіе факты въ общемъ ходѣ завоеванія Сибири.

---

[2]) Гр. А. Ѳ. Орловъ и баронъ Брунновъ (инструкціи имъ графа Нессельроде).

Въ статьѣ *Д. И. Иловайскаго* «Корректурная критика профессора русской исторіи» (Русскій Архивъ, № 4), читаемъ отповѣдь С. Ѳ. Платонову, отыскавшему нѣсколько курьезовъ въ юридическихъ представленіяхъ г. Иловайскаго. Не останавливаясь, по обстоятельствамъ, на наивностяхъ этой отповѣди, отмѣтимъ одно мѣсто, какъ наиболѣе характерное для автора «Исторіи Россіи.» «Выражаясь о десятняхъ, какъ отдѣлахъ помѣстнаго (sic) сословія, которому велись списки по городамъ, я имѣлъ въ виду происхожденіе ихъ (кого?); а оно, конечно, было сословное и территоріальное». Во первыхъ, нигдѣ въ источникахъ ни разу не встрѣчается указанія на то, чтобы терминъ «десятня» имѣлъ отвлеченное значеніе; всегда, наоборотъ, оно употребляется только по отношенію къ документу; значитъ, прежде чѣмъ написать приведенную фразу, надобно доказать, что терминъ «десятня» *дѣйствительно*, помимо реальнаго, имѣлъ еще и отвлеченное значеніе, а не довольствоваться слишкомъ дурно понятыми словами писателя 30-хъ годовъ (разумѣемъ П. И. Иванова), извѣстными г. Иловайскому не въ подлинникѣ, а въ интерпретаціи И. Е. Андреевскаго. Во вторыхъ, прежде чѣмъ написать какую-либо фразу необходимо, какъ намъ кажется, подумать о ея смыслѣ. Будемте искать его въ отвѣтной фразѣ г. Иловайскаго и окажется, что *отдѣлы сословія имѣли сословное и территоріальное происхожденіе*.

Въ виду громаднаго значенія Фердинанда Лассаля въ соціально-политической исторіи германскаго народа, въ виду необыкновеннаго всеобщаго интереса, который справедливо возбуждаетъ къ себѣ дѣятельность знаменитаго агитатора, въ нашемъ обзорѣ нельзя не упомянуть о небольшой замѣткѣ В. А. Г.—«Дневникъ Фердинанда Лассаля, («Русская Мысль», № 4). Дневникъ Лассаля начался печатаніемъ въ апрѣльской книжкѣ журнала Nord und Süd, такъ что В. А. Г. сообщилъ пока данныя лишь для 1840 и половины 1841 г., заключающіяся въ указанной книжкѣ. Онѣ настолько любопытны, что, конечно, ни одинъ читатель не пропуститъ любопытной замѣтки В. А. Г., котораго можно упрекнуть только въ излишней краткости. В. А. Г.—приводитъ, между прочимъ, характерную отмѣтку въ дневникѣ Лассаля о еврейскомъ вопросѣ. Мальчикъ-Лассаль пишетъ, что онъ какъ еврей въ бульверовскомъ романѣ Леила, способенъ рисковать жизнью для того, чтобы вывести несчастную еврейскую массу изъ тягостнаго положенія. «Меня не устрашилъ бы даже эшафотъ,—прибавляетъ Лассаль, — если бы я могъ опять сдѣлать ихъ уважаемымъ народомъ» (стр. 205).

Изъ работъ по *обычному праву* остановимся на статьѣ *Н. В. Тесленка*, помѣщенной въ VIII книгѣ спеціальнаго журнала «Этнографическое Обозрѣніе» (№ 1 за 1891) [3] подъ заглавіемъ «О семейныхъ дѣ-

[3] Въ томъ же журналѣ ранѣе помѣщены были *М. М. Ковалевскаго* Дагестанская „народная правда“ (кн. IV), *Эд. Тайлора* „О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій“ (кн. V), *Л. В. Малинина* „О свадебныхъ платежахъ и о при-

лежахъ по обычному праву бѣлоруссовъ». Авторъ имѣлъ въ виду крестьянъ Сокольницкой волости, Невельскаго уѣзда, Витебской губерніи и при собираніи свѣдѣній руководствовался юридической программой Этнографическаго Отдѣла, при чемъ въ составъ статьи включилъ любопытный текстъ одного рѣшенія Сокольницкаго волостнаго суда (стр. 99) и текстъ договора, заключеннаго между тестемъ и зятемъ—пріемышемъ (стр. 110—111). Изъ различнаго рода условій раздѣла можно вывести общее наблюденіе, что *земля* по возможности не выходитъ изъ рукъ мужскаго поколѣнія даннаго рода, дѣлится не «по отцамъ» (какъ все движимое имущество), а «по ревизскимъ душамъ» [4]). Вдова, оставшаяся съ дѣтьми мужскаго пола, вступаетъ во всѣ тѣ права, которыя принадлежали въ семьѣ ея покойному мужу («мать упротивъ отца»); ея власть чрезвычайно сильна по идеѣ, на практикѣ же ей приходится обращать значительное вниманіе на мнѣніе *общества*. Еще въ большемъ подкрѣпленіи общественнымъ мнѣніемъ нуждается власть старшаго брата, когда онъ заступаетъ мѣсто отца («бо́льшій братъ на мѣсто отца»). Имущество движимое (исключая бабьяго добра) все цѣликомъ, не исключая даже посильнаго платья, поступаетъ въ раздѣлъ. Крестьяне вообще избѣгаютъ оставлять въ нераздѣльномъ пользованіи что либо изъ общаго имущества. Любопытенъ обычай, по которому старшіе братья должны послѣ раздѣла уходить на «новую печину», т. е. должны оставить отцовскій домъ, а младшіе остаются на «старой». Это напоминаетъ одинъ изъ параграфовъ забытой «Русской Правды». Не менѣе интересна статья *М. В — гича* «Юридическіе обычаи якутовъ» (№ 3), напечатанная въ «Журналѣ граж. и Уголов. права». Авторъ статьи подходитъ къ своему предмету отъ разсужденій о важности изученія юридическихъ обычаевъ вообще, о трудности ихъ изслѣдованія, о переходѣ отъ стаднаго состоянія къ родовому быту etc. Авторъ изучаетъ юридическіе обычаи якутовъ не какъ совершенно объективный наблюдатель, а какъ сторонникъ извѣстнаго взгляда на эволюцію права на пространствѣ исторіи, изучаетъ, «поставивъ на первомъ планѣ такіе изъ нихъ, которые служатъ переживаніемъ эпохи наиболѣе отдаленной, эпохи родовой жизни» якутовъ. Но независимо отъ теоретическаго освѣщенія своего матеріала, статья представляетъ большой интересъ особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о фактахъ. Сдѣлавъ характеристику семейной общины у якутовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что «елибы община у якутовъ и ихъ юридическіе обычаи развивались нормально, помимо вредныхъ вліяній изнанки цивилизаціи, то якутская община могла бы принять здоровый ростъ, и это способное, любознательное племя, пріобщившись со временемъ къ настоящей цивилизаціи, могло бы имѣть

даномъ у кавказскихъ горцевъ“ (кн. VI), *В. Н. Бондаренко* „Очерки Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губ.“ (кн. VI и VII).

[4]) Повидимому, обычай этотъ, которымъ тяготятся крестьяне, пришелъ извнѣ.

свою страницу исторіи. Юридическіе обычаи якутовъ заключаютъ въ себѣ всѣ задатки гуманитарнаго права.

Усиленно раздуваемый извѣстной частью русской прессы *финляндскій вопросъ* все еще продолжаетъ занимать нѣкоторые журналы. Такъ, *Н. М. Коркуновъ* вторично выступилъ въ «Юридической Лѣтописи» (№ 1) со статьей, касающейся Финляндіи. Если первая («Финляндское великое княжество» въ № 4 за 1890 г.) статья, имѣвшая цѣлью выяснить юридическую природу взаимныхъ отношеній Русской имперіи и великаго княжества Финляндскаго, пыталась доказать, что Финляндія не находится съ Россіей ни въ реальной, ни въ личной уніи, а есть инкорпорированная по праву завоеванія провинція, то вторая ставитъ вопросъ о финляндскомъ сеймѣ. Статья нападаетъ на современный финляндскій сеймъ не какъ таковой, а лишь въ силу того, что онъ далеко не удовлетворяетъ требованіямъ *дѣйствительнаго народнаго представительства*. Авторъ разсматриваетъ организацію финляндскаго сейма (совершенно, впрочемъ, догматически, не приводя совсѣмъ дѣйствительныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ его изложеніе, что было бы необходимо сдѣлать въ виду важности затронутаго вопроса и бо́льшей убѣдительности авторскаго приговора) и на основаніи ея изученія, дѣлаетъ выводъ, что «финляндскій сеймъ отнюдь не служитъ органомъ народнаго представительства», что «все его устройство проникнуто сословнымъ духомъ», что «въ основу его дѣятельности положено начало полной сословной разобщенности». На сеймѣ преобладаютъ дворянство и лютеранское духовенство, которыя имѣютъ столько же голосовъ, сколько представители всего остальнаго населенія (горожане и крестьяне) Финляндіи, значительно превосходящаго по численности два первые класса. Авторъ статьи согласенъ съ тѣмъ, что «можно охранять и отстаивать мѣстныя особенности, пожалуй даже національную самобытность отдѣльныхъ областей государства» (стр. 4), но «заставлять финскій народъ продѣлывать заднимъ числомъ то, что пережила страна, когда-то владѣвшая Финляндіей, но уже 80 лѣтъ не имѣющая съ ней ничего общаго, это нелѣпость ничѣмъ необъяснимая». Авторъ не договариваетъ, впрочемъ, своей основной мысли, заканчивая статью возгласомъ, что послѣ 19 февраля 1861 года сдѣлалась для Россіи невозможной иная политика, кромѣ національной. Читателю, во всякомъ случаѣ, навязывается сама собою мысль о томъ, что необходима реформа финляндскаго сейма въ смыслѣ усиленной демократизаціи его состава; словомъ, полное превращеніе изъ учрежденія сословнаго въ учрежденіе, вполнѣ удовлетворяющее законнымъ требованіямъ дѣйствительнаго народнаго представительства. Но г. Коркуновъ ограничивается лишь одними упреками по адресу отжившихъ якобы финскихъ учрежденій (о его неудачныхъ сближеніяхъ и сопоставленіяхъ мы умалчиваемъ), забывая, какъ совершенно справедливо замѣтили публицисты «Вѣстника Европы» (№ 2, стр. 941), что «до 1886 г. финляндскій сеймъ вовсе не имѣлъ

права законодательнаго почина». Слѣдовательно, «не въ его власти было предпочесть новую шведскую организацію—старой; не въ его власти было перейти отъ сословнаго строя къ безсословному». Не въ его власти это и теперь, ибо онъ не можетъ пересматривать *основныхъ законовъ* Финляндіи, на что манифестъ 1886 г. не даетъ ему правъ. «Юридическая Лѣтопись» во второмъ нумерѣ журнала продолжаетъ интересоваться финляндскимъ вопросомъ. Здѣсь находимъ статью *Н. С. Таганцева* «Высочайшій манифестъ $^{1}/_{13}$ декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложеніе». Авторъ, напомнивъ, что въ Финляндіи дѣйствовало до сихъ поръ шведское уголовное уложеніе 1734 г. съ разнообразными къ нему дополненіями, предупреждаетъ читателей по поводу новаго финляндскаго уголовнаго уложенія, подготовка коего началась еще въ 1863 г., о необходимости «сомнѣваться въ правильности мнѣнія, высказываемаго и въ печати и даже оффиціально, что всѣ неудобства и затрудненія, вызываемыя введеніемъ новаго финляндскаго уложенія объясняются лишь неточнымъ переводомъ и составляютъ результатъ простаго недоразумѣнія; что ни въ какомъ случаѣ лица, подготовлявшія это уложеніе, не имѣли и мысли о какомъ либо противопоставленіи интересовъ имперіи и великаго княжества» (стр. 100). Авторъ съ самаго начала обнаруживаетъ такимъ образомъ свою точку зрѣнія. Затѣмъ онъ обращается къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ затрудненій, вызывавшихся новымъ финляндскимъ уложеніемъ, и предположеній, сдѣланныхъ для ихъ устраненія. Затрудненія эти Н. С. Таганцевъ сводитъ къ тремъ группамъ: 1) въ постановленіяхъ, затрогивающихъ международныя отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ и оказавшихся несогласованными съ началами, принятыми въ законахъ имперіи; 2) въ постановленіяхъ, отдѣляющихъ интересы Финляндіи отъ интересовъ Россіи и приравнивающихъ послѣднюю, въ отношеніи преслѣдованія на финляндской территоріи нѣкоторыхъ преступленій, къ иностраннымъ державамъ, и 3) въ постановленіяхъ, отмѣняющихъ дѣйствіе отдѣльныхъ законоположеній, получившихъ обязательную силу какъ въ имперіи, такъ и въ великомъ княжествѣ. Къ этой послѣдней группѣ относится отмѣна *одного* лишь устарѣлаго и неполнаго, по признанію самого Н. С. Таганцева, постановленія 1826 года, *прямо* не отмѣненнаго финляндскимъ новымъ уложеніемъ. Далѣе авторъ нападаетъ на новое финляндское уложеніе за «крайнюю неряшливость изложенія» въ русскомъ текстѣ и указываетъ на необходимость реформы въ порядкѣ предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, при которыхъ бы, въ силу закона, могли принимать участіе, въ той или другой формѣ, соотвѣтственныя учрежденія имперіи (стр. 134). Статья заканчивается разнаго рода desiderata, навѣянными на автора чтеніемъ замѣтки Н. М. Коркунова «Финляндское великое княжество», которую Н. С. Таганцевъ называетъ «прекрасной» (стр. 135 въ прим.). Почти вслѣдъ за помѣщеніемъ статей гг. Коркунова и Таганцева Юридической Лѣтописи пришлось остановиться на словахъ Высочайшаго рескрипта на имя финляндскаго генералъ-губернатора, которые, во-первыхъ, констатируютъ наступив-

шее было «тревожное настроеніе» въ Финляндіи, а, во-вторыхъ, подтверждаютъ еще разъ всѣ привиллегіи финляндскаго народа. «Я расположенъ, читаемъ въ рескриптѣ, относиться съ прежнимъ благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, *неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими монархами права и преимущества* и что въ намѣренія Мои не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія». Перепечатывая текстъ рескрипта, «Юридическая Лѣтопись» (въ № 4) должна была признаться, что она отнюдь *не* противъ *мѣстныхъ особенностей* нашихъ окраинъ.

Объ *остзейскихъ губерніяхъ* говорилось въ журналистикѣ за истекшіе отъ начала года мѣсяцы очень мало. Можемъ упомянуть только объ одной статьѣ *А. фонъ Резона* «О торговомъ правѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ» («Журналъ гражд. и угол. права», № 3), представляющей собою продолженіе статьи того же автора «О гражданскомъ правѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ» (1890 г. № 1 ib.). Авторъ держится того взгляда, что въ Прибалтійскомъ краѣ дѣйствуютъ только одни общерусскіе законы о торговомъ правѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, о непримѣненіи которыхъ имѣются прямыя и непосредственныя указанія закона. Это положеніе авторъ и пытается подтвердить историческимъ обзоромъ прибалтійскаго и русскаго торговаго права. Однако редакція журнала, печатая статью А. фонъ Резона, не соглашается съ указаннымъ основнымъ положеніемъ автора. Такое несогласіе редакціи стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми фактами, какіе имѣются въ ея распоряженіи изъ судебной практики въ прибалтійскихъ губерніяхъ по вопросамъ торговаго права.

Немного работъ (не упоминая о мелкихъ замѣткахъ) приходится указать и въ области *гражданскаго права*.

Статья *А. Х. Гольмстена* «Юридическая конструкція добровольной неустойки» («Юрид. Лѣтопись», № 3) признаетъ ученіе о неустойкѣ одной изъ благодарнѣйшихъ темъ для юридическаго анализа и юридической конструкціи, одной изъ любопытнѣйшихъ задачъ, предлагаемыхъ юридической логикѣ и разрѣшаемыхъ ею. «Суть ея заключается въ томъ (стр. 187), что если неустойка есть денежная пеня, налагаемая за неисправность, то отсюда вытекаетъ рядъ извѣстнаго рода послѣдствій; если она есть сумма, погашающая возможные убытки отъ неисполненія обязательства—послѣдствія діаметрально противоположны». Разсмотрѣвъ логическія послѣдствія того и другаго взгляда, авторъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, какой же изъ двухъ указанныхъ взглядовъ принятъ нашимъ законодательствомъ. По мнѣнію автора (стр. 199), наше законодательство считаетъ *неустойку прежде всего денежнымъ штрафомъ*, тогда какъ современныя западныя законодательства видятъ въ неустойкѣ вознагражденіе за убытки. Но и нашъ, и западно-европейскій юридическій бытъ знаютъ оба взгляда на неустойку. Этотъ общій выводъ о неустойкѣ, какъ наказаніи, по нашему законодательству, имѣетъ то практическое значеніе, что, при примѣненіи законовъ о неустойкѣ, неполнота и недостатки ихъ могутъ быть восполнены

положеніемъ, выражающимъ «общій смыслъ» закона (ст. 9 уст. уг. судопр.), каковымъ является выводъ А. Х. Гольмстена.

Не останавливаясь на замѣткѣ *В. Садовскаго* «Еще нѣсколько словъ о толкованіи ст. 576 уст. суд. торг.» («Журналъ гражд. и угол. права», № 1), упомянемъ о статьѣ *К. Анненкова* «Цессія договорныхъ правъ» (тамъ же, № 2). Авторъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду разработать институтъ *цессіи добровольной* (cessio voluntaria). Наши гражданскіе законы не даютъ вообще никакихъ общихъ опредѣленій ни о существѣ цессіи договорныхъ правъ вообще, ни объ условіяхъ допустимости цессіи этихъ правъ, ни о послѣдствіяхъ ихъ цессіи; мало разработаннымъ является институтъ цессіи договорныхъ правъ и въ нашихъ курсахъ гражданскаго права, и въ рѣшеніяхъ судебной практики. Восполняя пробѣлъ въ литературѣ при такихъ условіяхъ, авторъ долженъ былъ предварительно обратиться къ характеристикѣ ученія римскаго права о цессіи договорныхъ правъ, затѣмъ къ постановленіямъ объ этомъ институтѣ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ западно-европейскихъ уложеніяхъ (итальянскомъ и саксонскомъ), и только тогда уже приступить къ разбору нѣкоторыхъ *частныхъ* постановленій дѣйствующаго русскаго гражданскаго права, чтобы вывести нѣкоторыя общія опредѣленія и для нашего права. Въ общемъ вопросѣ о допустимости цессіи договорныхъ правъ по нашему праву К. Анненковъ примыкаетъ къ мнѣнію, высказанному проф. Мейеромъ, что «возможность передачи у насъ правъ по обязательствамъ должно признавать за норму, а невозможность ея—за исключеніе, которое должно находить себѣ оправданіе въ законѣ» (стр. 79). Нѣкоторые случаи изъ практики сената прямо стоятъ за проф. Мейера, а не за противоположное мнѣніе К. П. Побѣдоносцева.

Эта общая точка зрѣнія К. Анненкова опредѣляетъ и всѣ дальнѣйшія подробности въ попыткѣ автора вывести общія опредѣленія для нашего права по указанному институту.

Обратимся къ статьямъ по *судоустройству* и *судопроизводству*.

Въ статьѣ «Какъ возникъ нашъ судъ присяжныхъ» (историческая справка по подлиннымъ документамъ, «Рус. Мысль», № 1) *Гр. Ав. Джаншіева*, которому уже не разъ приходилось удачно подчеркивать всю недобросовѣстность и невѣжественность нападокъ на нашъ судъ присяжныхъ со стороны извѣстной части русской прессы, знакомитъ читателей съ замѣчательною «Запискою» Д. А. Ровинскаго, совершенно неизвѣстною большой публикѣ. Статья наполнена обширными выдержками изъ упомянутой «Записки». Статья удачно напоминаетъ о горячей защитѣ, какую встрѣтилъ судъ присяжныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 60-хъ гг. со стороны М. Н. Каткова, который въ одной изъ передовыхъ статей писалъ, что «судъ присяжныхъ, эта *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ воочію, и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне—тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода (писано въ 1867 году), и *успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія*».

Тотъ же авторъ напечаталъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (№ 4) статью «Какъ мы судили» (изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя), вызванную справедливымъ замѣчаніемъ общественной хроники «Вѣстника Европы» (1890 г., № 4), что «на обязанности присяжнаго, сколько-нибудь владѣющаго перомъ, лежитъ оглашеніе впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ залы суда и изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ». Названной статьѣ г. Джаншіева мы склонны придавать большее значеніе. Въ одномъ дѣлѣ прокуроръ, какъ сообщаетъ г. Джаншіевъ, *энергически* поддерживалъ обвиненіе, не видя или *не желая* видѣть его слабыхъ сторонъ. Когда одинъ изъ защитниковъ сталъ доказывать, что дѣлу данъ неправильный оборотъ, то былъ остановленъ предсѣдательствующимъ, сдѣлавшимъ замѣчаніе защитнику *тономъ крайне рѣзкимъ и запальчивымъ* (срв. приводимое нами ниже свидѣтельство Н. Вильскаго); оборванъ былъ и другой защитникъ, несмотря на свой *смиренный и даже подобострастный тонъ*. Оборвавъ защитниковъ, предсѣдательствующій, какъ сообщаетъ г. Джаншіевъ, не потрудился даже сдѣлать толковаго resumé. Понятно, что подобная поддержка обвиненія, сопровождаемая неловко поставленнымъ вопросомъ, должна была привести къ оправдательному вердикту. Послѣ третьяго оправдательнаго вердикта сдержанность совсѣмъ покинула прокурора, и г. Джаншіевъ, какъ юристъ, былъ отведенъ: «всѣ присяжные, говоритъ авторъ (стр. 70), были этимъ непріятно удивлены»; немного спустя прокуроръ, впрочемъ, опомнился и не сталъ отводить г. Джаншіева. Далѣе г. Джаншіевъ останавливается въ своей статьѣ на двухъ важныхъ пунктахъ: на правѣ присяжныхъ выносить оправдательный вердиктъ даже при наличности сознанія подсудимаго и на правѣ при неудачной постановкѣ судомъ вопросовъ требовать дополнительныхъ. Понятно, что общіе итоги впечатлѣній автора, вынесенныхъ изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ, вполнѣ благопріятные: они должны были только увеличить глубокое уваженіе къ великому институту присяжныхъ и усугубить сознаніе, что судъ присяжныхъ *ничѣмъ* не замѣнимъ, какъ *единственный* органъ истиннаго правосудія, какъ орудіе гражданскаго воспитанія, какъ надежная охрана противъ многоразличныхъ видовъ произвола.

Практическая замѣтка *А. Ѳ. Кони* «Освидѣтельствованіе сумасшедшихъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія» («Юридич. Лѣтопись», № 1) представляетъ собою изложенный въ сжатой формѣ опытъ очерка порядка освидѣтельствованія сумасшедшихъ и безумныхъ въ особыхъ присутствіяхъ губернскихъ правленій по отношенію къ двумъ главнымъ вопросамъ: 1) кто именно и по какому поводу подлежитъ освидѣтельствованію и 2) какъ таковое должно производиться? Замѣтивъ, что «*порядокъ* освидѣтельствованія не находитъ себѣ почти никакихъ опредѣленныхъ указаній въ законѣ, а на практикѣ осуществляется губернскими правленіями крайне разнообразно, безъ твердыхъ руководящихъ началъ и единства, нерѣдко по разъ установившемуся обычаю, не находящему

себѣ оправданія ни въ цѣляхъ закона, ни въ правильномъ распредѣленіи призываемыхъ къ участію въ освидѣтельствованіи силъ, авторъ и рѣшаетъ поставленные выше вопросы въ соотвѣтствіи съ дѣйствующимъ правомъ (срв. въ нашемъ журналѣ статью *И. Щегловитова* «О порядкѣ освидѣтельствованія умственныхъ способностей лицъ, привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности», № 1).

И. Г. Щегловитовъ (въ № 3 «Юрид. Лѣтописи») напечаталъ весьма любопытную замѣтку «Фотографическая экспертиза при изслѣдованіи документовъ», гдѣ подчеркиваетъ вспомогательное и самостоятельное значеніе фотографіи въ уголовномъ процессѣ: она является *самостоятельнымъ* способомъ изслѣдованія документовъ, особенно важнымъ въ случаяхъ наиболѣе утонченныхъ подлоговъ либо путемъ тщательнаго копированія поддѣлываемаго почерка, либо путемъ механическаго его воспроизведенія. «Можно сказать, говоритъ авторъ (стр. 202), что фотографія въ союзѣ съ химіей суть единственныя надежныя орудія къ раскрытію такихъ усовершенствованныхъ подлоговъ. Эта фотографическая экспертиза, дающая возможность оставлять оригиналъ безъ поврежденія, на западѣ практикуется лѣтъ около десяти, у насъ начинаетъ вводиться лишь съ прошлаго года.

Авторъ знакомитъ затѣмъ съ различными способами аутотипическихъ поддѣлокъ документовъ (вытравливающій, гектографическій, бензинный, фотографическій, Фиша, Коульса) и пріемами фотографической ихъ экспертизы (мокрый колодіонный способъ съ длинно-фокуснымъ аппаратомъ). описывая примѣненіе послѣдней въ двухъ процессахъ, веденныхъ въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ (экспертъ фотографъ Е. Ф. Буринскій). И. Г. Щегловитовъ заканчиваетъ свою замѣтку основательной надеждой, что фотографическій способъ изслѣдованія документовъ вытѣснитъ ненаучную, вполнѣ недостовѣрную каллиграфскую экспертизу.

Статья *И. Хмѣльницкаго* «Реорганизація судебныхъ установленій по законамъ 12 іюля и 29 дек. 1889 года» (Жур. Граж. и Угол. пр. № 1) имѣетъ цѣлью выяснить характеръ совершившейся въ области мировой юстиціи и мѣстнаго управленія въ уѣздѣ реформы и намѣтить путь къ рѣшенію основнаго вопроса, дѣйствительно ли великія учрежденія императора Александра II, не удовлетворяютъ потребностямъ крестьянской массы и насколько вызывается самой жизнью необходимость перестроить грандіозное зданіе судебныхъ уставовъ 1864 г. на новый ладъ. Авторъ статьи, конечно, пришелъ къ выводу, что порядокъ вещей, установленный судебными уставами 1864 г., отнюдь *не* исключалъ правильнаго устройства юстиціи и въ средѣ сельскаго населенія, что «учрежденія, созданныя творцами «судебныхъ уставовъ», заключаютъ въ себѣ всѣ условія для своего дальнѣйшаго совершенствованія, что они требуютъ лишь нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій», вовсе *не* нуждаясь въ ломкѣ. Статья И. Хмѣльницкаго на столько важна, что, указавъ на общій выводъ автора, позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ ея частностяхъ.

Авторъ указываетъ на то, что новый законъ отступилъ отъ начала отдѣленія административной власти отъ судебной, установленной впервые судебными уставами 1864 г. Послѣ двадцатипятилѣтняго примѣненія у насъ на практикѣ этого начала едва ли можно кого-нибудь убѣдить въ цѣлесообразности противоположнаго начала, т. е. что при смѣшеніи судебныхъ и административныхъ функцій возможно дѣйствительное отправленіе правосудія. Далѣе. Сторонники новой реформы говорятъ, что она имѣетъ цѣлью устранить *фактическое безвластіе* приблизить къ народу правительственную власть. Что же на дѣлѣ? Внимательное изученіе законодательнаго текста привело И. Хмѣльницкаго къ выводу, что «съ изданіемъ новаго закона, никакого объединенія власти не произойдетъ; напротивъ того, умноженіе органовъ власти будетъ только порождать *замѣшательство* въ средѣ сельскаго населенія, которое, вообще смутно представляетъ себѣ роль и компетенцію различныхъ органовъ управленія» (стр. 83). Сохраняя существующее *многоначаліе,* новый законъ не достигаетъ ни цѣлей *объединенія* власти, ни *приближенія* ея къ населенію. «Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ И. Хмѣльницкій, что можетъ быть болѣе *сложно* и болѣе *пестро*, нежели организація судебной власти по закону 12 іюля 1889 года?!.. Земскій начальникъ, городской судья, мировой судья, уѣздный членъ окружнаго суда, уѣздный съѣздъ, мировой съѣздъ, окружный судъ, судебная палата, губернское присутствіе, правительствующій сенатъ!! Къ этому перечню необходимо прибавить и нѣкоторые другіе единоличные органы власти, которые съ изданіемъ закона 12 іюля пріобрѣтаютъ весьма солидную долю власти и по дѣламъ судебнымъ; таковы: министръ внутреннихъ дѣлъ, губернаторъ, предводитель дворянства и уѣздный исправникъ... Уже одно обиліе всякаго рода «начальствъ» невольно вызываетъ сомнѣніе въ возможности достигнуть тѣхъ цѣлей», какія имѣлись въ виду. Далѣе авторъ отмѣчаетъ, что въ то время, когда даже для урядниковъ и десятскихъ признаютъ необходимымъ устраивать спеціальныя школы, отъ земскихъ начальниковъ по существу не требуется образовательнаго ценза: достаточно главнымъ образомъ лишь одной *принадлежности къ дворянскому сословію*, чтобы занять должность земскаго начальника, которому, несомнѣнно, нужна масса свѣдѣній въ области права и процесса.

Лично отъ себя мы позволимъ себѣ привести небольшую историко-юридическую справку не изъ эпохи составленія судебныхъ уставовъ 1864 г., которая такъ претитъ современнымъ реакціонерамъ, а изъ времени давно минувшаго, именно изъ XVII вѣка.

Въ XVII вѣкѣ уголовная юстиція въ области (дѣла губныя) принадлежала губнымъ старостамъ. То была власть выборная; губныхъ старостъ выбирали *всѣми людьми уѣзда*, но исключительно изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ уѣзда, добрыхъ и прожиточныхъ, и *непремѣнно грамотныхъ* (Уложеніе XXI, 4; XX, 72). «Уложеніе» прямо говоритъ: «выбирайте въ губные старосты, которые грамотѣ умѣютъ», а кто грамотѣ

не умѣетъ, и тѣхъ въ губные старосты *не* выбирати». Итакъ, еще въ XVII вѣкѣ, унаслѣдовавшемъ институтъ губнаго староства отъ XVI-го вѣка, высшая мѣстная юридикція находилась въ рукахъ *выборной* власти, для которой необходимъ былъ тогдашній образовательный цензъ — грамотность, при чемъ этого ценза вовсе не требовалось отъ воеводы, приказнаго человѣка, предшественника нынѣшняго губернатора. Въ XIX вѣкѣ забываютъ иногда и то, что было элементарнымъ еще въ XVII вѣкѣ. Московская приказная канцелярія при значительно меньшей государственной территоріи не претендовала, какъ кажется, на такое знаніе области, на какое претендуетъ петербургская бюрократическая канцелярія при гораздо большей государственной территоріи, простирающейся отъ Балтики до Амура и отъ Поморья до Закавказья. Въ XVII в., несомнѣнно, не было никакихъ теоретическихъ представленій о раздѣленіи властей, однако смутно чувствовали, что правосудіе могло выигрывать, если въ области помимо воеводы, представителя администраціи, былъ еще губной староста, *выборный* представитель уголовной юстиціи, непремѣнно грамотный, котораго приводилъ къ присягѣ не воевода въ области, а разбойный приказъ въ Москвѣ. Что касается мнѣнія объ образованіи судей, высказаннаго авторами «судебныхъ уставовъ», то на него ссылаться не будемъ, ибо читатели найдутъ его въ статьѣ И. Хмѣльницкаго, который, разобравъ составъ уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія, прямо утверждаетъ, что организація новыхъ судебныхъ учрежденій по закону 12 іюня 1889 г. *не* представляетъ гарантій *правомѣрныхъ* отношеній и *безпристрастія* въ области правосудія, ибо «новые органы власти всѣми сторонами дѣятельности своей и личной зависимостью, въ порядкѣ подчиненности, примыкаютъ не къ судебной іерархіи, а къ административной». Далѣе авторъ полемизируетъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ прошломъ году по поводу новаго закона г. Башмаковымъ, мнѣніемъ, какъ разъ противоположнымъ тому, какое защищается И. Хмѣльницкимъ. Нечего и говорить, что за г. Хмѣльницкаго стоятъ принципы судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., борьба съ которыми совсѣмъ не подъ силу нынѣшнимъ представителямъ реакціи, ютящимся по наиболѣе темнымъ уголкамъ литературы и общества.

Въ связи съ новымъ институтомъ земскихъ начальниковъ стоитъ «проектъ казенной адвокатуры у земскихъ начальниковъ», о которомъ въ той же книжкѣ Жур. Граж. и Угол. права читаемъ замѣтку *А. М. Тютрюмова*. Существуетъ предположеніе о созданіи особаго института казенныхъ повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ, которые должны назначаться изъ лицъ, получившихъ юридическое образованіе и на правахъ юрисконсультовъ состоять при съѣздахъ земскихъ начальниковъ и мировыхъ судей. Любопытно при этомъ то, что ходатайство частныхъ повѣренныхъ *по выбору и желанію* тяжущихся сторонъ будто бы предполагается совершенно воспретить. Нужно потерять всякое представленіе о правѣ, чтобы допустить даже мысль о подобномъ предположеніи. А. М. Тютрюмовъ

съ вѣскими аргументами выступаетъ противъ подобнаго анти-правоваго предположенія, вреднаго къ тому же на практикѣ. Отъ казенной адвокатуры, говоритъ А. М. Тютрюмовъ, болѣе всего будутъ страдать бѣдные люди и крестьяне, въ интересахъ которыхъ предполагается введеніе института, который представляетъ изъ себя не что иное какъ «недозрѣлый плодъ канцелярскаго мышленія». Авторъ подмѣчаетъ въ корнѣ проекта тенденцію, имѣющую характеръ опеки. «Вѣроятно, здѣсь руководила составителями проекта все та же всеобъемлющая административная опека и ложное мнѣніе чиновниковъ, что въ Россіи сами граждане менѣе заботятся о себѣ и слабѣе защищаютъ свои интересы, чѣмъ благопопечительное начальство. *Въ дѣйствительности же дѣло стоитъ, какъ разъ наоборотъ*, и каждый дорожитъ своими интересами, понимаетъ ихъ и отстаиваетъ лучше и энергичнѣе, чѣмъ всѣ легіоны опекающихъ общество чиновниковъ» (стр. 85). Особенно страннымъ является положеніе такого казеннаго повѣреннаго въ уѣздѣ, когда ему придется обжаловать рѣшеніе своего начальника (земскаго начальника) въ интересахъ одной изъ тяжущихся сторонъ. Возможно ли будетъ такое обжалованіе на практикѣ, составители проекта, очевидно, о томъ не подумали.

Помѣщенная въ № 9 нашего журнала за прошлый годъ статья *П. Н. Обнинскаго* «Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры?» вызвала обширный отвѣтъ со стороны *Н. Вильскаго* въ Жур. Граж. и Угол. Права (№ 1: «Деморализуется ли наша адвокатуры»?), который пытается утверждать, что «наша присяжная адвокатура, за весьма немногими исключеніями, пока еще далека отъ деморализаціи, что она *не* деморализируется, а только *демократизируется*» (стр. 76). Не имѣя въ виду полемизировать съ авторомъ статьи, мы замѣтимъ только, что она упорно игнорируетъ настойчивое указаніе П. Н. Обнинскаго на необходимость строгаго различенія институціонной организаціи адвокатуры и ея профессіональныхъ особенностей, что сомнѣнія въ невозможности установить элементарныя понятія о «нравственности» и «порядочности», въ ней высказанныя, надо признать черезъ чуръ рискованными, и ссылка на К. Д. Кавелина въ данномъ случаѣ совсѣмъ не при чемъ; что вся аргументація статьи приводитъ совсѣмъ не къ тому общему выводу, который читаемъ въ ея заключеніи (стр. 76). Намъ кажется также, что Н. Вильскій далеко не всегда правильно понимаетъ статью П. Н. Обнинскаго. Такъ (на стр. 55 и 71) авторъ пишетъ: «самъ г. Обнинскій приводитъ въ связь пустованіе университетскихъ каѳедръ съ пополненіемъ рядовъ адвокатуры, очевидно, говоря этимъ, что наиболѣе талантливые молодые юристы скорѣе идутъ въ адвокатуру, чѣмъ въ профессуру», и далѣе: «упрекъ, сдѣланный г. Обнинскимъ нашей адвокатурѣ, что она опустошаетъ юридическія кафедры, теряетъ свое значеніе». Просмотрѣвъ вновь статью П. Н. Обнинскаго, мы нашли, что названный авторъ нигдѣ не дѣлаетъ нашей адвокатурѣ такого страннаго упрека, отъ котораго спѣшитъ *оправдать* ее Н. Вильскій. Говоря о тяжелой реакціи, столь вне-

запно послѣдовавшей за свѣтлыми годами реформъ императора Александра II, П. Н. Обнинскій справедливо замѣчаетъ (стр. 29): «съ этой поры начинаютъ пустовать университетскія каѳедры, а студенты дѣлаются похожими на бравыхъ кирасиръ». Никакого тутъ упрека адвокатурѣ за отвлеченіе будто бы талантовъ отъ профессуры нѣтъ. Констатируется общій упадокъ идеаловъ и измельчаніе умовъ, обусловленные отчасти отсутствіемъ здоровыхъ педагогическихъ началъ въ нашей средней и отчасти высшей школѣ, отчасти общими вѣяніями времени. Съ этимъ принужденъ согласиться и Н. Вильскій; онъ не только соглашается, но и съ своей стороны прибавляетъ двѣ-три не лишенныхъ интереса черты. Наша классическая школа, по совершенно вѣрному убѣжденію П. Н. Обнинскаго, способна лишь парализовать всякую самодѣятельность ума (ср. стр. 29, 37, 41, 42, 48), а «*переутомленный мозгъ* и пересохшее сердце безсильны сдержать дурные аппетиты, хотя бы въ границахъ понятія порядочности, деморализація (первичные зародыши которой появляются въ школѣ отъ фальшивой лже-классической системы, какъ это ясно видно изъ статьи) ростетъ и доростаетъ до уличнаго буйства и тѣлеснаго наказанія въ полицейскомъ участкѣ»... Если П. Н. Обнинскій указываетъ на то, что лже-классическая система, у насъ установившаяся, парализуетъ всякую самодѣятельность ума, то Н. Вильскій, написавшій свою статью также въ спеціально-юридическомъ органѣ, открыто заявляетъ (на стр. 63), что въ нашихъ «гимназіяхъ и семинаріяхъ *все* направлено къ тому, чтобы сдѣлать мальчика, а затѣмъ молодаго человѣка косноязычнымъ или просто болтуномъ, не отдающимъ себѣ отчета въ томъ, что́ и какъ онъ говоритъ». Ломаный языкъ экстемпоралій и учебниковъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго, при отсутствіи нормально поставленнаго курса словесности, несомнѣнно, дѣлаетъ свое дѣло въ указанномъ Н. Вильскимъ направленіи. Но Н. Вильскій приводитъ еще одну интересную справку. Записка московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ отъ 28 апрѣля 1890 года указываетъ на то, что среди адвокатовъ «принципы общественнаго служенія забываются». По этому поводу Н. Вильскій пишетъ (стр. 62): «позабыть можно только то, что знали прежде; нельзя обвинять въ забвеніи того, чего не изучали ни *въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*, ни въ университетахъ, ни въ жизни, самостоятельнымъ чтеніемъ, ни на примѣрахъ старшихъ». «Каждый изъ нашихъ адвокатовъ, продолжаетъ Н. Вильскій, какъ спеціалистъ, есть чистокровный самоучка; у него нѣтъ ни школы, ни исторіи, ни установленныхъ принциповъ...» Все это отнюдь не противъ статьи П. Н. Обнинскаго, какъ не противъ нея и признаніе Н. Вильскаго въ воздѣйствіи невѣжественной проповѣди реакціонеровъ на представителей суда. Указывая на энергичную защиту подсудимыхъ нашими адвокатами, Н. Вильскій признаетъ ихъ въ этомъ отношеніи выше всякихъ упрековъ, пока не явилась невѣжественная реакція «противъ оправдательныхъ приговоровъ, когда всякое оправданіе, какъ бы оно ни было основательно,

стали ставить въ вину, во первыхъ, суду присяжныхъ засѣдателей, во вторыхъ, защитѣ, особенно если она была энергична, талантлива;... чтобы уравновѣсить шансы обвиненія и защиты, или даже просто склонить вѣсы правосудія въ пользу обвиненія, многіе предсѣдатели перешли на сторону послѣдняго и стали всячески стѣснять защиту, произнося обвинительныя рѣчи вмѣсто безпристрастнаго объясненія обстоятельствъ дѣла». Защита, продолжаетъ Н. Вильскій, протестовала противъ такого явленія, но голосъ ея не былъ услышанъ; только такія печальныя явленія, какъ *случаи осужденія невинныхъ*, обвиненныхъ при такихъ соединенныхъ усиліяхъ (!!), нѣсколько умѣрили излишній пылъ предсѣдательской помощи прокурорскому обвиненію».

Работъ по *уголовному праву* приходится отмѣтить очень немного.

Послѣ статьи «О мошенничествѣ по русскому дѣйствующему праву», *Н. Д. Сергѣевскій* выступилъ въ «Юридической Лѣтописи» (№ 4) съ замѣткой «Самовольное пользованіе по русскому дѣйствующему праву», т. е. по вопросу о противоправномъ извлеченіи изъ имущества различныхъ выгодъ, въ томъ числѣ и употребленіи на какія либо надобности или нужды. Признакъ такого противоправнаго пользованія заключается въ отсутствіи права на *пользованіе* имуществомъ вообще или въ томъ объемѣ, въ которомъ пользованіе фактически совершено. Выражая этотъ признакъ терминомъ «самовольное пользованіе», русское уголовное право не дѣлаетъ въ такомъ случаѣ никакаго различія между собственникомъ, владѣльцемъ и лицомъ постороннимъ. Это начало, какъ замѣчаетъ Н. Д. Сергѣевскій, съ точностью и неизмѣнною послѣдовательностью развивается и въ сенатскихъ рѣшеніяхъ. Перечисливъ шесть различныхъ формъ самовольнаго пользованія имуществомъ, охватывающихъ собою всѣ случаи *непосредственнаго* извлеченія выгодъ изъ имущества [5]), авторъ говоритъ объ отношеніи къ нимъ русскаго уголовнаго права, которое не даетъ вовсе опредѣленій о самовольномъ пользованіи *движимымъ* имуществомъ, остающимся ненаказуемымъ до тѣхъ поръ, пока дѣяніе не получитъ признаковъ поврежденія имущества. Практическая жизнь, говоритъ Н. Д. Сергѣевскій, въ ненаказуемости самовольнаго пользованія движимымъ имуществомъ стремится видѣть лишь пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, пытаясь пополнить его путемъ аналогій или расширенія понятія похищенія; литература нерѣдко стоитъ за то, что пользованіе незначительными частями чужаго имущества, насколько эти послѣднія представляютъ какую-нибудь, хотя бы минимальную рыночную стоимость,

---

5) По содержанію своему почти всѣ формы представляютъ ту особенность, что легко переходятъ въ другіе типы имущественныхъ посягательствъ или даже сливаются съ ними. Исключеніе представляетъ лишь шестая форма—извлеченіе выгодъ изъ чужой собственности,—образуя вполнѣ оригинальный составъ преступнаго дѣянія, а потому и выдѣляясь въ совершенно самостоятельную группу.

должно подводить подъ понятіе похищенія или присвоенія по принадлежности; наконецъ, судебная практика, по выраженію Н. А. Неклюдова, скитается здѣсь безъ всякаго пристанища (стр. 280). По мнѣнію Н. Д. Сергѣевскаго, законъ долженъ дать или общее опредѣленіе о наказуемости противоправнаго пользованія *движимымъ* имуществомъ вообще или спеціальныя опредѣленія о наказуемости отдѣльныхъ видовъ пользованія движимымъ имуществомъ въ качествѣ delicta sui generis. Въ случаяхъ же противоправнаго пользованія *недвижимымъ* имуществомъ наше законодательство устанавливаетъ наказуемость въ широкихъ размѣрахъ, сводя ея виды къ четыремъ группамъ. Здѣсь авторъ ставитъ вопросъ о томъ, когда противоправное пользованіе плодами имущества совершается «не въ видѣ кражи» (какъ выражается законъ) и когда оно переходитъ въ похищеніе? По духу нашего законодательства грань между похищеніемъ и самовольнымъ пользованіемъ плодовъ можно провести такимъ образомъ: «взятіе плодовъ, уже оккупированныхъ хозяиномъ, должно быть признаваемо похищеніемъ; взятіе плодовъ, хозяиномъ еще не оккупированныхъ, по общему правилу, составляетъ самовольное пользованіе; но если плоды эти представляютъ собою продукты приложеннаго къ ихъ произведенію человѣческаго труда, то взятіе ихъ въ значительномъ количествѣ приравнивается къ похищенію» (стр. 290).

Въ статьѣ «Тюремный міръ» *Д. А. Дриль* (Русская Мысль» № 2) «передаетъ содержаніе новой, замѣчательной, по его мнѣнію, работы д-ра Laurent «Les habitués des prisons», представляющей собою собраніе фактовъ, ярко воспроизводящихъ особенности различныхъ категорій тюремнаго люда. Посвящая сравнительно очень немного мѣста «преступникамъ по случаю» и «случайнымъ преступникамъ», измѣнчивой категоріи въ населеніи тюрьмы, Д. А Дриль съ особенною подробностью останавливается на «истинныхъ гражданахъ тюрьмы», которые «какъ бы предопредѣлены особенностями своего существа къ пороку и преступленію» и составляютъ разрядъ преступниковъ нравственно помѣшанныхъ и прирожденныхъ; среди нихъ замѣчается цѣлый рядъ преступныхъ типовъ, болѣе или менѣе характерныхъ, но ни въ какомъ случаѣ *не* специфическихъ». Если M. Laurent хорошо изучилъ населеніе тюрьмы, то радикальныя мѣры, имъ рекомендуемыя, далеко не всегда способны выдержать удары критики. Не въ бастонадахъ и казняхъ—успѣшное рѣшеніе серьезной задачи о человѣческой преступности... «Внимательное и тщательное изученіе всѣхъ факторовъ преступности, говоритъ Д. А. Дриль (стр. 81), въ которыхъ и лежитъ центръ тяжести всего вопроса, и принятіе указываемыхъ ими мѣръ разумнаго и справедливаго предупрежденія — вотъ дѣйствительныя средства борьбы съ преступленіемъ, къ которымъ можно и должно присоединить вполнѣ правильно и хорошо устроенныя тюрьмы, разсчитанныя на подъемъ и дѣйствительное исправленіе осмотрительно заключаемыхъ въ нихъ».

Полемика, вызванная въ прошломъ году, отчасти книгою Д. А. Дриля

«Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями», отчасти попытками воспользоваться на практикѣ нѣкоторыми идеями антрополого-позитивной школы уголовнаго права, продолжилась и въ настоящемъ году статьею *П. Н. Обнинскаго* «Иллюзіи позитивизма» въ «Журналѣ Граж. и Угови. права», которая представляетъ собою не что иное, какъ спеціальный отвѣтъ на статью Д. А. Дриля, напечатанную въ декабрьской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ («Антропологическая школа и ея критика»).

Значительное мѣсто въ юридической хроникѣ мартовской книжки «Журн. Граж. и Угол. Права» отведено процессу Бартенева, обвиненнаго въ убійствѣ артистки Висновской. Предлагая характеристику этихъ двухъ лицъ, авторъ хроники имѣетъ въ виду указать на неправильную, несогласную съ обстоятельствами дѣла постановку обвиненія, на то, что обвинительный актъ заключаетъ въ себѣ странныя логическія противорѣчія. «Къ сожалѣнію, замѣчаетъ авторъ хроники (стр. 139), два громкихъ варшавскихъ процесса Скублинской и Бартенева — не принесутъ лавровъ варшавской прокуратурѣ... въ одномъ дѣлѣ (первомъ) обвиненіе муссировано, въ другомъ ослаблено — и въ обоихъ случаяхъ поставлено не согласно съ обстоятельствами дѣла». «Очень жаль, прибавляетъ авторъ, если и *въ негромкихъ дѣлахъ держатся того же правила*». Не предполагая возможности безусловнаго обобщенія высказаннаго авторомъ положенія, нельзя не замѣтить, что въ приведенныхъ сейчасъ случаяхъ ослабленія и усиленія обвиненія внимательный наблюдатель можетъ, пожалуй, вскрыть тенденцію, положенную въ основу обоихъ обвиненій, и сопоставить ее съ теченіями въ современной общественной жизни вообще.

Въ заключеніе коснемся немногихъ статей по *политической экономіи и политикѣ*.

Статья *М. Я. Герценштейна* «Нѣсколько замѣчаній по поводу отчета крестьянскаго поземельнаго банка за 1889 годъ» (Рус. Мысль, № 1) знакомитъ читателей съ ходомъ дѣятельности крестьянскаго банка на основаніи отчета за 1889 годъ, имѣя въ виду сгладить то впечатлѣніе, которое было сдѣлано нѣкоторыми органами нашей печати, высказавшими опасенія относительно будущности крестьянскаго банка. Просматривая отчетъ, не разъ наталкиваемся на факты, показывающіе ослабленіе дѣятельности банка, порою граничащее почти съ полнымъ бездѣйствіемъ. Главная причина этого ослабленія, по мнѣнію автора, заключается въ огромномъ числѣ непроданныхъ участковъ, поступившихъ въ собственность банка, продажа которыхъ связана съ значительными трудностями и большими убытками (стран. 116, 124). Крестьянскій банкъ уменьшилъ среднюю ссуду на десятину и сократилъ свои операціи. Уменьшеніе числа ссудъ банкъ пытается объяснить тремя причинами, изъ которыхъ первая (пониженіе частными банками взимаемыхъ по ссудѣ процентовъ) не выдерживаетъ критики (платежи, взи-

маемые крестьянскимъ банкомъ, въ полтора раза выше платежей, установленныхъ для заемщиковъ дворянскаго банка, и на 20 — 25% выше платежей, установленныхъ въ акціонерныхъ банкахъ и обществахъ, въ которыхъ дивидентъ въ среднемъ составляетъ отъ 14 до 20% на складочный капиталъ!), а двумъ другимъ (распространеніе операцій акціонерныхъ земельныхъ банковъ среди крестьянъ и несвоевременное поступленіе платежей вмѣстѣ съ значительнымъ накопленіемъ недоимокъ) отнюдь нельзя придавать такое значеніе, какое придаетъ имъ крестьянскій банкъ. Необыкновенно обременительными формальностями дѣлопроизводства и простымъ сокращеніемъ операцій крестьянскій банкъ, конечно, ровно ничего не сдѣлаетъ для привлеченія крестьянъ къ землѣ. «Пока условія займа, говоритъ М. Я. Герценштейнъ (стр. 125), останутся тѣ же и организація банка не будетъ измѣнена, крестьяне съ такою же легкостью будутъ покидать земли, какъ покидали ихъ въ послѣдніе годы.... Одно сокращеніе не въ состояніи измѣнить существа дѣла; оно имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда банкъ поставилъ бы себѣ цѣлью прекратить свою дѣятельность, но тогда это можно было бы сдѣлать безъ тѣхъ затратъ, съ которыми связано существованіе банка». Хотя въ общемъ положеніе банка не блестяще, но оно, по мнѣнію автора, далеко не безвыходно. Онъ вовсе не находится въ необходимости во что бы то ни стало продавать съ молотка поступившія въ его собственность имѣнія, несмотря на паденіе цѣнъ на землю и отсутствіе сколько-нибудь выгодныхъ покупщиковъ (стр. 130). Въ силу 78 ст. Положенія крестьянскій банкъ всегда можетъ при неудачномъ исходѣ торговъ непроданные участки передавать въ казну, что не могло бы быть убыточнымъ для государственнаго казначейства.

Я. Ст—къ въ двухъ книжкахъ того же журнала (№№ 3 и 4) даетъ любопытный очеркъ дѣятельности «Валуевской Коммиссіи», возникшей («подобно королевскимъ коммиссіямъ въ Англіи») по иниціативѣ министра государственныхъ имуществъ графа П. Я. Валуева 26 мая 1872 г. (открыта 21 ноября 1872 г., закрыта 28 апрѣля 1873 г.) въ виду необходимости съ одной стороны «разъяснить вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи въ общемъ итогѣ производительнаго труда населенія Россіи», а съ другой провѣрить «неопровергаемые изъ среды правительственныхъ учрежденій толки печати и общества *о бѣдственномъ положеніи народа*, толки, систематически повторявшіеся предъ судомъ во время нечаевскаго процесса». Такъ, возникла коммиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, потерпѣвшихъ съ момента великаго событія 19 февраля 1861 г. значительныя видоизмѣненія. Коммиссія работала, имѣя въ своемъ распоряженіи письменные отзывы, заявленія и показанія отъ 958 разныхъ лицъ и учрежденій, а также, выслушивая показанія 181 приглашенныхъ въ коммиссію лицъ (нѣкоторыхъ губернаторовъ, предводителей дворянства, землевладѣльцевъ и пр.; среди нихъ фигурируетъ *только одинъ крестьянинъ*

собственникъ). Изучая стенографически записанные отвѣты приглашаемыхъ лицъ на поставленные вопросы, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ огромномъ большинствѣ они казались не болѣе, какъ личными воззрѣніями вопрошаемыхъ, нерѣдко крайне оригинальными и характеризовавшими гораздо больше самого показателя, нежели сельское хозяйство и сельскую производительность извѣстной ему мѣстности Даже самый докладъ коммиссіи, въ силу того, что ея члены въ заключительномъ засѣданіи уполномочили предсѣдателя принять на себя трудъ нѣкоторыхъ окончательныхъ въ немъ уклоненій, долженъ былъ получить характеръ личныхъ мнѣній предсѣдателя (стр. 5). Впрочемъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ надо признать цѣнными какъ по отчетливому знанію дѣла, такъ и по откровенности, съ какою въ нихъ указывается на кровныя нужды сельскаго хозяйства. О статистическомъ матеріалѣ, собранномъ коммиссіею, авторъ замѣчаетъ, что, за исключеніемъ финансовыхъ таблицъ, касающихся обложенія земель и сельскаго труда, онъ «столь же бѣденъ количественно, сколько ничтоженъ качественно». Авторъ указываетъ между прочимъ, что «самое цѣнное изъ всѣхъ вызванныхъ реформою 19 февраля улучшеній заключалось въ послѣдовательно укрѣплявшемся сознаніи русскихъ людей, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лучшая система хозяйства та, которая съ наибольшею реактивностью приложена къ мѣстной обстановкѣ, хотя бы теоретически она признавалась и неизвѣстною» (стр. 18). Разсмотрѣвъ запасъ данныхъ, поступившихъ въ распоряженіе коммиссіи 1872 года, авторъ даетъ бѣглый обзоръ мѣръ, которыя предлагались коммиссіи для устраненія недостатковъ тогдашняго положенія сельско-хозяйственной промышленности и которыя были сгруппированы ею въ одинъ общій сводъ (общій итогъ такихъ мѣръ дошелъ до 284) въ видѣ ряда пожеланій, расположенныхъ въ докладѣ коммиссіи по извѣстнымъ рубрикамъ. Въ рубрикѣ о крестьянскомъ хозяйствѣ собрана масса данныхъ, касающихся роли духовенства въ сельской жизни, вліяніе котораго на улучшеніе народныхъ нравовъ, какъ выразился князь А. А. Суворовъ, блеститъ своимъ отсутствіемъ. На стр. 18—19 нарисована поразительная картина печальнаго состоянія духовенства, при чемъ матеріаломъ для картины служатъ исключительно показанія такихъ лицъ, которыя даже съ точки зрѣнія нашихъ «правыхъ» могутъ быть признаны заслуживающими довѣрія. То были показанія князей, барововъ, вице-губернаторовъ, дворянъ-землевладѣльцевъ. Вообще въ статьѣ читатели найдутъ не мало фактовъ, въ существованіи которыхъ можно было бы не вѣрить, если бы они съ такою поразительною яркостью не были вырисованы въ матеріалахъ коммиссіи 1872 г., созванной съ малыми силами для большихъ цѣлей. Валуевская коммиссія не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій, но матеріалъ, ею собранный, долженъ представлять изъ себя не мало поучительнаго. Уже во время работъ коммиссіи, мелькавшая ранѣе мысль о необходимости у насъ *министерства земледѣлія* доросла до сознательнаго требованія *министерства народнаго хозяйства*. Уже тогда, быть

можетъ, ясно представляли себѣ, что односторонніе воззрѣнія министерства финансовъ, имѣющаго въ виду главнымъ образомъ интересы фиска, не могутъ способствовать нормальному развитію народнаго благосостоянія. Заканчивая статью характернымъ стихотворнымъ экспромптомъ самого иниціатора коммиссіи и ея предсѣдателя графа П. А. Валуева, авторъ пишетъ: задуманная въ подражаніе знаменитой французской l'énquête agricole 1866—1868 гг., но безъ вызвавшихъ ее побудительныхъ причинъ, безъ строго опредѣленной цѣли и безъ тѣхъ громадныхъ общественныхъ и государственныхъ силъ, какими располагала послѣдняя; веденная затѣмъ съ непонятною поспѣшностью и неизбѣжною при такомъ условіи канцелярскою небрежностью, коммиссія 1872 года заранѣе была обречена придти къ убѣжденію, что «доколѣ оффиціальная сфера дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ ограничена тѣсными рамками агрономической техники, улучшеніе многихъ условій сельско-хозяйственнаго дѣла, по необходимости, должно ускользать отъ непосредственнаго вліянія министерства, какъ находящееся въ завѣдываніи разныхъ другихъ учрежденій, для которыхъ интересы сельскаго хозяйства, въ широкомъ смыслѣ этого слова, не стоятъ на первомъ планѣ»; а затѣмъ и къ горькому сознанію *совершеннаго безсилія министерства государственныхъ имуществъ достигнуть въ отношеніи къ сельскому хозяйству какихъ либо удовлетворительныхъ результатовъ, безъ содѣйствія и сочувствія всѣхъ другихъ органовъ государственнаго управленія, а въ особенности министерства финансовъ* (стр. 28).

Статьей графа *Л. А Камаровскаго* «Взглядъ на задачи рабочей конференціи въ Берлинѣ 1890 года» журналъ «Русская Мысль» (№ 4) снова обращается къ вопросу, уже разъ имъ затронутому въ сентябрѣ прошлаго года (въ статьѣ И. И. Иванюкова; см. о ней въ нашемъ журналѣ № 1 стр. 159—160; статья эта перепечатана въ недавно вышедшемъ новомъ изданіи книги И. И. Иванюкова «Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени» М. 1891 гл. V-я). Выступая второй разъ со статьей, касающейся рабочей конференціи въ Берлинѣ, почтенный журналъ тѣмъ самымъ основательно подчеркиваетъ громадное значеніе вопроса о международной охранѣ рабочихъ и его интересъ для *русскаго* читателя, которому дороги судьбы *русскаго* рабочаго люда, какъ извѣстно, находящагося въ крайне печальномъ положеніи. Поразительные примѣры самаго грубаго нарушенія основныхъ требованій человѣчнаго обращенія съ русскими рабочими найдутся даже въ учебномъ курсѣ политической экономіи («Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ экономическихъ явленій» М. 1891 со стр. 280) проф. Иванюкова, который воспользовался крайне любопытнымъ отчетомъ бывшаго московскаго фабричнаго инспектора, проф. И. И. Янжула. Гр. Л. А. Камаровскій обращался прежде всего къ характеристикѣ движенія, приведеннаго къ берлинской рабочей конференціи, и къ

принятымъ ею рѣшеніямъ по международной охранѣ рабочихъ. Починъ въ постановкѣ рабочаго вопроса на международную почву составляетъ заслугу Швейцаріи, въ національный совѣтъ которой еще 19 декабря 1880 г. внесено было предложеніе вступить въ переговоры съ промышленными государствами Европы относительно введенія *международнаго фабричнаго законодательства*. Попытка Швейцаріи въ этомъ направленіи въ 1881 г. не удалась. Циркулярной нотой къ европейскимъ державамъ отъ 15 марта 1889 г. эта попытка была повторена. На 5 мая 1890 г. въ Бернѣ уже была назначена конференція, приглашеніе на которую приняли восемь европейскихъ государствъ, какъ вдругъ появились 5 февраля того же года два извѣстныхъ рескрипта императора Вильгельма съ тою основною мыслью, что улучшеніе положенія рабочихъ безъ ущерба развитію національной промышленности невозможно внѣ международнаго соглашенія съ государствами, играющими роль на міровомъ рынкѣ. Обращаясь съ предложеніемъ къ европейскимъ государствамъ установить на конференціи извѣстныя границы для труда рабочихъ, Вильгельмъ созвалъ особый совѣтъ для предварительнаго зрѣлаго обсужденія, безъ всякихъ предвзятыхъ идей и исключительно съ точки зрѣнія практичности и пользы, закона объ охранѣ рабочихъ, который предполагалось внести въ палаты. Въ виду этого Швейцарія сдѣлала уступку Германіи, и конференція въ присутствіи делегатовъ отъ 13 государствъ состоялась не въ Бернѣ, а въ Берлинѣ. Авторъ статьи замѣчаетъ по этому поводу: «не оспаривая, что Германія обладаетъ несравненно большими *практическими способами дѣйствія*, чѣмъ маленькая альпійская республика, мы находимъ однако, что *для выработки международныхъ реформъ* такъ называемыя великія державы мало способны по своей склонности всюду ставитъ на первое мѣсто свой *собственный политическій интересъ* и даже проводитъ его *силою*». «У нихъ очень часто, продолжаетъ гр. Л. А. Камаровскій, при обсужденіи вопросовъ не *политическихъ*, а высокой *общечеловѣческой важности*, нѣтъ времени, охоты, и даже настоящаго безпристрастія» (стр. 48—49). Не менѣе основательно авторъ возстаетъ и противъ того, что на берлинскую конференцію не были приглашены представители Россіи и С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ виду своеобразности экономическаго строя этихъ государствъ, менѣе будто бы заинтересованныхъ въ жгучемъ рабочемъ вопросѣ. Но, говоритъ гр. Л. А. Камаровскій, когда «рѣчь заходитъ о болѣе или менѣ важныхъ вопросахъ, при приглашеніи на нихъ обсужденіе должно руководствоваться не политическимъ принципомъ *заинтересованности* тѣхъ или иныхъ правительствъ, а юридическимъ началомъ *равенства* всѣхъ государствъ». Точно также авторъ отмѣчаетъ, что напрасно не были приглашены къ участію на конференціи балканскія земли. Что касается постановленій берлинской рабочей конференціи, то они отличаются скромнымъ, осторожнымъ характеромъ, многаго вовсе не касаются, вездѣ облечены въ форму желательнаго, а не повелительнаго наклоненія, смяг-

ченнаго къ тому же многими оговорками. Переходя затѣмъ къ вопросу объ отношеніи къ международному урегулированію рабочей неурядицы въ западно-европейской литературѣ, гр. Л. А. Камаровскій останавливается на брошюрѣ Ролена-Жекмена, противника конференціи, хорошо группирующаго ходячіе доводы противъ послѣдней (принципіальное возраженіе Ролена-Жекмена это—то, что вся область соціальнаго законодательства, какъ и вопросы, вытекающіе собственно изъ гражданскаго права, по природѣ своей не подлежатъ международной регламентаціи) и на ясно популярно написанной книжкѣ Фульда, сторонника международнаго рѣшенія рабочаго вопроса. Фульдъ прямо начинаетъ съ признанія за фабричнымъ законодательствомъ національнаго характера, но это національное фабричное законодательство, по его мнѣнію, требуетъ себѣ основанія *международнаго*, если желательно, чтобы промышленность государства, покровительствующаго рабочимъ, не пострадала на международныхъ рынкахъ отъ конкуренціи со стороны государствъ или совсѣмъ не покровительствующихъ рабочимъ, или покровительствующихъ слишкомъ слабо. Разсмотрѣвъ доводы pro и contra, гр. Л. А. Камаровскій съ полнымъ основаніемъ долженъ былъ придти къ защитѣ идеи международной рабочей конференціи и берлинской въ частности. Успѣхъ соціализма въ наши дни нельзя объяснить происками и искусствомъ нѣкоторыхъ демагоговъ. Это явленіе слишкомъ глубокое, чтобы оно поддавалось такому легкому объясненію и вовсе не въ такихъ размѣрахъ пагубное, какъ многимъ кажется. Мало того: «спеціально соціализмъ, говоритъ авторъ (стр. 65), можетъ потерять характеризующее его революціонное направленіе, если правительство рѣшительно и умѣло усвоитъ себѣ тѣ изъ его задачъ, которыя осуществимы и дѣйствительно требуются благосостояніемъ населенія.

В. С—жевъ.

Влад. Ренненкампфъ. *Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка.* Кіевъ, 1890, 414 стр.

Чтобы «уяснить связь (воззрѣній кн. Бисмарка) съ современнымъ положеніемъ конституціоннаго права въ наукѣ и законодательствѣ» (стр. 3) г. Ренненкампфъ два отдѣла своей книги посвящаетъ «историческому очерку конституціоннаго устройства» и «обозрѣнію основныхъ началъ конституціонно-представительнаго строя». Въ историческомъ очеркѣ авторъ устанавливаетъ четыре періода развитія конституціоннаго права: въ первомъ, революціонномъ «преобладающими началами были: 1) права личныя и 2) народный суверенитетъ. Во второмъ (1814 — 1848): 3) государство и государственная власть, 4) раздѣленіе власти, 5) представительство вообще и въ частности—учрежденіе верхней палаты или сената. Въ третьемъ (1848—1870): 6) всеобщее голосованіе и огражденіе правъ меньшинства, 7) парламентарная система». Относительно 4-го пока еще нѣтъ возмож-

ности сдѣлать какое либо общее заключеніе (стр. 71). Такимъ образомъ авторъ усвоиваетъ схему, которую установилъ раньше его совершенно ясно и опредѣленно покойный проф. Градовскій (см. Государственное право Европейскихъ Державъ, стр. 513 и сл., а также 409 и др.) Самъ г. Ренненкампфъ признаетъ это, говоря, что «Градовскій устанавливаетъ то же дѣленіе конституціоннаго развитія на періоды, которому слѣдовали и мы» (стр. 71), но намъ кажется, что это примѣчаніе не совсѣмъ полно выражаетъ отношеніе между г. Ренненкампфомъ и Градовскимъ. Не только дѣленіе на періоды, но ихъ характеристика, приведенная у г. Ренненкампфа, хорошо знакома читателямъ еще изъ книги Градовскаго; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сличить стр. 513—516 Градовскаго съ стр. 38—40 Ренненкампфа. Г. Ренненкампфъ болѣе Градовскаго останавливается на литературѣ государственнаго права; такъ, напр., онъ довольно подробно излагаетъ ученіе Бенжамена Констана, тогда какъ Градовскій лишь упоминаетъ о немъ, какъ о представителѣ либерализма во второмъ періодѣ.

Мало самостоятеленъ и второй отдѣлъ книги. Такъ, 1-ая его глава представляетъ анализъ личныхъ правъ и народнаго суверенитета, какъ основныхъ началъ, на которыхъ «революціонный періодъ основалъ свои построенія государственнаго и общественнаго порядка». Тутъ указывается на неравенство личныхъ правъ, существовавшее въ XVIII вѣкѣ, говорится о вліяніи американской революціи на французскую, потомъ кратко излагается декларація правъ и послѣдующее законодательство, сначала развившее, потомъ ограничивавшее права личныя и народнаго суверенитета, и наконецъ указывается на отношеніе къ нимъ литературы; особенно обстоятельно авторъ останавливается на книгѣ Мэна, которая уже была изложена въ русской литературѣ (см. Л. Слонимскаго: «Основные вопросы политики», Спб. 1889, стр. 167, 188). При этомъ мы встрѣчаемся въ книгѣ съ нѣкоторыми недоразумѣніями.

Извѣстно, что нѣкоторыя надежды, возлагавшіяся прежде на всеобщее голосованіе и на парламентаризмъ, оказались преувеличенными, и потому въ Западной Европѣ установилось къ нимъ критическое, порою даже отрицательное отношеніе: г. Ренненкампфъ составилъ цѣлый букетъ изъ враждебныхъ отзывовъ Жюля Симона, Мэна и др. болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, и пришелъ къ такимъ выводамъ: «факты (правильнѣе было бы сказать не факты, а отзывы приведенныхъ писателей) показали, что неограниченное народное полновластіе отличается узкостью интересовъ, страстностью, несправедливостью и необузданнымъ подавленіемъ личности и меньшинства». Въ подтвержденіе вывода дѣлается ссылка на книгу A. Prins: La democratie et le regime parlementaire (94). Въ С. Америкѣ «даже абсолютные демократы, считавшіе всеобщее голосованіе кореннымъ условіемъ свободнаго государственнаго порядка, постепенно теряютъ довѣріе къ нему; они сознаются, что на практикѣ оно сдѣлалось» естественной почвой истинной тиранніи, исполненной инстинктовъ и стремленій самыхъ темныхъ, эгоистическихъ, враждебныхъ всякому просвѣщенію и

всему возвышенному.... Мало удачнымъ оказалось примѣненіе всеобщей подачи голосовъ также въ Германіи, Даніи, Греціи и другихъ странахъ, допустившихъ ее въ большей или меньшей степени. «За сто лѣтъ своего существованія, заканчиваетъ г. Ренненкампфъ свою филиппику словами Пренса, всеобщая подача голосовъ дала результаты самые (!) неудовлетворительные и печальные».... «По общему убѣжденію, говоритъ онъ уже отъ себя, понижается уровень народныхъ представителей; достойные и лучшіе люди устраняются отъ выборной агитаціи, предлагаютъ же себя въ депутаты и ищутъ поддержки мѣстныхъ комитетовъ только худшіе элементы, (стр. 178—179). Парламентаризмъ, подчиняющій «всѣ силы и органы страны господству представительнаго большинства, которое превращается въ коллективную диктатуру съ покорными агентами министрами, готовыми исполнять съ увѣренностью въ безнаказанности всякое требованіе своего властителя», «мало соотвѣтствуетъ республиканскимъ учрежденіямъ» и еще менѣе согласуется съ конституціонно-монархическимъ принципомъ (стр. 203—204). Но приводя всѣ эти, неблагосклонные для парламентаризма, выводы, г. Ренненкампфъ игнорируетъ во имя чего именно они раздаются изъ устъ политическихъ мыслителей Запада. Спенсеръ въ «Изученіи соціологіи», въ статьяхъ: «Новый Торизмъ», «Грѣхи законодательства», (вошедшихъ въ его книгу: The man versus the state, на которой г. Ренненкампфъ почему то совсѣмъ не останавливается, хотя она могла бы ему дать не мало матеріала) и многихъ другихъ очень желчнымъ языкомъ, съ безпрестанными преувеличеніями, доказываетъ, что современные парламенты слишкомъ тщательно регламентируютъ тѣ стороны народной жизни, которыя должны быть совершенно свободны отъ посторонняго вмѣшательства. Со своими зловѣщими предсказаніями о «грядущемъ рабствѣ» онъ обращается къ современному обществу, которое, разъ оно убѣдится въ его правотѣ, съумѣетъ добиться полной свободы личности, пользуясь парламентами какъ прекраснымъ орудіемъ; этого только и желаетъ Спенсеръ, такъ какъ ему, конечно, чужда мысль, въ чемъ нибудь позавидовать тому общественному строю, который былъ въ Европѣ смѣненъ парламентаризмомъ. Не понявъ этого, г. Ренненкампфъ принимаетъ раздраженныя выходки, можетъ быть полезныя у себя дома, какъ указанія на то, что, добившись всеобщаго голосованія, человѣчество еще не всего добилось, за объективную и справедливую оцѣнку suffrage universel и парламентаризма; поэтому то онъ и доходитъ до заявленій, что всеобщее голосованіе враждебно всякому просвѣщенію, что къ нему теряютъ довѣріе даже крайніе демократы и проч. Между тѣмъ у него передъ глазами примѣръ Швейцаріи съ поголовною грамотностью и университетами на каждые $^1/_2$ мил. жителей, и ему должно быть хорошо извѣстно, что тамъ, гдѣ всеобщаго голосованія не существуетъ, какъ въ Бельгіи или Австріи, оно нынѣче такъ же, какъ прежде, составляетъ первый пунктъ всякой демократической программы, а тамъ, гдѣ оно существуетъ, всѣ демократы добиваются желательныхъ реформъ при его помощи, и ни одинъ

не думаетъ объ его отмѣнѣ. Самъ г. Ренненкампфъ указываетъ (ст. 146) на «развитіе соціальныхъ силъ», на свободу личную и права гражданъ, на связь между обществомъ и властью, какъ на завоеванія, сдѣланныя представительствомъ. Развѣ этого мало? Но «оно имѣетъ свои недостатки и обнаруживаетъ болѣзненныя явленія: борьбу интересовъ, партій» и др. Г. Ренненкампфъ не объясняетъ, почему борьба интересовъ и партій есть болѣзненное явленіе, и возможно ли правительство (по крайней мѣрѣ при существованіи экономическихъ различій), при которомъ не было бы этой борьбы.

Парламентаризмъ не соотвѣтствуетъ ни республиканскимъ, ни монархическимъ учрежденіямъ, по мнѣнію г. Ренненкампфа потому, что государственная власть.... для успѣха своей дѣятельности должна слѣдовать принципу разграниченія своихъ функцій, учреждая для каждой изъ нихъ соотвѣтственные органы, пользующіеся въ своей сферѣ относительною самостоятельностью. Полная парламентарная система нарушаетъ это правило, такъ какъ подчиняетъ всѣ органы страны господству одного парламента (стр. 203). Однако раньше (стр. 134) г. Ренненкампфъ утверждаетъ, что дѣйствительное раздѣленіе властей «противорѣчитъ понятію о единствѣ государства, дѣлаетъ государственную власть неспособною къ иниціативѣ», слѣдовательно, невозможность разграничить функціи государства нельзя ставить на счетъ одному парламентаризму.

Разсуждая о средствахъ излѣчить недуги современнаго общества, больнаго парламентаризмомъ, г. Ренненкампфъ указываетъ на проектъ Пренса введенія голосованія по категоріямъ избирателей: сельскимъ, городскимъ, научнымъ, литературнымъ, военнымъ, рабочимъ, и т. д. Признавая трудность проведенія этой мѣры, онъ называетъ ее «весьма привлекательной» (стр. 187—190). Странно, что, ссылаясь безпрестанно на «конституціонный опытъ», онъ игнорируетъ Австрію, въ которой сословная система выборовъ на практикѣ оказывается вовсе не привлекательной. Для устраненія недостатковъ собственно парламентаризма, г. Ренненкампфъ рекомендуетъ республикамъ сильную власть президента, независимую отъ парламента и министерства, избираемаго президентомъ не изъ состава палатъ (стр. 215—217), другими словами, уничтоженіе самой системы парламентаризма. Однако отсутствіе ея въ соединенныхъ Штатахъ нисколько не смягчаетъ рѣзкости отзывовъ г. Ренненкампфа о политическихъ нравахъ и состояніи этого государства (ст. 178). Въ монархіяхъ подобное преобразованіе мало примѣнимо, но «необходимость усилить государственную власть, соединить ее съ достаточной силой и сдѣлать независимой отъ партій и ихъ интересовъ» (стр. 131 и многія др.), сказывается повсюду. Фактовъ въ подтвержденіе своей мысли г. Ренненкампфъ приводитъ мало, а ссылки на публицистовъ не убѣдительны; къ тому же все это давно уже мы слышали отъ другихъ. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ пришелъ авторъ о роли Бисмарка въ исторіи конституціоннаго права.

Извѣстно, что Бисмаркъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ текущей

политической жизни, чрезвычайно легко измѣнялъ свои взгляды на самые основные вопросы (Ренненкампфъ, стр. 228, 236, 244, 245, 247, 408 и мн. др.). «То, что я сегодня защищаю, сказалъ однажды онъ самъ (см. Walcker, Kritik der deutschen Parteiens, Leipzig. 1897, отр. 4), черезъ одинъ-два года, можетъ быть, будетъ казаться мнѣ ошибкой прожитыхъ лѣтъ (als überwundenen Standpunkt ansehe), и мнѣ самому будетъ странно, какъ я могъ держаться такого взгляда». Благодаря этому, какъ признаетъ и г. Ренненкампфъ, «политическія воззрѣнія Бисмарка мало поддаются общепринятой полной систематизаціи» (248), но измѣнчивость убѣжденій онъ считаетъ однимъ изъ признаковъ глубокаго государственнаго ума канцлера: «щедро надѣленный всѣми дарами, необходимыми для государственнаго человѣка, онъ не только не имѣлъ систематическаго образованія (хотя и проходилъ курсы гимназіи и университета), но былъ врагомъ всякой узкой доктрины, увѣренный въ своей непогрѣшимости, и не любилъ стѣснять себя ни школьнымъ обученіемъ, ни опасеніемъ непослѣдовательности.... Воззрѣнія Бисмарка развивались вмѣстѣ съ жизнью» (стр. 226). Г. Ренненкампфъ, увѣренный, что только доктринеры всѣхъ партій обвиняли Бисмарка за измѣнчивость его мнѣній (стр. 244), не объясняетъ, почему узкость доктрины и увѣренность въ непогрѣшимости такъ тѣсно связаны съ систематическимъ образованіемъ, однако соглашается, что даже при отсутствіи систематическаго образованія, у Бисмарка было совершенно достаточно увѣренности «въ непогрѣшимости и благѣ своихъ плановъ» (стр. 406), которая впрочемъ нисколько не мѣшала ему съ силою нападать на то, передъ чѣмъ онъ наканунѣ преклонялся.

Но при этомъ условіи задача, взятая на себя г. Ренненкампфомъ, изложить воззрѣнія Бисмарка на «внутреннія основы государственнаго строя» на основаніи его рѣчей (стр. 3 и 247) врядъ ли исполнима. Можно говорить о вліяніи Бисмарка на конституціонную исторію или вообще на жизнь Германіи и Европы; говорить же о его міровоззрѣніи, какъ о чемъ то цѣльномъ, не приходится, разъ мы допускаемъ такую легкую измѣнчивость. Если же къ этому прибавить, что Бисмаркъ крайне «неразборчиво» пользовался всѣми средствами для достиженія своихъ цѣлей (стр. 140), могъ и скрывать свои убѣжденія и прямо лгать, то станетъ ясно, что его рѣчи—матеріалъ, совершенно недостаточный для его характеристики. Г. Ренненкампфъ, какъ бы предвидя это возраженіе, такъ отвѣчаетъ на него: «несмотря на всѣ измѣненія и противорѣчія въ частностяхъ, политическія воззрѣнія Бисмарка въ основаніи своемъ отличаются однимъ общимъ и постояннымъ характеромъ, который господствуетъ надъ всѣмъ ихъ содержаніемъ и направленіемъ» (стр. 408, тоже 364). Поэтому г. Ренненкампфъ ограничиваетъ «свое изслѣдованіе лишь воззрѣніями Бисмарка на внутреннія основы государственнаго строя и порядка», выразившіяся особенно полно и опредѣленно (стр. 225), хотя и «они страдаютъ постоянными видоизмѣненіями, непослѣдовательностью и даже противорѣчіями» (стр. 400).

Г. Ренненкампфъ излагаетъ взгляды Бисмарка, разгруппировавъ ихъ по слѣдующимъ 12 рубрикамъ: государство и церковь, государственная власть, королевская власть, министры, министерская отвѣтственность, бюджетный конфликтъ, автономія, рабочій вопросъ, народное представительство, верхняя палата, свобода парламентскихъ преній и публикація ихъ въ печати, выборы представителей и всеобщее голосованіе.

Въ первой изъ нихъ (стр. 251—262) приводятся отрывки изъ рѣчей Бисмарка о религіи и ихъ отношеніи къ государству. Каждое государство, говоритъ Бисмаркъ, должно имѣть христіанскую основу, иначе «государственные законы будутъ имѣть своимъ источникомъ не вѣчную правду, а шаткія и измѣнчивыя идеи гуманизма». «Въ виду этого не станемъ подрывать христіанскую вѣру народа». На этомъ основаніи въ 1849 г. Бисмаркъ возражаетъ противъ гражданскаго брака (стр. 252), хотя въ 1874 г. онъ самъ содѣйствовалъ его введенію, но содѣйствовалъ противъ своего убѣжденія, какъ утверждаетъ г. Ренненкампфъ, ссылаясь въ доказательство только на рѣчь, сказанную 25 годами раньше (261). Въ томъ же 1849 году онъ протестовалъ во имя народной вѣры противъ излишней вѣротерпимости, которая охраняла бы «вѣроученія демократическихъ мечтателей». Религіозное чувство «глубокое» (стр. 253) и «искреннее» (стр. 255), по отзыву Ренненкампфа (впрочемъ болѣе основанному на словахъ, чѣмъ на поступкахъ Бисмарка), сохранялась у Бисмарка всю жизнь и заставляло его говорить съ религіозной точки зрѣнія за смертную казнь и противъ эмансипаціи евреевъ (253). «Онъ однако полагалъ большое различіе между религіозною догмою и личною вѣрою, между господствомъ церкви и независимостью государства въ принадлежащей ему свѣтской сферѣ». Поэтому, когда католическое духовенство образовало сильную политическую партію и пожелало пользоваться вліяніемъ въ области мірской, то «Бисмаркъ сталъ на высоту независимаго, проницательнаго государственнаго человѣка и вступилъ въ рѣшительную борьбу съ папою и католическимъ духовенствомъ». Но и тутъ защиту государства противъ притязаній церкви Бисмаркъ объяснялъ своею вѣрой, повелѣвающей ему охранять основы государства. «Передъ нами не борьба вѣры и безвѣрія, а древняя битва властей свѣтской и духовной», говорилъ онъ. Государство немыслимо безъ Бога; каждая религія должна пользоваться равными правами; мы уважаемъ вѣру католиковъ, но не потерпимъ власти папы». «Онъ даже не преемникъ Петра: послѣдній грѣшилъ и горько оплакивалъ свои прегрѣшенія; нельзя ожидать того же отъ непогрѣшимаго папы» (стр. 259). Государственной власти «въ этомъ мірѣ принадлежитъ преобладаніе и первенство». Въ силу такого принципа Бисмаркъ провелъ рядъ законовъ, ограничивающихъ права католической церкви; несмотря на ожесточенную оппозицію, онъ гордо заявлялъ, что «не пойдетъ въ Каноссу ни тѣломъ, ни душой».

Таково содержаніе всего этого отдѣла книги г. Ренненкампфа. Та перемѣна въ политикѣ Бисмарка, которая извѣстна подъ именемъ паломни-

чества въ Каноссу, изложена у г. Ренненкампфа очень кратко, всего въ трехъ строкахъ: Бисмаркъ, «несмотря на свою желѣзную волю, долженъ былъ позднѣе пойти на уступки и даже искать примиренія съ папою».

Многія цитаты изъ рѣчей Бисмарка, которыя мы привели со словъ г. Ренненкампфа, безспорно очень интересны, но онѣ никоимъ образомъ не могутъ убѣдить въ существованіи общаго направленія во взглядахъ Бисмарка. Религіозное чувство, можетъ быть, проходитъ черезъ всю дѣятельность Бисмарка, но въ одну эпоху оно заставляетъ его отвергать гражданскій бракъ, въ другую проводить его, въ одну—бороться съ церковью, въ другую—мириться съ ней. Самъ Бисмаркъ оправдывалъ свою измѣнчивость ссылкой на временныя обстоятельства и на интересы государства, заставляющія его поступать такъ. Но подъ интересами государства можно разумѣть что угодно; Бисмаркъ же разумѣлъ кажется только интересы прусскаго королевскаго дома. Никогда не стѣснялся онъ безцеремоннымъ образомъ нарушать самыя законныя права иностранныхъ государей, какъ только это было выгодно Пруссіи, а отношеніе къ памяти императора Фридриха и къ нынѣ царствующему императору Вильгельму II, послѣ отставки, показываетъ, какъ будто, что даже честь и достоинство своего королевскаго дома отступаютъ для Бисмарка на второй планъ, когда задѣто его личное самолюбіе. Впрочемъ, чрезъ всю остальную дѣятельность Бисмарка красной нитью проходитъ одна мысль, или вѣрнѣе сказать, одно чувство: преданность дому Гогенцоллерновъ, стремленіе возвысить и усилить ихъ королевскую власть (стр. 270 и сл., 280 и сл.) и для этого укрѣпить государственное и военное могущество Пруссіи и Германіи. Когда Бисмаркъ говорилъ о процвѣтаніи и величіи «всего» народа и тѣмъ болѣе «всего» государства (Рен. стр. 263, 266, 269 и др.), то онъ разумѣлъ величіе дома Гогенцоллерновъ; онъ не прочь былъ говорить даже о свободѣ (стр. 324—325 и въ особенности 280), но и тутъ рядомъ со свободой народа онъ упоминалъ о свободѣ короля. Ради этого Бисмаркъ, «возведшій эгоизмъ государства на степень высшаго руководящаго начала», неразборчивый въ выборѣ средствъ (такъ его характеризуетъ Ренненкампфъ на стр. 409), однако, по мнѣнію г. Ренненкампфа, отличающійся необыкновенной прозорливостью (стр. 229, 231, 236, 241 и многія другія), то борется, то заключаетъ союзы съ такими силами, какъ парламентаризмъ, всеобщее голосованіе, католическая церковь, смотря по тому, можно или нельзя извлечь изъ нихъ пользу для власти Гогенцоллерновъ. Можно ли считать такой оппортунизмъ міровоззрѣніемъ, да еще политическимъ міровоззрѣніемъ?

Г. Ренненкампфъ отвѣчаетъ утвердительно. По его мнѣнію, Бисмаркъ взялся за практическое осуществленіе задачи, выдвинутой нашимъ временемъ: усиленіе государственной власти (411). Заслуга его, главнымъ образомъ, сводится къ тому, что онъ понялъ невозможность возвращенія къ прежнимъ формамъ жизни, понялъ «потребности настоящаго, новыя нарождающіяся силы» и потому стремился «не задержать ходъ исторіи,

а сочетать старыя вѣковыя основы съ новыми отношеніями», направляя новыя силы на пользу государства. Его дѣятельность уяснила «теоретическую слабость однихъ либеральныхъ стремленій, ослабила довѣріе къ исключительному господству индивидуализма, дала фактическія доказательства высокаго значенія государства и государственной власти», и потому имѣла «серьезное вліяніе на умы современниковъ» (стр. 411—414).

Едва ли это вѣрно. Бисмаркъ всею душою былъ на сторонѣ «старыхъ вѣковыхъ основъ». Какъ умный человѣкъ, онъ понялъ, что съ «новыми силами» ничего не подѣлаешь, и потому, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу, онъ готовъ былъ идти на сдѣлку съ ними, не прочь былъ ими руководить, чтобы направить, куда ему нужно. Но дѣлалъ онъ это вовсе не изъ сочувствія имъ, не изъ желанія создать новый лучшій строй, примиряющій старое съ новымъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Бисмаркъ былъ горячимъ противникомъ объединенія Германіи, къ которому тогда стремились «новыя силы» (стр. 288), боясь, что блескъ прусской короны потонетъ въ блескѣ демократической германской имперіи. Прошло 20 лѣтъ—и Бисмаркъ съумѣлъ утилизировать въ пользу Пруссіи національное движеніе. Въ томъ нѣтъ еще ни особенной политической прозорливости, ни опредѣленнаго политическаго міровоззрѣнія, а замѣчается лишь замѣчательный практическій умъ и энергія.

Точно также Бисмаркъ былъ непрочь пойти нѣсколько на встрѣчу рабочаго вопроса, когда создавалъ законы 1884 и 1889 гг. о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и отъ старости (стр. 335—347), чѣмъ надѣялся ослабить соціалъ-домократію и привлечь голоса рабочихъ на сторону правительства; въ 1882 г. онъ высказалъ сочувствіе (стр. 342) проекту законодательной регламентаціи рабочаго дня. Г. Ренненкампфъ склоненъ придавать этимъ фактамъ особенно серьезное значеніе. «Нельзя не признать высокой заслуги Бисмарка, говоритъ Ренненкампфъ, въ починѣ и энергическомъ проведеніи первыхъ мѣръ къ государственной помощи рабочему классу. Изъ рѣчей бывшаго канцлера видно, что его попеченія вызваны были сознаніемъ возвышенныхъ задачъ государства, глубокимъ пониманіемъ потребностей современныхъ обществъ и далеко не были похожи на тѣ попытки Наполеона III, которыя носили характеръ политической игры, для временнаго привлеченія симпатій рабочихъ. Починъ этотъ не остался безслѣднымъ» (стр. 349).

Выступая на общественную арену, Бисмаркъ былъ безусловнымъ противникомъ всеобщаго голосованія, открывающаго «двери революціоннымъ элементамъ», и связаннаго съ нимъ права сходокъ и ассоціацій, подрывающихъ, «авторитетъ государственной власти». По его тогдашнему мнѣнію представительное собраніе вовсе не выражаетъ и не можетъ выражать воли народа, къ тому же въ немъ исходъ голосованія зависитъ часто отъ случайнаго стеченія мелкихъ причинъ. Въ противоложность всеобщему голосованію Бисмаркъ отстаивалъ сословное представи-

тельство, «призванное королемъ для содѣйствія ему... а не для господства въ государствѣ» (стр. 231, 350—352, 381—382).

Прошло нѣсколько лѣтъ; прусская монархія встрѣтила оппозицію въ средѣ высшихъ классовъ общества, и Бисмаркъ, ища для нея поддержки, обратился къ всеобщему голосованію, которое провелъ, не смотря на рѣшительные протесты національ—либераловъ, до сихъ поръ еще не прощающихъ Бисмарку этой крайней мѣры (см. напр. Walker, стр. 6 и сл.). Вѣрно было замѣчено въ самой Пруссіи, что «введеніе всеобщаго голосованія было конечно спекуляціей бывшаго канцлера, надѣявшагося съ нашей помощью оттѣснить буржуазію». У Бисмарка была въ этомъ случаѣ и другая цѣль: предложеніемъ всеобщаго голосованія онъ надѣялся въ 1866 г. «парализовать австрійскіе проекты союзной реформы и привлечь къ себѣ нѣмецкія народныя симпатіи» (Ренненк. стр. 384). Наконецъ, какъ самъ онъ указывалъ нѣсколько разъ (см. Wilhelm Müller, Politische Geschichte der Gegenwart. Jahr 1886, стр. 51, J. 1884, стр. 137), онъ разсчитывалъ въ рейхстагѣ, большинство котораго должны составлять представители Пруссіи, найти опору противъ партикуляристскихъ стремленій Bundesrath'a. Итакъ, онъ сталъ лишь тогда на сторону всеобщаго голосованія, когда оно сдѣлалось полезнымъ прусской монархіи. Теперь, говоритъ Ренненкампфъ (стр. 353), онъ уже не отказываетъ германскому представительству въ общенародномъ значеніи, не отвергаетъ его знакомства съ чувствами и помыслами населенія». Однако и тутъ онъ рѣшительно борется противъ всякаго расширенія компетенціи парламента (стр. 354 — 355), въ случаѣ конфликта между нимъ и короной «отстаиваетъ право короны, пользуясь своей властью игнорировать требованія палаты» (стр. 352), пытается, хотя неудачно, ограничить свободу преній въ палатѣ и право опубликованія ихъ въ печати (стр. 373 — 380). Прошло еще нѣсколько лѣтъ; Бисмарку стало ясно, что надежда найти вѣрную опору въ рейхстагѣ обманула его, и его отношенія къ всеобщему избирательному праву измѣнилось снова; онъ снова перестаетъ признавать парламентъ истиннымъ выразителемъ мнѣній страны (стр. 387); скрывавшееся въ это время почти въ каждой его рѣчи презрительное отношеніе къ рейхстагу и его большинству вызывало крайнее раздраженіе въ этомъ послѣднемъ (см. W. Müller das J. 1887, стр. 22, das J. 1884, стр. 136). Чтобы измѣнить составъ парламента въ свою пользу, Бисмаркъ начинаетъ прибѣгать къ грубымъ полицейскимъ мѣрамъ давленія на выборы, проводитъ извѣстный противъ соціалистовъ законъ; все это весьма мало говоритъ о сочувствіи къ всеобщему голосованію. Въ рѣчахъ, впрочемъ, онъ говоритъ иное; такъ, въ 1884 г., когда онъ по прежнему настаивалъ на преслѣдованіяхъ соціалистовъ, онъ заявилъ, что радуется увеличенію числа соціалъ-демократовъ, желаетъ имъ дальнѣйшаго роста, и хотѣлъ бы, чтобы они наконецъ выступили съ положительными законопроектами вмѣсто одной отрицательной критики правительственныхъ мѣропріятій—(W. Müller. J. 1884, стр. 134).

Всегда и во всемъ временныя условія заставляли Бисмарка идти на сдѣлку то съ тою, то съ другою партіею и дѣлать тѣ или иныя уступки; въ нихъ однако никоимъ образомъ нельзя видѣть желанія Бисмарка создать государственный строй, сочетавъ старые и новые элементы. Самъ г. Ренненкампфъ принужденъ признать, что Бисмаркъ и подъ благомъ государственнымъ разумѣлъ, главнымъ образомъ, интересы и могущество матеріальное и возвелъ эгоизмъ государства на степень высшаго руководящаго начала... Потому-то въ понятіяхъ Бисмарка замѣчается бѣдность духовнаго элемента, непослѣдовательность въ выводахъ и неразборчивость въ средствахъ (стр. 409). Объ какихъ же идеяхъ, о какой теоріи можно говорить при такой бѣдности духовнаго элемента? Значеніе Бисмарка въ его практической дѣятельности, а не въ теоріяхъ государственнаго права; онъ, какъ Меттернихъ въ первую половину XIX в., былъ могучимъ бойцомъ за все старое; но онъ былъ способенъ дѣлать во время уступки «новымъ нарождающимся силамъ», и потому его дѣятельность оставила, можетъ быть, болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ дѣятельность Меттерниха. «Политическая дѣятельность Бисмарка, такъ заканчиваетъ Ренненкамифъ свою книгу, уяснила на дѣлѣ теоретическую слабость однихъ либеральныхъ стремленій, ослабила довѣріе къ исключительному господству индивидуализма, дала фактическія доказательства высокаго значенія государства и государственной власти, которая можетъ оказать странѣ величайшія услуги... Реальность доводовъ и очевидность успѣховъ Бисмарка оказали серьезное вліяніе на умы современниковъ... Бисмаркъ своею политическою дѣятельностью удовлетворилъ не только преходящія потребности своей Пруссіи и своего времени, но и оставилъ извѣстное наслѣдство для будущаго; можно думать, что его политическія воззрѣнія на значеніе государства и государственной власти, подтвержденныя убѣдительностью фактовъ непосредственной жизни, окажутъ вліяніе и на послѣдующее развитіе конституціоннаго строя». Недалекое, можетъ быть, будущее покажетъ, сколько увлеченія въ такой оцѣнкѣ дѣятельности Бисмарка.

В. Водовозовъ.

Л. Гордонъ. *Голосъ и Рѣчь. Общедоступное описаніе органовъ рѣчи и ихъ дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи.* Вильна. 1891.

«Руководимые желаніемъ принести посильную пользу людямъ, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, мы приложили всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать нашу книгу *общедоступной*. Съ этой цѣлью мы старались изложить сообщаемыя въ ней свѣдѣнія въ такомъ видѣ, чтобы они были понятны и для лицъ, мало или совсѣмъ незнакомыхъ съ медициной. Въ этихъ же видахъ мы помѣстили въ текстѣ большое количество рисунковъ съ подробнымъ ихъ описаніемъ и объясненіемъ». Кромѣ сво-

ихъ личныхъ наблюденій авторъ при составленіи книги пользовался такими компетентными источниками, «каковы труды Гельмгольца, Брюкке, Меркеля, Макса Мюллера, Бони, Гандмана, Мандля, Мекензи, Сикорскаго, Кона, и др.

Въ обработанной по этимъ источникамъ темѣ особенный интересъ для юристовъ-практиковъ представляютъ такіе, напримѣръ, вопросы: что такое рѣчь; рѣчь, какъ продуктъ душевной дѣятельности; функція мозговыхъ клѣточекъ; память; способность человѣка къ умозаключеніямъ; воплощеніе мысли въ слово; центры рѣчи, звуковой и двигательный; центръ пониманія, центръ зрительный, центръ письменный; пути, по которымъ проходитъ у человѣка звуковая и письменная рѣчь; правильное дыханіе, какъ основаніе рѣчи; значеніе упражненій въ вѣрномъ выговорѣ и свободной рѣчи; жесты и мимическія движенія; пороки рѣчи: пораженіе центральнаго аппарата рѣчи; разстройство памяти въ преклонномъ возрастѣ; напряженный умственный трудъ, какъ причина заиканія; условія, усиливающія и ослабляющія заиканіе; гимнастика легкихъ, голоса и артикуляціи; гимнастика связной рѣчи; косноязычіе, шепелявость, картавость, гнусливость, причины и лѣченіе ихъ; гигіена уха; болѣзни органовъ рѣчи, причины, признаки и лѣченіе ихъ.

Чтеніе книги д-ра Гордона наведетъ юриста на поучительныя мысли.

Слабость голоса подъ конецъ длинной рѣчи, случайная хрипота, робкое сомнѣніе, что голосъ вашъ не долетитъ до слуха «имѣющихъ уши»,— все это самымъ печальнымъ образомъ отражается *и на внутреннемъ* достоинствѣ рѣчи: вниманіе въ такихъ случаяхъ сосредоточивается на внѣшнихъ усиліяхъ голоса, на возможной экономіи его и, вслѣдствіе этого, отвлекается отъ внутренней работы сознанія; приходится, искусственно возвышая голосъ, искусственно же понижать содержаніе рѣчи и въ существѣ аргументаціи и объемѣ. Наоборотъ, когда голосъ служитъ намъ «вѣрой и правдой», мысль развивается свободно, творчество ея не ощущаетъ несносныхъ путъ, самоконтроль говорящаго (а онъ такъ необходимъ въ судебной рѣчи!) не чувствуетъ себя на привязи у звуковыхъ преградъ, и вниманіе слушателя не внушаетъ опасеній. Весьма обидная, конечно, но неизбѣжная, кабала внутренняго содержанія рѣчи отъ внѣшнихъ условій ея произнесенія очень наглядно раскрывается въ сопоставленіи *слышанной* рѣчи съ ея *печатнымъ изложеніемъ* при добросовѣстнѣйшемъ ея воспроизведеніи: та же самая рѣчь, которая поражала своею красотою слушателя, ея читателю можетъ показаться пустой безсодержательной болтовней, и, наоборотъ, самая блестящая и глубокая по содержанію рѣчь, но дурно произнесенная, лишь утомляетъ слушателя и съ восторгомъ воспринимается читающимъ. Подобные сравнительные результаты впечатлительности, вѣроятно, хорошо знакомы каждому, кому приходилось прочитывать выслушанную рѣчь. То же самое наблюдаемъ мы на публичныхъ чтеніяхъ, напримѣръ, когда голосъ и дикція чтеца приковываютъ вниманіе аудиторіи къ литературнымъ произведеніямъ, далеко его, сами

по себѣ, не заслуживающимъ, и—наоборотъ. Этому общечеловѣческому свойству *въ судоговореніи* принадлежитъ во всякомъ случаѣ очень видная, а при заурядномъ уровнѣ присяжныхъ — и преобладающая роль. Понятно отсюда, насколько всякій судебный ораторъ долженъ дорожить свойствами своего голоса и насколько,помимо него, нуждается въ нихъ и правосудіе въ своемъ устномъ процессѣ.

То же самое слѣдуетъ сказать и о слухѣ. Акустическія условія судебныхъ залъ никогда, какъ извѣстно, въ разсчетъ не принимаются; въ зданіи московскихъ судебныхъ установленій имѣется, напримѣръ, такъ называемая «овальная зала», въ которой всѣ поголовно оказываются глухими и безголосыми; судебнымъ рѣчамъ, свидѣтельскимъ показаніямъ, предсѣдательскимъ резюме внимаютъ лишь остроконечные своды причудливаго потолка, куда уносятся всѣ звуки перекликающихся голосовъ, а внизу стоитъ одинъ сплошной, неразличимый, бередящій нервы гулъ. Объ амбулаторныхъ судебныхъ сессіяхъ, открываемыхъ въ провинціи «гдѣ богъ пошлетъ»,—и говорить нечего. Между тѣмъ свидѣтели являются очень часто осипшими, слабоголосыми, конфузливыми, полагающими, что орать при господахъ неприлично; пропущенная или обманчиво заслушанная фраза, иногда слово, интонація даже порождаютъ ошибку въ изложеніи рѣчи, во взглядѣ, въ убѣжденіи и ведутъ къ самымъ прискорбнымъ qui pro quo, фатально отзывающимся и на исходѣ дѣла.

Благодаря всѣмъ такимъ неизбѣжнымъ условіямъ, обладающій слабымъ голосомъ или тугой на ухо ораторъ со страхомъ входитъ въ судебную залу и съ трепетомъ подымается со своей трибуны, когда наступаетъ «тяжкая минута» говорить. Въ свою очередь и слушающіе его рѣчь, хотя и не ощущаютъ ни страха, ни трепета, но теряютъ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ самъ говорящій: добрая доля ихъ вниманія расходуется только на то, чтобы уловить звуки, расходуется не только непроизводительно, но и въ явный ущербъ сознательному усвоенію слушаемой рѣчи. Напряженность *такого* вниманія такъ быстро утомляетъ мозгъ, обезсиливаетъ впечатлительность и память, что менѣе терпѣливые очень скоро совсѣмъ перестаютъ вслушиваться, а болѣе стойкіе запоминаютъ рѣчь лишь обрывками, или позабываютъ ее прежде, чѣмъ «удалятся въ совѣщательную комнату». Критическая оцѣнка въ такихъ случаяхъ—дѣло положительно немыслимое, и побѣдителемъ оказывается тотъ, кто... громче говоритъ.

Громкій голосъ и тонкій слухъ составляютъ, слѣдовательно, необходимое оружіе въ состязаніяхъ устнаго судебнаго процесса. Д-ръ Гордонъ учитъ насъ, какъ это оружіе оттачивать и держать въ постоянной исправности.

П. Н. Обнинскій.

Труды Высочайше разрѣшеннаго третьяго съѣзда представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Москва. 1891. Цѣна 1 р. 75 к.

Первое постановленіе съѣзда, на которомъ слѣдуетъ остановиться, гласитъ: «*признать трехдневный отпускъ для воспитанниковъ пріютовъ и колоній достаточнымъ*».

Еще на первомъ съѣздѣ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ было признано, что полезно и даже необходимо отпускать на нѣкоторое время воспитанниковъ домой.

Въ силу ходатайства перваго съѣзда министръ внутреннихъ дѣлъ установилъ *трехдневный отпускъ* воспитанниковъ. Второй съѣздъ ходатайствовалъ, чтобы въ этотъ срокъ не включалось время, необходимое на дорогу. Это ходатайство было утверждено. Затѣмъ второй съѣздъ постановилъ, чтобы до третьяго съѣзда оставить это правило въ видѣ опыта и чтобы къ третьему съѣзду получить свѣдѣнія, достаточенъ ли оказался на практикѣ трехдневный отпускъ? Практика блестяще подтвердила цѣлесообразность этой мѣры: почти всѣ пріюты высказались за то, что трехдневный отпускъ достаточенъ, больше увеличивать его не надо. Практика показала, между прочимъ, одну любопытную сторону вопроса объ отпускахъ: отпускать воспитанника лучше одного на честное слово, безъ провожатаго. Мальчику такъ льститъ оказываемое ему довѣріе, что почти не бывало случаевъ, чтобы воспитанникъ, отпущенный при такихъ условіяхъ бѣжалъ. Въ Рукавишниковскомъ пріютѣ были даже случаи, что мальчикъ, отпущенный съ дядькой, возвращался, и приводилъ съ собою совершенно пьянаго дядьку — факты довольно краснорѣчивые, не требующіе длинныхъ комментаріевъ.

Пропустивши нѣсколько постановленій, касающихся разныхъ детальныхъ вопросовъ, имѣющихъ большею частью формальный характеръ, мы должны остановиться на слѣдующемъ постановленіи съѣзда, которое заслуживаетъ полнаго сочувствія: «*Отказаться отъ возбужденнаго первымъ съѣздомъ ходатайства о пенсіяхъ служащимъ въ пріютахъ и колоніяхъ и тѣмъ отклонить предложеніе о предоставленіи имъ правъ государственной службы и сопряженный съ этимъ порядокъ опредѣленія и увольненія служащихъ*».

По поводу этого постановленія мы позволимъ себѣ привести небольшой отрывокъ изъ рѣчи г. Шимановскаго [1]): «Въ правилахъ 5 декабря 1886 года, которыя составляютъ органическую основу нашихъ исправительныхъ заведеній, говорится, что желательна частная дѣятельность въ дѣлѣ исправленія малолѣтнихъ преступниковъ [2]). Частныя общества

---

[1]) См. Труды III съѣзда, стр. 117 и сл.

[2]) Первая статья закона 6 декабря 1886 г. гласитъ: „*Независимо отъ учреждаемыхъ правительствомъ* пріютовъ для нравственнаго исправленія несовершеннолѣтнихъ, отдаваемыхъ туда по судебнымъ приговорамъ, къ учрежденію та-

могутъ имѣть значеніе, когда онѣ будутъ не только по наименованію частныя, но когда въ проявленіи своей воли онѣ будутъ частными дѣятелями. Спрашивается, что намъ предоставляется, если нашъ директоръ будетъ чиновникъ VII класса»?

Важное значеніе необходимо признать за постановленіемъ съѣзда, касающимся условнаго освобожденія. Постановленіе это формулировано слѣдующимъ образомъ: «*ходатайствовать о предоставленіи права условнаго освобожденія безъ указанія на* $^1/_3$ *срока приговора съ тѣмъ, чтобы освобождаемый не былъ моложе 15 лѣтъ и пробылъ передъ тѣмъ въ заведеніи не менѣе 2-хъ лѣтъ. Самое ходатайство возбудитъ лишь въ томъ случаѣ, ежели разработываемое нынѣ предположеніе правительства не будетъ соотвѣтствовать вышеуказанному желанію съѣзда*». Не оставилъ, конечно, безъ разсмотрѣнія третій съѣздъ и самый важный, поставленный въ очень печальныя условія почти во всѣхъ нашихъ пріютахъ, вопросъ о патронатѣ. По этому поводу съѣздъ высказывался такъ: «*Выразить желаніе, чтобы общества патроната возникли, не смѣшивая, по возможности, цѣли патроната съ иными цѣлями*». Это постановленіе должно быть разсмотрѣно въ связи съ слѣдующими двумя постановленіями съѣзда, касающимися вопроса объ ограниченіи родительской власти:

1) «*Возбудить ходатайство о томъ, чтобы вопросъ объ ограниченіи родительской власти, поднятый еще первымъ съѣздомъ, былъ разсмотрѣнъ не въ связи съ общимъ пересмотромъ уложенія, а отдѣльно*»;

2) «*Возбудить ходатайство о предоставленіи исправительнымъ заведеніямъ и обществамъ, покровительствующимъ выпущеннымъ изъ таковыхъ заведеній, право заключать отъ имени выпущенниковъ, послѣ увѣдомленія о томъ родителей, условія съ хозяевами и мастерами, къ коимъ выпущенники будутъ помѣщены пріютами, колоніями и патронатами, при чемъ условія эти должны имѣть обязательную силу для выпущенниковъ и ихъ родителей*".

Вопросъ о патронатѣ, какъ мы уже замѣтили, является вопросомъ первостепенной важности; безъ патроната ни одно исправительное заведеніе не достигнетъ своихъ цѣлей. Эта необходимость патроната была сознана еще въ законѣ 5 декабря 1866 года, § 11 котораго гласитъ: «Выпущенные изъ пріюта несовершеннолѣтніе должны состоять въ те-

---

кихъ богоугодныхъ заведеній призываются также земство, общество и духовныя установленія, равно какъ и *частныя лица*". Изъ этой статьи вытекаетъ, что устройство пріютовъ принимаетъ на себя прежде всего правительство, которое призываетъ только себѣ въ помощь „земства, общества, духовныя установленія, равно какъ и частныя лица". Но въ дѣйствительности мы не имѣемъ пока ни *одного правительственнаго пріюта, а частныхъ* нынѣ существуетъ около 20-ти.

ченіе опредѣленнаго срока подъ покровительствомъ пріюта, который обязанъ оказывать возможное содѣйствіе въ дѣлѣ устройства ихъ будущности». Это покровительство должно послужить средствомъ для предупрежденія новаго уклоненія исправленныхъ въ пріютѣ дѣтей на тотъ порочный путь, съ котораго они удалены; «иначе, сказано въ объяснительной къ проекту запискѣ, всѣ плоды долгихъ заботъ и попеченій о нихъ, всѣ произведенныя на нихъ затраты, могли бы оказаться напрасными на первыхъ шагахъ самостоятельной дѣятельности. Всякій нуждается въ совѣтахъ и нѣкоторомъ покровительствѣ, тѣмъ болѣе необходимы они несовершеннолѣтнему, не имѣющему въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ благонадежныхъ и нравственныхъ родителей, а при томъ имѣющему еще загладить въ глазахъ общества прежнюю вину, за которую онъ былъ помѣщенъ въ исправительное заведеніе».

Но не смотря на все громадное значеніе этого вопроса, положеніе его въ нашихъ пріютахъ представляется въ самомъ жалкомъ видѣ. Вотъ, напримѣръ, какія свѣдѣнія мы находимъ объ этомъ въ трудахъ третьяго съѣзда: петербургская колонія откровенно заявляетъ, что она по вопросу о патронатѣ ничего не дѣлаетъ, она отказывается совсѣмъ отъ этой работы; другія общества, какъ, напримѣръ, Рубежевская колонія заявляетъ что есть предположеніе о патронатѣ. Нижегородская, Ярославская и Симбирская колоніи заявляютъ, что есть забота о выпущенныхъ, но въ чемъ именно забота заключается, это очень трудно опредѣлить. А между тѣмъ разверните отчетъ любой изъ вышеупомянутыхъ колоній, и вы найдете не одну страницу, гдѣ жалуются на отсутствіе патроната. Чѣмъ же объясняется такое прискорбное положеніе патроната въ нашихъ пріютахъ? Главныя причины этого, какъ намъ кажется, слѣдующія:

1) *Неограниченность родительской власти*, носящей въ нашемъ законодательствѣ характеръ римской patria potestas.

Во время пребыванія ребенка въ пріютѣ власть родителей парализуется властью пріютскаго начальства, парализуется до того, что пріютъ (напримѣръ, Рукавишниковскій) имѣетъ право даже воспретить всякія сношенія ребенка съ родителями, если найдетъ ихъ вредными. Но что дѣлать, когда ребенокъ выходитъ изъ пріюта? Какъ здѣсь парализовать родительскую власть, если она окажется вредной? Къ сожалѣнію, наше законодательство не даетъ на этотъ вопросъ никакого отвѣта; даже нашъ органическій законъ объ исправительныхъ пріютахъ 6 декабря 1866 г. въ этомъ отношеніи представляетъ громадный пробѣлъ. Справедливо замѣтилъ проф. Фойницкій [3]), что «законъ 1866 г., установляя *обязанность* патроната, не даетъ пріютамъ соотвѣтствующихъ для осуществленія ея *правъ*, какими могли бы быть только необходимыя ему права родительскія или попечительныя. Безъ нихъ начальство пріюта не можетъ заключить за выпущенника никакого обязательнаго для него дого-

[3]) Ученіе о наказаніи, стр. 478.

вора, и предоставляемое пріюту покровительство въ жизни на свободѣ не осуществимо». Въ виду этого нельзя не порадоваться прекрасному постановленію съѣзда, которое дополняетъ органическій законъ и по которому пріютъ имѣетъ *право* заключать за своихъ питомцевъ всевозможные договоры и обязательства помимо родителей.

2) Другая причина, тормозящая развитіе патроната въ нашихъ пріютахъ—это *безучастіе общества къ дѣлу исправительныхъ пріютовъ*. Въ большинствѣ случаевъ у насъ на всякаго рода благотворительность смотрятъ какъ на нейтральную обязанность, отъ которой стараются избавиться, пожертвовавъ извѣстную сумму денегъ. А между тѣмъ патронатъ есть такого рода благотворительность, которая требуетъ гораздо болѣе личнаго участія, чѣмъ денежнаго пожертвованія. Прекрасныя слова по этому поводу мы находимъ въ отчетѣ кіевскаго общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ за 1888 г.: «организація патроната, какая бы она ни была, мыслима лишь при не принудительномъ, а сознательномъ, я скажу болѣе, сердечномъ участіи въ этомъ дѣлѣ общества. Принять участіе въ совершенно постороннемъ лицѣ, хлопотать о томъ, какъ и куда пристроить его, слѣдить за его первыми шагами въ новой для него жизни, исходя изъ сознанія, что спасаешь человѣка, не изъ любви къ этому человѣку, а къ человѣку вообще,—для этого необходимо глубокое сознаніе и любовь—я напираю на любви, считая, что патронатство возможно лишь при этомъ условіи; она подскажетъ всѣ тѣ тонкости пріемовъ къ опекаемому, помимо своей воли, лицу, возбуждая въ немъ сознаніе добра, ему чинимаго, къ которому въ большинствѣ случаевъ онъ будетъ впервые относиться ежели не враждебно, то недовѣрчиво».

Лучшій способъ организаціи патроната, какъ указалъ опытъ заграничныхъ пріютовъ, это тотъ, когда патронирующимъ обществомъ является то самое, которое завѣдуетъ пріютомъ, при чемъ главное руководительство патронатомъ должно принадлежать самому пріюту. Такъ, § 1 устава меттрейской колоніи гласитъ, что общество, которое основало меттрейскую колонію, преслѣдуетъ двѣ цѣли:

«1)... давать дѣтямъ религіозное и нравственное воспитаніе, равно какъ элементарное образованіе, обучать ихъ какому-нибудь ремеслу, и пріучать, главнымъ образомъ, къ земледѣльческимъ работамъ;

2) Опекать этихъ дѣтей, по ихъ выходѣ изъ колоній, помѣщать ихъ, по возможности, въ деревняхъ ремесленниковъ или земледѣльцевъ; слѣдить за ихъ поведеніемъ и оказывать имъ всевозможное покровительство».

И, какъ извѣстно, главнымъ патрономъ является сама колонія, въ которой бывшіе воспитанники ея всегда находятъ пріютъ и работу. Результаты, которыхъ достигала меттрейская колонія, поразительны: были годы, когда процентъ рецидивистовъ падалъ до 2%. Подобный-же примѣръ представляетъ намъ Рукавишниковскій пріютъ: покровительство

выпущенниковъ тамъ правильно поставлено только съ тѣхъ поръ, какъ пріютъ принялъ его на себя.

Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ съѣзда, что «желательно, чтобы общества патроната не смѣшивали, по возможности, цѣлей патроната съ другими цѣлями. Нѣтъ, они именно должны смѣшивать двѣ цѣли—цѣль воспитанія порочнаго малолѣтняго съ цѣлью покровительства его, по выходѣ изъ заведенія. Вѣдь, патронатъ есть не что иное, какъ завершеніе воспитанія; поэтому, и осуществлять его должно то же учрежденіе, которое воспитываетъ.

Громадный также шагъ впередъ сдѣланъ тѣмъ постановленіемъ съѣзда, которымъ рѣшено: «*возбудить ходатайство о возможномъ упрощеніи формъ и обрядовъ въ судопроизводствѣ для малолѣтнихъ подсудимыхъ*». Это постановленіе стоитъ въ тѣсной связи съ двумя другими постановленіями съѣзда, сдѣланными въ томъ же засѣданіи; вотъ текстъ одного изъ нихъ: «*возбудить ходатайство о томъ, чтобы суду было предоставлено отправлять, а пріютамъ и колоніямъ принимать малолѣтнихъ, по осужденіи ихъ, до вступленія приговора въ законную силу*». Другимъ постановленіемъ рѣшено: «*возбудить ходатайство о предоставленіи пріютамъ и колоніямъ принимать малолѣтнихъ-подслѣдственныхъ, если заведенія найдутъ къ тому средства, не испрашивая на то каждый разъ особаго разрѣшенія*».

Честь возбужденія вопроса объ упрощеніи формъ и обрядовъ судопроизводства для малолѣтнихъ подсудимыхъ принадлежитъ Рукавишниковскому пріюту, въ докладѣ котораго мы читаемъ по этому поводу слѣдующее: «Формы и обряды судопроизводства какъ по предварительному, такъ и по судебному слѣдствію установлены нынѣ совершенно одинаковые для взрослыхъ и для малолѣтнихъ подсудимыхъ. Такого рода постановка вопроса не можетъ быть сочтена правильною. Разъ уже допущено воззрѣніе и законодательствомъ и толкованіями сената о необходимости главную заботу прилагать къ исправленію малолѣтнихъ преступниковъ, а не къ наказанію ихъ, то необходимо и дѣйствія судебной власти поставить въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ конечною цѣлью, состоящей въ нравственномъ перерожденіи малолѣтняго. На сколько распоряженіе сената по судебному вѣдомству о возможно длинныхъ срокахъ приговоровъ для малолѣтнихъ преступниковъ соотвѣтствуетъ этой конечной цѣли, на столько же сложность обрядовъ и формъ суда идетъ въ разрѣзъ съ этой цѣлью; не могутъ быть признаны полезными многочисленные и не всегда нужные для уясненія дѣла вопросы и передопросы малолѣтнихъ, нахожденіе ихъ за рѣшеткою, охраненіе малолѣтняго двумя жандармами съ саблями на голо, сознаніе адвокату и несознаніе суду и проч. Рукавишниковскому пріюту приходилось убѣждаться нерѣдко, что сложная обрядность суда и торжественность его пріемовъ относительно дѣтей-подсудимыхъ отзываются вредно на малолѣтнихъ и въ значительной мѣрѣ затрудняютъ достиженіе цѣли пріюта; настоящіе обряды и торжествен-

ность суда или возбуждаютъ большое самомнѣніе въ малолѣтнемъ, или производятъ на него мучительно-гнетущее впечатлѣніе; то и другое для дѣтей нежелательно; первое же прямо опасно». Результатомъ этого прекраснаго доклада и было вышеупомянутое постановленіе съѣзда.

Дополненіемъ этого постановленія являются стоящіе съ нимъ въ тѣсной связи слѣдующія два, которыми рѣшено, для полнаго изъятія малолѣтнихъ изъ тюремной атмосферы, помѣщать ихъ въ пріютъ какъ во время предварительнаго слѣдствія, такъ и по осужденіи ихъ, до вступленія приговора въ законную силу. Отъ этихъ постановленій можно ожидать самыхъ благихъ послѣдствій. Тюрьма для малолѣтнихъ, какой бы короткій срокъ они въ ней не просидѣли, является школой разврата; содержаніе въ тюрьмѣ малолѣтнихъ—это ядъ для общества, такъ какъ этимъ подготовляется будущій контингентъ преступниковъ, которые явятся уже не criminels d'occasion, а преступниками «съ твердыми убѣжденіями и съ ясно намѣченными цѣлями». Нынѣшній почетный попечитель Рукавишниковскаго пріюта К. В. Рукавишниковъ лично передавалъ намъ однажды: «ребенокъ, при поступленіи въ подслѣдственное отдѣленіе подлежитъ всегда освидѣтельствованію; и въ большинствѣ случаевъ оказывается, что если такой ребенокъ провелъ хотя одну ночь въ тюрьмѣ, то почти всегда у него находятъ слѣды совокупленія; «изъ разспросовъ мы узнавали, что за одну ночь ребенка успѣвали насиловать трое или четверо». Фактъ вопіющій, не нуждающійся ни въ какихъ объясненіяхъ. Такое же развращающеее вліяніе оказываетъ на малолѣтнихъ и полицейская часть. Въ практикѣ Рукавишниковскаго пріюта былъ такой случай, что мальчикъ, арестованный за кражу (послѣ ознакомленія со всей его жизнью оказывалось, что это была его первая кража, на которой онъ попался), посидѣвъ въ части, выучился дѣлать двадцати копѣечныя монеты. Малолѣтніе пріучаются тамъ къ противоестественнымъ порокамъ. Сидятъ въ части они подчасъ очень долго, такъ какъ взрослые арестанты подъучиваютъ ихъ жаловаться на приговоры, подавать апелляціонныя и иныя жалобы. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и понятно важное значеніе устройства при исправительныхъ пріютахъ подслѣдственныхъ отдѣленій, куда бы малолѣтніе помѣщались на все время судебнаго слѣдствія. Такое отдѣленіе существуетъ пока только при одномъ Рукавишниковскомъ пріютѣ. Можно надѣяться, что послѣ третьяго съѣзда подобныя отдѣленія будутъ устроены и при другихъ пріютахъ и колоніяхъ.

Наконецъ, на съѣздѣ обсуждался имѣющій громадное значеніе въ дѣлѣ исправленія несовершеннолѣтнихъ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи. Не смотря на продолжительныя и горячія пренія, никакого постановленія съѣздомъ по этому вопросу не было сдѣлано, и онъ рѣшилъ «*оставить вопросъ о возможности и условіяхъ примѣненія тѣлеснаго наказанія открытымъ до слѣдующаго съѣзда*».

Вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ былъ поднятъ на съѣздѣ Рукавишниковскимъ пріютомъ, представившимъ объ этомъ обширный докладъ,

основное положеніе котораго сводится къ тому, что тѣлесное наказаніе (розги) въ виду указаній исторіи, практики и нѣкоторыхъ авторитетовъ—можетъ быть допущено въ исправительныхъ учрежденіяхъ для малолѣтнихъ, но лишь какъ экстраординарная мѣра въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ. Еще на первомъ съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ было сдѣлано единодушное постановленіе о томъ, что наказаніе розгами есть мѣра не желательная. И, дѣйствительно, никакъ нельзя согласиться съ тѣми практическими дѣятелями, которые видятъ въ тѣлесномъ наказаніи альфу и омегу всей воспитательной системы, единственный якорь спасенія. Какъ ни парадоксальна покажется наша мысль, но мы рѣшаемся утверждать, что именно по отношенію къ тѣмъ дѣтямъ, которые содержатся въ исправительныхъ заведеніяхъ, тѣлесное наказаніе не можетъ имѣть никакого примѣненія. Извѣстно, изъ какой среды выходятъ тѣ дѣти, которые попадаютъ въ исправительные пріюты; среда эта, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, низшій классъ городскаго населенія, мелкіе ремесленники; хорошо также извѣстны тѣ несложные педагогическіе пріемы, которые употребляются въ этой средѣ: сѣченіе розгами, битье ремнемъ, затрещены, оплеухи и т. п. Такимъ образомъ тѣлесное наказаніе не представляетъ для мальчика, прошедшаго такую школу, ничего особеннаго; оно не имѣетъ для него ни устрашительнаго, ни устыдительнаго характера, а потому не можетъ производить никакого впечатлѣнія и способствуетъ только, какъ показала практика, развитію самыхъ ужасныхъ противоестественныхъ пороковъ. Опытъ лучшихъ европейскихъ исправительныхъ заведеній показалъ возможность обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній. Пора уже и русскимъ исправительнымъ заведеніямъ придти къ заключенію, что слѣдуетъ вычеркнуть изъ списка наказаній — тѣлесное, согласиться, что наказаніе, позорящее, унижающее достоинство человѣка, не можетъ нравственно исправить его.

Таковы важнѣйшія постановленія третьяго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ.

Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Herausg. von. Dr. I. Conrad, Dr. L. Elster, Dr. W. Lexis, Dr. Edg. Loening. Zwölfte Lieferung. Jena. 1891.

Ничто такъ не характеризуетъ богатство Германіи интеллигентными силами, обладающими спеціальными научными знаніями, какъ та легкость и быстрота, точность и аккуратность, съ какой тамъ приводятся въ исполненіе обширныя литературныя и научныя изданія, требующія соединенія многихъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это свидѣтельствуетъ о той степени культуры, которая дѣлаетъ такое соединеніе силъ легко доступнымъ и осуществимымъ. На эти соображенія, въ данномъ случаѣ, насъ наводитъ выходъ въ свѣтъ двѣнадцатаго выпуска «Handwörterbuch'a der

Staatswissenschaften», о нѣкоторыхъ изъ прежнихъ выпусковъ котораго сообщалось уже читателямъ нашего журнала. Настоящій 12-й выпускъ, какъ и прежніе, заключаетъ въ себѣ весьма много интереснаго. Такъ, онъ даетъ свѣдѣнія о жизни и ученіяхъ многихъ писателей по общественнымъ наукамъ; между прочимъ о Кэри, Кэрнсѣ, Дюрингѣ, Ог. Контѣ, Кабе, Кампанеллѣ и др. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что многимъ изъ нихъ удѣляется сравнительно мало вниманія. Такъ, напр., ученіе Кабе изложено недостаточно полно, чего, однако, нельзя сказать въ такой же мѣрѣ о «Солнечномъ Царствѣ» Кампанеллы. Если объ Ог. Контѣ или о Кобденѣ въ этомъ выпускѣ сказано мало, то это объясняется тѣмъ, что многія стороны ученій этихъ писателей изложены или будутъ изложены въ другихъ выпускахъ, на что и даны точныя указанія. Изъ писателей, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ русской жизни въ этомъ выпускѣ, говорится о гр. Канкринѣ, денежно-кредитной реформѣ котораго посвящены были недавно въ нашемъ журналѣ статьи В. Т. Судейкина. Авторъ замѣтки о Канкринѣ въ описываемомъ Handbuch'ѣ проф. L. Elster такъ говоритъ о дѣятельности Канкрина, какъ министра финансовъ: «Конечно, онъ своимъ управленіемъ финансами достигъ многаго, но средства, которыми онъ пользовался, часто и не безъ основанія оспаривались. Черезъ ослабленіе частнаго кредита въ пользу государственнаго, черезъ созданіе крупныхъ государственныхъ мануфактуръ и обширной запретительной системы, для преуспѣянія вызванныхъ имъ въ жизнь государственныхъ фабрикъ, черезъ затрудненіе внутреннихъ сообщеній и т. п. онъ старался сдѣлать зависимыми отъ государства торговлю, промышленность и всѣ общественныя сношенія. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ настоящій меркантилистъ, что выступало также въ его односторонномъ предпочтеніи внѣшней торговли передъ внутренней». Что касается его экономическихъ воззрѣній, говоритъ авторъ далѣе, то они не представляютъ ничего, заслуживающаго вниманія. Изъ статей другаго рода въ этомъ выпускѣ заслуживаетъ вниманія обширная статья о доменахъ (государственныхъ имуществахъ). Нельзя не отмѣтить также статьи о парижской коммунѣ 1871 г., проф. G. Adler'a, въ которой довольно обстоятельно и безпристрастно изложена исторія ея возникновенія и конца, заведенные при господствѣ коммуны порядки во внутреннемъ управленіи и строѣ жизни. При этомъ, какъ и при каждой статьѣ, приведена подробная литература предмета. Нельзя не указать также на статьи о ссудныхъ кассахъ и объ разсчетныхъ палатахъ (Clearing-Houses), при чемъ послѣдняя статья заключаетъ въ себѣ статистическія данныя за рядъ лѣтъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что при этомъ выпускѣ разсылается объявленіе, изъясняющее, что журналъ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik будетъ съ этого года издаваться той же редакціей, какъ и Handwörterbuch, при чемъ увеличиваются и размѣры его. Сохраняя свой прежній характеръ, журналъ этотъ въ то же время будетъ стоять въ

тѣсной связи съ Handwörterbuch'омъ, давая своими статьями какъ бы дополненіе къ нему. Все это опять свидѣтельствуетъ о прочности и солидности задуманнаго предпріятія, и нельзя не пожалѣть, что наша литература и жизнь, нуждающіяся болѣе германской въ такихъ солидныхъ справочныхъ изданіяхъ, какъ описываемая, не заключаетъ въ себѣ ничего подобнаго.

Н. Кб.

Fraissinet. *Kultur Ingenieur Landwirthschaftliche Meliorationen und Wasserwirthschaft* mit einem Vorwort von Dr. V. Böhmert. Dresden. 1890.

Послѣ краткаго ознакомленія съ сельско-хозяйственными улучшеніями, сдѣланными въ различныхъ западно-европейскихъ странахъ, авторъ переходитъ къ изложенію организаціи мелiоративныхъ работъ во всѣхъ частяхъ Германіи, знакомитъ съ сельско-хозяйственнымъ законодательствомъ и съ практическимъ значеніемъ улучшеній для всего народнаго хозяйства. Вторая часть книги посвящена подробному изложенію дѣятельности правительственныхъ учрежденій въ этой области въ Саксоніи.

Въ виду интереса, возбужденнаго у насъ въ послѣднее время вопросами объ земледѣльческихъ улучшеніяхъ вообще и вопросами цѣлесообразной организаціи мелiоративнаго кредита, книга Фрессине, знакомящая съ тѣмъ, что сдѣлано нашими сосѣдями въ этой области, можетъ быть прочтена съ пользой. Особенное вниманіе удѣлено авторомъ вопросу объ организаціи техническаго спеціальнаго образованія и техническаго надзора надъ ходомъ мелiоративныхъ работъ.

Морицъ Мейеръ. *Главныя теченія въ современной политической экономіи.* Пер. съ 4 нѣм. изд. С.-Пб. 1891. 379 стр. 1 р. 50 к.

Странный выборъ дѣлаютъ иногда русскіе переводчики; такъ, напр., не переведена книга Toynbee: Industrial revolution in England, которая, несмотря на недостатокъ внѣшней обработки, чрезвычайно живо излагаетъ смѣну направленій въ англійской политической экономіи въ связи съ экономической жизнью страны, и вдругъ являются «главныя теченія» Морица Мейера, не имѣющія ровно никакихъ достоинствъ. Ихъ успѣхъ въ Германіи (3 первыхъ изданія разошлись въ 5 лѣтъ) объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что тамъ, среди общества, напуганнаго развитіемъ соціалъ-демократіи, книгѣ, рѣзко враждебной соціализму, почти всегда обезпеченъ сбытъ, и публика никогда не будетъ особенно строгой къ ея недостаткамъ. Казалось бы, что у насъ въ подобныхъ произведеніяхъ нѣтъ особенной надобности, тѣмъ болѣе, что въ русскомъ переводѣ уже существуетъ на ту же тему сочиненіе Лавелэ, при всей его поверхностности все же болѣе серьезное, чѣмъ книжка Мейера.

За своимъ очеркомъ самъ Мейеръ въ предисловіи признаетъ значеніе

лишь компиляціи (стр. IV и VII), но за то думаетъ, что ему удалось сохранить безпристрастіе и строгую объективность въ оцѣнкѣ взглядовъ борющихся нынѣ партій (стр. 4). Право компилятора пользоваться чужими изслѣдованіями Мейеръ такъ распространяетъ, что взглядъ Маркса онъ излагаетъ не на основаніи сочиненій Маркса, а по книгамъ Меринга, Барта и другихъ, въ чемъ добросовѣстно признается (см. ссылки на источники на стр. 184—217, въ особенности 206 и 209).

Затѣмъ его книга переполнена ошибками. Такъ, напр., въ ней основаніе національныхъ мастерскихъ во Франціи въ 1848 г. приписывается Луи Блану (стр. 154) [1]); покушенія Геделя и Нобилинга ставятся въ связь съ развитіемъ соціалъ-демократіи (стр. 190 и 364); анархиста Моста авторъ принимаетъ за соціалиста (стр. 261) и т. п. Авторъ плохо знакомъ даже съ хронологіей; такъ, по его словамъ, первый томъ «Капитала» Маркса вышелъ въ 1870 г. (стр. 187), тогда какъ въ дѣйствительности онъ появился въ свѣтъ тремя годами раньше. Встрѣчаются и гораздо болѣе грубыя ошибки; такъ авторъ называетъ налоги на доходъ—косвенными (стр. 26); можетъ быть, впрочемъ, послѣднія двѣ ошибки не болѣе, чѣмъ грубыя опечатки, но во всякомъ случаѣ это опечатки подлинника (стр. 112 и 15), а не перевода.

Самая критика соціализма чрезвычайно поверхностна и шаблонна. Соціализмъ есть теорія отрицанія (стр. 107); проектируемый имъ режимъ совершенно подавляетъ всякую свободу личности (258), уничтожаетъ всякіе стимулы къ совершенствованію; при немъ «все было бы правильно, однообразно, скучно; однимъ исполинскимъ прыжкомъ человѣчество возвратилось бы туда, съ чего начало, со всѣхъ высотъ культурной жизни къ ея первымъ зачаткамъ» (стр. 261—262); семейный очагъ разрушается (стр. 266), словомъ, наступаетъ конецъ всякой цивилизаціи (стр. 268). Можетъ быть всѣ эти соображенія были бы убѣдительнѣе, если бы были изложены въ образной формѣ, напр., въ романѣ (подобные романы даже существуютъ въ западныхъ литературахъ), но въ видѣ голыхъ сентенцій они ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу читателя; читатель не забываетъ, что «сами соціалисты довольно таки сильно колеблются познакомить насъ съ подробностями и частностями устройства своего будущаго государства», за что ихъ упрекаетъ Мейеръ (стр. 249), и колеблются, конечно, потому, что наука можетъ установить основной принципъ будущаго или желательнаго строя, но выясненіе частностей должна предоставить жизни, которая, вмѣсто того, чтобы дедуцировать выводъ ихъ посылокъ, преобразуетъ строй на основаніи не только эко-

---

[1]) Въ этомъ, впрочемъ, переводчикъ виноватъ больше, чѣмъ авторъ: въ русскомъ переводѣ сказано: „мастерскія, устроенныя республиканцами по *почину* Л. Блана“, что совершенно не вѣрно. Въ подлинникѣ говорится: „Welche die Republikaner nach L. Blanc's *System* eingerichtet hoffen“ (стр. 93); это все же ближе къ истинѣ.

номическихъ отношеній, но и созданныхъ тысячелѣтіями психологическихъ свойствъ человѣка; историческія отложенія отразятся на немъ, безъ всякаго сомнѣнія, такимъ образомъ, котораго предусмотрѣть нѣтъ никакой возможности; во всѣхъ деталяхъ это можно сдѣлать развѣ въ фантастическомъ романѣ, который однако, какъ это убѣдительно доказываетъ примѣръ Беллами, можетъ представить жизнь безъ права собственности на землю и капиталъ, однако вовсе не однообразную и скучную, со стимулами къ совершенствованію, съ прогрессомъ и цивилизаціей.

Моритъ Мейеръ дѣлаетъ также нѣсколько возраженій противъ экономическихъ воззрѣній соціализма, но и они не отличаются большой глубиной и не доказываютъ лучшаго знакомства съ политической экономіей, чѣмъ его нападки на соціалистическій идеалъ. По его мнѣнію, въ законѣ заработной платы Рикардо нѣтъ ничего «желѣзнаго и суроваго» (стр. 195) такъ какъ онъ говоритъ только, что доходъ и потребности рабочихъ болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ другъ другу. Авторъ видитъ явное противорѣчіе въ «системѣ» соціалистовъ въ томъ, что трудъ, единственный, по ихъ мнѣнію, создатель цѣнностей, обрекаетъ человѣка на вѣковѣчную нищету (стр. 205). Итакъ, по автору—это противорѣчіе системы, а не жизни.

При такомъ отрицательномъ отношеніи къ одному изъ теченій въ современной экономической литературѣ, авторъ признаетъ долю правды въ научномъ соціализмѣ и нѣкоторое значеніе соціалистической критики для развитія политической экономіи (стр. 270). По его мнѣнію, соціализмъ явился неизбѣжной реакціей противъ крайности индивидуализма смитовской школы и сошелся въ этомъ со всѣми «главными теченіями въ современной политической экономіи» (стр. IV). Главныя теченія, по Мейеру, кромѣ соціализма, — школы свободной торговли и историко-этическая.

Изложеніе ихъ ученій значительно лучше, чѣмъ изложеніе соціализма; однако неполнота (такъ авторъ просмотрѣлъ школу Генри Джорджа) и многочисленныя ошибки, подобныя приведеннымъ выше, лишаютъ книгу почти всякаго значенія.

В. Водовозовъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ двадцатипятилѣтнему юбилею новаго суда. Двадцатипятилѣтіе, истекшее со дня открытія новыхъ судебныхъ установленій въ Петербургѣ и Москвѣ, было отмѣчено какъ самими дѣятелями новаго суда, такъ и большинствомъ русской періодической печати. Скромность торжествъ, которыми въ обѣихъ столицахъ судебная корпорація ознаменовала свое четверть-вѣковое служеніе законности и справедливости, далеко не соотвѣтствовала, конечно, всему величію того дѣла, которое осуществлялось и осуществляется въ этомъ служеніи; но и не время устроивать большой праздникъ тогда, когда святое дѣло требуетъ для своего огражденія бдительности и мужества, можетъ быть, бо́льшихъ, чѣмъ когда либо. Придетъ пора, и для великаго торжества; а теперь стоящимъ на стражѣ приходилось не столько ликовать, сколько припоминать лишній разъ основныя начала своего служенія и почтить добрымъ и благодарнымъ словомъ своихъ предшественниковъ и учителей для того, чтобы въ самихъ себѣ освѣжить сознаніе руководящихъ началъ и поднять бодрость духа, а въ ближайшемъ окружающемъ—пристыдить лицемѣріе и смутить явное отступничество, еще не со вчерашняго дня прокладывающихъ, увы! не незамѣтный путь въ область русской юстиціи. Вторая четверть вѣка существованія новаго суда застаетъ его вѣрныхъ слугъ не въ праздничномъ настроеніи; но призывъ, который въ началѣ его жизни былъ обращенъ къ нимъ торжественно и величаво, тѣмъ болѣе способенъ ободрять ихъ въ настоящее время, ибо теперь онъ сталъ призывомъ самого народа, которому было время познать все достоинство истиннаго правосудія; теперь онъ сталъ настойчивымъ призывомъ общественной совѣсти, которая путемъ многихъ мукъ уразумѣла, что нѣтъ гражданина, гдѣ нѣтъ огражденной въ своихъ правахъ личности. И содержаніе такого призыва все то же: правда и милость да царствуютъ въ судахъ!

С. М.

Къ вопросу о классификаціи теорій уголовно - судебныхъ доказательствъ. Спрашивается, съ какого момента исторіи уголовнаго процесса можно говорить о теоріяхъ доказательствъ и ихъ классификаціи?

Въ древнемъ уголовномъ процессѣ, напр., въ римскомъ до-императорскаго періода, положеніе совершившаго преступленіе, взглядъ на него согражданъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе съ доказательствами были совсѣмъ иные, чѣмъ во времена, болѣе близкія къ намъ, и теперь. Тогда обсуждался не единичный поступокъ человѣка, вредный или опасный для общества и именуемый преступленіемъ, а разбиралась вся личность человѣка; совершеніе же имъ преступленія было только поводомъ къ тому. Теперь предметомъ судебнаго изслѣдованія сталъ отдѣльный фактъ изъ жизни подсудимаго, личность же его подвергается обсужденію лишь на столько, на сколько она проявила себя въ этомъ фактѣ. Вотъ, между прочимъ, почему мы видимъ въ до-императорскомъ Римѣ, въ его чисто-обвинительномъ процессѣ, и полную свободу представленія доказательствъ, даже полный произволъ. Въ качествѣ доказательствъ на судѣ фигурировали самые разнообразные факты, взятые даже изъ такого прошлаго подсудимаго, которое уже никакъ не касалось предмета обвиненія; ораторы—обвинитель и защитникъ—прибѣгали къ такимъ пріемамъ доказыванія, которые съ ясностью свидѣтельствовали, что повліять на мнѣніе судей о *всей* личности подсудимаго, о необходимости или невозможности покарать такого человѣка—ихъ главная и даже исключительная цѣль, ибо они обращались и къ чувству судей, и къ ихъ политическимъ вздядамъ, останавливали судейское вниманіе на разныхъ временныхъ государственныхъ интересахъ, требующихъ будто-бы оправданія или обвиненія подсудимаго, приводили въ судъ толпы порицателей и восхвалителей послѣдняго, людей, можетъ быть, ничего не знающихъ о самомъ преступленіи, но могущихъ сказать свое мнѣніе вообще о личности обвиняемаго, а его самого—вмѣстѣ съ домочадцами и друзьями заставляли съ плачемъ падать предъ судьями на колѣни, моля написать на дощечкѣ litteram salutarem (absolvo вмѣсто condemno). И чего только не происходило на судѣ: не брезговали рѣшительно ничѣмъ, лишь бы произвести эффектъ! Грязная, разорванная тога подсудимаго, трауръ его друзей и родственниковъ, обнаженіе его израненной на войнѣ груди (даже—если бы онъ обвинялся совсѣмъ не въ трусости, а, напр., въ лихоимствѣ, растратѣ), словомъ—пускалось въ ходъ все, лишь бы только это вліяло на приговоръ, на мнѣніе судей. Ученія, теоріи доказательствъ еще не было и быть не могло, и въ представленіи ихъ царилъ полнѣйшій произволъ.

Но вотъ—уголовное право перестаетъ быть частью политики, задачи судебнаго изслѣдованія съуживаются и одновременно точнѣе опредѣляются. Начинаетъ все больше и больше пріобрѣтать себѣ силу такой рядъ разсужденій. Цѣль уголовнаго суда—удовлетворяя потребностямъ общежитія, покарать только преступника и оправдать невиновнаго. Преслѣдуя такую задачу, судъ, по отношенію къ каждому подсудимому, долженъ убѣждаться

въ трехъ вещахъ: совершено ли преступленіе, совершено ли оно именно обвиняемымъ и виновенъ ли въ томъ послѣдній, т. е. на лицо ли тѣ условія, совершеніе при коихъ преступленія должно влечь за собою наказаніе. Тѣ же вопросы составляютъ предметъ и предварительнаго слѣдствія. Ясно отсюда, какъ важенъ для уголовнаго правосудія вопросъ о доказательствахъ, т. е. о тѣхъ фактахъ, которые имѣютъ своимъ назначеніемъ вызвать въ судьѣ убѣжденіе въ существованіи или несуществованіи какого либо обстоятельства, играющаго роль предмета судебнаго изслѣдованія. Иными словами, ясно, какъ необходимо установить условія, могущія дѣйствительно обезпечить возможно точное изслѣдованіе достовѣрности того индивидуальнаго прошлаго событія, которое подлежитъ судейскому разсмотрѣнію. То, что признается судьею, должно быть согласнымъ съ дѣйствительностью, должно быть истиною. А чтобы это было такъ, чтобы изрекаемое судьею не было плодомъ одного его личнаго мнѣнія, основаннаго, быть можетъ, на недостовѣрныхъ данныхъ, подъ вліяніемъ посторонніхъ обстоятельствъ, и надо подчинить составленіе такого мнѣнія, вѣрнѣе—убѣжденія, извѣстнымъ правиламъ, руководящимъ началамъ.

Съ этихъ поръ стало возможнымъ говорить о теоріяхъ уголовно-судебныхъ доказательствъ. Правила, руководящія начала создавались, разумѣется, постепенно. Сообразуясь съ временемъ, мѣстными условіями той или другой страны, съ ея историческими судьбами, эти руководящія начала окрашивались въ извѣстный цвѣтъ, запечатлѣвались въ разныхъ государствахъ разныхъ эпохъ различнымъ характеромъ, образуя въ своей совокупности ту или другую теорію. Сколько же этихъ теорій знаетъ наука уголовнаго процесса, какъ ихъ классифицировать?

Нѣкоторые процессуалисты, напр., проф. Фойницкій, перу котораго, очевидно, принадлежитъ и программа испытанія въ коммиссіи юридической по уголовному процессу [1]), и г. Щегловитовъ, авторъ статьи «Предѣлы изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи по судебнымъ уставамъ» (Журн. гр. и уг. пр. 1889 г., № 8), классифицируя всѣ теоріи доказательствъ, дѣлятъ ихъ на три разряда: теорію формальную, англо-американскую и свободной оцѣнки по внутреннему убѣжденію суда. Вотъ это то дѣленіе намъ и представляется ненаучнымъ, какъ невыдерживающее критики. Для подтвержденія своей мысли посмотримъ, напримѣръ, что говоритъ г. Щегловитовъ (стр. 122 и 123). «Теорія формальныхъ доказательствъ есть совокупность объективныхъ правилъ, обязательныхъ для судьи, опредѣляющихъ силу доказательствъ». Дѣйствительно, въ этой теоріи все предвидѣно, все предустановлено; судья не свободенъ придать извѣстному доказательству то или иное значеніе, онъ дѣйствуетъ машинообразно. Очевидно, авторъ указанной статьи, какъ и проф. Фойницкій, для разграниченія теорій доказательствъ, за основной признакъ

[1]) Ср. программу съ его курсомъ.

беретъ свободу или несвободу судьи въ оцѣнкѣ допускаемыхъ къ предъявленію доказательствъ. А коль скоро это такъ, «уголовный процессъ знаетъ» не «три системы, опредѣляющія силу доказательствъ», а только двѣ, такъ какъ англо-американская теорія, подобно теоріи свободной оцѣнки, является «отрицаніемъ системы формальныхъ доказательствъ». Послѣднія двѣ теоріи составляютъ простое подраздѣленіе одной системы и отличаются другъ отъ друга лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ и едва ли тѣмъ, что на континентѣ «законъ предписываетъ только нѣкоторыя отрицательныя правила» (напр., объ устраненіи сумасшедшихъ отъ свидѣтельства), тогда какъ въ Англіи существуютъ и положительныя, излагаемыя присяжнымъ судьею въ его резюме, и имѣющія «обязательный характеръ». Мы говоримъ «едва ли», потому что и по англо-американской теоріи положительныя правила обязательны не ratione imperii, а imperio rationis, а подобное можно видѣть и у насъ.

Классификація только тогда и полезна, когда она научна. Поэтому, желательно, чтобы процессуалисты, излагая ученіе о доказательствахъ, представляли дѣйствительно научную классификацію теорій. Для того же, чтобы читатель лучше уяснилъ себѣ разницу между двумя видами одной и той же теоріи—современной континентальной и англо-американской, надо только болѣе подробно остановиться на сравненіи ихъ деталей. Только при соблюденіи этихъ условій, читатели, особенно—студенты, и въ состояніи будутъ уяснить себѣ вообще ученіе о доказательствахъ и оцѣнить по достоинству оттѣнки видовъ одной и той же системы; иначе же—въ умѣ ихъ всегда останется нѣкоторая неясность, путаница понятій.

Сергѣй Викторскій.

Законодательство объ эмиграціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ январьской книжкѣ французскаго журнала «Revue d'économie politique» за нынѣшній годъ помѣщена интересная статья профессора коллегіи Колумбія въ Нью-Іоркѣ Ричмонда Майо Смита о новѣйшихъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ и проектахъ, касающихся эмиграціи; она знакомитъ съ государственными въ Соединенныхъ Штатахъ воззрѣніями на постоянный приливъ населенія изъ европейскихъ государствъ.

Еще весьма недавно Соединенные Штаты охотно принимали эмигрантовъ: нужны были рабочіе и ихъ старались привлекать раздачей общественныхъ земель и всякими другими средствами. Благодаря приливу рабочихъ силъ изъ Европы, многія мѣстности въ самое короткое время достигли значительнаго матеріальнаго прогресса. Отдѣльные штаты соперничали между собою въ льготахъ, какія даровались переселенцамъ; часто они сами учреждали агентства для содѣйствія эмигрантамъ. Такой политики держались въ Штатахъ до конца семидесятыхъ годовъ. Хотя скопленіе большаго числа пришлыхъ людей, не обладавшихъ достаточнымъ образованіемъ и не привыкшихъ къ свободной политической жизни,

породило не мало неблагопріятныхъ явленій въ большихъ городахъ; хотя щедрая раздача земель желѣзно-дорожнымъ обществамъ для привлеченія ихъ къ постройкѣ новыхъ линій была связана съ большими злоупотребленіями; но въ общемъ страна очень много выиграла, и не приходилось сожалѣть о томъ, что европейскіе рабочіе охотно переселялись въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Теперь положеніе измѣнилось: въ новыхъ рабочихъ необходимости уже не представляется, машины сокращаютъ число рабочихъ рукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе стали бросаться въ глаза темныя стороны наплыва эмигрантовъ. Такое настроеніе выразилось въ двухъ актахъ, регулирующихъ условія допущенія эмигрантовъ, въ актѣ 1882 г. и 1885 г.

До 1882 г. не было вообще распоряженій объ эмигрантахъ, исходящихъ отъ федеральнаго управленія; каждый штатъ, въ который прибывалъ эмигрантъ, принималъ свои мѣры для содѣйствія переселенцамъ, оказывалъ имъ помощь, когда они въ ней нуждались. Всего больше приходилось затрачивать штату Нью-Іорку, такъ какъ четыре пятыя всѣхъ эмигрантовъ прибывали въ нью-іоркскую гавань. Чтобы содержать больницы и покрывать другіе расходы, въ штатѣ Нью-Іоркъ владѣльцы пароходныхъ обществъ были обложены особымъ налогомъ по числу перевозимыхъ ими лицъ; но въ 1876 г. налогъ этотъ, по жалобѣ пароходовладѣльцевъ, былъ признанъ незаконнымъ, такъ какъ подобные налоги могутъ исходить отъ конгресса, а не отъ управленія отдѣльныхъ штатовъ. Тогда агенты, помогавшіе эмигрантамъ, и учрежденія, поддерживавшія ихъ на первыхъ порахъ, лишились всякихъ средствъ, и въ теченіе шести лѣтъ съ 1882 года штатъ Нью-Іоркъ выдавалъ необходимыя деньги изъ своихъ собственныхъ кассъ. Такъ какъ этому штату приходилось платить за эмигрантовъ, которые разселялись очень скоро по другимъ штатамъ, то конгрессъ въ 1882 г. разрѣшилъ взимать поголовный налогъ въ пятьдесятъ центовъ съ каждаго эмигранта и предписалъ съ этою цѣлью производить осмотръ прибывающихъ пароходовъ. Одинъ изъ пунктовъ закона 1882 г. гласитъ, что если при осмотрѣ пароходовъ между пассажирами окажутся осужденные, кромѣ политическихъ, сумасшедшіе, идіоты или вообще лица, не могущія сами о себѣ заботиться и потому нуждающіяся въ общественной благотворительности, то имъ не будетъ дозволено высадиться на берегъ; они должны быть доставлены обратно на счетъ пароходовладѣльцевъ, которые ихъ привезли.

Впрочемъ, этимъ правомъ пользовались съ большою осторожностью. Въ штатъ Нью-Іоркъ прибываетъ ежегодно отъ 300 до 400 тысячъ эмигрантовъ; въ силу закона 1882 г. было выслано обратно 157 чел. въ 1882 г., 294 въ 1883 г., 363 въ 1884 г., 322 въ 1885 г., 443 въ 1886 г., 289 въ 1887 г., 501 въ 1888 г. и 422 въ 1889; всего въ теченіе восьми лѣтъ 2791 чел. Кромѣ того, агенты сами содѣйствовали нѣкоторымъ въ возвращеніи на родину, такъ что всего было выслано въ этотъ періодъ изъ Нью-Іорка 8108 эмигрантовъ, между тѣмъ, какъ число

прибывшихъ въ гавань за эти годы простирается до 2.525,175 человѣкъ. Актъ 1882 г. носилъ чисто политическій характеръ и не имѣлъ особеннаго значенія. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ актъ 1885 г.: онъ уже носитъ чисто экономическій характеръ и имѣетъ своею цѣлью защиту труда туземцевъ. Содержаніе его сводится къ слѣдующему: частнымъ лицамъ, компаніямъ, корпораціямъ и товариществамъ запрещается оплачивать расходы по пріѣзду эмигрантовъ или вообще тѣми или иными средствами облегчать или содѣйствовать переселенію иностранцевъ, заключившихъ договоры на выполненіе какой-нибудь работы или договоръ найма въ Соединенныхъ Штатахъ. Всѣ такіе договоры незаконны, виновный въ нарушеніи закона платитъ 1000 дол. пени, а владѣльцы пароходовъ, привозящіе заключившихъ контракты эмигрантовъ, платятъ пеню въ 500 дол. Исключеніе сдѣлано только въ пользу актеровъ по профессіи, артистовъ, прислуги и ремесленниковъ, занимающихся ремеслами, неизвѣстными въ Соединенныхъ Штатахъ. Кромѣ того, съ 1887 г. всѣ лица, у которыхъ оказались контракты, высылаются обратно на родину на счетъ пароходовладѣльцевъ, которые ихъ доставили. Законъ этотъ носитъ строго экономическій характеръ; онъ имѣетъ въ виду защиту интересовъ туземныхъ рабочихъ и предупреждаетъ соперничество пришлыхъ рабочихъ, привлекаемыхъ въ страну предпринимателями для пониженія уровня платы. Всякая попытка рабочихъ улучшить свое положеніе путемъ ли стачекъ или другими средствами не достигаетъ цѣли, когда предприниматель во всякое время можетъ привлечь изъ Европы толпу пролетаріевъ, оплативши расходы по перевозкѣ и заключивши съ ними весьма выгодный договоръ. Но рабочіе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ не удовлетворены этимъ закономъ, они требуютъ болѣе строгаго его выполненія или установленія новыхъ ограниченій. Чтобы изучить этотъ вопросъ конгрессомъ были назначены двѣ коммиссіи. Первая изъ нихъ выработала въ 1889 г. послѣ тщательнаго изслѣдованія проектъ закона, который воспрещалъ пріѣздъ иностранцу, если окажется, что онъ идіотъ, сумасшедшій, нуждающійся, или можетъ сдѣлаться тягостью для общества, если онъ осужденъ за мошенничество или другое преступленіе или проступокъ, если онъ анархистъ, соціалистъ или полигамистъ, если онъ страдаетъ заразною болѣзнью, если онъ заключилъ договоръ письменный или устный на выполненіе работы или занятіе должности, будетъ-ли это у частнаго лица, въ торговомъ домѣ, обществѣ или компаніи, если онъ ѣдетъ по впередъ оплаченному билету или получаетъ необходимыя для переѣзда деньги по договору и т. д. Кромѣ того, число пассажировъ должно быть ограничено однимъ человѣкомъ на пять тоннъ; за каждаго эмигранта долженъ быть внесенъ налогъ въ 5 доллар. Наконецъ, каждый эмигрантъ, желающій переселиться въ Соединенные Штаты, долженъ за три мѣсяца до отъѣзда обратиться къ консулу или дипломатическому агенту ближайшаго города и заручиться свидѣтельствомъ для переѣзда. Чтобы снабдить эмигранта такимъ свидѣтельствомъ, консулъ

долженъ удостовѣриться въ личности эмигранта и потребовать отъ него доказательства, что онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, предъявленнымъ закономъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ къ эмигрантамъ. Лица, которыя пріѣдутъ безъ такого свидѣтельства, подлежатъ высылкѣ на родину.

Изъ этого видно, что коммиссія задалась цѣлью не только усилить надзоръ за эмигрантами и предупредить появленіе лицъ, не желательныхъ во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, но желала всѣми путями воспрепятствовать эмиграціи, обставить ее большими трудностями. Докладъ коммиссіи былъ представленъ на обсужденіе конгресса такъ поздно, что его не успѣли разсмотрѣть; проектъ поэтому не получилъ санкціи и законодательство остановилось на нормахъ 1882 и 1885 годовъ.

Въ 1890 г. была назначена для изученія вопроса объ эмиграціи вторая коммиссія, собравшая большой матеріалъ, но не выработавшая еще доклада для представленія конгрессу. При изслѣдованіи вопроса выяснились нѣкоторыя въ высшей степени любопытныя обстоятельства, побудившія коммиссію отнестись къ эмиграціи болѣе строго. Во первыхъ, выяснилось, что въ западно-европейскихъ государствахъ общины, благотворительныя учрежденія и частныя лицъ поощряютъ эмиграцію съ цѣлью уменьшенія расходовъ на содержаніе бѣдныхъ. Чтобы избавиться отъ лицъ, живущихъ на счетъ благотворительности, общины охотно поощряютъ эмиграцію; въ этихъ видахъ онѣ выдаютъ пособія на переѣздъ больнымъ, преступникамъ и т. п. Всѣ такія лица по прибытіи въ Соединенные Штаты очень скоро принуждены прибѣгать къ помощи благотворительности, что и побудило нью-іоркское общество обратиться съ воззваніемъ къ другимъ благотворительнымъ обществамъ для совмѣстнаго дѣйствія противъ наплыва эмигрантовъ. Общества же ходатайствуютъ предъ конгресомъ о томъ, чтобы страна была избавлена отъ людей, которые на родинѣ живутъ на счетъ благотворительности и которыхъ выселяютъ въ Сѣверо-Американскіе Штаты только для того, чтобы избавиться отъ непроизводительныхъ и порочныхъ членовъ общества. Во вторыхъ, коммиссія раскрыла много злоупотребленій со стороны пароходныхъ обществъ. Посредствомъ своихъ агентовъ они по всей Европѣ распространяютъ билеты на переѣздъ; въ Соединенныхъ Штатахъ они распространяютъ билеты, оплачиваемые лицами, желающими видѣть своихъ родственниковъ, друзей или близкихъ изъ Европы. Такъ какъ агенты преслѣдуютъ только полученіе условленнаго за распространеніе билетовъ вознагражденія, то они всячески привлекаютъ къ эмиграціи людей, которые сами не имѣли въ виду эмигрировать; они рисуютъ эмигрантамъ самыя заманчивыя картины и вызываютъ въ умахъ самыя превратныя и преувеличенныя представленія о высокихъ заработкахъ и прекрасныхъ условіяхъ жизни Соединенныхъ Штатовъ. Людямъ этимъ приходится скоро разочаровываться. Безъ знанія языка, безъ навыка къ трудовой жизни, безъ средствъ они очень скоро впадаютъ въ престу-

пленія или же ложатся тяжелымъ бременемъ на благотворительныя учрежденія.

Хотя американцы проникнуты идеей, что государство не должно слишкомъ вмѣшиваться въ сферу экономическихъ отношеній; но въ виду такихъ злоупотребленій со стороны пароходовладѣльцевъ, наживающихъ богатства на счетъ невѣжества массъ, они готовы предложить самыя жестокія мѣры, чтобы предупредить наплывъ эмигрантовъ. Предлагаемыя въ послѣднее время мѣры относятся ко всѣмъ народамъ безразлично, религія также не играетъ въ этомъ вопросѣ никакой роли; движеніе направлено противъ людей, которые были въ тягость своей родинѣ и которые грозятъ обратиться въ тягость Соединеннымъ Штатамъ. Американцы не провозглашаютъ принципа «Америка для американцевъ», они не устанавливаютъ никакихъ ограниченій для иностранцевъ въ избирательныхъ правахъ, они не возстаютъ противъ занятія иностранцами правительственныхъ или общественныхъ должностей; они охотно принимаютъ людей способныхъ, здоровыхъ, добропорядочныхъ, пріѣзжающихъ по собственной инціативѣ для улучшенія своего экономическаго положенія, а не вызываемыхъ предпринимателями для пониженія рабочей платы. Движеніе всего больше направлено противъ тунеядцевъ, людей невѣжественныхъ и порочныхъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что по прошествіи пяти лѣтъ они пріобрѣтаютъ всѣ права гражданства. Во многихъ штатахъ имъ предоставляютъ право голоса до этого срока, а между тѣмъ участіе ихъ въ выборахъ представляетъ большую опасность для правильнаго теченія общественной и политической жизни.

Итакъ, хотя дѣйствующіе въ Соединенныхъ Штатахъ законы 1882 и 1885 г. весьма мало ограничиваютъ свободу переселенія, но общественное мнѣніе склоняется къ выработкѣ болѣе строгихъ мѣръ для сокращенія эмиграціи, при чемъ главнѣйшими побудительными причинами является желаніе избавиться отъ непроизводительныхъ переселенцевъ и отъ людей, которые низкою рабочею платой могутъ повредить благосостоянію сѣверо-американскихъ рабочихъ.

Промысловые суды въ Германіи. Съ 1 апрѣля текущаго года въ предѣлахъ всей Германской имперіи вступилъ въ силу законъ отъ 29 іюля 1890 г. о промысловыхъ судахъ. Установленіе промысловыхъ судовъ (Gewerbegerichte) закономъ предоставлено усмотрѣнію общинъ; однако, если бы община не озаботилась учрежденіемъ промысловаго суда, несмотря на послѣдовавшее о томъ ходатайство предпринимателей или рабочихъ, то судъ учреждается центральнымъ областнымъ правленіемъ (Landescentralbehörde). Судъ можетъ быть учрежденъ для нѣсколькихъ общинъ и для болѣе дальнихъ общинныхъ союзовъ, но во всякомъ случаѣ это производится на основаніи устава, одобреннаго высшими правительственными властями. Промысловый судъ является судомъ первой инстанціи, безотносительно къ цѣнности иска, для всѣхъ такъ называемыхъ

промысловыхъ тяжбъ, къ числу которыхъ относятся тяжбы по вступленію, продолженію и прекращенію отношеній между работодателемъ и рабочимъ, по выдачѣ и содержанію рабочихъ книжекъ и свидѣтельствъ, по выполненію работъ, по вопросамъ о вознагражденіи и о штрафахъ, по вычетамъ и разсчетамъ, касающимся взносовъ въ кассу на случай болѣзни и падающимъ на долю рабочихъ и, наконецъ, по недоразумѣніямъ, возникающимъ между самими рабочими изъ-за исполненія ими общихъ работъ для одного и того же предпринимателя. Вѣдѣнію промысловыхъ судовъ принадлежатъ также тяжбы кустарныхъ промышленниковъ. Промысловый судъ состоитъ изъ предсѣдателя и опредѣленнаго числа членовъ, однако—не менѣе четырехъ; въ постановкѣ рѣшенія должны принимать участіе, кромѣ предсѣдателя, два члена; при болѣе важныхъ вопросахъ предписывается участіе бо̀льшаго числа членовъ. Члены промысловаго суда должны удовлетворять всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ должностныхъ лицъ суда, шеффеновъ и присяжныхъ; предсѣдатель суда и его замѣститель не можетъ быть ни работодателемъ, ни рабочимъ; онъ избирается мѣстными властями на срокъ не менѣе года. Члены промысловаго суда избираются на половину фабрикантами, на половину рабочими, посредствомъ закрытой баллотировки на срокъ не менѣе года и не болѣе шести лѣтъ. Избирательнымъ правомъ пользуются лица мужскаго пола, имѣющія не менѣе 25 лѣтъ и живущія или занимающіяся въ предѣлахъ округа даннаго промысловаго суда въ теченіе не менѣе года. Жалобы на производство выборовъ разрѣшаются высшими административными властями, на обязанности которыхъ лежитъ, кромѣ того, утвержденіе выбора предсѣдателя и его замѣстителя; однако, это правило не распространяется на лицъ, состоящихъ на государственной и общинной службѣ, отправляющихъ свою должность въ силу назначенія или съ утвержденія государственной власти, на все время отправленія таковой должности.

Дѣлопроизводство промысловыхъ судовъ въ общемъ напоминаетъ дѣлопроизводство по гражданскимъ искамъ безъ участія присяжныхъ, съ тѣмъ лишь существеннымъ различіемъ, что въ обыкновенномъ гражданскомъ процессѣ центръ тяжести лежитъ на борьбѣ тяжущихся сторонъ, при совершенно пассивномъ отношеніи суда, тогда какъ въ промысловомъ судѣ все дѣло сосредоточено на активной дѣятельности самого суда. Жалоба на рѣшеніе суда должна быть подана письменно, либо занесена въ протоколъ. Дѣлопроизводство публично. Члены суда принимаютъ участіе лишь въ устныхъ объясненіяхъ, все остальное возложено непосредственно на предсѣдателя. Представительство сторонъ черезъ адвоката въ отношеніи промысловаго суда не допускается. Рѣшеніе промысловаго суда, также какъ и рѣшеніе обыкновеннаго гражданскаго суда, можетъ быть обжаловано въ областной судъ (Landgericht), подъ условіемъ, однако, что цѣна иска превышаетъ 100 марокъ. Приведеніе приговора въ исполненіе совершается на основаніи общихъ постановленій гражданскаго процесса.

Судебныя пошлины весьма умѣренны: низшій размѣръ составляетъ 1 марку, высшій — не превышаетъ 30 марокъ.

Промысловый судъ можетъ функціонировать въ качествѣ третейскаго суда, въ случаѣ если между работодателями и рабочими возникаютъ разногласія относительно условій продолженія или возобновленія работъ и если съ обѣихъ сторонъ послѣдуетъ на то согласіе. Со стороны рабочихъ долженъ быть передъ третейскимъ судомъ представитель; со стороны работодателей представитель требуется въ томъ лишь случаѣ, если число ихъ болѣе трехъ; представители выбираются изъ среды непосредственно заинтересованныхъ. Дѣйствуя въ качествѣ третейскаго суда, промысловый судъ, кромѣ предсѣдателя, состоитъ изъ четырехъ членовъ, избираемыхъ на половину работодателями и рабочими; составъ суда, кромѣ того, можетъ быть пополненъ свѣдущими людьми; какъ члены третейскаго суда, такъ равно и свѣдущіе люди не могутъ быть изъ числа заинтересованныхъ лицъ. Изслѣдовавъ дѣло и спорные пункты, судъ дѣлаетъ попытку къ примиренію сторонъ; если примиреніе состоится, то объ этомъ составляется протоколъ, подписываемый членами суда и представителями обѣихъ сторонъ и публикуемый во всеобщее свѣдѣніе; если же соглашеніе не состоится, то третейскій судъ постановляетъ приговоръ, касающійся всѣхъ пунктовъ тяжбы, и сообщаетъ его представителямъ обѣихъ сторонъ, съ предложеніемъ высказаться относительно приговора въ теченіе опредѣленнаго срока времени. Неподача заявленія равносильна отказу. По истеченіи назначеннаго срока, рѣшеніе третейскаго суда вмѣстѣ съ поданными заявленіями публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Далѣе, промысловый судъ имѣетъ своею задачею давать заключеніе по разнаго рода вопросамъ, относящимся до промышленности, и, по поводу этихъ вопросовъ, обращаться съ представленіями къ мѣстнымъ властямъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ промысловыхъ судовъ, нѣкоторыя промышленныя тяжбы могутъ быть разрѣшены предсѣдателемъ общиннаго правленія той мѣстности, въ которой спорное обязательство должно быть осуществлено. Это рѣшеніе вступаетъ въ силу, если въ теченіе десяти дней оно не будетъ обжаловано обыкновенному суду.

Въ отношеніи аптекарскихъ помощниковъ и учениковъ, равно какъ и по отношенію къ рабочимъ на фабрикахъ и заводахъ, состоящимъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, настоящій законъ о промысловомъ судѣ не имѣетъ примѣненія; для горныхъ заводовъ и подземныхъ производствъ промысловый судъ учреждается по распоряженію мѣстнаго центральнаго правленія, при чемъ въ организаціи этихъ судовъ допущены нѣкоторыя измѣненія, обусловливаемыя особенностями горнопромышленнаго дѣла. (Изъ Вѣстн. Финансовъ Промышленности и Торговли).

Дмитрій Германовичъ Тальбергъ (некрологъ). 30-го мая скончался въ Кіевѣ ординарный профессоръ уголовнаго права универси-

тета св. Владиміра Дмитрій Германовичъ Тальбергъ. Покойный Дмитрій Германовичъ, младшій сынъ бывшаго инспектора студентовъ кіевскаго университета, родился въ Кіевѣ въ 1853 году, здѣсь получилъ воспитаніе въ кіевской 2-й гимназіи, по окончаніи которой въ 1870 г. поступилъ на юридическій факультетъ. Онъ окончилъ университетъ въ 1874 г. со степенью кандидата и золотою медалью за студенческое сочиненіе. Имѣя призваніе къ научнымъ занятіямъ, онъ остался при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію и поступилъ на службу въ центральный архивъ. По выдержаніи въ 1879 г. магистерскаго экзамена и послѣ защиты магистерской диссертаціи («Разбой и грабежъ по русскому праву»), онъ былъ назначенъ въ 1880 г. доцентомъ, а съ 1881 г. исправляющимъ должность профессора въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ. 1882 годъ онъ провелъ въ заграничной командировкѣ, а въ маѣ 1884 г. перешелъ на службу въ университетъ св. Владиміра, сначала въ качествѣ доцента, а затѣмъ профессора, на мѣсто покойнаго проф. А. Ф. Кистяковскаго. Въ 1887 г. онъ защитилъ диссертацію на степень доктора («Гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ») и получилъ званіе ординарнаго профессора. Покойный Дмитрій Германовичъ не обладалъ вообще крѣпкимъ здоровьемъ, а въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ его силы подтачивалъ злой недугъ (чахотка), причинявшій ему тяжелыя страданія. Крайнее разстройство здоровья и упадокъ силъ заставили его два мѣсяца тому назадъ выйти въ отставку. Покойный, несмотря на слабое здоровье и тяжелый недугъ послѣднихъ лѣтъ, непрерывно работалъ. Кромѣ двухъ диссертацій, онъ написалъ рядъ монографій, журнальныхъ статей и рецензій по своей спеціальности, а въ послѣдніе два года издалъ учебникъ по уголовному процессу. Покойный былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Юридическаго Вѣстника» и дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Юридическаго общества.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

второй томъ **Историческаго Обозрѣнія**, сборника Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, изд. подъ ред. Н. И. Карѣева. Цѣна 2 руб. (складъ при типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28).

СОДЕРЖАНІЕ. Іосифъ II-й и философія XVIII в., **А. М. Ону**. Общество голодовки, **Г. Е. Аѳанасьева**. Политическая экономія и теорія историческаго процесса, **Н. И. Карѣева**. Историческое Общество лѣтописца Нестора въ Кіевѣ, **Л. И. Нестроева**. Программа историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ, **В. Н. Беркута**. Новооткрытый трактатъ Аристотеля объ аѳинской демократіи, **В. П. Бузескула**. Обзоръ литературы по русской исторіи за 1888 и 1889 г. **А. И. Браудо**. Историческая хроника. Мелкія замѣтки. Историческое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1890 — 91 гг. Отчетъ о засѣданіяхъ исторической секціи Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ за осенній семестръ 1890 года.

Имѣется въ продажѣ I-й томъ. Цѣна **2** руб. **50** коп. Третій томъ предположено выпустить въ декабрѣ.

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **Годъ 3-й.**

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОТДѢЛА **Н. А. ЯНЧУКА,**

при участіи слѣдующихъ лицъ: проф. **В. Б. Антоновича**, проф. **Д. Н. Анучина**, проф. **Д. И. Багалѣя**, **Е. В. Барсова**, **П. М. Богаевскаго**, акад. **Ѳ. И. Буслаева**, **М. К. Васильева**, акад. **Александра Н. Веселовскаго**, проф. **Алексѣя Н. Веселовскаго**, **Э. А. Вольтера**, **Н. Л. Гондатти**, **А. Н. Грена**, **М. В. Доннаръ-Запольскаго**, проф. **М. С. Дринова**, **И. Е. Забѣлина**, **Н. К. Зейдлица**, **А. А. Ивановскаго**, **П. В. Иванова**, **А. А. Казмина**, **В. В. Каллаша**. **В. В. Кандинскаго**, проф. **А. И. Кирпичникова**, **М. М. Ковалевскаго**, проф. **Ѳ. Е. Корша**, **Г. И. Куликовскаго**, **И. И. Манжуры**, **Ю. Н. Мельгунова**, проф. **В. Ѳ. Миллера**, **П. Н. Милюкова**, **А. Н. Минха**, **В. М. Михайловскаго**, **Г. Н. Потанина**, **А. Н. Пыпина**, **Е. Р. Романова**, **А. П. Сапунова**, **В. И. Сизова**, проф. **И. Н. Смирнова**, проф. **А. И. Соболевскаго**, проф. **М. И. Соколова**, проф. **Н. Ѳ. Сумцова**, акад. **Н. С. Тихонравова**, **В. П. Тихонова**, **В. К. Трутовскаго**, проф. **Г. А. Халатова**, **А. Н. Харузина**, **Н. Н. Харузина**, **А. С. Хаханова**, **П. В. Шейна**, **Н. М. Ядринцева**, **Е. И. Якушкина** и др.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка, живопись и другія искусства.
4. Народная медицина.
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и. т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ изданія заключаетъ въ себѣ:

1) Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2) Подробный обзоръ, по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ **„Смѣси“** сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ **„Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“** помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также **приложенія:** портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая), приблизительно, въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.— въ мартѣ, 2-я—въ іюнѣ, 3 я—въ сентябрѣ, 4 я—въ декабрѣ.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес.

Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%. Допускается разсрочка по соглашенію.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехническій Музей*) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва).

Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ предприняло изданіе періодическаго сборника подъ названіемъ **„Историческое Обозрѣніе“**, поручивъ редактированіе его своему предсѣдателю проф. **Н. И. Карѣеву**.

Желая, чтобы въ этомъ изданіи были сосредоточены извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи историческихъ книгахъ, Комитетъ Общества обращается къ авторамъ и издателямъ историческихъ книгъ съ покорнѣйшей просьбой присылать въ Общество свои труды (начиная съ помѣченныхъ 1891 г.) съ краткими ими самими составленными замѣтками (Selbstanzeigen) объ этихъ трудахъ размѣрами отъ нѣсколькихъ строкъ до печатной страницы, дабы въ «Историческомъ Обозрѣніи» могла вестись систематическая библіографія съ краткими указаніями на содержаніе обозначаемыхъ въ ней трудовъ. Въ томъ случаѣ, если присланная книга не найдетъ рецензента, будетъ напечатана (цѣликомъ, въ изложеніи или сокращеніи) замѣтка ея автора, для чего такія замѣтки должны содержать въ себѣ то, что обыкновенно авторами пишется въ предисловіяхъ. Самыя книги будутъ поступать въ библіотеку Общества. Посылки могутъ быть адресованы (заказными бандерольными отправленіями) на имя Н. И. Карѣева въ С.-Петербургскій Университетъ (въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ на Воскресенскую почтовую ст. Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда).

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ **1891** ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки **8** р.	съ пересылкой въ другіе города **9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ **8** р. **50** к.	за-границей. . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала **2** рубля.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія **кассаціонныхъ департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ кас. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. Юридическаго Общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова*, рядомъ съ Публичною Библіотекою, *Мартынова*, Б. Морская, 30 и *Чичинадзе*, Невскій, 57; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. *Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.*

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 г.г. по 9 р. за каждый годъ, съ пересылкою, и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: **В. М. Володимировъ.**
(По отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе пятой книги:

I. Узаконенія и распоряженія правительства. — II. Личный составъ. — III. Юридическая природа авторскаго права. *Г. Шершеневича.*—IV. Перевоспитаніе преступника въ долгосрочной тюрьмѣ. *И. Мѣщанинова.* V. Критика и библіографія.—VI. Иностранная хроника.—VII. За мѣсяцъ (юридическая хроника).—Замѣтки. — VIII. Съѣздъ германской группы международнаго союза уголовнаго права въ г. Галле. *Б. Гурвича.* — IX. Обжалованіе слѣдственныхъ дѣйствій. *И. Щегловитова.*—X. Объ основаніяхъ возвращенія прокурорскимъ надзоромъ дѣлъ къ дослѣдованію. Кража или разбой? *К. С—на.*—XI. О преступности Крымскихъ татаръ. *Ф. Компанейца.* — XII. Одна изъ современныхъ нуждъ кассаціонной юстиціи. *Сенатскаго Регистратора* —Приложенія.—XIII. Калифорнское гражданское уложеніе. *А. Кларка.*—XIV. Объявленія.

000186940
ЮФ СПБГУ